

АПСНЫ АТЦААРАДЫРРАҚӘА РАКАДЕМИА

Д.И. ГӘЛИА ИХЪЗ ЗХУ АПСУАТЦААРАТӘ ИНСТИТУТ

АПСУАТЦААРА

АИ АУСУМТАҚӘА

Абызшәа
Афольклор
Алитература

Атыжымта 3

ББК 72.4(5Абх)я5+80(5Абх)я5
A17

Аредакциатә хеилак:

З. Җ. Җыапуа (аредактор хада), **А. Е. Ашәба** (атакзыпхыңәу амазыңыңәга), **У. Ш. Аөзба**, **Ц. С. Габниа-пхә**, **В. К. Зантария**, **М. Т. Лашәрия**, **Л. Р. Ҳаг-пхә**, **Б. Г. Җыонуа**

Аттыжъра иаздырхиеит:

А.Е. Ашәба, Ф.З. Кәарчелиа, З.Җ. Җыапуа

А 17 Апсуатцаара. АИ АУСУМТАҚӘА: Абызшәа. Афольклор. Алитература. – Ақәа: Алашара, 2009. – 258 д.

АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ

АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
им. Д.И. ГУЛИА

АБХАЗОВЕДЕНИЕ

ТРУДЫ АБИГИ

Язык
Фольклор
Литература

Выпуск 3

Сухум – 2009

ББК 72.4(5Абх)я5+80(5Абх)я5
A17

Редакционная коллегия:

З. Д. Джапуа (главный редактор), А. Е. Ашуба (ответственный секретарь), В. Ш. Авидзба, Ц. С. Габниа, В. К. Зантариа, М. Т. Ласуриа, Л. Р. Хагба, Б. Г. Джонуа

Подготовили к изданию:
А.Е. Ашуба, З.Д. Джапуа, Ф.З. Кварчелиа

А 17 **Абхазоведение. ТРУДЫ АБИГИ:** Язык. Фольклор. Литература. – Сухум: Алашара, 2009. – 258 с.

АТЦАКЫ
Содержание

АБЫЗШӘА ЯЗЫК

АРДЗИНБА В. Г.

Некоторые сходные структурные признаки хаттского и абхазо-адыгских языков..... 7

ЧИРИКБА В. А.

К этимологии гидронимов *Бзып* и *Мдзыимта*..... 21

ХЕЦИЯ А. Д.

Этнолингвистическое описание лексики охоты на куницу у абхазов..... 39

МАЛЛАЕВА З. М.

Этнолингвистический феномен Дагестана..... 56

ЧИРИКБА В. А.

Абхазские заимствования в мегрельском языке..... 64

СУЛТЫГОВА М. М.

История исследования отраслевой терминологии ингушского языка 126

ХАГБА Л. Р.

Культурная семантика концептов «народ» и «родина» в языковом сознании абхазов и абазин..... 134

АРШБА Н. В.

Особенности ударения в отрицательных формах глагола абхазского языка..... 140

КВАРАЦХЕЛИЯ Ш. М.

Языковое отражение ментальных особенностей ребенка (на примере произведений английской реалистической прозы XIX века)..... 152

АФОЛЬКЛОР ФОЛЬКЛОР

АБДУРАХМАНОВ А. М.

Типологическая общность формирования и развития сатирического рассказа в фольклоре и литературах Дагестана и Северного Кавказа..... 166

КЕАГЭАНИА В. А.	
Асазқәа ирызку атоурыхтә жәабжъ (Алагалажәеи анцамтәи).....	178
СОКАЕВА Д.В.	
К вопросу о соотношении обряда и фольклорного текста (мотив «стрельбы в цель»).....	187
БАРЦЫЦ-ПХА Н. С.	
Апхәызба лхәареи уи дымқазырсыз рұқынты лырхынхәреи ирызку апсуа фольклортә сиужет аилыркааразы.....	191

ЭТНОФОЛЬКЛОР

КУПРАВА А. Э.	
Влияние русского языка на антропонимию абхазов (XIX–XX вв.).....	198
КАНУКОВА З. В.	
Глобализация и традиционная культура.....	208
БОТЯКОВ Ю. М.	
Персонажи традиционного сельского сообщества: пастух, охотник.....	212

PERSONALIA

ЦЬАПУА З. Ц.	
А.А. Аншба 70 шықәса ихыңра иазкны (Аиубилеитә конференциағы ақәғылара).....	222
А.А. Аншба ихадароу иусумтақәа рсия.....	228
АНШБА А. А.	
Аепос ажанр аилкаарағы акрызтазкуа	232
ЧАНБА Р. К.	
В. З. Дарсалиа 70 шықәса ихыңра иазкны (Аиубилеитә конференциағы ақәғылара).....	241
В. З. Дарсалиа ихадароу иусумтақәа рсия.....	245
ДАРСАЛИЯ В. В.	
Не только о любви.....	274

В. Г. АРДЗИНБА

НЕКОТОРЫЕ СХОДНЫЕ СТРУКТУРНЫЕ ПРИЗНАКИ ХАТТСКОГО И АБХАЗО-АДЫГСКИХ ЯЗЫКОВ¹

Хаттский – язык древнейшего населения центральной Малой Азии. Клинописные памятники этого языка, относящиеся к II тыс. до н. э.², были впервые выявлены в богазкейских архивах хеттских царей и исследованы Э. Форрером (Forrer 1919; 1922³)⁴.

В своих работах Э. Форрер выдвинул гипотезу о генетическом родстве хаттского и абхазо-адыгских языков⁵. Идея Форрера основана на предполагаемом сходстве некоторых элементов фонетической системы хаттского и абхазо-адыгских языков, господстве префиксации в формо- и словообразовании этих языков, наличии ряда лексических совпадений⁶.

В свете идеи Форрера представляет интерес установленный И.М. Дунаевской факт типологического сходства структуры хаттского глагола и глагола одного из абхазо-адыгских языков – адыгейского (Дунаевская 1960: 73–77; 1961: 134 и сл.). Это сходство прослеживается, в частности в том, что в хаттском и адыгейском глаголе выделяется цепочка префиксов, которые располагаются в определенной последовательно-

¹ Статью к публикации подготовил Чирикба В.А.

² Большинство хаттских текстов составлено в новохеттский период. Некоторые же тексты, на основании дуктуса, датируются периодом Древнего Царства (Güterbock 1964: 109).

³ Далее – F. IuS.

⁴ Ср. также Hrozny (1920: 25–48).

⁵ Идея о тесных связях хаттского и абхазо-адгских языков, независимо от Форрера, была высказана и Р. Блейхштейнером в Bleichsteiner (1923) (эта работа нам неизвестна); его же: Bleichsteiner (1936: 400).

⁶ Гипотеза Форрера положительно оценивается некоторыми востоковедами и кавказоведами: Г.А. Меликишвили (1959: 77, 120, 168 и сл.); И.М. Дьяконов (1967: 172 и сл.); Г.А. Климов (1965: 80 и сл.); Т.В. Гамкрелидзе, Г.Г. Гиоргадзе, Э.А. Менабде (1961: 147); Ш.Д. Инал-ипа (1973: 1–13).

сти¹. При отсутствии одной или нескольких групп префиксов наличные префиксальные элементы смыкаются, а порядок остается таким же, как и в максимально возможной цепочке префиксов (ср. Яковлев, Ашхамаф 1941: 352 и сл.).

Точка зрения И.М. Дунаевской о сходстве структуры глагола хаттского и адыгейского языков поддержана также в работе И. М. Дьяконова (1967: 172)². Однако, отмечая упомянутое выше сходство, исследователи не сопоставляют хаттский с другими абхазо-адыгскими языками, в частности с абхазским и абазинским, исходя из того, что «между глагольной системой абхазского языка, с одной стороны, и адыгейского и кабардинского – с другой, нет полного структурного параллелизма» (см. Дунаевская 1960: 75; Дьяконов 1967: 173).

Между тем и для абхазского и абазинского языков также характерно фиксированное расположение префиксов глагола. Порядок размещения этих префиксов совпадает с дистрибуцией префиксальных элементов в адыгских и убыхском языках (см. Kuipers 1955: 202). Дистрибуция (расположение) префиксов в абхазском и абазинском, как и в адыгских, может меняться в зависимости от формы залога. Так, согласно Яковлеву и Ашхамафу (1941: 355), в продуктивном (переходном) залоге в адыгейском глаголе устанавливается следующий максимально возможный порядок расположения префиксов (от начала к корню глагола): 1 (объект) – 2 (место или отношение) – 3 (орудное дополнение) – 4 (дательное или местное дополнение) – 6 (субъект) – 7 (отрицание) – 9 (корень). Дистрибуция этих префиксов отражена в адыгейской глагольной форме *у-сэ-лъэгъу* ‘тебя-я-вижу’. Такой же порядок характерен и для сходной глагольной формы абхазского языка *у-з-бе(ит)* ‘тебя-я-увидел’ и с префиксом отрицания *у-зы-м-бе(ит)* ‘тебя-я-не-увидел’.

Глагольная форма продуктивно-побудительного (переходно-побудительного) залога отличается от формы продуктивного (переходного) залога наличием в ней префиксов 5 (косвенного объекта) и 8 (каузатива), представленных в адыгейск. *с-е-у-мы-гъэ-лъэгъу* и абх.

¹ Существуют различные точки зрения относительно числа префиксальных позиций в абхазо-адыгских и хаттском языках (8, 7 позиций в адыгских, ср. соответственно: Н.Ф. Яковлев, Д.А. Ашхамаф (1941: 355; М.А. Кумахов (1964: 155; 1967: 155 и сл.); ср. ниже и работу Куйперса, в которой устанавливается семь префиксальных позиций в абхазо-адыгских языках; 7, 10 позиций в хаттском, ср. соответственно: И. М. Дунаева (1961: 110 и сл.; 1973: 22); А. Kammenhuber (1969: 532).

² В работе И.М. Дьяконова приведены также некоторые, по-видимому, материально сходные, признаки хаттского и абхазо-адыгского языков, не отмечавшиеся другими исследователями.

с-и-у-мы-р-ба(н) ‘меня-ему-ты-не-показывай (давай видеть)’. Следовательно, такие особенности структуры глагола, как иерархический порядок размещения префиксальных элементов, наличие семи позиций префиксов (Kuipers ??1955: 202) и др., являются общим для хаттского, с одной стороны, и для абхазо-адыгских – с другой.

Обнаруживается и функциональное сходство некоторых префиксальных элементов хаттского и абхазо-адыгского глагола, как, например, префикса места хат. *ta-*, абх.-абаз. *ta-* и адыг.-каб. *m-*¹. В хаттском языке преф. *ta-* стоит на втором месте от корня. Между *ta-* и корнем глагола, видимо, может быть лишь преф. *-/ a-*. В некоторых случаях преф. *-/ a-* предшествует *ta-*². Префикс *ta-* имеет *h* значение «внутри, внутрь»³. Данное значение установлено, например, в следующих контекстах хаттско-хеттской билингвы KUB II, 2⁴.

- 1) (хат. II, 42) *ta-ba-ar-na ka-a-at-ti ta-ni-wa_a-aš/* (хет. II, 44) *nu-za la-ba-ar-na-aš LUGAL-uš [an-da e-eš-zı]* ‘И Лабана-царь внутри сидит’;
- 2) (хат. III, 52-53) ^d*Šu-li-in-kat-ti ka-at-tia-ta-ni-wa_a-aš ú-un- u-pi/* (хет. III, 56) ^d*Šu-li-in-kat-ti-iš-ša-anLUGUAL-ušan-dae-eš-zı* ‘Царь-бог Сулинкатти внутри сидит’;
- 3) (хат. III, 40-41) *pí-e-wi_i-il iš-pí-e-e-la-aš-te-e-ta-nu-u-wa⁵/* (хет. III, 43–44) *i-da-lu-uš-ši-kán UKÚ-aš É-ri an-da li-e ú-iz-zı* ‘Неблагой человек внутрь дома да не войдет!’.

В абхазо-абазинских и адыгских языках между преф. *ta-(t)-* и корнем глагола могут помещаться показатели каузатива, отрицания и некоторые другие. Префикс *ta-* в абхазо-абазинских языках имеет значение «внутри, внутрь». В адыгских преф. *m-* обычно значит «(находиться) на

¹ На возможную связь абх.-абаз. *ta-* с адыг.-каб. *m-* обратил мое внимание А.К. Шагиров. Считаю своим приятным долгом выразить ему признательность за ценные советы и консультации.

² Причины метатезы *-/ a-* (ср. *tu- -ta-šul*, *tu-t- a-ššul*) не ясны (ср. D u n a j e v s k a j 1973: 21). По мнению И.М. Дунаевской (1961: 108 и сл.), префикс *ta-* располагается на третьем месте от корня, а по Камменхубер (Kammenhuber 1969 : 532) – на пятом месте.

³ Ср., например, F. IuS 237.

⁴ Транслитерация контекстов билингвы KUB II, 2 дана по изданию: J. Friedrich (1960). Подробную литературу к билингве KUB II, 2 см. Kammenhuber (1969).

⁵ О том, что хат. *pē-wil* не относится к предшествующей фразе, свидетельствуют данные других контекстов билингвы KUB II, 2, согласно которым хаттские глагольные формы, переведенные на хеттский повелительным наклонением, всегда стоят в конце предложения (ср. ниже), а также то, что в хеттской версии термин «дом» содержится не в первой фразе (стк. 42), а во второй (стк. 43–44).

чем-либо» (см. Яковлев, Ашхамаф 1941: 280). Но в моздокском диалекте кабардинского языка, видимо, сохраняется и первоначальное значение адыгского преф. *m*- «внутри, внутрь»¹.

В абхазо-абазинских языках преф. *ta*- при изменении гласного получает значение: *бы*- «изнутри». Чередование гласных *a*/*ы* или *a*/*Ø* имеет место в таких глагольных основах, как *a-ta-ta-ra* «класть внутрь» – *a-ty-ta-ra* «выходить изнутри», *a-ta-ta-ra* «класть под» – *a-t-ta-ra* «выходить из-под» (Генко 1955: 171-172; Шакрыл 1961: 32; ср. также Deeters 1963: 29; Грамматика абхазского языка 1968: 157 и сл.; Клычев 1972: 5 и сл.). В этих основах гласный (*a*) встречается при направлении движения «туда», а при изменении направления – «сюда» гласный (*a*) либо опускается, либо переходит в гласный (*ы*) (Ломтатидзе 1953: 126 и сл.).

Глаголы, образованные от одной и той же основы с помощью чередования ее кратких гласных, выявлены и в адыгских языках². В этих языках формы на (*э*) указывают на движение внутрь, а на (*ы*) – движение наружу (Яковлев, Ашхамаф 1941: 40 и сл.; Яковлев 1948: 81 и сл.). Эти чередования гласных рассматриваются исследователями как архаическая черта абхазо-адыгских языков (см. Kuipers 1955: 199; ср. Бокарев, Климов 1967: 9).

Типологически сходные чередования, вероятно, использовались и в хаттском языке. На это, по-видимому, указывают следующие данные билингвы KUB II, 2: 1) (хат. III, 14) *a-an-ta- a-an*³ (хет. III, 17) *ta-za-kán* (глагол не сохранился, он находился на отбитой части таблички); 2) (хат. III, 46) *pala a-an-da- a/* (хет. III, 49) *na-at-kán an-da da-a-iš* «И эти (вещи) он внутрь положил»; 4) (хат. III, 19) *a-an-tu-u /* (хет. III, 21) *dāš-ma-za*; 5) хат. III, 45) *a-an-tu-u /* (хет. III, 48) *dāš-ma-za* «Взял же он себе (следующее)»; 6) (хат. III, 46) *ak-ka-tu-u /* (хет. III, 49) (*na-at*) *šarā dāš* («И эти вещи) он вверх взял».

В этих глагольных формах выделяют два корня: 1. *ta a* (*a-an-t/da a*, в котором *ā*- считается префиксом возвратности, соответствующим хеттской частице *-za* «себе» (Дунаевская 1961: 133), *a (a)n-*, возможно, показатель, субъекта, стоящего в единственном числе (Kammenhuber 1962: 21; 1969: 505, 512 и сл.), и *a-an-ta a-n*, где *-n* какой-то морфологический

¹ Об употреблении преф. *m*- в моздокском диалекте см. Кумахов (1964: 171).

² Ср., например, Deeters (1963: 29).

³ Восстановление в хат. III, 14 *ānta_an* (а не *āntu_an*) основано на том, что в хеттской версии содержится частица *-kán* (ср. об этом ниже). Об отсутствии соответствия хат. *ānta_an* в хеттской версии см. Дунаевская (1961: 79 и сл). Иначе: E. Laroche (1947: 89-90), Kammenhuber (1969: 480).

показательский показатель, значение которого пока не установлено); 2. *tu* (*a-an-tu* , (*a)kka-tu* , в последнем (*a)kka-* соответствует хет. *šarā* «вверх»)¹.

Как полагает И.М. Дунаевская (1961: 82), *ta* и *tu* – два разных глагольных корня. По мнению французского исследователя Э. Лароша, вопрос о том, имеются ли здесь два различных корня или же это «две чередующиеся формы одного и того же корня, обусловленные каким-либо морфологическим изменением», остается нерешенным (Laroche 1947: 94-95).

На основании единственного соответствия для хат. *ta a*, сохранившегося в хеттской версии билингвы в стк. 49 «и эти (вещи) он внутрь положил», можно предположить, что хат. *ta a* не является корнем глагола *a-an-t/da- a, a-an-ta- a-an*, а состоит из местного преф. *ta* «внутрь» и корня (+)*a*.

Другая же основа – *tu* , которая переведена на хеттский в билингве глаголом *dā-* «брать» (*dāš* 3 л., ед. ч., прош. вр.), видимо, образована от того же корня, что и *ta a* (*tu-*), посредством чередования гласных в основе: *a/u, a/Ø (t-a/t-u, -a/ -Ø; ta a/tu)*². Эти чередования гласных в основе можно было бы рассматривать как способ передачи направления действия: «туда» (*ta a*), «оттуда» (*tu*). Однако в других известных хаттских текстах аналогичные чередования гласных не обнаружены.

Данное предположение, видимо, можно подтвердить лишь тем, что хаттские глаголы, содержащие корни с исходом на гласный *-a*, переводятся на хеттский в двуязычных текстах с помощью вводящей предложение частицы *-kan*, содержащей указание на место (или на характер действия)³. Формы же, не содержащие в исходе корневой морфемы гласного *-a*, переводятся либо вовсе без *-kan*, либо передаются посредством частиц, синтаксически не равнозначных *-kan*. На эту особенность

¹ И.М. Дунаевская (1961: 81, прим. 59), установившая соответствие между хат. *akkatu_* и хет. *šarā dāš*, выделяет в *akkatu_* префикс в форме *ka-*, соответствующий хет. *šarā*. Ср. этот префикс как (*a)kka-*: Kammenhuber (1969: 524, 529).

² Отличие перевода хат. *ta_a/tu_* в хеттской версии билингвы не является веским доказательством того, что *ta_a/tu_* образованы от разных корней. При изменении направления действия может видоизменяться и смысловое значение основы, ср. ах. *а-та-ца-ра* «класть внутрь» и *а-ты-ц-ра* «выходить изнутри».

³ Согласно принятой точке зрения, хеттские частицы, в частности *-kan*, *-(a)šta*, передают местные отношения (Götze 1933: 16-30; O. Carruba 1964: 405-436; 1969; H.G. Güterbock 1964: 107-108; H. Otten und V. Souček 1969: 80-86). По мнению Джозефсона (Josephson 1972), частицы *-kan*, *-(a)šta* и др. выражают характер действия (здесь же на с. 1-29 подробная литература о частицах).

хаттско-хеттских билингв обратил внимание еще Э. Форрер¹. Однако наблюдение этого автора было оставлено без внимания исследователями хаттского языка.

Частица *-kan* использована, например, при переводе упомянутых выше глаголов *ānt/da a*, *ānta an*, в то время как хат. *āntu* и *akkatu* переведены без *-kan*. Кроме того, *-kan* встречается в переводах следующих хаттских глагольных форм в билингве KUB II, 2:

1) (хат. II, 51) *ta-aš-te[-e -k]a-zi-ya/* (хет. II, 54) *(-ma-ši)-kán* (NA₄) *anda lē kittari* «(Неблагой же камень) внутри да не лежит!»; 2) (хат. II, 53) *ta-aš-te-e -ka-az-zi-i-ya/* (хет. II, 55-56) *-kán... anda lē* «Внутри да не (лежат!)»; 3) (хат. III, 40) *ta-aš-te-nu-ú-wa/* (хет. III, 42) *-kán... [an?-da?]i-e-ú-iz-zi* «Внутрь? (же) он да не придет!»; 4) (хат. III, 41) *ta-aš-te-e-ta-nu-u-wa/* (хет. III, 43-44) *-kán... anda lē uizzi* «Внутрь (же) он да не придет!»; 5) (хат. III, 52) *ta-aš-tu-u-ta-šu-u-la/* (хет. III, 55) *-kán an-da li-e tar-na-a-i* «(Зло) внутрь да не впустит!»; 6) (хат. III, 51) *te-e-ta-a -šu-ú-ul/* (хет. III, 54) *-ašta... an-datar-ni-eš-ki-id-du* «Затем(добро) внутрь да впускает!»

Типологическое сходство хаттского и абхазо-адыгских языков обнаруживается и в принципах употребления редупликации. Последняя хорошо представлена в хаттском имени. Здесь встречаются редупликация (удвоение) целой основы, как, например, *pirpir*, *pilpil*, (*še-*)*munamuna* «камень фундамента», (*le-*)*šeरšer* «обувь», а также редупликация основы с изменением ее начального согласного: (*mu-*)*wakku-pakku* «молоток», *tuli-puli(-pu)*, *zilu-walu(-wa)* и др. (Kammenhuber 1969: 498 и сл.).

Употребление редупликации в глаголе хаттского языка считается неясным (Kammenhuber 1969: 496, 498). Между тем еще Форрер предположил, что в хаттском имеются глаголы с редуплицированным корнем и что редупликация означает в хаттском усиление значения корня. Он также считал, что хаттские редуплицированные глаголы переводятся на хеттский посредством итеративных глаголов на *-šk-* (F. IuS 238). Однако единственный пример, который привел Форрер для обоснования своего предположения, оказался сомнительным².

Тем не менее, соображения Форрера, по-видимому, подтверждаются на материале других контекстов хаттско-хеттских билингв. Так, в

¹ См. F. IuS 238. Вывод Форрера основан на чередовании хаттских глагольных форм с корнем *šula/šul* (ср. ниже).

² Эти сомнения связаны с тем, что в билингве KUB II, 2 хет. *tar-nešk-* «впускать» соответствует не хат. *te-e-ta-a_-šu^(?)-šu-ul*, как предположил Форрер, а лишь *te-e-ta-a_-šu-ul*. Маловероятно, но можно допустить, что правильно восстановление Форрера, а в тексте источника описка. Ср. KUB XVII, 28. II, 5 *tu-ut_-a-aš-šu-ul* (*tu-t_-a-šsul*) (Kammenhuber 1969: 445).

хеттской версии билингвы KUB XXVIII, 6 (см. F. IuS 239-241; Дунаевская 1961: 70-72; Kammenhuber 1969: 501, 509, 519 и др.), повествующей о яблоне, стоящей в источнике, встречаются следующие итеративные глаголы: 7б [ak]-ki-iš-ki-iz-zi (< *akkišk-* «умирать»/«погибать», 3 л., ед. ч., наст. вр.), 11б iš- ar-ú-i-eš-ki-iz-zi (< *iš arwešk-* «кровоточить»/«сочиться», 3 л., ед. ч., наст. вр.), 9б pí-it-ta-az-zi-ki-i[z]-zi. Последний глагол не встречается в других хеттских текстах, и значение его не известно. Употребление данной глагольной формы в одном и том же контексте с итеративными глаголами, ее грамматическое сходство с этими последними (окончание -zi 3 л., ед. ч., наст. вр.) дает основание предположить, что *pittazzikizzi* также является итеративным глаголом на -šk- (*pittazzikizzi* < *pittat-šk-zi?).

Один из отмеченных выше глаголов на -šk- – *iš arwešk-*, как предположила И. М. Дунаевская, соответствует хат. *kazza* (Дунаевская 1961: 72).¹ Кроме того, в хаттской версии имеется, видимо, еще одна глагольная форма (9а) ú-za-az-za, которая может быть сопоставлена с хет. *pittazzikizzi*.² В ú-za-az-za, возможно, содержатся префиксы *u-* (или *w-*), *-za* и корень (*a)zza*. Обращает на себя внимание то, что в *u-za-(a)zza* и *ka-zza* имеются по две корневые согласные.³ Наличие двух согласных в корне, по-видимому, может быть следствием удвоения корня (повторения корневой согласной), которое передается в хеттской версии посредством итератива.⁴

Можно привести еще одно соответствие⁵ из билингвы KUB II, 2: (хат. III, 26) *pa-1aa-ap-da-ap-ripí-iz-zi-ewa_a-aš-* *a-ap/*(хет. III, 28) *na-aš-taDINGIR.MEŠ*an-da ú-uš-k[i-e-ir-...]. В этой фразе хат. *pa1a* = хет. *našta* «и затем», хат. *wa_a-š* *ap* = хет. *DINGIR.MEŠ* «боги», а хат. *pizze*,⁶ по-видимому, не имеет соответствия

¹ Форрер (F. IuS 240) отождествлял *iš arweškizzi* с *limmuša*.

² В подтверждение настоящего предположения можно указать на то, что сопоставляемые формы в обеих версиях стоят в конце фразы (ср. ниже о соответствиях структуры предложений оригинала и перевода в билингвах).

³ И.М. Дунаевская (1961: 72) рассматривает *kazza* как *kaz(z)-a* с корнем *kaz-*.

⁴ Ср. сходное соотношение функций глаголов на -šk- и редуплицированных глаголов в самом хеттском языке (N. van Brock 1964: 119-165; В.В. Иванов 1965: 145 и сл.).

⁵ Хеттский итеративный глагол *uddaneškizzi* (< *uddanešk-* «умолять»/«заклинать») встречается и в билингве «О боге луны, упавшем с неба» (KUB XXVIII, 4, лиц. стор. прав. столб. 166, 236; ср. A. Kammenhuber (1955: 106, 110). Хаттское соответствие для этого глагола неясно.

⁶ Мнение Хааса (V. Haas 1971: 75) о том, что хат. *pizze* (*pi-* локат. преф. и *-izzi*) значит «добро», нам кажется ошибочным. Во-первых, в хеттской версии данной строки билингвы KUB II, 2 нет термина «добро», а во-вторых, установлено, что по-хаттски «добро», «хороший/благой» – *mal_ip* (см., например, F. IuS 231).

в хеттской версии. Глагольная форма *a-ap-da-ap-ri* может быть сопоставлена с хет. *anda ušker* «они (боги) внутрь поглядывали».¹ Префикс *da-* в хаттском предикате может быть сходным с хет. *anda* «внутрь», а глагольный корень (*a*)*rrri*, видимо, соответствует хет. *ušk-* «поглядывать».

Однако в хаттском глаголе содержится префикс (*a*)*n-*, который считается показателем единственного числа субъекта.² В приведенном же контексте субъект (*wa_a-š ap*) стоит во множественном числе. Вероятно, это «несоответствие» может объясняться тем, что редуплицированный глагол может приобретать значение множественности и поэтому он сочетается с субъектом, стоящим во множественном числе.³ Это предположение, видимо, подтверждается тем, что приведенный выше из билингвы KUB XXVIII, 6 глагол *ka-zza*, не содержащий показателей субъекта или объекта, соотносится с прямым объектом во множественном числе *li-muša* (где *li-* притяжательный префикс множественного числа).⁴

Редуплицированные основы широко представлены и в именных, и в глагольных формах абхазо-адыгских языков.⁵ Так, в свете данных хаттского языка представляют интерес формы, образованные путем удвоения целой основы, типа абх. *a-čapčap* «род обуви» (возможно, основа звукоподражательного происхождения), или посредством редупликации слова с изменением его начального согласного, как, например, абх. *a-xəashы-mashы* «крошки»,⁶ каб. *nykъuэ-dыkъuэ* «калека» (Кумахов 1964: 119).

В глаголе повторение корневой согласной или корня слова может быть связано со значением многоократности, длительности, интенсивности действия.⁷ Так, в абхазском языке: а-са-ра «резать» – а-сса-ра «разрезать», а-х-ра «колоть» – а-хх-ра «раскалывать», а-хəа-ра «гово-

¹ Согласно Хаасу (Haas 1971: 75), хат. *andappu* соответствует хет. *ušk-*. См. здесь же данные одноязычного (хаттского) текста KUB XXVIII, 31, лиц. стор., 1' – 5', с глаголом *andappi*.

² См. об этом выше.

³ Ср. хет. *lel_uwa(i)-* «наливать в несколько сосудов», *wewak-* «многоократно требовать» (о множестве объектов) (Иванов 1965: 146).

⁴ См. о *le-* : F. IuS 231; Laroche (1947: 79); Дунаевская (1961: 72).

⁵ Подробный анализ явления редупликации в глаголе абхазского языка см. Б.В. Шинкуба (1956: 193-212).

⁶ Удвоение основы с изменением ее начального согласного встречается и в глаголах абхазского языка (Шинкуба 1956: 198 и сл., 208 и сл.).

⁷ См. указанную выше работу Б.В. Шинкуба; ср. «Грамматика абхазского языка», с. 160, 162. Ср. о выражении интенсивности-итеративности посредством редупликации в других языках: Е.Д. Поливанов (1968: 143-145; см. здесь же на с. 334 комментарий Вяч. Вс. Иванова).

рить» – а-хәхәа-ра «кричать». Редпликация может использоваться и для выражения множественности. В этом случае редуплицированная основа может сочетаться с субъектом (или объектом), стоящим во множественном числе, а простая основа – с субъектом (или объектом) в единственном числе.¹

Хотя структура хаттских простых предложений пока еще специально не исследована (Kammenhuber 1969: 475) и предполагается, что в хаттском мог существовать свободный порядок расположения членов предложения (Kammenhuber 1969: 543), тем не менее, на основании данных известных хаттско-хеттских билингв можно предположить существование двух структурных типов простого предложения в хаттском языке.

Первый тип представляют предложения, в которых на первом месте располагается субъект (или объект), на последнем – предикат. Такой порядок встречается как в следующем предложении билингвы KUB II, 2: ₄₂ta-ba-ar-na ka-a-at-ti ta-ni-wa_a-aš «Табарна царь внутри сидит»,² так и во всех хаттоязычных предложениях этой билингвы, глаголы которых переведены на хеттский повелительным наклонением, как, например: ₄₀a-ša-a ta-aš-te-nu-ú-wa pí-e-wi_i-il ₄₁iš-pí-e-el ta-aš-te-e-ta-nu-u-wa «Зло да не придет! Внутрь дома неблагой человек да не придет!».³ При наличии в предложении прямого объекта последний ставится между подлежащим и сказуемым: ₄₀wa_a-aš- a-ap-ma eš-wu_u-ur aš-ka-a - i-ir... «Боги страны разделили».⁴

Если же в предложении помимо прямого имеется еще и косвенный объект, то он может предшествовать прямому объекту: _{3a}Eš-ta-a-an ^{uru}La-a -za-an li-e-we_e-e-el _{4a}a-an-te-e «(Бог) Эстан в городе Лахцан свои дома построил».⁵

Во второй тип входят все предложения, не относящиеся к первому типу. В предложениях этого типа глагол стоит в начале или в середине предложения, а вслед за глаголом идет прямой и косвенный объекты.⁶

¹ «Грамматика абхазского языка», с. 162. Ср. о том, что прием повторения основы может иметь значение множественности: Шинкуба (1956: 195, 211).

² KUB II, 2, II. Переводы приводимых строк билингвы KUB II, 2 даются по исследованиям: F. IuS; Laroche (1947); Дунаевская (1961); Kammenhuber (1969; здесь же см. подробную литературу вопроса). Ср. также Kammenhuber (1969).

³ KUB II, 2, III. К данному типу конструкции предложения ср. KUB II, 2, II, 51, 52-53, 57-60; III, 2-6, 10, 11, 36, 51, 51-52.

⁴ KUB II, 2, II. Ср. также a-aš-ka[-a_-]i-ir в недавно изданном дубликате хаттской версии билингвы KUB II, 2 – КВо XIX, 162, лиц. стор., 4.

⁵ Настоящую строку из строительного ритуала см. J. Friedrich (1952-1953: 146); A. Kammenhuber (1962: 3-5 и сл.; 1969: 471-472 и др.).

⁶ KUB II, 2, III.

²³[a-am-m]i-išli-e-ú-it-ta-nupa-lali-e-iz-zi-pí-na²⁴palaa-an-ne-eška-a- a-an-wa_a-šu-id-du-un «Взял он свои сыры? и творога? и затем положил (их) на трон».

Употребление в хаттских версиях билингв предложений второго типа отражается и в структуре соответствующих хеттских предложений. Последние, в ряде случаев, выглядят как своего рода «подстрочные переводы», передающие не только содержание оригинала, но и сохраняющие последовательность расположения членов хаттского предложения. Так, например, в хеттоязычных предложениях билингвы KUB II, 2 глагол встречается не только на своем обычном месте в конце фразы,¹ но и в ее начале² и середине.³ Прямой и косвенный объекты могут стоять в конце предложения.⁴

В абхазо-адыгских языках, так же как и в хаттском, при обычном порядке слов в простом предложении на первом месте стоит субъект, на последнем – предикат. Между ними располагаются косвенное, прямое дополнения, обстоятельство, орудное дополнение. Могут меняться местами косвенное и прямое дополнения и реже субъект и прямое и косвенное дополнения. Это изменение порядка последовательности не связано с выделением какого-либо из членов предложения.⁵

Выделение слова, на которое говорящий обращает особое внимание, осуществляется, например, в адыгских языках, с помощью постановки этого слова в конец фразы. Этот способ инверсии может также сочетаться с повышением тона голоса на выделяемом члене предложения.⁶

В связи с предполагаемым сходством структуры простого предложения хаттского и абхазо-адыгских языков представляются интересными совпадения правил сочетаемости имени и прилагательного (которые морфологически не дифференцированы в хаттском⁷ и строго не различаются в абхазо-адыгских языках).⁸ Так, относительные прилагательные

¹ Относительно нормального индоевропейского порядка слов (в простом предложении повествовательного стиля) с глаголом в конце предложения см. Иванов (1965: 194); W. Dressler (1969: 21; 1971: 18).

² Ср. KUB II, 2, II, 43; III, 21, 25, 48.

³ Там же, II, 49; III, 22, 25, 49-50.

⁴ KUB II, 2, II, 49, 50; III, 21, 22, 25, 48, 49-50. Согласно В.В. Иванову (1965: 258), нехеттский характер конструкций некоторых предложений в билингве KUB II, 2 выражается в размещении за глаголом и комплексом энклитик имен, связанных с глаголом; см. Dressler (1969: 7).

⁵ См. Яковлев, Ашхамаф (1941: 90-91); А.К. Шагиров 1967: 178-179); ср. М.М. Циколия (1973: 352 и сл., 356, 360, 362).

⁶ Яковлев, Ашхамаф (1941: 91).

⁷ См. Kammenhuber (1969: 451 и сл., 469).

⁸ Кумахов (1964: 136; 1967: 151). Ср. К.В. Ломтатидзе (1967: 110).

часто в хаттском и почти всегда в абхазо-адыгских языках стоят перед определяемым именем существительным: хат. *apalki(y)an kurkupal* «железные колышки», *apalki(y)ankatpurišet* «железный катпуписет», *apalki(y) an tetekuzzan* «железный очаг(-алтарь)»¹; абх. *абюа-тъ юны* «медный дом», адыгейск. *пхъэун* «деревянный дом». Качественные же прилагательные ставятся после определяемого имени существительного: хат. *přraša* «камень неблагой»², абх. *а-етыс*, каб. *шыш/э* «жеребенок» (букв. «лошадь молодая»).³

Сходство структуры простого предложения и правил сочетаемости имени и прилагательного в хаттском и абхазо-адыгских языках существенно тем, что порядок слов в этих языках является одним из главных средств выражения синтаксической связи членов синтагмы.⁴

Приведенные выше сопоставления структуры хаттского и абхазо-адыгских языков, несомненно, нуждаются в дальнейшей проверке и изучении. Тем не менее, некоторые из них, видимо, свидетельствуют в пользу предполагаемого родства хаттского и абхазо-адыгских языков.⁵

¹ См. эти данные хаттско-хеттской билингвы: E. Laroche (1957: 10); И.М. Дунаевская (1964: 103); Kammenhuber 1969: 478 и сл.). По мнению А. Камменхубер (Kammenhuber 1969: 453, 486, 544), синтаксически связанные слова в хаттском языке располагаются в последовательности: детерминирующий – детерминируемый.

² KUB II, 2, II, 51. Чтение *aša* (вместо *iša*) приводится по одноязычному дубликату билингвы КВо XIX, 162, лиц. стор., 11. В *aša* (*iša*) иногда выделяют *a*-, *i*- в качестве флексии (см F. IuS, с. 231; Laroche 1947: 86). Против: Kammenhuber (1969: 458 и сл.).

³ О принципах словосочетаний в абхазо-адыгских языках см. указанные выше (прим. 68) работы Кумахова, Ломтатидзе. Ср. также Шагиров (1967: 169); Л.П. Чкадуа (1970: 77-96); Циколия (1973: 351 и сл., 356 и др.). В хаттских текстах встречаются и примеры с последовательностью: качественное прилагательное – имя, как, например, *wā-ša_ałip* «неблагое слово» (KUB XXVIII, 82, лиц. стор., 15; KUB XXVIII, 24, лиц. стор., лев. столб. 4-6 и др.), *wā-ša_zi_ar* «неблагое дерево» (КВо XIX, 162, лиц. стор., 15).

⁴ Последовательность существительное – прилагательное связывают со структурой предложения типа субъект – глагол, с преобладанием в языке послелогов, и объясняют как универсалию, см. Д. Гринберг (1970: 119 и сл., 146). Следует отметить, что синтаксические сходства хаттского и абхазо-адыгских языков являются чисто типологическими.

⁵ Настоящая статья является вариантом доклада, прочитанного на Международной конференции в Будапеште, см. в тезисах: Ardzinba (1974: 10-15).

Литература

- Бокарев Е.А., Климов Г.А. 1967.** Иберийско-кавказские языки. Языки народов СССР IV. М.
- Гамкрелидзе Т.В., Гиоргадзе Г.Г., Менабде Э.А. 1961** [рец. на:] А. Goetze, leinasen, München, 1957. ВДИ 3.
- Генко А.Н. 1955.** Абазинский язык. М.
- Грамматика абхазского языка. 1968.** Сухуми.
- Гринберг Д. 1970.** Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов. Новое в лингвистике V. М.
- Дунаевская И.М. 1960.** О структурном сходстве хаттского языка с языками северо-западного Кавказа. Исследования по истории культуры народов Востока. Сб. в честь акад. И.А. Орбели. М.-Л..
- Дунаевская И.М. 1961.** Принципы структуры хаттского (протохеттского) глагола. Переднеазиатский сборник. М.
- Дунаевская И.М. 1964.** Протохеттский именной суффикс косвенного дополнения. ВДИ 1.
- Дьяконов И.М. 1967.** Языки древней Передней Азии. М.
- Иванов В.В. 1965.** Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М.
- Инал-ипа Ш.Д. 1973.** К вопросу о древних этно-культурных связях Западного Кавказа и Малой Азии. IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Чикаго, сентябрь, 1973). Доклады советской делегации. М.
- Климов Г.А. 1965.** Кавказские языки. М.
- Клычев Р.Н. 1972.** Глагольные суффиксы направления в абазинском и абхазском языках. Черкесск.
- Кумахов М.А. 1964.** Морфология адыгских языков. Нальчик.
- Кумахов М.А. 1967.** Адыгейский язык. Языки народов СССР IV. М.
- Ломтатидзе К.В. 1953.** К структуре сложносоставных глагольных основ в абхазском языке. Иберийско-кавказское языкознание IV. М.
- Ломтатидзе К.В. 1967.** Абхазский язык. Языки народов СССР IV. М.
- Меликишвили Г.А. 1959.** К истории древней Грузии. Тбилиси.
- Поливанов Е.Д. 1968.** Статьи по общему языкознанию. М.
- Циколия М.М. 1973.** Порядок слов в абхазском языке. Тбилиси.
- Чкадуа Л.П. 1970.** Связь слов в предложении. Сборник материалов по абхазскому языку. Тбилиси.
- Шагиров А.К. 1967.** Кабардинский язык. Языки народов СССР IV. М.

- Шакрыл К.С.** 1961. *Аффиксация в абхазском языке*. Сухуми.
- Шинкуба Б. В.** 1956. Удвоение в абхазском языке. *Тр. АИЯЛИ XVII*.
- Яковлев Н.Ф.** 1948. *Краткая грамматика кабардино-черкесского литературного языка*. М.-Л.
- Яковлев Н.Ф., Ашхамаф Д.А.** 1941. *Грамматика адыгейского литературного языка*. М.-Л.
- Ardzinba, V.G.** 1974. Some Notes on the Typological Affinity Between Hattian and North-West Caucasian (Abkhazo-Adygian) Languages. *Internationale Tagung der Keilschriftforscher der sozialistischen Länder*. Budapest.
- Bleichsteiner R.** 1923. Zum Protohattischen. *Berichte des Forschungsinstitutes für Osten und Orient* III.
- Bleichsteiner R.** 1936 [рец. на:] J. von Mészáros, Die Pákhy-Sprache (The Oriental Institute of the University of Chicago. Studies in Ancient Oriental Civilization, № 9, Chicago, 1934). Ar. Or. VIII/3.
- Carruba O.** 1964. Hethitisch -(a)šta, -(a)pa und die anderen «Ortsbezugspartikeln». *Orientalia N.S.* 34.
- Carruba O.** 1969. *Die Satzeinleitende Partikeln in den indogermanischen Sprachen Anatoliens*. Roma.
- Deeters G.** 1963. Die kaukasischen Sprachen. *Handbuch der Orientalistik*. 1. Abt., 7. Bd.
- Dressler W.** 1969. Eine textsyntaktische Regel der idg. Wortstellung. *ZVS* 83/1.
- Dressler W.** 1971. Über die Rekonstruktion der indogermanischen Syntax. *ZVS* 85/1.
- Dunajevskaja I.** 1973. Zum Hattischen. *OLZ*, Jg. 68, 1/2.
- Forrer E.** 1919. Die acht Sprachen der Boghazköi-Inschriften. *SPAW* 53.
- Forrer E.** 1922. Die Inschriften und Sprachen des Hatti-Reiches. *ZDMG*, N. F. I, 2.
- Friedrich J.** 1952-1953. Zu einigen altkleinasiatischen Gottheiten. *Jahrbuch für kleinasiatische Forschung* II.
- Friedrich J.** 1960. *Hethitisches Keilschrift – Lesebuch* II. Heidelberg.
- Götze A.** 1933. Über die Partikeln -za, -kan und -šan der hethitischen Satzverbindung. *Ar.Or* 5/1.
- Güterbock H.G.** 1964. A view of Hittite Literature. *JAOS* 84/2.
- Güterbock H.G.** 1964. Lexicographical Notes II. *RHA* XXII/74.
- Haas V.** 1971. Der Kult von Nerik. *Studia Pohl* 4. Roma.
- Hrozny B.** 1920. Über die Völker und Sprachen des alten Chatti-Landes. *BoSt* 5.

- Josephson F. 1972.** *The function of the sentence particles in Old and Midde Hittite.* Uppsala.
- Kammenhuber A. 1955.** Die protohettisch-hethitische Bilinguis vom Mond, der vom Himmel gefallen ist. *ZA, N. F.* 17 (51).
- Kammenhuber A. 1962.** Hattische Studien, I. *RHA XX/70.*
- Kammenhuber A. 1969.** Das Hattische. *Altkleinasiatische Sprachen (Handbuch der Orientalistik)* 1. Abt., 2 Bd, 1-2. Absch., Lfg. 2. Leiden – Köln.
- Kammenhuber A. 1969a.** Hattisch. *Altkleinasiatische Indices zum Handbuch der Orientalistik. MSS, Beiheft 4.* München.
- Kuipers A.H. ??1955.** The North-West Caucasian Languages. *Analecta slavica.* Amsterdam.
- Laroche E. 1947.** Études “protohittites”. *RA 41/1-4.*
- Laroche E. 1957.** Études de vocabulaire VI. *RHA XV/60.*
- Otten H. und Souček V. 1969.** Ein althethitisches Ritual für das Königs paar. *Studien zu den Boğazköy-Texten* 8. Wiesbaden.
- Van Brock N. 1964.** Les thèmes verbaux à redoublement du hittite et le verbe indo-européen. *RHA XXII/75.*

Список сокращений

- ВДИ Вестник Древней Истории.
- Ar. Or. Archiv Orientálny, Prag.
- Bo St Boghazköy-Studien.
- JAOS Journal of the American Oriental Society.
- OLZ Orientalische Literaturzeitung, Leipzig.
- RA Revue d’Assyriologie.
- RHA Revue hittite et asianique. Organe de la Société des études hittite et asianiques, Paris
- SPA W Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaft, philologisch-historische Klasse, Berlin.
- ZA Zeitschrift für Assyriologie.
- ZDMG Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Leipzig, Wiesbaden.
- ZVS Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen.

В. А. ЧИРИКБА

К ЭТИМОЛОГИИ ГИДРОНИМОВ *Бзып* И *Мдзыимта*¹

1. *Бзып*

Бзып - название крупнейшей реки западной Абхазии протяженностью 110 км. Истоки ее располагаются на высоте 2300 м, а площадь ее бассейна - 1510 км². Она течет по узкому ущелью, что обуславливает существенные сезонные колебания уровня ее воды – до 10-15 м. Река дала имя западной части Абхазии – Бзыцын, а также проживающей здесь крупной этнографической группе абхазов – бзыпцам (а-бзып-қәа). В русских письменных источниках XIX в. река известна как *Бзыб* (ср. напр. Торнау 1994: 65), или *Бзыбь*; последняя форма и является ее современным русским написанием, хотя правильной была бы орфография более приближающаяся к ее абхазскому первоисточнику – *Бзып*.

Имеется несколько версий происхождения этого гидронима. Одна из них основана на сходстве его с убыхскими названиями рек, содержащими в первой части слово бзы «вода, река», ср. такие типично убыхские гидронимы, как *Бзы-ч* (убых. «река-холодная» – левый приток р. Шахе), *Бзыч* (название двух правобережных притоков р. Шахе) и др.² Географически Бзып близка к Убыхии, от которой ее отделяет истори-

¹ Я приношу благодарность Мирре Инал-ипа и Роману Дбару за обсуждения и комментарии во время работы над данной статьей.

² Ср. также следующие названия, содержащие гидроформант бзы: *Бзипе* – хребет в верховьях реки Тепляк на юге Адыгеи; разъясняется К. Меретуковым (1981: 26) как бзи из абх. (следовало сказать: бзы из убыхского) «вода», «река», пе//п «устье», т.е. «устье реки» (интересна схожесть с названием Бзыпи в Абхазии; относительно п как «устье» см. ниже замечание к этимологии Бзыпи), *Бзыихәе* – небольшая сухая балка выше станицы Новодмитревской (Меретуков 1981: 26), *Бзыха* – левый приток р. Белой у поселка Хамышки (Меретуков 1981: 26), *Бзе* – левый приток р. Мдзыимта в районе Красной Поляны, *Бзергия* – левый приток р. Лауры (в транскрипции Гыцба 2002: 414: Бзырп), *Бзогу* (Бзы-гә ?) – левый приток р. Шахе, *Бзугу* (Бзы-гә ?) – речка в г. Сочи, *Бзыш* – приток Шахе (Ворошилов 2005: 80, 81, 82). Река Хобза (между Вордане и Лоо) отличается от этих названий как постпозицией элемента -бз, так и его огласовкой (-а вместо -ы).

ческая западноабхазская провинция Садзын. Убыхское происхождение этого наименования указывало бы на более южную, чем ныне, границу распространения убыхского языка в прошлом, что можно согласовать с данными античных авторов об ареале распространения народа санигов, если, конечно, под последними усматривать, как это делает ряд авторов, предков убыхов (см. Анчабадзе 1956: 266; Ворошилов 2005: 81).

Убыхское *бзы* в основе гидронима *Бзып* усматривал историк Зураб Анчабадзе (1956: 266). Такого же мнения придерживался и лингвист Хухут Бгажба, разъясняя *Бзы-п* как «устье реки» (Бгажба 1964: 255), хотя не вполне ясно, на почве какого языка автор толкует вторую часть слова (-п). Та же этимология повторяется в туристическом справочнике Н. Бондарева (1981: 172). Проблемой здесь является то, что «устье реки» в убыхском звучало бы как **бзы-фа*, с убых. *фа* «нос» > «перед» > «устье» во второй части (ср. убых. *бзы-хъа-фа* «берег реки»), тогда как в исходе интересующего нас гидронима мы имеем -п, а не -ф(а). Исходя, по-видимому, из этого факта, Бгажба обращается к встречающемуся в адыгской и абхазской топонимике топоформанту -п(а), который, наряду с *Бзы-п*, усматривается им в целом ряде абхазских и адыгских названий местностей, включая гидронимы. Однако в таком случае придется признать гидроним *Бзып* гибридным, убыхско-адыгским или убыхско-абхазским образованием, что не вполне обычно.

Схожую этимологию повторяет в своей недавней книге В.И. Ворошилов (2005: 81), согласно одной версии которого гидроним *Бзып* состоит из убых. *бзы* + адыг. *п* (пи) «устье, низовье». По другой же версии автора, этот гидроним представляет собой сложение убых. *бзы* + адыг., убых. *бе* «большой», т.е. «многоводная» или «большая вода». При этом Ворошилов ссылается на Ш. Ногмова, который называет эту реку «Дзыбе». В убыхском, действительно, имеется прилагательное *абы*, означающее «толстый, жирный» (об округлых объектах), но оно содержит начальный корневой *а-*. Это означает, что если даже *абы* допускало бы значения «большая» или «широкая» - в отношении реки, то в убыхском оно звучало бы как **Бз-абы*, что, как видно, не совпадает с *Бзып*.

Со своей стороны, Ален Кристоль (Christol 1987: 218, сн. 6) во второй части гидронима усматривает убыхское прилагательное *бла* «серый», разъясняя **Бзы-бла* как «Серая река». Однако в таком случае не вполне ясна мотивировка наименования реки, которая своим цветом, насколько можно судить, от соседних рек побережья существенно не отличается.

Хотя убыхская версия происхождения названия реки *Бзып* является, действительно, довольно заманчивой, все же она наталкивается, как

мне представляется, на некоторые трудности. Во-первых, с точки зрения исторического контекста, а также лингвистических данных, имеются основания увязывать племя санигов (греч. *Sanigai*) не с предками убыхов, а с предками западноабхазского племени садзов (см. Дьячков-Тарасов 1903: 43, сн. 32; Анчабадзе 1964: 173; Инал-ипа 2005: 16-17),¹ а предков убыхов увязывать с античными *брюхами* (именно так Tomaschek 1899: col. 898-899; Dirr 1918: 313-315; Dumézil 1965: 15).² Во-вторых, как предположительно убыхский гидроним, *Бзып* выглядит в этой части Западного Кавказа все-таки довольно изолированно, так как основной ареал последних – именно центральная часть Убыхии, между реками Хоста и Шахе, т.е. далее к северо-западу. Гидроним *Бзана* в Восточной Абхазии, в котором Коков (1974: 116) также усматривает убых. *бзы* «вода», может иметь иное объяснение (см. ниже).

Однако самой существенной проблемой с точки зрения обоснования убыхского происхождения гидронима *Бзып* остается именно неясная этимология его второй части (-п). Дело в том, что в абхазском языке в окончании этого гидронима (а он нам известен именно из абхазского языка) мы имеем только -п, и никогда -б. Следует также добавить, что абхазский не относится к числу языков, которые оглушают конечные звонкие согласные, ср. хотя бы произношение другого абхазского гидронима, *Дәаб*, с сохранением звонкого билабиального в ауслаутной позиции.

Имеется и мнение об адыгском происхождении рассматриваемого здесь гидронима. Так, авторы туристического гида по горной Абхазии (см. Арсенин, Бондарев и Сергиевский 1976: 242) разъясняют *Бзып* из адыгского: «черк.[еское] *Псып*, *Бзып* – «устье реки». В исходе так называлась местность в низовье реки». Однако для принятия этой этимологии необходимо допустить немотивированное озвончение комплекса *пс-* > *бз-*.

---

¹ Мнения о сванском (И. Орбели, Д. Гулиа), либо мегрело-лазском (Н. Mapp, Н. Джанашиа, М. Инадзе) происхождении санигов несостоятельны (см. критику этих гипотез в Анчабадзе 1964: 169-173). Термин *сани-г* вполне обоснованно увязывается с именем садзской княжеской фамилии *Ц'ан-ба* (см. Инал-ипа 2005: 16), ср. также основанный на этой фамилии ойконим *Цандрыпщ* (*Ц'андрыпшь*); о суффиксе множ. числа -г (-ла) см. ниже. Реконструируемая древнеабхазская форма этого племенного названия, таким образом, – **ц'аны-ла*, т.е. «цаны».

² А. Кристоль выражает сомнение в возможности фонетического отождествления термина *брюх-* и самоназвания убыхов *тәах-* (см. Christol 1987: 219), хотя я не считаю эти сомнения вполне обоснованными.

Другие авторы усматривают в основе названия Бзып̄ этноним. Так, Симон Джанашия (1959: 121-123)¹ предположительно увязывал Бзып̄ с именем племени абасков, считая, что исходной формой данного названия могла быть *а-бас-а-п(а), ссылаясь на фиксируемый римскими авторами в этой области гидроним *Аваск* (Абаск). Конечный элемент -п(а) увязывался им с адыгским топоформантом -па «конец» < «нос», переносно «устье реки». По его мнению, название местности *а-бас-а-п(а) могло быть позднее перенесено на реку.

Ш. Д. Инал-ипа (1976: 370) также видит в основе названия Западной Абхазии Бзып̄ын и гидронима Бзып̄ этнический термин, связанный с племенным названием *абаза*, *абазги*, *абаски*, хотя в другом месте своей монографии (с. 380) он увязывает элемент бз в Бзып̄ уже с формантом -пс, восходящим, по его мнению, к древнему абхазскому названию воды.

Со своей стороны, Валерий Кварчия (2006: 133-4) разъясняет гидроним Бзып̄ на основе этнонима апс-уа «абхаз». Согласно Кварчия, от первоначального *пс-зы «абхазская река» с помощью суффикса -апы «прилегающее к чему-либо» образовался топоним *Псзып̄ «территория, лежащая вдоль реки Псзы». Этот топоним, по мысли автора, впоследствии вытеснил гидроним *Псзы и сам стал обозначением реки. Форма же Бзып̄ обязана озвончению из *Псзып̄. Однако в таком случае мы должны были бы ожидать не *Псзып̄, а *Апс-з-ап > *Абзап > *(А)Бзап, так как, во-первых, обычным результатом сочетания гласных «-ы + а-» является гласный «а», а не «ы» (ср. напр. а-еы «лошадь» + абаа «худой» > а-еабаа «худая лошадь»); во-вторых, гласный а в апс-уа является корневым, и в принципе должен был быть сохранен и в гидрониме, хотя, справедливости ради, следует сказать, что корневой анлаутный гласный все же является не вполне стабильным и нередко утрачивается (ср. апсыуа-к ~ псыуа-к «некий (один) абхаз»).

В целом, из двух «этненимических» объяснений первое (усматривающее в Бзып̄ этноним *абаза*) представляется мне фонетически более достоверным.

Следует упомянуть, наконец, и попытку грузинского филолога Павле Ингороква (1954: 148-149) усматривать в основе гидронима Бзып̄ грузинское бза «самшит»; вторую часть слова он разъяснял как грузинский суффикс множ. числа -ებ- (мегр. -ეფ-), в целом – «самшиты». Грузинское происхождение данного гидронима служило автору в качестве одного

¹ Впервые опубликовано в «Известиях Груз. филиала АН СССР», т. I, 1940, с. 623-628.

из «аргументов» в пользу неавтохтонности абхазов в Абхазии; см. критику этой несостоятельной и лишенной какого-либо исторического контекста этимологии в З. Анчабадзе (1956: 265–266), Х. Бгажба (1956: 296) и Дж. Хьюитт (Hewitt 1990: 147), хотя ошибочная идея о связи названия Бзып с груз. *бза* повторяется и у В. Топурия (1979, т. 3: 246).

Кстати, из грузинских источников XVIII века (напр., у грузинского автора Вахушти Багратиони) известен топоним Зупу (груз. *зупу*),¹ которым обозначалось село Лыхны, где располагалась резиденция владетельного князя Абхазии Чачба (Шервашидзе), а также гидроним Зупу-с-цкали «река Зупу», или скорее «Зупская река», который идентифицируют с рекой Хыпста (к востоку от Бзыпи); в этих названиях угадывается название той же реки Бзып, а возможно и региона Бзыпской Абхазии (ср. абх. *Бзыпь-н*). Саму же Бзып эти же источники именуют по-грузински Каппет-и (-и – грузинский суф. номинатива),² наименование, которое пока не получило удовлетворительного объяснения.³

Имеется, на мой взгляд, возможность иной гипотезы происхождения названия этой крупнейшей реки Западной Абхазии. На вероятность такой альтернативной этимологии меня натолкнула характеристика Бзыпи, приведенная известным русским автором первой половины XIX в. Федором Торнау (1994: 61, 66): «Горцы называют Бзыб **бешеною рекой**, потому что по всему берегу Черного моря нет другой реки, которая так неожиданно и так скоро **поднимается**, так часто меняет глубину и направление и в которой гибнет столько людей от неимоверной быстроты течения». И далее, описывая Бзып во время паводка: «Не видав собственными глазами, трудно себе представить силу и быстроту, с какою беспрестанно **возрастающая** масса воды отрывала куски берега, ворочала камни и проносила в море огромные деревья...» (выделено мною – В.Ч.).⁴

¹ См. Амичба (1988: 169).

² См. Амичба (1988: 151, 154, 155).

³ См. предположение В. Кварчия (2006: 134): перенос названия с Мдзымты на Бзып, а Каппет-и от местности Кбааде в верховьях Мдзымты. Само Кбааде, как полагают, является русской передачей абх. Гебаа-дэы (см. Шакирбай 1978: 9); последнее может означать «поляна (а-дэы) Губовцев (Гэы-б-аа)», хотя имеются и другие толкования этого несомненно абхазского названия (см. Инал-ипа 1971: 288: «поляна рода Гунба»; Шакирбай 1978: 9: гэы «сердце», баа «крепость», дэы «поляна»).

⁴ Словам Торнау вторит и более поздний автор А. Н. Дьячков-Тарасов (1903: 7): «Бешеная Бзыбь», как ее и ныне называют абхазцы.... Ср. также у К. Кудрявцева (1922: 9): «Бзыбь многоводна и бурлива. Некоторые ее течение [так в оригинале – В.Ч.] называются «бешеным»».

Это живописное описание наводит на мысль, что в основе данного гидронима может лежать характеристика неукротимого («бешеного») нрава реки. Поэтому я предполагаю, что во второй части гидронима (-п) можно усматривать корень глагола а-па-ра «прыгать».

Если это предположение верно, то ввиду того, что в убыхском глагол па «прыгать» отсутствует, нам следует искать этимологию и первой части гидронима также на почве абхазского языка. По моему мнению, начальное бзы- может представлять собой сохранение древнеабхазской формы *бзы «вода, река», правда, в фонетически несколько упрощенном виде. Последнее в современном абхазском звучит как зы, что соответствует убых. бзы «вода, река»; оба слова восходят к общеабхазо-адыгскому *бзы «вода» (в современном адыгском оно, по всей видимости, не сохранилось). И убыхский, и абхазский со временем упростили труднопроизносимое начальное сочетание *бз-, но по-разному: в убыхском путем преобразования аффрикаты в гоморганный спирант (*бз- > бз-), откуда убых. бзы «вода, река», а в абхазском путем утраты начального билабиального (*бз- > з-), откуда современное абх. зы.

Таким образом, вполне вероятно, что гидроним Бзып сохраняет в своей первой части древнеабхазскую форму слова для «реки, воды» - *бзы.¹ Но так как впоследствии, ввиду фонетического упрощения, оно стало произноситься как зы, первая часть гидронима уже перестала осмысливаться как «вода» и в свою очередь подверглась фонетическому упрощению, однако на этот раз по убыхскому типу: *Бзы-па > Бзып (ср. аналогичным образом азлагара «мельница» из азлагара). Крупные гидронимы чрезвычайно устойчивы во времени и консервативны, часто сохраняя утраченные современным языком фонетические формы. И название Бзыпи, сохраняющее древнеабхазскую форму слова для «реки, воды» (*бзы), которое в современном языке изменилось в зы, вполне отвечает этой закономерности.

Приводимая Ногмовым форма Дзыбе может быть отражением старой абхазской формы *Бзы-па с утратой в адыгской передаче начального билабиального. Падение конечного безударного -а обычно для абхазского, в особенности для бзыпского диалекта, в среде носителей которого с древних пор и протекает данная река, ср. типичные процессы утраты конечного гласного в бзып. а-фаш «вторник» из а-фаша, ахаш «среда» из ахаша, а-кээр «речушка» из акэара, а-къал «шалаш» из а-къала и др.

¹ Тач Гыцба (2002: 414, 421) также считает, что в гидронимах типа Бзып, Бзана, Гырбзы и в абхазском, помимо убыхского, бзы использовалось в значении «воды/реки».

Гидроним *Бзы-па «прыгающая река/вода», отражающий неукротимый характер реки, соответствует современному абх. а-зы-па, означающему «водопад». Вполне возможно, что река получила свое название и по имеющимся в ее верховьях водопадам. Так, большой водопад имеется в верхнем течении Бзыпи, ниже впадения в нее Южного Псыша. Вот его описание в книге Н. Д. Бондарева (1981: 41-42): «Тропа обходит водопад вёрхом, поднимаясь на 50-70 м, и позволяет увидеть его во весь рост. К ревущей воде, соблюдая осторожность, можно подойти низом. Зрелище грандиозное, особенно в большую воду. Здесь дно ущелья ломается уступом. До того сравнительно спокойная река вдруг обрушивается в нагромождение скал величиною в пятиэтажный дом. На участке протяженностью около 100 м река падает на 60 м! Попавшие в эту «чертову мельницу» бревна размолачиваются в щепы».

Ср. также описание притока Бзыпи – реки Гега (абх. Йағъа «бурная») у С. Анисимова (1930: 50): «Река выбивается здесь прямо из скалы и падает с высоты около 30 м, образуя каскады с массой брызг и водяной пыли. Берега р. Геги встают над тропой скалистыми обрывами, а местами сплошными отвесными стенами грандиозных скал. Внизу этого каменного коридора мчится с ревом и воем вода среди нагроможденных камней и тащит громадные стволы упавших деревьев, дробя их в щепы». А вот описание Геги в монографии под редакцией Б. С. Туниева (2005: 9): «река образует грандиозный каньон с каскадами, который сливается с каньоном Юпшары. Здесь она бешено мчится, перекатывая огромные глыбы, **прыгая** (выделено мной – В.Ч.) по перекатам пенящимися потоками». И о впадающей в Бзып реке Грыбза: «Русло завалено огромными камнями, река то исчезает в них, то вновь появляется, сверкая каскадами водопадов» (с. 60).

Помимо водопадов, по среднему течению реки Бзып много порогов,¹ через которые вода стремительно переливается («перепрыгивает»). Поэтому нельзя исключить и того, что река могла получить свое название по своему порожистому среднему течению.

Какова бы ни была конкретная мотивация наименования гидронима Бзып (по ее водопадам/каскадам водопадов, либо же по порогам в верхнем течении, либо по их совокупности), предлагаемый здесь этимологический анализ гидронима как «прыгающая вода/река» является, как представляется, вполне вероятным.

Кстати, тот же элемент (па «прыгать») можно усматривать и во второй части гидронима З-оа-па (зы «вода, река» + глагол а-оа-па-ра «прыгать вверх», т.е. «прыгающая вверх вода/река») в Сухумском районе (см. Кварчия 2002: 164).

¹ Сообщение Р. Дбара.

Аналогичного происхождения (с бзы из *бзы) может быть и начальный элемент такого абхазского гидронима, как упомянутый выше Бзана в Восточной Абхазии. Сюда же может относиться и название речки Бзы-роы́ в Гудутском районе (Кварчия 2002: 305; для -роы ср. -роа-ш «поток»), а также название впадающей в верхнее течение Бзыпи (выше урочища Псху) речки Грыбз(ы) а́роаш (Кварчия 2002: 167) или Гыр-бзы (Гыцба 2002:), хотя неясен вариант этого гидронима с иной огласовкой ауслаута: *Грыбза*.¹ Ср. сюда же связанные с названием указанной речки Грыбза//Грыбзы – название большой горы, Грыбзы арха – название равнины, Грыбзы аталарты – название дороги (Кварчия 2002: 158). Следующие названия являются оронимами, однако последние иногда бывают производными от названий текущих рядом речек: Бзыцә (Бзыцә ?) – скала в Гудаутском р-не (Кварчия 2002: 291), Қыырбзы (Қыырбзы ?; для первой части ср. қыы «деръмо», -р- - притяжательный префикс 3 л. мн.ч.) – гора в Сухумском районе (Кварчия 2002: 159). Более тщательный этимологический всех этих названий, возможно, позволит отсеять те из них, элемент бзы в которых не связан с рассматриваемым здесь этимоном для «воды» или «реки». Однако, как представляется, большинство из них все же увязываются с праабхазским *бзы.

2. Мзы́мта

Не исключено, что схожего происхождения может быть и первая часть названия реки Мдзымта, по-абх. Мзы́мта. Хотя ныне закрепился вариант ее названия со спирантом з (Мзымта), в ранних русских и западных источниках исходная аффриката сохранена, ср. *Мдзимта* у Ф. Торнау (1994: 103 и сл.), *Мидзимта* у Дьячкова-Тарасова (1903: 38), *Медзымта* на русских картах (см. Гыцба 2002: 410), *Мдзимта* у Боденштедта.

По сведениям немецкого автора середины XIX века Фридриха Боденштедта, который посетил Абхазию, включая провинцию Садзын (территорию населенной садзами) еще до поголовного выселения садзов и их соседей ахчыпсов и убыхов в Османскую Империю, «Реку, впадающую в море вблизи Аредлера,aborigenы называют Мдзим. Название Мдзимта, под которым она нанесена на карты, ошибочно, в древности оно означало «страна, лежащая по берегам Мдзим»» (Боденштедт 2002: 127). Сведения Боденштедта вполне достоверны и они указывают на то, что в та следует усматривать абхазский локальный суффикс

¹ Ср. упоминаемый выше гидроним *Хобза*.

-та, а основой названия является Мзым, т.е. «место (реки) Мдзым» (ср. аналогично Бзып «река Бзып» и Бзып-та «село (у реки) Бзып»).

Исходя из убыхских и рассматриваемых выше абхазских данных, можно предположить, что старая форма этого гидронима – *Бзы́мта. На это, в частности, может указывать форма названия этой реки, зафиксированная мной в речи цвыжей (подразделения абхазов-садзов) в Турции в виде Бзы́мта//Бзымтá. Переход б в м, особенно в комплексах согласных, является обычным явлением в абхазо-абазинском (ср. пх > мх в абж. а-шьапхыс, тапант. шьамхыц «ноготь ноги», из а-шьапы «нога»; бжь > мжь в абх. а-гэымжъатцэ «долото» из *гэы+бжъа-цэа и др., см. Chirikba 1996: 79-80).

В том же ключе следует, по всей вероятности, рассматривать и название небольшого высокогорного озера Мзи, Мзы́йа в Бзыпской Абхазии, которое может легко объясняться из древнеабхазского *Бзы́-я «озеро» (>Мзы́-я), букв. «лежачая (я) вода (мзы < *бзы)»; в современном абхазском «озеро» произносится а-зы-я.¹ Интересно, что согласно данным В. Кварчия (2002: 327) это озеро имеет и вариант Мзым, что явно напоминает Мзы́м-та. Следует также заметить, что само озеро расположено сравнительно недалеко от истоков реки Мдзымта.

Из озера Мзы́й(а) вытекает река (впадающая ниже в Ауадхару), передаваемая в литературе как Мзы́мна (Гыцба 2002: 53; Туниев 2005: 9), или, видимо, более точно, как Мзы́мна (так в Кварчия 2002: 327). Другой вариант названия этой реки – Мзы (Бондарев 1981: 32), более точно должно быть, по-видимому, Мзы (< *бзы «река»). Все это позволяет выделить гидронимический (диалектный ?) ареал с формантом Мзы-, охватывающий территорию от Ауадхары до Мдзымты. При этом в вышеприведенных гидронимах остаются неразъясненными элементы -м (Мзы-м) или -мна (Мзы-мна).

Не вполне ясна точная форма первого от верховьев Мдзымты ее крупного левого притока, фиксируемого либо как Азмыч, либо как Мзы́мта-Мзы́ч (так по Ю. Ефремову 1963). Если верна первая форма, то прав В. Кварчия, разъясняющий ее как «водоем/бассейн (на реке)» (цит. по Ворошилов 2005: 48, 153), ср. абх. а-з-мыжь, а-з-мыць, а-зы-жь « заводь, тихий омут, глубокое место в реке» (жь от несамостоятельного

¹ Близкую этимологию предлагает В. Кварчия: *M* (?) + *зия* «озеро» (цит. по Ворошилов 2005: 152). В. Ворошилов (2005: 153) предлагает разъяснение этого названия на основе убыхского языка: *мизи* (должно быть мызы) «дитя», «ребенок», в смысле «малое», «изначальное», что не представляется убедительным.

глагольного корня жь «бросать; валяться»;¹ мы может быть либо неэти-мологическим эпентетическим элементом, либо тем же, что и м в Мзы-м-та, Мзы-м-на). Со своей стороны, Г. Шакирбай (1978: 10) разъясняет Азмыч из абх. Аз-мыч «тяжелая, сильная река» (мчы «сила»).

И все же, форма Мзыч, как кажется, предполагает Мзы-жь, вариант слова (а-)зы-жь, дополняя ряд гидронимов с начальным мзы-.

Имеются и другие объяснения названия реки Мдзымта. Так, Г. Шакирбай (1978: 10) производил его из *Мзы-пс-та, состоящий из абхазского мзы «сосна», адыгского пс «вода» и абхазского локативного суффикса -та, что не кажется убедительным. Х. Бгажба (1964: 268) трактовал этот гидроним как состоящий из племенного имени мз'ым и суффикса места -та, т.е. «место (племени) мдзымов». О племени мдзымов, согласно сведениям Бгажба, у бзыпских абхазов сохранились неясные воспоминания. Однако, если сообщения об этом несохранившемся племени достоверны, то можно предположить, что его назвали именно по реке Мдзымта (мзым-аа, где -аа – суф. мн.ч., т.е. «мдзымцы»), а не наоборот, точно так же, как бзыпцев (а-бзып-қәа) назвали по реке Бзып. Бгажба (там же, с. 268-269) связывает между собой племя мз'аа//мамз'аа, название горы над Гагрой Мамз'ы-шъха//Мз'ы-шъха и гидроним Мз'ымта. Во всех этих словах он усматривал название горного племени мисимиан, известных из византийских источников как обитателей верховьев реки Кудры (Кодор). Бгажба предполагал миграцию мисимиан из Кодора в Северо-Западную Абхазию. Хотя эти соображения и представляют собой интересную гипотезу,² они, видимо, нуждаются в более тщательном лингвистическом и историческом обосновании.

Согласно одной из нескольких этимологических версий В. Ворошилова (2005: 153), напоминающей приведенное выше разъяснение Х. Бгажба, Мдзымта разъясняется как «долина (племени) медозюев», а медозюи – «абазинское» племя, проживавшее в верховьях Мдзымты; связь гидронима М(д)зымта с племенным названием медозюи была предположена ранее также Ю. Ефремовым (1963). Под именем медовей/медовеевцы были известны в ряде русских источников абхазские племена ахчыпсы, аибга и псху (отсюда и черкесское название абхазов – *мудави*), представители которых в нынешнее время проживают в ряде сел в центральной Турции и говорят на ахчыпсуйском диалекте,

¹ Не следует путать а-з-мыжь, а-з-мыць с абх. а-мыжь-зы «морская (соленая) вода», состоящее из мыжь (из груз.) плюс абх. зы «вода».

² Дьячков-Тарасов (1903: 36, сн. 22) также допускает связь названия племени мисимиан с рекой Мдзымта и предположительно увязывает их с брухами, допуская обитание последних в верховьях Мдзымты.

который является, по всей видимости, переходным между бзыпским и садзским диалектами абхазского языка. Этноним «медовей», возможно, топонимического (или гидронимического) происхождения: Гыцба (2002: 414) указывает на ручей Мдаоен (левый приток р. Цвижепсы, рядом с Мдзымтой), как основу для племенного термина мдаоен-аа (мдавеевцы). Если форма Мдаоен верна, то -ю- в термине медозой следует признать передачей абхазского лабиализованного сонанта ѿ. В этом случае отпадает и возможность связи гидронима Мзымта с племенным термином медовей (Мдаоен).¹

По другой, также неубедительной версии Ворошилова (с. 153), Мзымта означает «долина реки, рожденной в снегах». Тут же автор приводит аланское (??) мзе «солнце» и расшифровывает Мзымта уже как «солнечная долина». По следующей же его версии, которая представляется наиболее интересной, «в старых названиях р. Мзымты (Мдзимта, Мидзимта) легко угадывается абх. основа дзи (дзы) со значением «родник», «источник»...» (правильнее: «вода, река»).²

Интересно проанализировать названия реки Мдзымта в старых греческих источниках. В форме, довольно близкой к современной, оно фиксируется довольно рано, около 5 в. н.э. (в Лондонской рукописи «Перипла» Анонима), в форме *Μίζυος* (*Мизюг-ос*; -ος – греческий суф. мужского рода).³ *Мизюгос* упоминается рядом с рекой Абаском (*Αβάσκος*), под которой следует усматривать Бзып, либо Псоу (так у Дьячкова-Тарасова 1903: 38). Греческая форма интересна тем, что она фиксирует начальный сонант м, что говорит о его древности в этом гидрониме. Кроме того, она содержит букву γ, которая в среднегреческом

¹ Гидронимического происхождения может быть и название горного западноабхазского племени ахчыпс'ы, ср. топоним Ҳача в верховьях Мдзымты (Гыцба 2002: 413) и архаичный абхазский гидроформант -пс'ы *«река». Во второй части Ҳа-ча можно усматривать суффикс -чча «мелкий», а в первой части либо ҳа *«камень» (ср. а-ҳа-ш «известняк», букв. «белый камень»), либо ҳа «груша» (а-ҳа-чча «мелкая/дикая груша»). Таким образом, Ҳа-ча-пс'ы можно понять либо как «река с мелкой галькой/щебнем», либо как «река (текущая близ) диких/мелких груш», наподобие абхазского названия поселка близ Пицунды Алаҳазы «инжировая вода».

² Таким же эклектическим характером, где достоверные факты и нередко интересные мысли перемешиваются с вольными фантазиями, грешат и многие другие «этимологии» автора.

³ Согласно Анониму, ранее эта река именовалась Брухонта; это имя находится в непосредственной связи с племенным именем брухи, за которым, как полагает ряд авторов, скрываются предки убыхов. Однако А. Дьячков-Тарасов (1903: 43, сн. 32), возможно, справедливо указывает на ошибочность отождествления Анонимом Брухонты с Мизигом (Мдзымтой), усматривая в Брухонте нынешнюю р. Хосту (Хамыш).

произносилась как заднеязычный звонкий спирант типа абх. ғ (в древнегреческом он еще звучал как велярный смычный ғ). Буква ζ (дзета) в 5 веке, к которому относится время написания рукописи, скорее всего уже звучала как з (в раннем классическом греческом – как дз или зд)¹, но в иноязычном материале за ней могла скрываться и аффриката. Это помогает нам реконструировать древнеабхазское звучание *Μίζυγ* в виде *МызыгI- или, что более вероятно, *МызыгI-.

В первой части (*Μίζυ-//Мызы-*) мы усматриваем слово в значении «вода/река», а в -у – древнеабхазский суффикс множественного числа класса человека *-гIа, который сохранился в исконном виде в абазинских диалектах (ср. абаз. а-у-гIа «люди»), а в современном абхазском стал звучать как -аа (напр. лх-аа «лыхненцы», гэым-аа «гумцы» и др.). Тот же древнеабхазский суффикс множественного числа содержится и в дошедших до нас в греческой передаче этнонимах *абаз-г* (который отражает др-абх. *абаз(а)-гIа «абазы», см. Chirikba 2003),² а также *сани-г* (см. выше).

Греческая форма гидронима Мдзымта (*МызыгI-), таким образом, на самом деле может отражать не гидроним, а этноним, служащий на древнеабхазском языке обозначением народа/племени, живущего по реке Мдзым, что прямо соответствует современному абхазскому мз-аа «мдзавовцы» (если бзыпская форма мз'-аа верна, то восстанавливается др.-абх. *Мз'ы-гIа). Сам же этноним мдзаа мог быть основан на гидрониме Мдзым («живущие по реке Мдзым»). Кстати, такого же этнотопонимического характера и греческое наименование соседней к Мизигу реки Абаск (Αβάσκος), которое явно отражает этноним, а не гидроним.³

К этому же типу известных в греческой передаче гидронимов может примыкать и река Брухонта, связанная с этнонимом «брюхи» (см. сн. 18). С точки зрения истории абхазского языка, чрезвычайно важно, что греческая форма *Μίζυος* (Мизюг-ос) сохраняет в себе две древнеабхазские глоссы, дошедшие до нас из 5 века: слово в значении «река» (*м(ы)зы) и суффикс множественного числа *-гIа.

Следует отметить, что существенным препятствием для предложенного здесь этимологического анализа гидронима Мдзымта является приводимая Х. Бгажба (1964: 268) его бзыпская форма в виде Мз'ымта, т.е. со свистяще-шипящей аффрикатой з', тогда как слово зы «вода»

¹ См. http://en.wikipedia.org/wiki/Ancient_Greek_phonology.

² Лишь несколько иначе у Ионовой и Татаршоа (2000: 156): -г в *абазги* из -гI, гIε «человек, люди».

³ На связь этого названия с этнонимом «абаск» указывал, в частности, В. В. Латышев (см. Патракова, Черноус 1991: 312, сн. 59).

содержит простую свистящую аффрикату. Академик Шота Аристава, носитель бзыпского диалекта, также согласен с Бгажба, что в бзыпском диалекте название Мдзымта содержит свистяще-шипящую аффрикату (устн. сообщ.). То же утверждает и лексиколог Анатолий Хеция, также носитель бзыпского диалекта (устн. сообщ.). И все же следует, по-видимому, поискать дополнительные подтверждения этому факту. В частности, было бы желательным найти этот гидроним в каких-либо бзыпских текстах, чтобы окончательно убедиться в достоверности этой бзыпской формы.

Если формы со свистяще-шипящей аффрикатой реальны и если зы и мз'ы все же этимологически связаны, то здесь следует предполагать такое же чередование свистящего и свистяще-шипящего сибилиянов (з ~ з'), какое наблюдается и в абхазских словах *«река» и «влажный» (*пс'ы ~ псы) что может отражать древние чередования гласных.

Наконец, следует сказать о более широком компаративном контексте рассматриваемого праабхазского *бзы > *зы «вода, река». Как сказано выше, несомненна его связь с убых. бзы «вода, река». С. Старостин и С. Николаев реконструируют общезападнокавказское слово в виде *бзы «вода», «сок» (по-видимому, ошибочно относя сюда также праадыг. *псы «вода, река», см. ниже), но абхазские данные указывают на возможность реконструкции праабхазо-адыгского корня с аффрикатой: *бзы «вода, река». На необходимость реконструкции аффрикаты могут указывать и генетически увязываемые с западнокавказским корнем Абдоковым (1983: 185)¹ и Николаевым и Старостиным (см. NCED 872) дагестанские корни, также содержащие аффрикату, ср. прааваро-андийское *пинцци «смола» (аварское ԥцц, ахвахское мицци, чамалинское бис./мицци, тиндинское мицци, каратинское бицци), лакское ԥц «медвяная роса; испарина», даргинское ԥент «смола», агульское ԥц «смола»; сюда же нахское *мутта «сок», где тт получено из старой комбинации аффрикаты и предшествующего сонанта (см. NCED 46-47).²

В отличие от С. Старостина (NCED 871-872; см. также П. Чарая 1912: 24-25 и G. Dumézil 1932: 94)³, по фонетическим соображениям я отделяю этот корень от праадыгского *псы «вода, река». Последнее, скорее все-

¹ Абдоков (1983: 185) реконструировал праабхазо-адыгское *быза- на основе абх. зы «вода» и адыг. ԥцан-тхе «клей», но А. Шагиров (1977, 1: 81) рассматривал это адыгское слово как производное от ԥце «рыба» (согласно ему, рыба использовалась для изготовления клея), что принимается и Старостиным (см. NCED 872).

² Изолированно стоящее груз. ԥчви/бичви «сосна» («смолистое дерево»), по мнению С. Старостина (2007: 325), может иметь северокавказский источник.

³ В отличие от них, А. Шагиров (1977, 1: 16) связывал убых. бзы, адыг. псы «вода» не с абх. зы, а с псы, сохранившимся в топонимах и в ряде композитов.

го, связано, как уже отмечалось в литературе (см. Бгажба 1956: 294), с архаичным абхазским корнем *пс'ы в значении «река». Последний сохранился в таких старых сложениях, как апс'-та «ущелье», букв. «место (-та) реки (пс')», а-пс'-лы «выдра» (букв. «речная (пс') собака» (лы < ла)) и др. (последнее прямо соответствует убых. бзы-уа «выдра», ср. бзы «вода, река» и уа «собака»).

Можно, таким образом, постулировать в праабхазо-адыгском наличие двух независимых корней: *бзы (> праабхазо-убых. *бзы «вода», «сок», «река») и *пси (> праабхаз. *пс'ы и праадыг. *псы «вода, река»). Кстати, возможность наличия в западнокавказском двух отличных корней допускает и С. Старостин (см. NCED 872). Х. Бгажба (1964: 254) также считал, что ранее в абхазском было два корня, из которых пс'ы использовался в значении «река», а зы – «вода». О необходимости реконструкции для праабхазо-адыгского двух этимонов в значении «вода, река» (*пс и *бз) пишет и А. Кристоль (Christol 1987: 219, сн. 6).

В общеабхазском имеется и корень *псы/а в значении «мокрый, влажный», «мокнуть, намочиться» (см. Chirikba 1996a: 23), который также увязывают с адыг. псы «вода» (см. Абдоков 1983: 186; NCED 872). Это сравнение можно принять, если допустить, что вprotoабхазо-адыгском наблюдалось некое вокалическое чередование (ы ~ и ?), которое и отразилось на варианте рефлексации корня *пс ~ *пс'.

Возвращаясь к гидрониму Мдзымта, нельзя исключить того факта, что в нем мы можем иметь сохранение старого сонорного, который затем подвергся ассимиляции со стороны последующего спиранта *з (*м(ы)зы > *бзы > убых. бзы и абх. зы). На возможность того, что Мдзымта может сохранять древнюю абхазо-адыгскую форму для «воды, реки» с начальным сонорным указывает и А. Кристоль (там же). Т.о. *бзы «сок, вода» может в принципе восходить и к (более ранней) форме *м(ы)зы, сохраненной в гидрониме Мдзымта; ср. в этой связи начальный сонант и в ряде приведенных выше дагестанских форм, а также в общенахском.

Литература

Абдоков, А. И.

1983 О звуковых и словарных соответствиях северокавказских языков.

Нальчик: Эльбрус.

Амичба, Г. А.

1988 (ред.) Абхазия и абхазы средневековых грузинских повествовательных источников. Грузинские тексты на русский язык перевел, предисловием и примечаниями снабдил Г. А. Амичба. Тбилиси: Мецниереба.

Анисимов, С.

1930 Абхазские Альпы. Гагры-Сухум-Батум. Батумское побережье. Государственное побережье. Москва.

Анчабадзе, З. В.

1956 Вопросы истории Абхазии в книге П. Ингороква «Георгий Мерчуле – грузинский автор X века». В: Труды Абхазского Института языка, литературы и истории, т. XXVII, Сухуми, с. 261-278.

1964 История и культура древней Абхазии. Москва: Наука.

Арсенин, В., Бондарев Н., Сергиевский, Э.

1976 Горные путешествия по Западному Кавказу. Второе, дополненное, издание. Москва: Физкультура и спорт.

Бгажба, Х. С.

1956 Некоторые вопросы этнографии и топонимики Абхазии. В: Труды Абхазского Института языка, литературы и истории, т. XXVII, Сухуми, с. 279-303.

1964 Бзыбский диалект абхазского языка (Исследование и тексты). Тбилиси : Издательство АН Груз. ССР.

Боденштедт, Ф.

2002 По Большой и Малой Абхазии. О Черкесии. – «Абхазия в письменных источниках, вып. 2. Автор проекта и редактор, предисловие, комментарии, послесловие – Денис Чачхалия. Москва.

Бондарев, Н. Д.

1981 В горах Абхазии. Москва: Физкультура и спорт.

Ворошилов, В. И.

2005 Топонимы российского Черноморья. Сочи-Майкоп.

Гыцба, Т. Ш.

2002 Апсуаа рышъахъызқәеи рышъацамօақәеи (Кавказ мрағашә-рахътәи ахәта). Ақәа.

Джанашия, С. Н.

1959 Черкесский (адыгейский) элемент в топонимике Грузии. В: С.Н.

- Джанашия. Труды, т. III. Тбилиси: Академия Наук Грузинской ССР, с. 115-123 (на груз. яз. с русск. резюме).
- Дьячков-Тарасов,**
1903 Гагры и их окрестности. В: ЗКОИРГО. Книжка XXIV, выпуск I-й. Тифлис. Типография К.П. Козловского.
- Ефремов, Ю. К.**
1963 Тропами горного Черноморья. Москва.
- Инал-ипа, Ш. Д.**
1971 Страницы исторической этнографии абхазов (материалы и исследования). Сухуми: Алашара.
- 1976** Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухуми : Алашара.
- 2005** Садзы. Историко-этнографические очерки. – Народы Кавказа. Книга 2. Москва.
- Ингороква, П.**
1954 Георгий Мерчule – грузинский автор X века. Тбилиси: Сабчота Мцерали (на груз. яз.).
- Ионова, С., Татаршоа, А.**
2000 Из истории изучения абазинской ономастики. В: Современные проблемы кавказского языкознания и фольклористики. Сухум, с. 153-161.
- Касландзия, В. А.**
2005 Абхазско-русский словарь. Том 1 (А-Н). Сухум.
- Кварчия В. Е.**
2002 Аҧсны атопонимика. Аქәа.
- 2006** Историческая и современная топонимия Абхазии (Историко-этимологическое исследование). Сухум.
- Коков, Дж.**
1974 Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик.
- Кудрявцев, К.**
1922 (1925) Сборник материалов по истории Абхазии. Сухум.
- Меретуков, К. Х.**
1981 Адыгейский топонимический словарь. Майкоп: Адыгейское отделение Краснодарского книжного издательства.
- Патракова, В. Ф., Черноус, В. В. (состав.).**
1991 Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. – Библиотека истории Северного Кавказа и Дона в дневниках, воспоминаниях и свидетельствах современников. Ростов-на-Дону: Русская Энциклопедия.
- Старостин, С. А.**
2007 Индоевропейско-северокавказские изоглоссы. В: С.А. Старо-

- стин. Труды по языкоzнанию. Москва: Языки славянских культур, с. 312-358.
- Топуриа, В.**
1979 Труды, т. 3. Тбилиси (на груз. яз.).
- Торнау, Ф.**
1994 Воспоминания кавказского офицера. Черкесск.
- Туниев, Б. С. (ред.)**
2005 Рицинский реликтовый национальный парк (Монография по материалам комплексной экспедиции). Сочи: Проспект.
- Чаая, П.**
1912 Об отношении абхазского языка к яфетическим. – Материалы по яфетическому языкоzнанию, IV. Санкт-Петербург.
- Шагиров, А. К.**
1977 Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. Том. I (А-Н). Том II (П-И). Москва: Наука.
- Шакирбай, Г. З.**
1978 Абхазские топонимы Большого Сочи. Сухуми : Алашара.
- Chirikba, V. A.**
1996 Common West Caucasian. The Reconstruction of its Phonological System and Parts of its Lexicon and Morphology. Leiden: Research School CNWS.
- 1996a** A Dictionary of Common Abkhaz. Leiden.
- 2003** Abkhaz. – Languages of the World/Materials 119. München: Lincom Europa.
- Christol, A.**
1987 V. Notes de lecture. Scythica. In: Revue des études géorgiennes et caucasiennes. Hommage à Georges Dumézil. No. 3, p. 215-225.
- Dirr, A.**
1918 Über den Namen «Ubychen». In: Orientalische Studien F. Hommel gewidmet, II, S. 313-315.
- Dumézil, G.**
1932 Études comparatives sur les langues caucasiennes du nord-ouest (morphologie). Paris: Adrien-Maisonneuve.
- 1965** Documents Anatoliens sur les Langues et les Traditions du Caucase III. Nouvelles Etudes Oubykh. - Université de Paris. TMIE, t. LXXI, Paris: Musée de l'Homme.
- Hewitt, B. G.**
1990 [Рец. на:] Proceedings of the Third Caucasian Colloquium, Oslo, July 1986 by Fridrik Thordarson. Hans Vogt: Linguistique caucasienne et

armenienne by Even Hovdhaugen, Fridrik Thordarsen. B: *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London*, Vol. 53, No. 1, pp. 147-149.

NCED Nikolayev, S., Starostin, S. A North Caucasian Etymological Dictionary. Moscow: Asterisk Publishers, 1994.

Tomaschek, W.

1899 Brukhoi. In: Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung. Unter Mitwerkung zahlreicher Fachgenossen herausgegeben von Georg Wissowa. Dritter Band. Stuttgart: J.B. Metzlersche Buchhandlung, col. 898-899.

А. Д. ХЕЦИЯ

ЭТНОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЛЕКСИКИ ОХОТЫ НА КУНИЦУ У АБХАЗОВ

Охота на куницу была одной из традиционных промыслов у абхазов. Еще до недавнего времени встречались специалисты в этой отрасли, однако после грузино-абхазской войны она пришла в упадок. Причиной тому – экономическая блокада, объявленная Абхазии и вследствие этого отсутствие рынка сбыта.

Абхазы, как и другие народы Кавказа, занимались добычей куницы из-за ее шкурки, ибо цена меха была высокой, и люди, занятые данным видом промысла, получали немалый доход от его реализации.

Многие дореволюционные (до 1917 года) путешественники, купцы и заинтересованные люди, разновременно посещавшие Абхазию, а также чиновники царской администрации, находившиеся на государственной службе в крае, оставили нам немало письменных источников о состоянии пушного промысла, качестве добываемой пушнины, ее количестве, видовом составе и пр. Об этом, в частности, писали Евлия Челеби, Жан Шарден, Едмонд Спенсер, М. Пейсонель, С. Броневский, М. Ольшевский, И. Аверкиев, А. Шугуров, С. Сафонов, Н. Ходжаев и многие другие. В их сообщениях имеются немало исторических, этнографических, статистических и других сведений. Они известны в специальной литературе, поэтому не будем останавливаться на них.

Абхазские ученые С. Басария, Г. Дзидзария, Ш. Инал-ипа, Х. Бгажба, Ц. Бжания и др. ввели в научный оборот новые материалы по интересующей нас теме.

Однако, лексика, а также связанные с пушным промыслом ритуалы, до сих пор не были объектом специального рассмотрения, хотя они представляют несомненный интерес для исследования.

Мимоходом отметим, что под сильным натиском глобализации, очевиден явный процесс упадка данного вида промысла, а вместе с ним и необратимая тенденция исчезновения этого большого пласта абхазской специальной лексики. А выработанные и накопленные многовековым опытом абхазов в этой сфере традиции и ритуалы на наших глазах

безвозвратно уходят в небытие вместе с их носителем и хранителем – старшим поколением, а преемников их знаний и опыта, к сожалению, не предвидится в обозримом будущем.

Предлагаемое сообщение базируется на материалах наших много-летних экспедиционных изысканий и находок, собиравшихся в районах Абхазии, а также литературные источники.

В процессе длительного занятия пушным промыслом абхазы выработали специальную лексику, а также правила, регламентирующие поведение промысловика-лесовика при добывче пушного зверя, куницы в частности, с которой мы и начнем.

Итак, абхазское название куницы – ацыг [лат. *Martes*]. Термин ацыг – литературная норма, а в некоторых селах бзыбской Абхазии (Блабырхуа, Джирхуа, Отхара, Ачандара, Аацы и др.) встречается его фонетический вариант «ацыг», который засвидетельствован также в письменной речи, в частности, у авторов – носителей бзыбского диалекта (см. стихи Р. Смыра, З. Куарчия). В «лесном», т.е. тайном языке охотников, используется лексема «ахәыпшә» (букв. нежная, мягкая шерсть – в абжуйском диалекте) и «ахәымш» (букв. счастливая шерсть – в бзыбском диалекте). В охотничьих песнях представлен их лексический вариант «ацәапхъазара» (букв. ацәа – шкура, апхъазара – считать, подсчитывать):

Хәыпшәзаргы – цәапхъазароуп (букв. А если это нежношерстая – то шкурка для подсчитывания)

Шәарах ссазаргы – цәапхъазара (букв. А если это мелкая дичь – то шкурка служит для подсчета).

Термин «ацыг» был объектом изучения языковедов-этимологов абхазской лексики.

Академик Х.С. Бгажба, в частности, отмечал, что абхазское слово «ацыг» (бзыбское) и адыгское **цызэ** имеют общий корень.

Языковед Г. А. Клинов писал о том, что абхазо-адыгский корень восходит к древней форме цыгәа. Он привлекал также данные аварского языка, в котором цакъу или цыкъу – куница.

Адыговед А.К. Шагиров полагал, что термины «ацыг», «дзыдзэ», «цызэ» в абхазо-адыгские языки проникли из тюркских языков.

Слово «ацыг» куница используется переносно в значениях «быстрый», «ловкий», «энергичный»:

Сыцкәынан, ашъха аәаларазы ацыг сафызан [Амцабз № 3, 1983: 12, Джума Ахуба]. – Когда я был молодым, я взбирался на гору как куница.

Руазәы дшәан, ацыг еипш, адырдырхәа еразнак ацла дықәланы ипсы изазаап [Хашиг, 2002: 326]. – Один из них, оказывается, испугался, и взобрался мгновенно на дерево словно куница и притаился.

В абхазской антропонимии известны женские имена Цыг и Циза; первое восходит к ацыг (в бзыбском диалекте), а второе – к адыгейскому цызэ (букв. куница).

Лексема «ацыг» – компонент пословиц:

«Ацыг ацла иқәцаланы, ахә ршьон» (букв. загнав куницу на дерево, устанавливали ей цену) – соответствует «делить шкуру неубитого медведя». Эта пословица в сборнике «Афоризмы абхазов», составленном и переведенном на русский язык проф. О. Шамба, представлена в следующей редакции:

«Куницу на дерево загнали,
А на базаре цену назначили».

«Ацыг – хәәа аагара ицаз – ахәыжәгы азаамгейт» (букв. отправившаяся за новой шерстью куница, возвратилась без своей старой шерсти) – в погоне за новым потерять и то старое, что имеется.

По суеверию абхазов встреча с куницей предвещает неудачу. По этому поводу говорится:

«Ацгәи ажьеи реипш, ацыг амшьта цәгъоуп, иупылар, ма умфа еих-нацәар, уеиқәшәом. – Подобно кошке и зайцу, куница обладает отрицательной энергией, при встрече с ней или же если она пересечет путь, то вас ожидает неудача».

По данным зоологов на территории Абхазии и прилегающих к ней регионов обитает два вида куниц. В специальной литературе одна известна как «обыкновенная куница», «лесная куница», или же «желтодушка» (лат. *Martes martes*), а другая – «каменная куница», «белодушка» (*Martes foina*). Промысловики-абхазы различают их. Лесную куницу, т.е. «желтодушку» называют «ацыг хәцапшь» (букв. куница с красноватым горлом) с вариантами «ацыг хәдапшь» (букв. рыжешея куница), «ахъп-штәыла» (букв. золотоцветая), «ахъапштәыла» (букв. каштановцветая), а также «апсара цыг» (букв. пихтового леса куница).

Каменную куницу называют «ацыг хәцыш» (букв. куница белогорлая) с вариантами «ацыг хәдыш» (куница белошеяя), «ашәра цыг» (букв. букового леса куница) и «ахъцъра цыг» (букв. дубовой возвышенности куница), а также «асарсалеи» – заимствование из турецкого (ср. тур. *sansar* – каменная куница). Согласно сведениям знатоков, подошва желтодушки такая же, как у соболя – она покрыта шерстью, тогда как стопа у белодушки голая, как у кошки. Сказанное подтверждено специальной литературой.

Понятие «куний промысел» в абхазском языке передается сложным словом «ацыгхара» (ацыг – куница; ахара – настораживать, настроить, ставить ловушку) с несколькими вариантами с тем же первым компонентом «ацыг»:

ацыгкра – (акра – ловить; поймать; держать)

ацыгшэара – (ашэара – искать, поиск, охота, охотиться)

ацыгшэарыцара – (ашэарыцара – охотиться, охота).

Для обозначения этого же понятия имеются также другие варианты:

абназара – (абна – лес; вне дома; – зара от слова азара – измерять; считаться)

абнашэара – (абна – лес; ашэара – поиск, искать, охотиться)

абнаҳара – (абна – лес; аҳара – настораживать, ставить ловушку)

абнаныкәцара – (абна – лес; аныкәцара – водить)

апсташэара – (апста – ущелье; ашэара – поиск, искать, охотиться)

аныкәара (ходить).

Используется также словосочетание «аҳара ацара» – идти ставить ловушку.

Прибавлением к основам вышеприведенных лексем аффикса, показателя класса человека – ю(ы), получаем производные слова со значением: «лицо, занятое тем, что выражено основой»: ацыгхафы, ацыгкы, ацыгшэафы, абназафы, абнашэафы, абаңаҳафы, абнаныкәцафы, апсташэафы, аныкәафы – лесовик, промысловик, занятый куньим промыслом (букв. куний охотник).

Посредством лексемы «ацыг» образованы и другие сложные слова:

ацыгмоя – кунья тропа (прямое и переносное значения), а также топоним в горах Абхазии

ацыгтра, ацыгырта – место, изобилующее куницей

ацыгшэа – кунья фигура, кунья стать (т.е. изящный)

Ацыгцхақәа – топоним в горах Абхазии (букв. куньи мосты).

Из всех вышеприведенных вариантов слово «абназара» представляет интерес с точки зрения семантики. Оно используется в нескольких значениях:

1. По фольклорным данным и лексикографическим работам, его первым значением является «охота», «охотиться», «быть на охоте». В этом значении является вариантом слова «ашэарыцара».

2. Является, как было сказано выше, вариантом терминов «ацыгхара», «ацыгкра», «ацыгшэара», «апсташэара» и соответствует русским терминам «лесовать», «лесничать», «зверовать», «зверование» – охотиться на пушного зверя (согласно словарю Вл. Даля и материалам Л.П. Сабанеева – русского охотоведа и издателя литературы по охоте второй половины XIX в.).

3. Быть абреком; быть в бегах.

– Ус қалом Астамыр... Абназара мацара акгы унатом.

– Абназараәы ма хәычык схы сыхъчоит... Рнапаәы снеир, сеибганы сынхоит ҳәа аума ишудыру? [Гәыблиа 2004: 354].

Перевод контекста таков:

– Так нельзя Астамур... Быть абреком ничего тебе не даст.

– В абреках я больше сохранюсь... По твоему, если я окажусь у них в руках, я разве останусь в живых?

Дериват «абназаә» также полисемантичен:

1. Охотник, ушедший в лес на зиму и соответствует русским терминам «лесовщик», «зверовщик», «промысловик» – охотник на пушного зверя (по Вл. Далю).

2. Член пастушеского сообщества, находящегося вне дома, в горах.

3. Участник набега; член воинства, а также абрек.

К термину «абназаә(ы)» имеется антоним «аәназаә(ы)» – человек, находящийся дома, в селе; человек, не занятый в настоящее время пастушеством, охотой; не участвующий в набеге (аәны – 1. дом, жилище. 2. дома, не в лесу).

Охота на куницу (ацығхара, ацығшәара, абназара, аңсташәара и пр.) является сезонным занятием, так как она связана с волосяным покровом этого зверька, который, как известно, линяет свою шерсть весной, коротка летом и не пригодна для использования.

С наступлением заморозков в горах и началом выпадения первых снегов, куница обрастает густой зимней шерстью, которая совпадает с окончанием полевых и уборочных работ в селе и промысловики готовились к зимней охоте (абназара реазықартцон).

Предварительно обсудив место проведения охоты, а для промысла выбирались глухие и малопосещаемые места, двое или трое, а иногда и четверо охотников, к концу октября отправлялись на заранее обговоренное место и строили балаган (ақъала) или же приводили в порядок пещеру или грот (аҳапы) для жилья, если на той территории имелась таковая, а затем возвращались домой.

К началу декабря компании отправлялись на промысел на всю зиму тайно, незаметно от домашних и соседей глубокой ночью, чтобы предостеречь себя от дурного глаза (алаңш цәгъя, амшьта цәгъя реацә-ырхъчон), с воскресенья на понедельник (бзыбцы) или с понедельника на вторник (абжуйцы), а также со среды на четверг.

Следует отметить то, что членам семьи, в которой была беременная женщина, запрещалось ходить на охоту, чтобы «не навлечь беду на будущего потомка», ибо умерщвлять, удушать или подстреливать зверя для мужа беременной женщины считалось грехом. По поверью абхазов, это отрицательно могло сказаться на рождение, здоровье ребенка,

более того, он мог родиться неполноценным или мертвым. Женатому мужчине предписывалось воздерживаться от интимной близости с женой за 7–10 дней до его ухода на промысел.

С выходом из дома члены промыслового сообщества начинали общаться между собой только на тайном языке охотников под названием «абна бышæа», который переводится как «язык леса», «лесной язык», «язык вне дома». Знание и использование подъязыка охотников было обязательным для лиц, промышлявших на куницу, а также стоявших со скотом пастухам в ущельях. Охотникам и пастухам, открытых альпийских лугов и голого высокогорья, выбор языка общения был свободным, не регламентировался.

В момент выхода из стойбища каждый охотник наконечником своего посоха проводил три раза по углам горящего костра и отправлялся в путь.

В пути следования старший по возрасту, он же и предводитель группы (амасаба, абчараҳ), шел впереди, а за ним, соблюдая старшинство, следовали остальные (ацæымш), замыкал процессию самый младший «агæач» (бз.), «аԥашыыш» (абж.).

Одежда охотника-промысловика должна была быть удобной, не броских, а серых тонов, чтобы не выделяться из окружающей среды обитания. С собой брали ружье (ашæақъ), боеприпасы (ахи-ахæшæи, аԥапчæны), бурку (ауапа), вещмешок, ранец (ахъатра), бурдюк (аҳатा), топорик (аикæаға), посох-лопату (аҭæарғæи лабашъя), снегоступы (ашæағақæа), поясной нож (аԥсуа ҳæызба) для свежевания, живец или козявку (аача), жирницу или сальницу (акъапатра), оселок (амақъапçыс), брускоточильный (амақъа), соль (аԥықахыш), аджику (аԥықатцæацæа), муку (ашыла), нитки (арахæыц), иголки (агæыр), шило (азаз), бечевки (ачабрыхæа) и пр., т.е. все необходимое для зимовки в лесу. Не брали с собой мяса – оно добывалось охотой на месте. В свободное от промысла время промысловики по очереди ходили на охоту за крупным зверем.

Находившимся на промысле в ущелье людям запрещалось бриться, купаться, сквернословить, ругаться, выяснять отношения, произносить проклятия, проявлять жестокость к собаке, если она имелась, выражать недовольство, произносить нецензурные слова и пр., словом, под запретом было все то, что мешало спокойной слаженной работе сообщества.

Вышедшие из дома в понедельник companьоны, по прибытии на место, устраивали отдых.

Вторник у охотников бзыбской Абхазии считался запретным, неудачным днем, а в Абжуйской Абхазии – понедельник. Об этих днях сказано так:

«Аюашаены ақәыңымаңғыңа игәағыны ахәың алнаршәом», который переводится как «во вторник даже волк не осмелится уронить шерстинку с себя».

А абжуйцы так говорили о понедельнике. В этот день велась подготовительная работа: приводили в порядок инвентарь, осматривали жилье, занимались другими хозяйственными делами, обустраивали быт.

Однако нужно отметить, что вторник является днем проведения ритуала моления.

Божество куниц и пчел в абхазском представлено в женской ипостаси и зовут ее Анана Гәында с вариантами Анана-Гәында, Ананий Гәында, Анан Агәында, Гынды, Анан, Гәында-пшза, Гәында-шениш, Анан-Гәашьа, Анана, Нан, Анана Ахъаңкәажә. Последнее словосочетание переводится букв. «Мать Золотая Княгиня».

Молился старший группы «амасаба» без головного убора и ремня в белой нательной рубахе навыпуск ближе к полудню, обратившись лицом к восходу солнца. Остальные становились по старшинству с левой стороны от молельщика. Перед началом ритуала все умывались. После окончания моления, присутствовавшие произносили «Аминь!». Записанный нами текст молитвы таков:

– «Ари заҳауа Анцәа Ду! Ари Иақәиту ухышшаргәыңда сакәыхшоуп! Анан Ахъаңкәажә Ду! Ашәт-мышәт инкахңсуа ирхианы иҳат! Қәнагала иқаларатәаны иҳақәыршә сбыкәыхшоуп! Ашәарах, абна илатаны ибымоу, ҳхыбымбаан! Ибымфац, ибымжәың ҳадбымгылан! Ҳәзы злағъара ҳақәыршә сбыкәыхшоуп!» – абас ҳлықәуан Анан Ахъаңкәажә.

Буквальный перевод текста таков:

«Да слышащий это Великий Бог! Тот, Кто Властен над всем этим, да чтобы я был принесен в жертву твоей золотой подошве! Великая Золотая Княгиня Анан! Эти цветочки (т.е. средства ловли), которые мы рассыпаем, сделай их удачливыми! Отдай их нам как полагается, да буду я твоей жертвой! Дичь, которую ты содержаешь в лесу, не пожалей для нас! Не предлагай нам того, чего ты еще не съела и не испила! Предоставь ты нам то, чем наше сердце возрадуется! – так просили мы Анан Княгиню» (записано со слов Барцыц Джамфера Селимовича, 1906 г.р., жителя с. Бзыбь Гагрского р-на, 21.08.1982г.).

Другой вариант моления проходил так:

«Ачбайнцәахәы ҳәа аматәа шътахдауан аңыңхараәы. Ахәыз шыла иалхыз ахәажә ашә агратаны, изны, арасатәы иахатаны, агәатәа аңыңхәрас ҳахныңәуан «Ачбайнцәахәы» ҳәа».

Перевод звучит так:

«Мы устанавливали средства ловли куниц на охоте во имя Божества Ачба (Ачба – княжеский род, следующий по важности после владетельной фамилии Абхазии Чачба – А.Х.). С этой целью мы на костре пекли начиненный сыром просяной хлебец, предварительно насадив его на специально приготовленную для данного случая палочку из лещины, молились перед тем, как выйти из балагана на охоту. Хлебец употреблялся вместо печени жертвенного животного», – сообщил нам в 1982 году известный охотник и сказитель из села Ачандара Хагба Махты, проживший 117 лет и ходивший в горы 67 лет подряд.

Настораживание ловушек начинали в четверг или в понедельник и продолжалось до его завершения.

Понятие «средства ловли куниц» передается сложным словом «ацыг-кыгақәа» (ацыг – куница, акыга – средство ловли от акра – ловить, поймать; держать) с вариантами «ацәкъақәа», «аҳара // аҳара». На «лесном языке» (абна бызшәа) употребителен термин аматәа «совокупность всех средств ловли», «ловушка», «инвентарь», «инструментарий». Он состоит из следующих компонентов: а+ма+тәа, в котором а – аффикс общности, артикль; ма – корень слова ама(заа)ра «иметь», «обладать»; тәа – корень слова атәа(заа)ра «полагаться», «соответствовать». В целом значение термина аматәа можно передать как «иметь то, что полагается», «обладать тем, что полагается», «иметь то, что нужно», «иметь соответствующее, подходящее, годное, пригодное» и пр.

К указанному термину используются лексические варианты «аматәашьтыр», «аматәашьтра» (ашьтыр, ашьтра – след), «ацыгматәа» (ацыг – куница), «амәыматәа» (амәы – древесина, дрова), а также «ашәт», «ашәт-мышәт» (ашәт – цветок) – последнее в «лесном языке» охотников.

Понятие «настораживание инвентаря» передается словосочетанием аматәа ашьтатца (ашьтатца – букв. класть на землю), аматәа атара (атара – давать), аматәа аиқәыршәара (аиқәыршәара – собрать, снабдить), аматәа архиара (архиара – подготовить, приготовить, настроить), аҳара атара (аҳара – инвентарь, атара – дать), ашәт-мышәт ақапсара (акапсара – рассыпать).

После окончания сезона промысла инвентарь спускают, убирают. Этот процесс обозначается терминами «аматәа ашьтыхра» (букв. поднятие инструмента; от ашьтыхра – поднять, убрать), «аматәа апыркъара» (апыркъара – расстроить, спустить; разрядить).

Территория или пространство, в котором насторожен инвентарь, бзыбцы называли «аҳара» (букв. взведенное место); от этого получены словосочетания аҳара дцеит – ушел на территорию ловли куниц (дцеит

– ушел), аҳара дыкоуп – находится на территории ловли куниц (дыкоуп – находится), аҳара дылоуп (дылоуп – находится в массе, в гуще), аҳара дылцит – вышел из территории ловли куницы (дылцит – вышел, удалился) и пр.

В абжуйском диалекте наряду с аҳара // аҳара употребителен его вариант ақъаста (букв. место поиска; место, где развертывается) от слова ақъара поиск; искать (букв. дъю абна дылоуп – находится в лесу, ища).

Абхазским промысловикам были известны много ловушек различных конструкций и их модификаций. Нами записаны нижеследующие приспособления.

Арыпъяа. При помощи этой ловушки абхазы добывали как птиц, так и куниц. Она состоит из согнутой хворостины достаточной толщины, чтобы могла удержать добычу, на конце которой привязана петля. Петля настраивается на сторожке, посредине нее кладется приманка. При попытке забрать ее, зверек сбивает сторожок, ствол мгновенно выпрямляется, а петля затягивается на шее куницы и приподнимает ее высоко. Предпочтение отдается стоящей на корню дикой хурме, так как она эластична и упруга, и при освобождении от сторожка, принимает мгновенно изначальное положение. При отсутствии указанного растения применялись лещина, азалия, рододендрон, граб. В русской специальной литературе XIX в. известна ловушка аналогичного действия под названием «пружок», «подпружок», которая предназначена, в основном, для ловли крупных птиц [Сабанеев 1989: 142, 263]. В этой же работе дан его рисунок.

Ашътахá. Эта ловушка устанавливается на земле.

Ақәхá – ловушка, устанавливаемая на поверхности бревен или иных предметов.

Амаңәа кнахá с вариантами амаңәа шьтых, амаңәа хшы (акнахá – висящий; ашьтых – поднятый; ахшы – подвешенный). Рисунок этой западни с описанием дан в монографии Ш. Д. Инал-ипа [Инал-ипа 1965: 186].

Ашыш (букв. плетеное, плетенка). В корреспонденции «Несколько слов об открытии Псхувского ущелья», помещенной в газете «Кавказ» (№ 104-105, 1869), Н. Ходжаев детально описал устройство и действие этого приспособления, назвав его «капкан для ловли куниц» [Абхазия и абхазы 2005: 403].

Арысақә (варианты: аиқәаха – букв. падающая одна на другую; арагәа, амалакаха (букв. самопад). Состоит из двух половинок расколотого пополам бревна. По внешнему виду похожа на мышеловку. В специальной литературе она известна под названием «слопец», «плашка»

и подробно описана Л. П. Сабанеевым [Сабанеев 1988: 340-341]. Здесь же дан ее рисунок.

Ақыра – ловушка, плетенка с отверстием, устанавливавшаяся на бревне, переброшенном через водную преграду или овраг, соединявшем оба берега. В ее отверстие устанавливалась петля из лыка вяза, скрученная втрое или силок из 5-7 хвостовых конских волосков, скрученных вместе. При проходе куницы через отверстие плетенки петля затягивалась на шею зверька и душила его. Была известна аналогичная ловушка среди собольих промысловиков на Байкале в XIX веке и называлась она «куркавка» [Сабанеев 1988: 343].

Ақыдра (ақды – бревно, -ра – аффикс). Ловушка состоит из двух бревен, заложенных между четырьмя колами, вбитыми в землю парами с обоих концов.

Размер кряжей – 16-20 см. в диаметре; длина – 2,5 – 3 м. Один кряж кладется поверх другого. Конец верхнего бревна подпирают сторожком с наживкой.

Подлезая под взведенное бревно и потянув приманку, куница сбивает сторожок, и бревно, падая на нее, убивает ее. Такой же снаряд, но больших размеров, использовался для добычи более крупных зверей (косуль, кабанов, котов, рысей и пр.). Он был распространен повсеместно. Об этом, в частности, свидетельствует топоним «Ақыдра», который встречается в 14 различных местах Абхазии [В.Е. Кварчия, Т. Ш. Гицба]. Аналогичная снасть под названием «кулёмка» была известна русским промысловикам Енисейского округа в XIX в. [Сабанеев 1988: 341].

Атáшыш (аtашыш – плетеное, плетенка). Эта ловушка состоит из двух круглых плетенок разной величины, вставленных одна в другую. Для ее создания нужны колья и хворост. Колья внутренней и внешней загородок вбиваются в землю по кругу и плетутся вицами из лещины, азалии, рододендрона и пр. Внутренняя плетенка диаметром около 0.5 м. служит для закладки в нее приманки и плется плотно, чтобы куница не смогла проникнуть внутрь нее. Колья внешней плетенки отстоят от внутренней стенки на 15 см, чтобы образовался коридорчик между обеими плетенками. На внешней плетенке навешивается дверца с некоторым наклоном, чтобы она открывалась внутрь и оставляется открытой. Зверек, войдя в узкое пространство через открытую дверцу, будет искать приманку, иходить между двумя плетенками и, доходя до открытой дверки и толкнув головой, прижимает ее с внутренней стороны стенки внешней плетенки, закрывая тем самым выход из нее и продолжает двигаться до тех пор, пока охотник не придет...

Снасть сверху закрывают плотно плетенью, чтобы попавшая в нее добыча не смогла уйти через верх. Такую же ловушку, но больших размеров, абхазы строили для ловли лисиц, шакалов, волков. Аналогичная ловушка, под названием «волчий садок», была известна также русским и украинским волчатникам [Охота 1954: 312]. Эта же ловушка описана исследователем охоты адыгов К. К. Хутызом [Хутыз 2001: 162].

Приманками служили мед, мясо, рыба (соленая), куски мяса совы или филина вместе с перьями. Одной тушки совы хватало на 10-12 ловушек. Считалось, что мясо совы или филина зимой не замерзает, его запах «слышен далеко».

Русские промысловики Сибири пользовались также медом, мясом дичи, рябчиками. Абхазы употребляли также плоды дикой хурмы (ахэ-ырмасса), сассапариля (агэмыркатыл – абж., акэмаргъағ – бз.).

Шкурку куницы снимали чулком или трубкой (иргэаօаны) и, очистив мездру от жира и остатков мяса, для растяжки в нее вставляли дранку или рогатульку на всю длину шкурки и подвесив, сушили ее в тени, избегая при этом прямого попадания в нее солнечных лучей или дыма. Считалось, что от солнечных лучей и дыма, цвет меха тускнеет и вследствие этого, его качество ухудшается. Для придания шкурке товарного вида, после сушки ее надевали на болванку четырехугольной формы, которая называлась «аेыкәа». Освежеванную голую тушку оставлять на земле считалось грехом (тасым), и ее закапывали в землю или закидывали в глубокий провал или яму.

Интерес представляет подсчет количества добытых шкурок и настороженных ловушек. По этому поводу наш информатор сообщил следующее: «Значимой единицей счета являлось число «двадцать», которое называлось «хыпхъазарак» – (букв. одно число, одно количество). Однако число ловушек не должно было строго соответствовать числу двадцать, а должно было быть на единицу больше или меньше, которое выражалось словосочетанием «хыпхъазарак инеиханы» (букв. «больше, чем одно количество»), т.е. 21. Словосочетание «хыпхъазарак зымназо» (букв. «не доходя до одного количества») означало 19. Если же хотели выразить число 23, то говорили «хыпхъазарак хә ацны» (букв. «к одному количеству добавленное три»), а число тридцать – хыпхъазараки бжаки (букв. «одно количество и половина», «половина количества»).

Число 40 обозначалось термином «օ-хыпхъазарак» (букв. «два количества»). И в этом случае также избегали круглое число «сорок», а употреблялось 39, которое звучало как «օ-хыпхъазарак зымназо» (букв. «не достигая двух количеств»). Число 41 обозначалось «օ-хыпхъазарак

инеиҳаны» (букв. «больше, чем два количества»). Число 45 выражалось как «*ю-хырхъазарак хәба аңы*» (букв. «к двум количествам добавленное пять») (со слов Харуна Каджая, 1924 г.р., жителя с. Арасадзых Очамчирского р-на, записано 09.02.80г.).

Другой информант сообщил следующее:

«Аңыққәа р҃әаққәа анырхъазоз «акы, әба, хңа» ухәар қалазомызт. Жәаба-жәабала акәын изырхъазоз» – При подсчете шкурок куниц нельзя было считать «один, два, три». Счет велся десятками (со слов Аксента Конджария 1918 г.р., жителя с. Бзыбь Гагрского р-на, записано в 1986 г.).

По сообщениям того же Л. П. Сабанеева русские промысловики Сибири в XIX веке при подсчете собольих шкурок пользовались особым исчислением, которое велось сороками. Для этого имелись специальные термины «сорок», «сорочок», «полсорочка» и т.д. Ср.: «Во времена Ермака сорочок соболей стоил только 28 р. Соболи шкурки сортируются уже скупщиками пушнины, которые связывают их сорочками или полусорочками» [Сабанеев 1988: 351].

В словаре Вл. Даля читаем: «Соболь подбирается сороками, сорок соболей составляет мех, сорочек. Соболь поныне продается сороками или сорочками» [Даль 1982: 275].

М. Фасмер дает такое определение: сорок «связка из 40 собольих шкур» [Фасмер 1987: 722].

При передвижении по поверхности глубокого и рыхлого снега промысловики к подошве обуви подвязывали ремешками ашәафакқәа – снегоступы, изготовленные из дикой лавровиши (абна шымхә, аетцә). Они имели окружную форму около 50 см. в диаметре. Внутри круга имелась решетка с крупными ячейками из сыромятной кожи. На «лесном языке» этот предмет назывался ашъахаха (ашъа – от ашъапы «нога», ахаха – «растопыренная», «решетчатая»).

Для прокладки троп и отметания снега с ловушек из цельной древесины изготавливали «аңәарғәы лаба(шъа)» – посох с лопастью, с лопатой (букв. липовая доска, алабашья – посох) с вариантами аспыга (букв. инструмент для отметания снега), ахәапа. Длина ее 120-130 см, ширина лопасти до 15 см, а высота около 30-40 см. Изготавливается из бука (ашә), клена остролистного (ачамхә), липы (аңәа) и пр. На «лесном языке» ее называли атас (букв. «подпорка», «опора»; «подталкиватель»).

По завершении сезона, который заканчивался к первой половине марта, сообщество лесовиков (абназацқәа, аңыққәа, аңызхәцқәа) возвращалось ночью тайно. Шкурки куниц не показывали. Было запрещено открыто выражать восторги от добычи, успехов. Добытые меха отдава-

лись на хранение старшему, доверенному лицу, который содержал их в сундуке под замком. Вырученные от реализации меха, деньги делились между компаньонами в равных долях, независимо от вклада каждого из них в отдельности.

По сообщениям информаторов и письменных источников до советской власти промысловики свой товар выносили в приморские торговые пункты, которые были расположены в Старой Гагре (Гагра абааты), Пицунде (Лзаа абааты), Бамбore, Гудауте, Псырдзхе (Новый Афон), Сухуме, Скурче, Тамыше, Очамчыре, Елыре и др., где меха закупали турецкие или другие иностранные купцы. Меха закупали также коробейники (акаткэыркэа, акаткэырцэа, акаткэыруаа – бз.; амазагэар – абж.), которые ходили по селам с корзинами на плечах и занимались мелочной торговлей.

В советское время добытчики куниц вступали в районные отделения «Охотничьего союза» и заключали с ними договора, у них же приобретали необходимый охотничий инвентарь, в том числе железные капканчики фабричного производства, а добытый мех сдавали «Охотсоюзу» по установленным государственным расценкам и получали стоимость сданной продукции в денежном или ином выражении.

Литература

- Абхазия и абхазы 2005:** Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX-нач. XXв.). Книга I. Составители Агуажба Р. Х., Ачугба Т. А. Сухум, 2005.
- Аверкиев 1866:** Аверкиев И. С северо-восточного прибрежья Черного моря. Газ. «Кавказ», 1986/Абхазия и абхазы, 2005 с. 307.
- Акаба 1984:** Акаба Л. Х. Исторические корни архаических ритуалов абхазов. Сухум, 1984.
- Басария 2003:** Басария Симон. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. Изд. 2. Сухум, 2003.
- Бгажба 1964:** Бгажба Х. С. Бзыбский диалект абхазского языка (исследование и тексты). Тбилиси. 1964.
- Бжания 1973:** Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов (Исследование и материалы). Сухуми, 1973.

- Даль I-IV:** Даль Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка. Т I-IV. М., 1978-1982.
- Дзидзария 1988:** Дзидзария Г. А. Труды. I том. Сухуми, 1988.
- Заповедники 1990:** Заповедники СССР. Заповедники Кавказа. М., 1990.
- Инал-ипа 1965:** Инал-ипа Ш. Д. Абхазы (Историко-этнографические очерки). 2-ое перераб. и доп. изд. Сухуми, 1965.
- Маан 2006:** Маан О. В. Абжха. Историко-этнографические очерки Очамчырского района Абхазии. Сухум, 2006.
- Настольная книга 1956:** Настольная книга охотника-спортсмена. Т. II. М., 1956.
- Основы 1963:** Основы спортивной охоты (охотминимум). Изд. 2-ое, исправл. и дополн. М., 1963.
- Охота 1954:** Охота на Украине. Киев, 1954.
- Пейсонель 1927:** Пейсонель М. Исследование торговли на черкесско-абазском берегу Черного моря, 1750-1762гг. в изложении Е. Д. Фелициана. Краснодар, 1927.
- Пузанов, Козлов, Кипарисов 2005:** Пузанов И. И., Козлов В. И. , Кипарисов Г. П. Позвоночные животные нижегородской области. Изд. III, перер. и доп. Нижний Новгород, 2005.
- Рицинский 2005:** Рицинский реликтовый национальный парк (монография по материалам комплексной экспедиции). Сочи, 2005.
- Сабанеев 1988:** Сабанеев Л. П. Охотничьи звери. М., 1988.
- Сабанеев 1989:** Сабанеев Л. П. Охотничьи птицы. Труды по охоте. М., 1989.
- Сафонов 1837:** Сафонов С. Поездка к восточным берегам Черного моря на корвете Ифигения в 1936 году. Одесса, 1837.
- Советский энциклопедический словарь М., 1981.**
- Туров 1952:** Туров С. С. Очерки охотника натуралиста. Изд. II, исправл. и дополн. М., 1952.
- Фасмер 1986:** Фасмер Макс. Этимологический словарь русского языка. Изд. II, стереотипное. В четырех томах. М., 1986-1987.
- Ходжаев 1969:** Ходжаев, Н. Несколько слов об открытии Псхувского ущелья. Газ. «Кавказ» №104-105, 1869. Абхазия и абхазы, 2005.
- Хутыз 2001:** Хутыз К. К. Охота у адыгов (эколого-этнографический аспект). Книга I. Издание второе, иллюстрированное. Майкоп, 2001.
- Челеби 1972:** Челеби Евлиа. Книга путешествий. Ч. 2-3. М., 1972, 1983.

Шагиров 1977: Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. В двух томах. М., 1977.

Шугуров 1911-1912: Шугуров А. Из отчета о поездке по Кодору и Гвандре. ИКОИРГО, т. XXI, №1, 1911-1912.

Источники

Алашара: Алитетатура-сахъаркыратә ауаажәларра-политикатә журнал.

Алитетатуратә пхъара: Алитетатуратә пхъара З акласс азы. Акәа, 2001.

Амаршъан 1994: Амаршъан Витали. Апсха. Ароман. Акәа, 1994.

Амцабз: Ажурнал «Амцбаз».

Амш өыц: Агазет «Амш өыц».

Апсны: Апсны Жәлар Реизареи Апсны аиҳабыреи ргазет.

Апсны қапшь: Агазет «Апсны қапшь».

Апсуа литература ахрестоматия а-6-тәи акласс азы. Акәа, 1995.

Апсуаа рфольклор. Артур Аншба ианцамтақәа. Акәа, 1995.

Ахрестоматия 1932: Ахрестоматия а-5-тәи атара шықәсазы (а-4-тәи акласс). Акәа, 1932.

Ашколи апстазаареи: Апсны Аҳәынтқарра атара Аминистрра итнажъуа ажурнал.

Бәжәба 1983: Апсуа жәапқақәа / Еиқәиршәеит Хә. С. Бәжәба. Акәа, 1983.

Бзып: Гәдоута араионтә газет.

Габниа 2002: Апсуа жәлар рәаңыц рәиамта. 12 томкны. VII ат. / Еиқәлышәеит Ц. С. Габниа. Акәа, 2002.

Генко 1998: Апсуа-аурыстә жәар / Еиқәиршәеит А. Н. Генко. Акәа, 1988.

Гыцба 2002: Гыцба Т. Шь. Апсуаа рышъахъызқәеи рышъацамбақәеи. Акәа, 2002.

Гәлиа, Бәжәба 1972: Апсуа жәлар рпоезия II атыжъра / Еиқәдышәеит Д. И. Гәлиа, Хә. С. Бәжәба. Акәа, 1972.

Гәлиа, Җынанашыя 1950: Гәлиа Д. И., Җынанашыя Б. П. Апсуа бызшәа III акласс азы. Сухум, 1950.

Гәйблиа 2004: Гәйблиа Гъаргъ. Атыхәтәантәи ахысыбжы. Ароман. Акәа, 2004.

Искандер 1969: Искандер Фазиль. Итасхәым ачыс. Акәа, 1969. (Еиғеингеит Ш. Акәысба).

- Итамбазо жәлар рзыхъ / Еиқәиршәеит К. С. Шыақрыл. Ақөа, 1989.**
- Камкиа 1985: Ахъкәырчахақәа / Еиқәиршәеит Ш. Камкиа. Ақөа, 1985.**
- Камкиа 2001: Камкиа Шыаликәа. Ажәақәа рдунеи. Ақөа, 2001.**
- Касланзия 2005: Аңсуа-аурыс жәар. Ә-томкны / Еиқәиршәеит В. А. Касланзия. М.; Ақөа, 2005.**
- Кәарчия 2002: Кәарчия Валери. Аңсны атопонимика. Ақөа, 2002.**
- Кәарчия 2006: Кәарчия Заур. Иөымтәқәа реизга. I ат. Ақөа, 2006.**
- Қапба 2001: Қапба Руслан. Владимир Аңқәаб. Ипстазаареи ирәниамтәқәеи. Ақөа, 2001.**
- Малиа 2003: Малиа Елена. Аңсуа матәа. Ақөа, 2003.**
- Миқаиа 2003: Миқаиа Мушыни. Ахқа. Ароман. I-II ашәкәқәа. Ақөа, 2003.**
- Нарт Сасрықәеи ңшыныңажәи зеижәөык иара иашыңқәеи – Аңсуа жәлар репос. Ақөа, 1962.
- Островски 1956: Островски Николаи. Аңыр шзрыжәхаз. Ақөа, 1956.**
- Папасқыр 1955: Папасқыр Иван. Җемыр. Ароман. Ақөа, 1955.**
- Салақана 2003: Аңсуа фольклор / Ианицент, акыпхы изирхеит Ш. Х. Салақана. Ақөа, 2003.**
- Смыр 2005: Смыр Рушьбей. Абжыы. Ажәенинраалақәа. Ақөа, 2005.**
- Советская Абхазия: Агазет «Советская Абхазия».**
- Хашыг 2002: Хашыг Никәала. Аңсуара ашьатқақәа. Ақөа, 2002.**
- Чқадуа 1963: Чқадуа Платон. Ә-енииарак. Ақөа, 1963.**
- Чқадуа 1976: Чқадуа Платон. Иалкаау. Ақөа, 1976.**
- Шамба 2003: Афоризмы абхазов. Собрал, перевел и обработал проф. Олег Шамба. Сухум, 2003.**
- Шамба, Гәыргәлиа 2003: Аңсуа жәаңқақәа / Еиқәдышыршәеит: Олег Шамба, Борис Гәыргәлиа. Ақөа, 2003.**
- Шыақрыл 1970: Сақания Маадан. Ихәамтәқәа / Еиқәиршәеит, апхъажәеи азгәатақәеи иоит К. С.Шыақрыл. Ақөа, 1970.**
- Шыақрыл, Концьария, Чқадуа 1986–1987: Шыақрыл К. С., Концьария В. Х., Чқадуа Л. П. Аңсуа бызшәа ажәар. 2-томкны. Ақөа, 1986–1987.**
- Шыынқәба 1959: Аңсуа жәлар рпоезия / Еиқәиршәеит Б. В. Шыынқәба. Ақөа, 1959.**
- Шыынқәба 1990: Шыынқәба Баграт. Ахъыртқәацәа. Ақөа, 1990.**
- Цъения 1971: Цъения Алықъса. Абна амаза. Ароман. Ақөа, 1971.**
- Цъонуа 1976: Цъонуа Цычықәа. Иалкаау. II атом. Ақөа, 1976.**

Список информантов

Абухба Чика, 1920 г. р., с. Джярда
Агрба Ясон, 1918 г. р., с. Джирхуа
Агумаа Кута, 1893 г.р., с. Лдзаа
Ампар Гуаджа, 1918 г. р., с. Калдахуара
Арстаа Шота, 1929 г.р., с. Уатхара
Ахба Константин, 1937 г. р., с. Калдахуара
Барцыц Джамфер, 1906 г. р., с. Бзыпта
Барцыц Рамиз, 1936 г. р., с. Блабырхуа
Гуарамия Кямщиц, 1885 г. р., с. Аджампазра
Джапуа Чут, 1906 г. р., с. Члоу
Каджая Харун, 1924 г. р., с. Арасадзых
Куанджария Аксент, 1918 г. р., с. Бзыпта
Псардия Алексей, 1930 г.р., с. Бзыпта
Тания Леуард, 1934 г. р., с. Дурипщш
Хагба Махты, 115 лет, с. Ачандара
Хеция Джота, 1911 г. р., с. Калдахуара
Хеция Камсис, 1904 г. р., с. Калдахуара
Ченчия Ремзик, 1961 г. р., с. Блабырхуа
Шинкуба Аполон 1946 г.р., с. Тхина
Юардан Кунцал, 1928 г. р., с. Уатхара

3. М. МАЛЛАЕВА
(г. Махачкала)

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН ДАГЕСТАНА

Дагестан, расположенный на стыке Европы и Азии, представляет собой удивительную мозаику многочисленных этносов, культур, языков. Этническая пестрота и чрезвычайное многоязычие Дагестана (как и Кавказа в целом) отмечали еще античные историки и писатели. Арабские средневековые историки и географы назвали Дагестан не только «Страной гор», но и «горой языков».

Этнолингвистическое и культурное многообразие Дагестана, особенно его нагорной части, неизменно привлекали внимание исследователей. В научной литературе бытуют разные мнения, объясняющие этот феномен. Одно из популярных мнений (известное еще с девятнадцатого века) пытается объяснить это многообразие географическими особенностями ойкумены, а именно – сильно пресеченным горным ландшафтом, который затруднял общение горцев. Безусловно, труднопроходимые скалы и бурные горные реки служили естественными препятствиями, которые содействовали определенной обструкции горцев и затрудняли общение. Но это вовсе не значит, что между горцами не было общения: похороны, рождение детей, свадьбы и другие подобные значимые мероприятия были и остаются сегодня также важными причинами для общения горцев.

Другое мнение связано с миграционной теорией и объясняет многообразие культур и языков на Кавказе не условиями жизни горцев, а миграцией различных по происхождению древних племен. Жители разных аулов являются потомками разных племен, которые некогда здесь прижились. Они сохранили одежду, обычай, нравы, также и язык своих предков. Безусловно, горный ландшафт и натуральное хозяйство только содействовали этому.

Имеется также третье мнение, которое высказал Е.А. Бокарев – известный исследователь дагестанских языков. Он называет три главные причины распада дагестанского языка и возникновения множества

малочисленных языков: горный ландшафт, натуральное хозяйство и отсталые общественные отношения.

Все упомянутые причины, конечно же, сыграли определенную роль при возникновении этнолингвистического многообразия. Однако главная причина этнического, культурного и лингвистического многообразия Дагестана кроется, на наш взгляд, в другом – это продолжительная **политическая раздробленность**.

В Дагестане, как известно, наряду с крупными политическими союзами существовали также многочисленные объединения, так называемые «вольные общества». Каждое из этих обществ имело свою собственную территорию, в юридическом смысле, т.е. каждое вольное общество обладало территориальным и политическим суверенитетом. В тогдашних «вольных обществах» каждый аул представлял собой этническое единство, поскольку говорил на собственном диалекте и обладал особынностями материальной и духовной культуры.

На протяжении пятнадцати столетий (за исключением короткого периода политического объединения во времена кавказской Албании и расцвета Казикумухского Шамхальства в XIV – XV в.в.) Дагестан был раздроблен. Только на короткие периоды объединялись дагестанские народности и соседние области, как правило, это происходило при наличии внешней угрозы.

В XVIII веке Дагестан все еще состоял из разрозненных мелких и мельчайших политических единиц, которые были известны как Союзы аварских, даргинских и лезгинских «вольных обществ». Так что не только горы, но и политические границы отделяли народности друг от друга. Мозаика политически самостоятельных единиц, которые стабильно существовали на протяжении многих лет, послужила главной причиной возникновения этнической и лингвистической дифференциации.

Длительное существование политической раздробленности, при которой каждая политическая единица располагала стабильными границами и суверенитетом, отделяла их культуры, также и языки друг от друга. В этой этнолингвистической и культурной мозаике Дагестана, особенно в его нагорной части, можно говорить об этнографическом и лингвистическом эффекте, который вызван политическим состоянием.

И наличие более чем тридцати самостоятельных языков с многочисленными диалектами является как раз следствием политической ситуации в истории Дагестана. При этом различия между диалектами одного и того же языка могут быть настолько сильными, что представители разных диалектов подчас с трудом понимают друг друга. В лезгинском, лакском, табасаранском, агульском и некоторых других языках

различия между диалектами несущественны, и они без особого труда понимают друг друга. Однако в даргинском и аварском языках различия между отдельными диалектами настолько большие, что взаимопонимание между их носителями не всегда возможно. Поэтому для Дагестана во все времена была актуальна проблема языка межнационального общения.

Преобладающее большинство населения Дагестана двуязычно; некоторые из них владеют тремя и четырьмя языками. Среди дагестанских языков особую роль играл аварский язык, служивший языком общения среди 14 андо-цезских народностей. Почти все носители андо-цезских языков знают также аварский язык. Здесь речь идет об одностороннем двуязычии, т.е. андо-цезы говорят на аварском языке, а среди аварцев редко кто владеет малыми языками своих соседей.

В предгорной и низменной части Дагестана языком межэтнического общения служил кумыкский язык. А на юге Дагестана, где проживают лезгины, табасаранцы, агулы, цахуры, рутулы и другие представители лезгинской группы языков, языком межэтнического общения служил азербайджанский язык. Представляет интерес, что азербайджанский язык, на юге Дагестана был известен как «турецкий язык» или «мусульманский язык», и что эти термины употреблялись как синонимы.

Азербайджан оказал большое влияние не только на язык народностей южного Дагестана, но и на их материальную и духовную культуру.

Азербайджанский язык на юге, аварский на западе Дагестана и кумыкский в немногочисленных городах: Темир-хан-Шура, Порт-Петровск, Хасавюрт и в их пригородах были региональными языками межэтнического общения. Речь идет, безусловно, об одностороннем двуязычии, наряду с которым было представлено также двустороннее двуязычие. Двустороннее двуязычие, как правило, имеет место в пограничных селах, например: на границе между аварцами и лакцами, между даргинцами и лакцами, между даргинцами и аварцами.

Большое распространение получил в Дагестане арабский язык. На протяжении столетий служил арабский язык языком религии и литературным языком. В шестидесятых годах девятнадцатого века исследователь дагестанских языков П.К. Услар писал о том, что в Дагестане нет ни одного села без школы при мечети. Едва ли среди мусульманского населения изучение арабского языка так распространено, как в Дагестане. «Если об образовании народном судить по соразмерности числа школ с массою народонаселения, то дагестанские горцы в этом отношении опередили даже многие просвещенные европейские нации» [Услар 1870: 3].

Арабский язык в Дагестане был не только языком религии, но и выполнял целый ряд общественных функций. Кроме того, на арабском языке появлялись математические, исторические, философские и филологические трактаты. В арабской литературе существует целый пласт литературы, созданный дагестанцами. Впрочем, литературные произведения, созданные дагестанцами на арабском языке не были столь популярны, как математические и медицинские труды.

Подавляющее большинство населения Дагестана владеет русским языком. Русский язык выполняет повсеместно функцию языка межнационального общения. Еще до революции русский язык оказывал огромное влияние на дагестанские языки, что приводило к обогащению последних заимствованиями русских и интернациональных терминов.

Несмотря на это многообразие этносов, языков и культур народы Дагестана имеют ряд объединяющих факторов. Прежде всего, это единые юридические системы. Исследуя адатно-правовые системы Дагестана, М.М. Ковалевский приходит к неожиданному для самого автора выводу, что, несмотря на пестроту племенного состава и разнообразие языков, жители Дагестана придерживаются более или менее одинаковых начал права. «Пестрота этнографического состава, какой отличается население Дагестана, невольно вызывает в нас предположение, что юридические обычаи, которым следуют горцы, должны отличаться большим разнообразием, так что представляется возможным говорить о целом ряде правовых систем, приуроченных каждая к отдельной народности и являющихся выражением особенностей ее национального духа. Сравнительное изучение приводит, однако, к совершенно противоположному выводу. Вместо нескольких, мы имеем перед собой одну юридическую систему» [Ковалевский 1890: 142].

Вторым объединяющим фактором является горский этикет, в принципе одинаковый для всех. Различаются только детали.

Во всех дагестанских языках, да и в большинстве кавказских языков, представлено слово *намус* (в разных фонетических вариантах). В национально-русских словарях это слово обычно переводится как «сознание». Однако, это всего лишь одно из значений этого многозначного слова, *намус* – это термин, обозначающий неписанные законы горского этикета.

Слово *намус* восходит к греческому (*nomos* «закон») и заимствовано кавказскими языками через арабский, где оно имеет значение «честь», «сознание», «репутация», «доброе имя». В каждой культуре термин *намус* обрастает новыми значениями. В дагестанских языках этот термин обозначает целый институт отношений: отношений к старшему по-

колению, к гостю, к женщине и т.д., отношений, основанных на вежливости. Намус – это социальный механизм проявления **вежливости** в быту. Когда о каком-либо человеке говорят, что он обладает намусом, имеют в виду, что человек вежлив, учтив, деликатен, воспитан, скромен, услужлив, т.е. соблюдает неписанные законы горского этикета.

Основу горского этикета составляют формулы вежливости, которые имеют как вербальные, так и невербальные формы проявления. Вербальные формы проявления вежливости в Дагестане составляют лишь вершину айсберга. Хотя Восток и восточные культуры имели большое влияние на дагестанские народы, восточное многословие (сладкоречие) дагестанская культура так и не приняла. Более того, горский этикет близок законам жизни древних спартанцев. Пожалуй, только на юге Дагестана получило распространение традиционное восточное сладкоречие, очевидно, под влиянием соседнего Азербайджана.

Поэтому скромность – это признак вежливости, а многословие, пустословие, бахвальство – это проявление невежливости.

К вербальным средствам выражения вежливости относятся, прежде всего, формулы приветствия. Самое распространенное приветствие среди мужчин (включая мальчиков) всех национальностей – это *Салам алайкум!* «Мир тебе!» – ответная форма - *Ва алайкум салам*. Эта формула приветствия настолько вошла в быт горцев, что она не воспринимается как заимствование из арабского языка. Примечательно, что данная формула приветствия допустима только для мужчин, женщины (в отличие, например, от женщин Средней Азии) данной формулой не пользуются. Произнесение этой фразы, как правило, сопровождается рукопожатием. Причем фразу произносит тот, кто прибывает, независимо от возраста и социального статуса, а руку подает старший по возрасту, младший имеет право на ответное рукопожатие. В городе этот принцип не выдерживается, что является нарушением традиционного горского этикета. Имеются также исконно дагестанские формулы приветствия, например:

Аварские:

Бог да обрадует тебя!

Голова да будет здрава!

Бог да выпрямит тебе дорогу (путнику)!

Лакские:

Да даст тебе Бог, чего ты не ждешь!

Да дадутся тебе сердечная радость и жизнь!

С отдыхом здоровья да дастся (возвратившемуся с дороги)!

Даргинские:

Да умножатся твои бараны!

Да расцветешь ты как сад!

Чеченские:

Приход твой да будет к счастью!

Утро твое да будет хорошим!

Общедагестанские:

Да продлится жизнь твоя!

Сыновья твои да будут счастливы!

Да приумножится род твой!

Женщины подают руку при приветствии в исключительных случаях (соболезнование, официальный прием и т.д.), в повседневной жизни они ограничиваются вербальными приветствиями. В случае, если они долго не виделись или одна из них прибыла издалека, то возможны объятья и поцелуи.

В некоторых районах Дагестана женщины целуют друг другу руки после долгой разлуки.

К неверbalным формам проявления вежливости относятся: встание с места (женщина, когда заходит мужчина; мужчина, оказывая уважение женщине), обнимание (обычно женщина с женщиной, редко с мужчиной), целование (только женщины).

В любом месте, в любом обществе особый почет оказывается старшему. В дагестанских языках нет вежливой формы обращения к старшему на «Вы» (типа нем. Sie). Но это никоим образом не приводит к панибратству в обращении младших. При встрече со старшим младший не только здоровается с ним первым, но и останавливается, выражая готовность оказать услугу, если в этом будет необходимость. Уважение к старшему выражается также в позе младшего, в жестах, в тембре и силе голоса.

Горский этикет вовсе не предполагает, что у младшего одни только обязанности, а у старшего одни только привилегии. Старший должен не только на словах утверждать свое право на лидерство, но и проявлять выдержку и выносливость, защищать младших и женщин, брать на себя опасную и тяжелую работу. Старики в горах не насаждают уважительное отношение к себе, а заслуживают его своей жизнью: трудолюбием, знаниями, житейской мудростью.

Не следует путать проявление вежливости с лестью и угодничеством. Чувство меры обязательный атрибут горского этикета. Следует отметить, что в отличие и от Востока, и от Запада кавказцы никогда не имели обыкновения кланяться своим или чужим господам. Чинопо-

читание и бездумное подчинение должностным лицам были чужды для горцев. Если человек в горах не имеет чести и достоинства, то никакое богатство не заставит людей его уважать.

В горах было принято относиться к женщине с вниманием и предупредительностью. Если женщина одна растит детей, то все мужчины села вместе или по очереди безвозмездно помогали ей в полевых работах, в лесу, в строительстве дома и т.д. В пути мужчина должен был опекать женщину, обеспечивая ей всевозможные удобства. Кричать на женщину считалось недостойным, а, подняв не ее руку, мужчина обрекал себя на позор и всеобщее презрение. Особое уважение к женщине проявлялось в том, что даже самый жесткий поединок прекращался, если женщина, прося об этом, снимала свой головной платок.

То, что женщина не имела права принимать трапезу с мужчинами, западная культура оценивает как неуважение к женщине. На самом деле это делается исключительно из-за уважения к женщине. Прием пищи не самый эстетичный акт и мужчина не должен видеть женщину жующей и чавкающей, это портит впечатление о женщине как о возвышенном существе. Поэтому в селах женщины старшего поколения отворачиваются даже когда пьют воду.

Гость согласно горскому этикету – божий посланник, и соответственно с этим следует с ним обращаться.

Этикетное невежество – это невежливость. Невежливость проявляется в употреблении бранных слов, громком смехе, развязной позе или походке, прожорливости, жадности, болтливости. Существуют также вербальные средства выражения невежливости, характеризующие менталитет и идиоэтнические особенности дагестанцев, например:

Аварские:

Провались ты в ад!

Семя да иссякнет твое!

Да растерзает тебя орел!

Да пожрет ржавчина твое оружие!

Тень филина да покроет твой дом!

Да вылезут твои косы (женщина женщине)!

Да вылезут твои усы (женщина мужчине)!

Андийские:

Да убьют тебя чужие!

Лакские:

Утони ты в крови!

Да распорется живот твой!

Да напишут твое имя на камне (имеется в виду надмогильный камень)!

Да вырастет колючка в твоем камине!

Менталитет дагестанцев позволяет органично вписаться в любую иноэтническую среду будь то на востоке или на западе и, как правило, они добиваются успехов и признания, поскольку горский этикет формирует такие качества, как: мужество, честь, человечность, почтительность, вежливость, которые ценятся в любом обществе.

Литература

Ковалевский 1890: Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. Т. 2. М., 1890.

Услар 1870: Услар П.К. О распространении грамотности между горцами // Кавказские горцы. Сборник сведений. Вып. III. Тифлис, 1870.

В. А. ЧИРИКБА**АБХАЗСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ
В МЕГРЕЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ***Посвящается памяти профессора
Георгия Андреевича Климова.***1. Введение¹**

Мегрелы, представители западной ветви картвелоязычного мира,² в течение многих веков существуют в условиях тесных и многосторонних культурных, экономических и политических связей с абхазами, народом, говорящим на языке абхазо-адыгской группы северокавказской языковой семьи (второй ветвью ее является нахско-дагестанская группа языков). Территориальная близость этих двух народов подкреплялась нередкой общностью политических судеб Абхазии и Мегрелии, совместно входивших в состав целого ряда государственных образований: как полулегендарного Колхидского царства (в достоверности существования которого, впрочем, у историков имеются серьезные сомнения), так и в уже реально засвидетельствованное царство Лазика, позднее – в Абхазское царство (VIII-X вв. н.э.), а впоследствии – в состав объединенного царства «абхазов и картвелов» вплоть до его распада в XIII в. под натиском монголов. В начале XIX в. Мегрельское (в 1803 г.) и Абхазское (в 1810 г.) княжества вошли в состав Российской империи, а в советский период Абхазия (с 1931 года в качестве Автономной Со-

¹ Я выражаю искреннюю благодарность проф. В. Г. Ардзинба, к.ф.н. Б. Джонуа и проф. Б. Дж. Хьюитту за ценные комментарии и предложения по тексту данной статьи.

² Картвельская языковая семья, не родственная северокавказской, включает четыре языка: грузинский, сванский, мегрельский и лазский (только между двумя последними языками возможно взаимное понимание).

ветской Социалистической Республики) и Мегрелия входили в состав Грузинской ССР.

Традицией были династические браки между представителями княжеских домов Абхазии и Мегрелии, т.е. между абхазскими владельцами князьями Чачба (Шервашидзе) и мегрельскими Дадианами. Южноабхазские аристократы нередко владели мегрельским языком, и наоборот, некоторые мегрельские князья знали абхазский. Отражая ситуацию, характерную для начала XIX в., Э. Спенсер в своей книге *“Travels in Circassia, Krym-Tartary”* писал: “Как выясняется, крестьяне Мегрелии не говорят на черкесском диалекте [подразумевается абхазский. – В.Ч.], которым пользуются лишь князья и дворяне, претендующие на общее происхождение с неукротимыми обитателями Черкесии ...” [Spencer 1838: 308].

Языковая интерференция была особенно интенсивной в зоне непосредственного абхазо-мегрельского пограничья, в Самурзаканской провинции Южной Абхазии (нынешний Гальский район) и в близлежащих мегрельских районах. Население многих населенных пунктов в Самурзакане еще в конце XIX в. было либо двуязычным (мегрело-абхазским), либо по крайней мере понимало абхазский язык. По сообщению [Чарага 2], «В центральных возвышенных частях Самурзакани отчасти, а в западных преимущественно, жители понимают, впрочем, и по-абхазски.» По данным К. Д. Мачавариани, на которые ссылается Л.Г. Лопатинский в своей редакторской сноске на с. 71 в статье [Шухардт 1899], в общинах Бедийской, Чхортольской, Окумской, Гальской, Царчинской слышится абхазская речь, а в Саберии, Отобаи, Дихазургах говорят по-мегрельски.

Ценную картину мегрело-абхазской языковой границы последней четверти XIX века дает в своих «Мегрельских этюдах» [Цагарели 1880: V и след.]. Согласно его исследованию, к северу от Ингура и до р. Эртис-цкали в обществах Саберио, Чубурхинджи, Набакеви, Баргеби и Борбала мегрельский язык служит семейным и разговорным, но среди мужчин в большей или меньшей степени распространено знание абхазского языка. Далее, в селениях Бедиа, Окум, Гал, Мухури, Гудава между реками Эртис-цкали и Охурей, мегрельский язык господствует в семье, но в общественной жизни употребляются в одинаковой степени мегрельский и абхазский (редко можно найти мужчину, который бы не знал или, по крайней мере, не понимал абхазского). Между реками Охурей и Галидзгой абхазский является не только языком общества, но и семьи, здесь говорящие только по-мегрельски женщины и дети являются исключением, а мужчины хотя и не все умеют говорить по-мегрельски,

но понимают его. Единственным местом этой полосы, где мегрельский являлся не только языком семьи, но и общества – это Илори, а к абхазоязычным относятся, в числе прочих, Поквеш и Квезани. Согласно Цагарели, из больше чем четырех тысяч семейств (около 30 тыс. чел.) в Самурзакани приблизительно половина признает абхазский своим родным языком.¹

Грузинский писатель Д. Кипиани писал, что в Самурзакани язык моды – абхазский, а язык домашний – мегрельский (газ. «Кавказ», 1865, № 83).² А по словам [Цагарели 1880: ix], “абхазский язык во всем Самурзакане до последнего времени был языком высшего сословия, – князей и дворян, они этим щеголяли...”. Последнее обстоятельство объясняется, в числе прочего, и тем, что феодальный класс в Самурзакани (князья и дворяне) составляли этнические абхазы, представители таких аристократических родов, как Анчабадзе (Ачба), Шервашидзе (Чачба), Званбая (Званба), Маргания (Маан), Эмухвари, Чкотуа, Лакербая (Лакрба) и др.

Динамика воздействия одного языка на другой в различные исторические эпохи была неодинаковой. В целом, можно сказать, что интенсивность абхазского языкового влияния на мегрельский, пик которого приходился, по-видимому, на период существования Абхазского царства, постепенно ослабевала по направлению к нынешнему времени, хотя в мегрельско-абхазской контактной зоне абхазский по-прежнему сохранял свое влияние вплоть до первой четверти XX в. Наибольшее мегрельское влияние на абхазский приходится, по-видимому, на середину XIX – первую четверть XX в., что было обусловлено тем что, в связи с опустыниением большинства абхазских земель в результате мухаджирства (массовой депортации абхазов в Турцию царской Россией) происходил активный процесс переселения в Абхазию значительного количества мегрелов, который продолжался, с разной степенью интенсивности, вплоть до недавнего времени. Это привело к существенной интенсификации мегрело-абхазских контактов, что отразилось, в частности, и на абхазском лексиконе, усвоившем довольно значительное количество мегрельских слов (в том числе и многие грузинизмы, проникшие в абхазский язык через мегрельское посредство).

Хотя по насыщенности картвельской лексикой из всех северо-кавказских языков абхазский уступает, пожалуй, лишь бацбийскому, только небольшая ее часть, около 30 лексем, находит свое про-

¹ Цит. по [Шухардт 1899: 73-74].

² Цит. по [Ачугба 2006: 11-12].

должение в тапантском диалекте близкородственного абхазскому аба-зинского языка (предки носителей которого переселились в позднее средневековье из Абхазии на Северный Кавказ) и, таким образом, возводима к общеабхазской эпохе (см. [Chirikba 1996: 101-102]). Такой весьма небольшой объем картвельской лексики в общеабхазском свидетельствует о довольно слабой интенсивности прямых абхазо-картвельских контактов в общеабхазский период (т. е. примерно до XIV в.), причем картвельское языковое влияние ограничивалось почти исключительно лексикой, не затрагивая морфологии или синтаксиса. Лексическое влияние картвельских языков охватывало прежде всего прибрежные области Абхазии, в значительно меньшей степени затрагивая ее горные регионы, причем удельный вес картвелизмов увеличивается с запада на восток, достигая максимума в пограничных абхазо-мегрельских районах с нередким абхазо-мегрельским, и реже мегрело-абхазским двуязычием и уменьшается примерно вдвое в бзыпском диалекте, составляя здесь немногим более ста лексических единиц.

Необходимо отметить, что, если не считать небольшой части картвелизмов, непосредственно возводимых к грузинскому источнику, большая часть картвельской лексики, проникшей в абхазский устным путем, в том числе и основная масса грузинизмов, имеет своим источником или посредником именно мегрельский язык. С другой стороны, следы контактов абхазского со сванским, вопреки бытовавшим ранее представлениям относительно смешанного абхазо-адыгско-картвельского характера сванского, напротив, не столь явно ощущимы (хотя см. [Topuria 1967: 69-70], [Hewitt 1992: 245-246]). Иная ситуация сложилась в советское время, после включения Абхазии в Грузию в 1931 г., когда в литературный абхазский язык было введено определенное количество грузинской лексики.

Вопрос о мегрельском языковом влиянии на абхазский изучен уже довольно неплохо благодаря работам [Чаарай 1912], [Генко 1928], [Schmidt 1950], [Бгажба 1964], [Cik'olija 1969], [Lucassen 1980], [Шагиров 1989], [Джонуа 2002] и др. В то же время вопрос о влиянии абхазского языка на мегрельский не получил до сих пор должного освещения. Это не означает, разумеется, что данная проблематика вовсе не затрагивалась исследователями. Целый ряд абхазских лексических заимствований в мегрельском отметил в своей грамматике и словаре мегрельского языка И. Кипшидзе.¹ Интересной с исторической точки зрения представляется

¹ Хотя на с. XX своей грамматики Кипшидзе отмечает, что заимствований из абхазского в мегрельском «весьма мало», утверждение это явно не соответствует

описанная в [Цагарели 1880: viii-ix] картина языковой ситуации, характерной для абхазо-мегрельского пограничья второй половины XIX в. Ряд наблюдений с точки зрения исследуемой проблематики принадлежит Н.Я. Марру (см. [Mapp 1915: 214-215; 1938]; см. также заметки Марра в [Чаая 1912]). Впоследствии некоторые аспекты данной тематики рассматривались в работах [Чикобава 1942], [Рогава 1942], [Гудава 1947], [Ломтатидзе 1956], [Cik'olija 1977], [Климова 1971; 1986], [Дзидзария 1987; 1988; 1989; 2000], [Hewitt 1992; 1992a], [Гублиа 2002] и некоторых других авторов. См. также [Чирикба 1998].

В данной статье рассматриваются фонетические особенности абхазских заимствований в мегрельском, а также дается этимологический анализ мегрельских абхазизмов. Весьма коротко затрагиваются также вопросы возможного влияния абхазского в области мегрельской морфологии и синтаксиса, поскольку эти интересные темы заслуживают специального рассмотрения. Анализируемый ниже мегрельский материал абхазского происхождения представляет собой как апеллативную, так и, в меньшем объеме, ономастическую лексику. Существенная его часть была уже отмечена в специальной литературе, другая же часть дополнительно выявлена мною. Основными источниками по мегрельскому языку послужили уже упомянутый словарь И. Кипшидзе [Кипш], новый большой трехтомный мегрельско-грузинский словарь О. Каджая [ОК I, II, III], работы А. Цагарели, П. Чаая и некоторых других авторов, а также собранный мною полевой лексический материал. Мегрельские лексемы по возможности проверялись мной у носителей обоих мегрельских диалектов (т.е. сенакского и зугдидско-самурзаканского).

Абхазские заимствования образуют определенный пласт в мегрельском словаре и составляют несколько тематических групп. Самая большая группа представлена сельскохозяйственными терминами, лексикой животноводства и производства молочных продуктов. Второй по объему группой является терминология, относящаяся к домашнему хозяйству и быту. Затем следуют названия растений, слова, относящиеся к религиозной сфере, названия частей тела, природных объектов, характеристика качеств человека, лексика мореходства и т.д. В качестве абхазских заимствований я рассматриваю также слова, которые в самом абхазском ранее были заимствованы из других языков, как, например, мегр. *bZakbe* 'борода', *dagva* 'глухой', *uro* 'деревянный молот' (в абхазском все из адыгских), *naxut//naxuto//naxwta* 'узда' (в конечном

ет реальной картине, на что деликатно намекает в своей рецензии [Mapp 1915: 215].

счете из тюркских, но в абхазском, по-видимому, через адыгские), Cinori ‘наемный пастух’ (в конечном счете из иранских).

Большинство анализируемого в данной работе материала было обсуждено с проф. Г. А. Климовым в Москве, во время работы в секторе кавказских языков Института Языкоznания АН СССР, а также несколькими годами позже, во время Седьмого Кавказского Коллоквиума в Марбурге (в 1994 г.). Все его замечания были мной полностью учтены. Я посвящаю эту статью Георгию Андреевичу как дань моего глубокого уважения к памяти этого великого ученого, рядом с которым мне посчастливилось работать и общение с которым дало так много для моего становления в качестве лингвиста-кавказоведа.

2. Ареальные черты в фонетике

Фонемные инвентари абхазского и мегрельского языков представляют разительный контраст как с точки зрения вокализма, так и консонантизма. Можно назвать лишь несколько черт, общих для фонологических систем обоих языков, главным из которых являются трехрядная консонантная оппозиция “звонкий-глухой-глottализованный” и сравнительная простота системы сонантов. Однако все эти черты характерны для большинства коренных кавказских языков. Основным отличием в консонантизме является то обстоятельство, что большинство абхазских шумных согласных обладают тембровой корреляцией палатализации и лабиализации, отсутствующей в мегрельском и других картвельских языках. С другой стороны, абхазский вокализм содержит только две фонемы, различающиеся по степени открытости ($a \sim 8$), тогда как в мегрельском пять гласных фонем (некоторые авторы рассматривают шва в качестве шестого мегрельского гласного, см. [Имнадзе 1971: 6]).

Несмотря на столь существенные различия в фонемных инвентарях, между контактирующими мегрельскими и абхазскими изолектами наблюдается некоторая взаимная фонетическая “аккомодация”, выражаяющаяся в адаптации артикуляционных черт, изначально присущих лишь одному из контактирующих языков. Так, в соседствующем с мегрельским абжуйском диалекте абхазского произошло упрощение некоторых первоначальных фонемных контрастов: слияние средних и передних простых сибилянтов ($1 \ 2 > z \ s$, $3 \ 4 \ 46 > Y \ c \ s6$), а также фарингализованных и простых увулярных спирантов ($\underline{x} \ x0 > x \ x0$), тогда как все эти фонемы все еще сохраняются в бзыпском диалекте. В пограничных с мегрельским абхазоязычных зонах мегрельское язы-

ковое влияние выражается во фразовой интонации, в смягченном произношении латерального сонанта I ; а также в значительном числе мегрельских лексических заимствований и в абхазо-мегрельском двуязычии.

С другой стороны, отмечается очевидное абхазское влияние на произношение мегрельских звуков, усиливающееся в зонах непосредственного контакта. Это особенно характерно для самурзаканского говора мегрельского (что неудивительно, ввиду этнически смешанного, абхазо-мегрельского, происхождения большей части его носителей), несколько меньше в зугдидском говоре и еще меньше в сенакском диалекте, более отдаленных от Абхазии и испытывающих влияние западногрузинских диалектов. Эти особенности мегрельской речи были отмечены еще [Чаая 2], который писал, что «в Самурзакани же говорят на мингрельском наречии, в фонетическом отношении весьма прибли-жающемся к абхазскому». Согласно [Чаая 59], «Сванский язык и самурзаканский говор мингрельского языка представляют переходную ступень от грузинской звуковой системы к абхазской. И в сванском, и в мингрельском есть звук 8, играющий большую роль в абхазской фонетике <...>. Звук I в мингрельском языке произносится очень мягко, мягче, чем в грузинском; в Самурзакани же он произносится очень твердо, совершенно так, как в абхазском» (см. также [Цагарели 1880: 9, 18], [Кипш 012-013]). Вполне вероятно, что мегрельский заимствовал звук шва из абхазского и, как я уже отметил выше, некоторые авторы рассматривают его в качестве шестой гласной фонемы мегрельского языка.

Абхазскому влиянию можно было бы приписать также расщепление гласного о на дифтонг va [wa] в ряде слов в зугдидско-самурзаканском говоре мегрельского, ср. сен. kora : зугд.-самурз. kvara 'живот', сен. gola : зугд.-самурз. gvala 'гора' ([Кизириа 1967: 63]), что напоминает такой же процесс в абхазском, в котором отсутствует гласная фонема о (хотя сходный процесс засвидетельствован и в некоторых грузинских диалектах). Ср. также отмечающийся в словарях перебой о ~ va [wa] в таких мегрельских словах, как Cikovani//Cikvani, xorava//xvarava (фамильные имена), qbvarani//qborani 'ворона', а также мегр. eCva < груз. eCo 'топорик'. Другим примером возможного влияния абхазской фонетики является отмечающаяся в зугдидско-самурзаканском говоре тенденция к элизии конечных гласных (напр. doJur < doJuru 'он умер', doQvil < doQvili 'он убил'), что сравнивается [Cik'olija 1975: 47] со сходными процессами в абхазском.

3. Фонетический анализ абхазских заимствований в мегрельском

(1) Вокалические соответствия.

Наблюдаются как регулярные, так и спорадические соответствия между гласными в заимствованных из абхазского мегрельских словах и в их абхазском первоисточнике.

В зависимости от соседнего согласного, один и тот же абхазский гласный может отражаться в мегрельском различным образом.

(1.1.) В отличие от обычного соответствия абх. а > мегр. а,ср. такие случаи, как:

абх. мегр.

а > у : абх. Aqб0a > мегр. Aqби ‘Сухум’ (под влиянием лабиализованного q60); a-S7xa-r8-Z7 > SxuriCi ‘дикий виноград’

а > е : абх. h-taca > мегр. xateci ‘(наша) невестка’, a-pha > xe ‘дочь’ (в женских фамилиях), a-C7am8k0a > Cemkwa ‘вид молочного блюда’, a-xCбat > xeCбeti ‘сливки’, a-ha-C67C67a > xeCбeCбi ‘сорт груши’. Наряду с другими возможными причинами, передача абхазского а через е в мегрельском может быть объяснена несколько передней артикуляцией абхазского гласного

а > о : этот процесс характерен в основном для финальной позиции: абх. a-w8ra > мегр. uro ‘деревянный молот’, a-xaC67a > xaCбo ‘творог’, a-kб(a)kбara > kбакбаго ‘чаща’; ср. также абх. ak68 < *(j)akба ‘один’ > лаз. akбо ‘однажды’

(1.2.) Абхазский гласный 8 может либо сохраняться в мегрельском, либо изменяться в другие гласные:

абх. мегр.

8 > i : абх. a-n8S7 > мегр. niSi ‘лодка’, k68la > k6ilа преверб ‘через, сквозь’, a-n8ga > niga ‘деревянный подойник’, a-c68c68ndra > сбисбindera ‘земляника’, a-t8J7 > tiJi ‘баран’; эта субSTITУция особенно часто наблюдается в сенакском диалекте

8 > u : абх. aap8n > мегр. apuni ‘весна’, a-l8g > luga ‘глупец’, nap8r-n8xa > napurnaxa ‘имя божества’, a-p8Cxa > ruCxa ‘крошка’

8 > a : nap8r-n8xa > napurnaxa ‘имя божества’

8 > % : абх. a-C7am8k0a > мегр. Семкwa ‘вид молочного блюда’

(1.3) Иногда финальные гласные, присутствующие в мегрельских заимствованиях из абхазского, но отсутствующие в современных абхазских формах, могут, по-видимому, указывать на более старое абхазское состояние, ср. абх. a-t8p > мегр. tipu//t8p8 ‘летняя стоянка пастуха’, абх. a-x0aZ0 ‘рододендрон’ (общеабх. *q0a108) > мегр. xozo в xozo-kбvari ‘ритуальная лепешка’, абх. a-l8g > мегр. luga ‘глупец’ (> груз. lungi; к общеабх. *l8ga ?). Что касается неконечных гласных, см. ниже под кбакбара/о и хесбесби.

(1.4.) Сохранение начального а-.

Мегрельский заимствовал абхазские слова либо с артиклем, оформляющим так называемую “словарную” форму имен, либо, чаще, без него, хотя количество слов, заимствованных с артиклем довольно велико (около 30 лексем). Иногда встречаются параллельные формы как с артиклем, так и без него, ср. абх. a-xkбаara ‘ограда для скота’ > мегр. хекбара//ахкбара ‘временное пастушье стойбище’. Мегрельский также сохраняет абхазской корневой начальный а-, как например в акба ‘один (раз)’ (также лаз. akбо ‘однажды’) < абх. ak68 < *jakба ‘один’, аjwiri ‘уздечка’ < абх. aJ0ra, aSwamkбjad (самурз.) < абх. aS08-mk67at ‘маленький столик’.

(1.5.) Изменения в дифтонгах.

(а) абх. aa > мегр. a.

Мегрельский избегает зияния в абхазских словах с вокалическим дифтонгом aa (фонетическая реализация звонкого фарингала 5) путем его монофтонгизации:

абх. мегр.

аap8n	>	apuni	‘весна’
a-xkбаara	>	ахкбара	‘ограда для скота’
а-хаасба	>	хасба	‘закваска’

Ср. также вставку эпентетического v в фамильном форманте -aa//-ava.

(б) абх. aa : мегр. J.

В нескольких случаях современному абхазскому aa соответствует мегрельское J, что отражает более старую фонетическую форму aa, а именно *5, сохраняющегося в абазинском, ср. абх. *Maan* (< *Ma5an> мегр. *MarJan-ia* ‘дворянское фамильное имя’ (с эпентезой -r- и добавлением обычного мегрельского фамильного суффикса -ia), абх. *aanda* > мегр. *Janda* ‘ограда’; ср. также мегр. *arxaza* ‘абхаз’, через *abJaza < *abazJa, из др.-абх. **abaz(a)-5a* (см. ниже).

(в) Изменения в передаче других дифтонгов:

абх.		мегр.	
aw [ow]	>	ou, _, u	: абх. <i>abawra</i> [abowra] > мегр. <i>aboura</i> , <i>ab_ra</i> , <i>ambura</i> ‘хлев’
aj	>	e	: абх. <i>ajla(r)D7</i> > мегр. <i>ela(r)Di</i> ‘мамалыга, сваренная со свежим сыром’
aj	>	%	: абх. <i>ajk60aJa</i> > мегр. <i>k6vaJa</i> ‘маленький топорик’ (однако см. ниже, в 4.2.)

(2) Консонантные соответствия.

(а) Палатализованные согласные.

Как простые, так и палатализованные абхазские задние сибилянты передаются в мегрельском посредством (фонетически смягченных) простых задних сибилянтов.

Абхазские палатализованные велярные смычные меняются на простые смычные с переносом палатализованного тембра согласных на соседние гласные. Так, последовательность /C7a/ (где C обозначает любой согласный) дает в мегрельском комбинацию /Ce/:

абх. /C7a/	>	мегр. /Ce/	
a-Zak67a	>	bZak6e	‘борода’
a-q67atбама	>	Jetama	‘шкворень ярма’
a-ck7a bz8ja	>	ckeбzi	‘ритуальный сыр’
‘(ритуально)			
чистый (и)			
хороший’			

Последовательность /C78/, фонетически [C7i], передается как /Ci/:

абх. мегр.

a-k6aC678C67	>	k6aC6iC6i	‘сорт мелкого винограда’
a-pS78rha	>	apSirha	‘деревянная посуда для хранения кислого молока’

(б) *Лабиализованные согласные.*

Лабиализованные согласные, которые отсутствуют в мегрельском, обычно передаются через последовательность /Cv/, либо /Cu/:

абх. /C0a/ > мегр. /Cva/ :

a-dag0a	>	dagva	‘глухой’
a-maZ0a	>	mazva	‘тесто’
a-g0arta	>	agvarta	‘стадо’
a-max0ar	>	maxvari	‘рука’
a-k60adac	>	k6vadaci	‘облепиха’

Последовательность /C08/, в случае велярных и поствелярных смычных, фонетически реализуемая как [CWu], произносится в мегрельском как /Cu/:

Л08D7maxan > ПиDmaxan ‘муж. имя’.

Слова с конечными лабиализованными согласными передаются посредством финальной последовательности “простой согласный плюс огубленный гласный”:

абх. мегр.

a-x0aZ0-k60ak60ar	>	xozo-k6vari	‘ритуальная лепешка’
a-bac0	>	bacu	‘мушмула’

(в) *Другие субституции согласных:*

абх. мегр.

j0 > v : абх. Naj0ej > мегр. Naveia ‘муж. личное имя’

q67 >	J, x	: абх. a-q67atбама абх. a-bacq67a	> мегр. Jetama 'шкворень ярма' > мегр. расха 'плетенка, плетеная хижина'
q60 >	Qu	: абх. Aq60a	> мегр. AQu 'Сухум', абх. Bataq60a > мегр. BataQua 'муж. имя'

(г) Абх. глухой эмфатизированный фарингал *h* [ъ] в мегрельском обычно заменяется на увулярный *x*, ср. абх. *a-hata* > мегр. *xarta* 'бурдюк', *h-taca* > *xateci*//*xaceci* 'невестка', *-pha* 'дочь' > *xe* 'женский фамильный суффикс'. В нескольких случаях абх. *h* соответствует кластер в мегрельском, ср. абх. *a-C7amha* > мегр. *Camhwa*//*Camkwa* (также *Campa*) 'клен'. В этом случае, имея в виду общедыг. *rhxa 'древесина', предположительно родственное абх. *-mha* (сохранившемуся в сложениях, см. [Шагиров 1982: 79]), причина наличия в мегрельском кластера остается неясной.

(3) Эпентетические звуки.

Наличие эпентетических звуков, в основном сонорных, весьма характерно для мегрельского и лазского языков. Ср. следующие примеры с наращениями в заимствованиях из абхазского: абх. *abowra* > мегр. *ambura* 'хлев', а-*xaga* > *xanga* 'сумасшедший', а-*hata* > *xarta* 'бурдюк' (> груз. *xalta*), а-*xsbara* > *x(8)nc6(a)ra* 'метить скот' (> сван. *x8nc68ra*), а-*tбама* > мегр. *atбама* > лаз. *antбама*, *antбarma*, *atбамба* (см. также имерет. *artбam-i*, осет. *altбami*) 'персик', абх. а-*Y8jk0a* < мегр. *Yikva*//*Yirkva* 'штаны'. Ср. также эпентетическое *v* в -а-ва суффикс фамилий.

(4) Консонантные комплексы.

(а) СубSTITУЦИЯ СОГЛАСНЫХ В КЛАСТЕРАХ:

абх. <i>jt</i>	> мегр. <i>nt</i>	: абх. <i>Ajtar</i> > мегр. <i>Antari</i> 'имя божества'
абх. <i>nd</i>	> мегр. <i>nd/md</i>	: абх. <i>a-c68c68ndra</i> > мегр. <i>сбісbindera</i> // <i>сбісбіmdera</i> 'земляника'
абх. <i>ms</i>	> мегр. <i>mc//nc</i>	: абх. <i>a-x0amsa</i> 'рододендрон кавказский' > мегр. <i>xvamca</i> , <i>xvanca</i> 'остролист, падуб'

(б) Упрощение кластеров.

Абхазские консонантные комплексы обычно упрощаются в мегрельском путем вставки гласного (8, i, e, a).

Начальные кластеры:

абх.	мегр.	
a-bg8Y8r	> b8g8Y8ri	‘кизил’
a-xkbaara	> xekbara//axkbara	‘ограждение для скота’
a-xraYaga	> x8raYaga//xiraYaga	‘деревянная молочная цедилка’
a-xcbara	> xncbara//x8ncbara	‘метка скота’
a-xC67at6	> xеCбет6i	‘сливки’
h-taca ‘наша невест(к)а’	> xateci	‘невестка’
a-C7n8r	> Cinori	‘наемный пастух’
a-kбkbara	> kбakbara	‘чаща’ (если здесь не сохранение исходного полногласия абхазской формы).

Неначальные кластеры:

абх.	мегр.	
a-haC67C67a ‘дикая груша’	> xеCбесбi(сенак.)	‘поздний сорт груши с мелкими плодами’
a-c68c68ndra	> сбiсbindera//сбiсбimdera	‘земляника’
aJ0ra	> aJvirи	‘узда’

Ср. также элизию одного из компонентов кластера в -хе суффикс женских фамильных имен < абх. -pha ‘дочь’.

(5) Метатеза.

Этот процесс **весьма обычен в мегрельском и наблюдается как в исконных, так и в заимствованных словах. Можно отметить две структурные разновидности метатезы:**

(a) $C_1C_2 > C_2C_1$:

абх.	мегр.	
a-pra ‘парус’	> apra// > arpa	‘балка-матица’

a-xra	>	axra// > arxa 'скала; холм; крутая гора'
a-bg8Y8r	>	b8g8Y8ri// > bYgiri 'кизил'

(б) Другой разновидностью метатезы является изменение структуры типа (V)CVCCV в структуру (V)CCVCV:

абх. > мегр.

a-g0arta > agvarta///argvata 'стадо, толпа'

Ср. сходные преобразования в словах заимствованных из грузинского: kupri > kupri//krupi 'темнота', karva > karva//krava 'янтарь', okro > vrke 'серебро'. Ср. также мегр. margali из исходной формы *magral-i (груз. megrel-i) 'мегрел', xrabi 'жадный' из xarbi и т.д.

Распространенность в мегрельском метатезы типа (V)CVCCV > (V)CCVCV позволяет объяснить происхождение мегрельского этнического термина архаза 'абхаз': из др.-абх. формы мн.ч. *abaz(a)-5a (*abaza 'абаз'¹ + -5a суффикс множ. ч. класса человека), откуда мегр. *abazJa и с метатезой – *abJaza, а затем, с оглушением срединного комплекса,² и современная форма архаза. Эта видоизмененная мегрельская форма была усвоена в грузинский с утратой конечного -a (мегр. arhaza > груз. arhaz-i), так же как мегр. (из абх.) atbama 'персик' дало груз. atbam-i. Груз. arhaz- было заимствовано в русский и другие языки. С другой стороны, др.-абх. *abaz(a)-5a явилось источником для среднегреческой формы abazg-oi 'абазги'.

4. Лексико-этимологические комментарии

4.1. Обратные заимствования.

Иногда в абхазском отмечаются обратные заимствования слов, ранее усвоенных мегрельским из абхазского. Такими словами являются обозначение плетеной хижиной (а-расха), сухих веток (а-расх7), крошки (а-р8С7ха); см. ниже под расха и риСха. Другим примером обратного заимствования является, по-видимому, аbj. a-J7атбата 'шкворень ярма'. Исходная форма, скорее всего, представлена в бзыпском диалекте

¹Абазы – одно из древнеабхазских племен, известных по греческим источникам как абазги.

²Для колебания в мегрельских кластерах по звонкости/глухости ср. также bSapa ~ pSapa 'наполнение', bSxu ~ pSxu 'толстый; большой', abSil-uri ~ apSil-uri '*апсильский' и т.д.

(a-q67atbama), тогда как абжуйская форма с начальным J7-может указывать на заимствование из мегр. (зугд.-самурз.) Jetama ‘шкворень ярма’ (в мегрельском отсутствует согласный q67). Абхазское слово, как предложил Х. Бгажба [БД 225], связано с ад. q08tame, каб. q608dame ‘шкворень ярма’ (< общеадыг. *й08eama).

4.2. Близость к абазинским формам.

Интересно, что ряд заимствований в мегрельском фонетически больше напоминают северные, т.е. абазинские, нежели южно-абхазские формы. Ср. мегр. k60aJa ‘маленький топорик’, которое формально ближе к тап. k60aJa ‘то же’, чем к абж. ajk60aJa, bзып. ajk60aJ. Ср. с этой точки зрения также мегр. расха ‘укрытие из ветвей; плетеная хижина’ с ашх., тап. bacq67a ‘плетенка’, bziv в мегр. ckebzi ‘ритуальный сыр’ стап. bzij vs. абх. bzija ‘хороший’. Эти и некоторые другие факты могут указывать на то, что, вопреки общепринятым (в основном, в исторической литературе) мнению, согласно которому предки абазин-тапанта мигрировали на Северный Кавказ с территории Западной Абхазии (где исторически зафиксирован исконный для этого региона садзский диалект абхазского, напрямую не связанный с тапантским), представляется более вероятным, что они проживали прежде именно в юго-восточной части Абхазии, на территории либо древней Миссиминии (ущелье реки Кодор, историческая провинция горной Абхазии Дал-Цабал), либо Апсилли (которая включала территорию современного Гальского района Абхазии), т.е. в любом случае в непосредственном соприкосновении с мегрелоязычным ареалом. Можно предположить, что именно оттуда, из Южной Абхазии, предки тапантовцев перешли приблизительно в XIII-XIV вв. через Клухорский перевал на северокавказскую равнину, богатую землей и пастбищами, где их потомки живут и по сей день. Интересно в этой связи отметить, что тапантский диалект имеет такие мегрельские заимствования, которые отсутствуют как в бзыпском (т.е. в центральном), так и в садзском (западном) диалектах абхазского, ср. тап. ka ‘да’, абж. ko < мегр. ko ‘да’.

5. Морфология

Абхазское влияние на мегрельский не ограничивалось лишь словарем, явные следы его сохранились также в морфологии. Я не буду здесь вдаваться в детали этой интересной темы, поскольку она заслуживает специального рассмотрения и упомяну лишь наиболее интересные результаты исследований в этой области.

Мегрельско-лазский и абхазский обнаруживают явные параллелизмы в категориях потенциалиса и взаимности ([Климов 1971: 258]). Разветвленная система превербов в мегрельском весьма близка к абхазской и отличается в этом отношении от родственных языков, в которых система превербов не столь сильно развита. Многие авторы указывали не только на структурные сходства мегрельских и абхазских глаголов с превербами, но порой на их материальную идентичность. Так, [Mapp 1915: 214] в своей рецензии на мегрельскую грамматику И. Кипшидзе, указывал на абхазское происхождение мегрельских превербов *kбila-//k68la-* ‘сквозь (отверстие)’, *a-l-//-la-//i-la* ‘сбоку, рядом’ (повторено А. Шанидзе, см. [Чикобава 1942: 155]), *akбо-//ikбо-//okбо-* ‘вместе, взаимно, с’. Mapp полагал также заимствованный характер мегрельского преверба *ta-//to-* ‘внутри’, ср. аналогичный абхазский преверб *ta-* (цит. по [Чикобава 1942: 155]). [Чикобава 1942: 151-152] полагал, что мегрельские превербы *sba-* ‘вниз(у)’, *kba-* ‘на’, *po-* ‘там’, *to-* ‘внутри’, *la-* ‘внутрь’, не имея параллелей в грузинском и сванском, были заимствованы из абхазского. [Гудава 1947], в свою очередь, считал, что мегрельский направительный суффикс *-x* заимствован из абхазского (см. ниже). Согласно С. Джанашиа, мегрельский заимствовал подчинительный суффикс *-ni* из абхазского деепричастного суффикса *-n8* ([Džanašia 1959: 226]), а Дж. Хьюитт предполагает абхазское происхождение мегрельского форманта ирреального наклонения *-kбо(n)i* ([Hewitt 1992a]).

Хотя мнение об абхазском происхождении некоторых из названных мегрельских аффиксов следует рассматривать с осторожностью, так как не исключено их исконно картвельское происхождение, ряд этих формантов может на самом деле оказаться заимствованными из абхазского, что особенно очевидно в случае преверба *kбila-//k68la-* ‘сквозь (отверстие)’ и второй части направительного суффикса *-Sa-x(i/8)* ‘по направлению к’.

Другим возможным примером абхазского влияния является категория эвиденциальности (заглазности): большое количество эвиденциальных форм в мегрельском контрастирует с их более ограниченным употреблением в родственных языках, но находит прямую параллель в абхазском, который обладает разветвленной системой эвиденциальных форм (см. [Chirikba 2003: 267]).

6. Структурные кальки

Структурные модели некоторых мегрельских идиом буквально совпадают с соответствующими композитами в абхазском (а иногда и в

родственных ему западнокавказских языках), ср. мегр. *nina-daCxiri*, абх. *a-tca-bz* ‘пламя’, в обоих языках букв. ‘язык огня’ (ср. имеющие такую же структуру каб. *tafbə bz8j*, убых. *m8D7a b1a* ‘то же’).

Дж. Хьюитт указывает на особенности структуры мегрельского выражения ‘бочка полная вином’, где ‘бочка’ стоит в генитиве, что отличается от соответствующего грузинского выражения (где ‘бочка’ стоит в номинативе) и сближается с абхазским, который в подобной конструкции использует послелог с притяжательным префиксом. Хьюитт усматривает здесь кальку с абхазского ([Hewitt 1992a: 405]).

Некоторые из примеров мегрело-абхазских структурных параллелей имеют свое продолжение также в лазском, ареал распространения которого в настоящее время не соприкасается с абхазским, будучи отделенным от него западногрузинской и мегрельской речью, что может пролить определенный свет на лингвистическую географию древних времен, когда абхазский и лазский были непосредственными соседями. Так, лазское *kbaɪ osbkbərtbi* ‘он(а) любил ее/его’ (букв. ‘он(а) ее/его хорошо видел’) находит прямую структурную параллель в абх. *bz8ja d8jbon* то же, на такой же модели основана структура глагола ‘любить’ в адыгском и убыхском, но не в картвельских языках.¹

7. Синтаксис

Специалисты отмечают ряд синтаксических черт в мегрельском, которые выпадают из общекартвельской синтаксической модели и могут быть обязаны влиянию абхазского языка. Так, согласно М. Циколия, такие специфические черты мегрельского предложения, как порядок его членов, специфическая синтаксическая конструкция двух контактирующих глаголов с суффиксом *-ni* ‘когда’, употребление некоторых наречий и послелогов, наличие конструкции, идентичной абхазскому словосочетанию, включающему в себя инфинитный глагол с обстоятельственной частицей и т.д., в ряде случаев стоят ближе к абхазскому, чем к грузинскому или сванскому, что, по мнению Циколия ([Cik'olija 1977: 96]) является результатом долговременных контактов абхазского с мегрельским. Ср. особенно приводимую [Циколия 1987: 58] близость мегрельских послеложных конструкций к соответствую-

¹ [Климов 1986: 183], отмечая, со ссылкой на Гамкрелидзе и Мачавариани, данную параллель, приводит семантически несколько более далекий лазский пример, усматривая в лазском кальку с абхазского; на приводимую в данной статье более точную лазскую параллель абхазскому в текстах опубликованных Ж. Дюмезилем мне указал Рене Лакруа (устн. сообщ.).

щимабхазским: абх. *abaaZ0dant8c6aS7tax7j8q6ajc6aSazj8x08c8jt6* ‘послетого как он вышел из старого замка, он стал думать что делать дальше’, ср. мегр. *DixaSe gitil8ni uk6uli ipikr8mu akbeta8ni* ‘то же’, где прямо повторяется абхазская синтаксическая модель.

Интересно, что аналоги абхазским конструкциям с послелогом в значении ‘потом, после’ обнаружаются не только в мегрельском, но и в лазском. В лазском эта конструкция также образуется с помощью морфемы *-kbole*, которой предшествует генитивный суффикс *-S*, ср. лаз. *ondJe(r)-i-S-kbole* ‘послеобеда’, *oxor-Samo-p-ti-S-kbole* ‘последогокак/когда я пришел домой’. Грузинский, в отличие от мегрельского и лазского, в этом случае использует наречия *roca*, *rodesac*: *rocasaxlsmivuaxlovdit* ‘когда мы пришли домой’, *roca is dabrundeba* ‘когда он вернется’. Элемент *kbole* в занских языках (который встречается также в наречии: лаз. *e-kbole*, мегр. *u-kbuli* ‘потом, затем, после’) является производным от *kbole* ‘след’, родственном груз. *kval-i* ‘то же’. В грузинском *kval-i* не используется в такой функции, но в абхазском мы находим аналогичное употребление слова *a-S7+ta* ‘след’ в составе послелога *a-S7+ta[-a]x7* (букв. «его-след-по направлению»): *d-an-ca-[a+]S7+ta+x7* ‘когда/последогокаконушел’, *d-an8-z-baa+S7+ta+x7* ‘когда я увидел его/ее’ и т.д. Ср. также наречие *a-S7+ta+x7* ‘после, затем’ (**S7+ta-a+x78*, букв. ‘кследу’), параллельное *u-kbuli//e-kbole* в мегрельском и лазском. В тапантском диалекте абазинского тот же элемент *S7+ta*, в фонетически упрощенной форме *ta*, используется для образования деепричастий прошедшего времени, ср. *d-ca-ta* < *d-ca-S7+ta* ‘он(а)уйдя’, т.е. ‘последогокакон(а)ушел/ушла’, *s-C60a-ta* < *s-C60a-S7+ta* ‘я сев’ и т.д., тогда как в ашхарском диалекте эта же морфема известна в форме *-S7a*, ср. *d-ca-S7a* ‘он(а) уйдя’, *s-t6a-S7a* ‘я сев’. Приводя в своих работах ([Hewitt 1987: 248, 260; 1992; 1992a; 2001]) интересные факты возможного влияния абхазских синтаксических моделей на мегрельский, Дж. Хьюитт ([Hewitt 1992a]) также объясняет наличие в мегрельском нетипичной для картвельских языков постглагольной маркировки подчинения влиянием абхазского языка; более того, как мы видим из приведенных выше данных, аналогии абхазским синтаксическим моделям обнаруживаются и в лазском.

Ниже представлен заимствованный мегрельским из абхазского материал, разбитый на рубрики: грамматические элементы, апеллативная лексика, ономастика. Большинство из рассматриваемого материала имеет надежную абхазскую этимологию, что указывает на направление заимствования, менее надежные сравнения оговариваются.

8. Грамматические элементы

8.1. Превербы

k68la-//k6ila- преверб со значением ‘сквозь (дыру, отверстие)’, напр. (зуг.-самурз.) k6ile-b-le ‘я пройду сквозь дыру, отверстие’.

Из абх. k68la- транслятивный преверб ‘сквозь (дыру, отверстие)’ ([Džanašia 1959: 226], [Чикобава 1942], [Чирикба 132, 139]); ср. также существительные a-k68l+aa-ra//a-k68l+ha-ra, a-k68l+c60a-ra ‘дыра, отверстие’. [Чаая 27] рассматривал мегрельский и абхазский превербы как связанные генетически. Ср. его примеры полного параллелизма в обоих языках:

абх.	мегр.	
a-k68l-ca-ra	k68la-raQua	‘выгонять’
a-k68l-pa-ra	k68la-sxapbua	‘выпрыгивать’
a-k68l-p8r-ra	k68la-purinua	‘вылетать’
a-k68l-da-ra	k68la-dvala//k68la-rJvapa	‘продевать сквозь’
j8-k68l-s8-jt6	k68l-ed	‘вышел, появился’.

Ср. также абх. a-k68l-pS-ra, мегр. k6ila-Dina ‘подглядывать (в/сквозь дыру, отверстие)’. Элемент k6ila-//k68la- используется не только при глаголах, но также и в отлагольных именах, ср. мегр. k6ila rvili Da ‘дупло дерева’ (букв. ‘насквозь продырявленное дерево’), k6ila-xitbonili ‘выдолбленное, прорытое сквозь’, k6ila-xixonili ‘то же’ и т.д.

8.2. Послелоги

-x// -xi// -x8 послелог ‘до’; обычно в сочетании с послелогом -Sa, напр. Qude-Sa+x(8/i) ‘до дома’, Jura dJa-Sa+x ‘до дня смерти’, zugidi-Sa+x ‘до Зугиди’.

Из абх. направительного послелога -ax7(8) ‘по направлению к’ ([Гудава 1947]), ср. a-bna-[a-a]x7 ‘к лесу’, a-j0na-[a-a]x78 ‘к дому/в доме’. Первая часть мегрельского сложного суффикса -Sa-x имеет лазскую параллель, ср. лаз. k6oCi-Sa ‘по направлению к человеку’, oxo(r)i-Sa ‘по направлению к дому’. Но и вторая часть может соответствовать лазскому направительному суффиксу -xa ‘к, в направлении к’. Не вполне ясно, относится сюда же и лазский суффикс -Sa-xa, означающий ‘как, подобно’, возможный когнат мегрельскому -Sa-x ‘по направлению к’, ср.

лаз. *baba Skimi-Sa-xa* ‘подобный моему отцу’, *hama-Sa-xa* ‘подобно этому’ ([Mapp 1910: 228]), где значение ‘подобно, как’ может быть развитием из значения ‘по направлению к’. [Гудава 1947: 194] полагал, что абхазский направительный суффикс *-x7* присутствует также в таких мегрело-лазских формах как *Zido-x-Se* ‘сверху’, *ekbo-x* ‘вверх’, *dikbo-x* ‘вниз’, *dolox* ‘внутри’, *ukbaC-xe/a* ‘сзади’ и т.д.

9. Лексика

9.1. Существительные

9.1.1. Анатомические термины

aqbnaqba ‘шея’ [OK I: 200].

Из абх. *a-q60aq60a* ‘спина (от поясницы до шеи)’; в бзып. *a-q60aq60*.

bZakbe ‘борода’ [OK I: 258].

Из абх. *a-Zak67a* ‘борода’ ([Кипш 207], [Клинов 182], [Чирикба 133], [Гублиа 44]). На абхазское происхождение этого мегрельского слова было указано также Н.Я. Марром в редакторских пометках в [Чаая 24]; последний рассматривал мегрельское слово как исконно родственное с абхазским. Начальный билабиальный в мегрельском эпентетическом характере. Название бороды в сенакском диалекте мегрельского – *primuli*. Само абхазское слово рассматривается как заимствование из адыг. *ZaC67e* < *Zak67e* ‘борода’ (см. адыгскую этимологию в [ЭСАЯ I: 199]).

C6aC6a ‘почка’ (анат.) [OK III: 460].

Из абх. *a-C67aC67a* ‘почка’ ([Клинов 182], [Гублиа 72]). Через мегрельский словопроников груз. (*C6aC6a*)исван. (*DaC6*, обычны мозвончением начального согласного). [Гублиа 72] связывает абх. *a-C67aC67a* с глаголом *a-C67aC67a-ra* ‘нанизывать (что-либо на что-то)’. Из абхазского идет также убых. *C67OC67a* ‘почка’.

maxvari ‘рука’ [OK II: 235].

Из абх. *a-max0ar* ‘рука’ ([Кипш 278], Mapp [в Чаая 30], [Чирикба 133], [Гублиа 53]); ср. ашх. *max0a* ‘рука’. Абхазское слово анализируется как ‘рука’ и *x0a* ‘ручка, рукоятка’ ([Chirikba 1996a: 111], [Гублиа 53]). Конечный *-r* < *-ra* может быть абстрактным суффиксом. [Чаая 29-30] сравнивает мегрельское и абхазское слова как генетически связанные, добавляя сюда также сван. *texer* ‘рука’. Но в своих редакторских замет-

ках к [Чарая 30], Mapp справедливо указывает, что мегр. *maxvari* идет из абхазского и что сванская форма генетически связана с груз. *txar-i* и мегр. (m)xuDi ‘плечо’.

9.1.2. Медицинские термины

ababara ‘желтуха’ [OK I: 161].

Из абх. *a-baba+ra* ‘болезнь сопровождаемая опуханием’ [OK I: 161]. Абхазское слово анализируется как *a-baba* ‘пышный, пушистый’, плюс абстрактный суффикс *-ra*.

9.1.3. Термины хозяйства, домашней утвари

abSira ‘форма для сыра сулугуни’ [OK I: 164].

См. также груз. лечх. *apSara* ‘форма для (изготовления) сыра’ (*sulgunis qbalibi*) ([Ghlont'i 44]). Источником может быть абх. *a-pS78rha* ‘деревянный цилиндрический сосуд’ (см. ниже).

apSara ‘вид деревянного сосуда’ [OK I: 199].

То же, что *abSira* и *apSirha*? (см.); связь с *apSirha* была предположена в [OK I: 199].

apSirha ‘деревянный сосуд для кислого молока’ [OK I: 199].

Из абх. *a-pS78rha* ‘деревянный цилиндрический сосуд для кислого молока и воды’ ([Кипш 197], [Инал-ипа 1965: 216], [Чирикба 133], [OK I: 199], [Гублиа 65]); ср. абаз. *pS78rha* ‘ведро’. Абхазское слово анализируют как *a-pS7* ‘сторона’ (ср. рус. *бочка*, от *бок*) и *-r-ha* ‘удлиненный’, ‘повышенный’ ([Кварчия 124]).

aSvamkbiad ‘маленький стол для сыра’ (в самурз.).

Из абх. *a-S08mk67at* ‘пастущий столик на высоких ногах для сыра’ ([Чирикба 132, 136]). Другое значение этого слова: ‘стол из плетенки на четырех ножках, на который клали жертвенное мясо при совершении языческих обрядов’ ([Касландзия 2005: 661]). [Джанашия 1915: 81] предлагает мегрельскую этимологию для этого слова (*sum-kbetbi* ‘три палки’). Но помимо неудовлетворительной семантической стороны такой этимологии (отсутствие явной мотивации для значения ‘три палки’), также и фонетически она не является вполне удовлетворительной: мегр. *kbetbi* ‘палка’ дает в абх. *a-k67at6*, скончанным глottализованным, а не придыхательным, что мы имеем в *a-S08mk67at*. [Кварчия 114-115], напро-

тив, предлагает абхазский источник для мегрельского; он анализирует абх. a-S08mk67atkakaS0 'сыр' и mk67at, понимаемый как 'вместилище, место чего-либо', встречаемый также в абх. j0+aY8-mk67at 'сосуд для молодого вина' (j08 'вино'), архаичный термин, сохраненный в абхазском нартском эпосе. Ср. также a-ps8-mk67at 'специальное место где охотники клали kosti убитых и съеденных ими животных' (a-ps8 'душа').¹ Наконец, сама география мегрельского термина – южноабхазская провинция Самурзакан, указывает на его абхазский источник.

Саqбва 'деревянная посуда для простокваси' [Кипш 363], 'глубокая деревянная тарелка/чашка с ручкой' [OK III: 297].

Из абх. a-C7aq60a 'маленький деревянный кувшин' ([Клинов 182]). Абхазское слово родственно убых. Саq608 'сосуд', с дальнейшими соответствиями в дагестанских языках: арч. Сбаq60 'ложка', табас. (дюбек.) Сбаqба 'деревянный кувшин для йогурта и других продуктов' (см. [Старостин 1985: 87]).

Jetбама, Jatбами, Jetбам-i 'шкворень ярма' [OK III: 169, 172].

Из абх. a-q67atama 'то же' ([Клинов 182], [Чирикба 133, 135]); в абжуйском – a-J7atama, вероятно, обратное заимствование из мегрельского. Х. Бгажба [БД 224-225], помимо мегрельского, указывает также на ад. q08tame, каб. q608dame 'шкворень ярма'. Другой мегрельский термин для этого предмета – tбавикбi, сен. tбавикбi (< груз.).

k68ga, kбga 'вешалка' [OK II: 114].

Возможно, из абх. a-k68ga 'ручка' (напр., кувшина, ведра), также 'кузачные клещи', собственно, 'то, что за что держат' (k68 'держать', -га агентивный суффикс).

kбvaJa 'маленький топорик' [OK II: 127].

Из абх. ajk60aJa 'маленький топорик' ([Чирикба 133, 135]); для аналauta см. особенно абаз. k60aJa 'то же'.

labaSa 'длинная деревянная палка с железным наконечником и железным или деревянным крючком у рукоятки; носят во время путешествий по горам' [Кипш 269].

Из абх. a-labaS7a 'то же' ([Клинов 182], [Гублиа 63]). В абхазском используется также без конечного -S7a (a-laba 'палка, посох'). [Чиковани 1966: 15] ошибочно предполагал обратное направление заимствования.

¹ См. [Дбар 2004: 281].

n8ga, niga ‘деревянный подойник’ [OK II: 387, 403].

Из абх. a-n8ga ‘деревянное ведро для доения’ ([Кипш 281], [Климов 182], [Гублиа 71]). [Чаая 31] связывал абхазское и мегрельские слова как родственные. [Кварчия 124] и [Гублиа 71] выводят абхазское слово из глагола a-n8+ga-ra ‘уносить, вынимать’ (центробежный преверб n8- ‘с поверхности’ плюс глагол ga ‘нести, брать’). Ср. также гур. груз. niga/e ‘чугунный кувшин (для воды)’ ([Ghlont'i 421]) < мегр.

svira ‘ручная сумка сплетенная из липовой коры’ [OK II: 594], также sura ‘маленькая корзинка сплетенная из липовой коры’ [OK II: 618].

Возможно, из абх. a-S08ra ‘сумка, котомка, походная/охотничья сумка’ (если мегрельское слово не связано каким-то образом с груз. sura ‘маленький кувшин для вина’).

uro ‘деревянный молот’ [OK III: 67].

По-видимому, из абх. a-w8ra ‘большой деревянный молот’ ([Чирикба 132], [Гублиа 74]), которое само рассматривается как заимствование из адыгских языков (см. [Климов 1968: 294], [ЭСАЯ II: 97]). Согласно Х. Бгажба [БД 203], слово известно только в абжуйском диалекте; он полагал для него мегрельский источник. [Рогава 1956: 109] предполагал заимствование груз. uro ‘молот’ прямо из адыгских языков, но Шагиров [ЭСАЯ II: 97] не исключал для него абхазское посредство, возможно, через мегрельский. Сван. ur(o) ‘кузничный молот’ происходит либо прямо из абхазского, либо из мегрельского.

xarta ‘бурдюк, кожаный мешок’ [OK III: 517].

Из абх. a-hata ‘бурдюк, кожаный мешок’ ([Чирикба 134], [Гублиа 71]). Согласно В.Г. Ардзинба (устн. сообщ.), абхазское слово можно анализировать как сочетание корня глагола a-ha-ra ‘плести’ и локативного суф. -ta. Вибрант в мегрельской форме является обычной эпентезой. В том же значении абхазское слово вошло в грузинский (в форме xalta, через мегрельский) и в убыхский (xOta). [Чаая 15] для мегрельского и грузинского ошибочно считал обратное направление заимствования.

xiraYaga//x8raYaga//xaraYaga//xarazakba ‘деревянная цедилка для молока’ [OK III: 515, 558, 591].

Из абх. a-xraYaga ‘то же’ ([Чирикба 134]; [OK III: 591] – со ссылкой на [Чаая]; [Гублиа 57-59]), анализируемое как x(8) ‘молоко’, r+aYa ‘фильтровать’ и агентивный суф. -ga. На связь мегрельского и абхазского слов указывали [Бжания 97] и [Инал-ипа 1976: 347].

Y8ga ‘шерстяная нитка’ [OK III: 393].

Из абх. a-Y8ga ‘крученая шерстяная нить, пряжа’; в бзып. a-38ga [БД 47]. Первая часть абхазского слова может быть связана с Y/3 в абж. a-Yax-ra, бзып. a-Zax-ra ‘шить’, конечное -га – агентивный суффикс.

9.1.4. Термины архитектуры, жилища

abarcba ‘крыльцо, открытый балкон’ [Кипш 191], [OK I: 162].

Из абх. a-barcba ‘открытый балкон, веранда’ ([Кипш 191], [Климов 182], [Дзидзария 2000: 146]). Конечный -сба в абхазском может быть а-сба ‘низ, дно’. Садз. a-baracba ‘веранда’, вероятно, представляет собой исходную полногласную форму. Для bar(a)ср. a-x8-bra ‘крыша’ (a-x8 ‘голова’) < *a-x8-bara?

aboura, abora, ab_ra, abura, ambura, amb_ra ‘хлев’ [OK I: 162, 163, 184].

Из абх. a-bawra [aboura//abora] ‘хлев’ ([Климов 1968: 291-292], [Инал-ипа 1976: 347], [ЭСАЯ I: 101], [NS 497], [Чирикба 133]), в абаз. bawra [bora]. [Чаая 20] ошибочно предполагал здесь исконное родство, добавляя сюда также груз. bosel-i ‘хлев’. Кипшидзе [Кипш 192] странным образом производил из этого абхазского слова мегр. agwara (см. ниже). Абхазское слово связывают с каб. baw [bow] ‘хлев’, в котором предполагается утрата конечного слога (см. [ЭСАЯ I: 101]); ср. также карач.-балк. baw ‘хлев, коровник, конюшня’ и сван. bOw ‘(большая) хижина в горах’ (оба из кабардинского). По мнению А. Шагирова [ЭСАЯ I: 101], источником абхазского слова может быть славянское obor(a) ‘хлев’, которое проникло также в румынский, молдавский и албанский, хотя непонятно, каким путем оно могло достичь абхазского. Возможна и альтернативная этимология: если финальный -ра в абхазском является обычным абстрактным суффиксом (см. [Климов 1968: 292]), тогда связь абхазского слова с адыгским становится более вероятной, см. такую трактовку в [NS 497]. [Климов 1968: 291-292] считал и абхазское и адыгское слово заимствованными, но для абхазского предполагал адыгское посредство. В этом случае сходство со славянским словом должно быть случайным.

agvara ‘скотный двор, хлев’ [Кипш 192], [OK I: 164].

Из абх. a-g0ara ‘ограда, двор’ ([Bleichsteiner 1931: 74], [Климов 182], [Чирикба 137]; см. также [OK I: 164]). Мегрельский топонимический элемент agvara, производный из этого апеллатива, встречается, согласно [Элиава 1987: 95], на территории Мегрелии до реки Цхенисцкали. Кипшидзе [Кипш 192] ошибочно (или в результате опечатки ?) производил это мегрельское слово из абх. a-bowra (см. выше).

agvarta ‘сторожевой шалаш пастухов и охотников в горах или в лесу’ ([Bleichsteiner 1931: 74]; [Ghlon'ti 22]; отсутствует в [Кипш] и в [ОК]).

Из абж. а-g0ar+ta ‘ограда’, ‘огороженное место’, ‘скотный двор’, см. полногласную бзыпскую форму а-g0ara+ta; слово производно от а-g0ara (см. выше) и локативного суффикса -ta. Оно не связано с абх. а-g0arta ‘стадо, стая’ (см. под *argvata*). Слово проникло и в западногрузинские диалекты: гур. agvarta(i) ‘хижина для ночевки на дальнем поле’ [Bleichsteiner 1931: 74] и имерет. agvarta ‘пасека’ [БД 229]; в [Ghlon'ti 22] семантика гурийского слова та же, что и в данном выше мегрельском слове; ср. также в [Žghent'i 1965: 278] нижне-гур. agvarta ‘шатер, палатка’. Указание на абхазский источник для гурийского см. в [Инал-ипа 1965: 216)], а для имеретинского – в [БД 229].

амхара ‘маленький домик для новобрачных’ [ОК I: 185].

Из абх. а-mhara ‘маленький домик или хижина для новобрачных’. Абхазское слово может быть анализировано как содержащее негативный префикс *m-*, глагол (*a*)*ha-* ‘слышать’ и абстрактный суффикс *-ra*, т.е. «не слышание» (см. [Джанашия 1917: 193]). В речи турецких абхазов этот термин встречается в более полной форме: а-taca mhara, букв. ‘не слышание невесты’, что отражает характерный ритуал “избегания” новобрачной семьи своего мужа в начальную фазу ее замужества (молодые некоторое время проводят в специальном брачном домике, располагающемся около основного дома и лишь после торжественного ритуала невестке позволено жить в доме мужа).

apra ‘две самые высокие вертикальные доски по середине двух противоположных стен деревянного дома, чьими головками поддерживаются горизонтальное бревно, к которому прикрепляется вся двускатная крыша’ [Кипш 197], сен. ‘балка-матица, на которой подвешена надочажная цепь’.

Из абх. а-pra ‘парус’ ([Mapp 1914: 143; 1915: 215], [Клинов 182], [Чирикба 137], [Дзидзария 2000: 143], [Гублиа 68]). Кипшидзе [Кипш 197] указал на грузинский как на источник мегрельского слова (ср. груз. *apra* ‘парус’), хотя еще [Mapp 1914: 143] рассматривал грузинское слово как заимствование из абхазского. Mapp производил абхазское слово от глагола а-pr8-ра ‘летать’, напоминая об ассоциации в абхазском судна или лодки с птицей и то, что ‘весло’ в абхазском обозначается словом а-Z0j0a ‘крыло’.

aaptara ‘огороженное место для скота’ [ОК I: 199].

Из абх. aaptra ‘весенняя стоянка пастуха’ ([ОК I: 199]), см. особенно абж. джгярд. aaptara; в бзып. aaptra/8. Слово содержит сложный корень

aa+r- ‘весна’ и ta+ra ‘место чего-либо’ (ta ‘быть внутри’, -ra абстрактный суффикс), сохранившееся как отдельное слово в абазинском (ta+ra ‘со-суд; место для скота’ и т.д.).

arpa [OK I: 195], метатеза из apra (см. выше).

axkbara//xakbara//xekbara//x8kbara ‘огороженное место на пастбище’, ‘огороженное место для скота’, ‘временная стоянка пастуха’, ‘плетеная ограда’; также топонимический элемент в Мегрелии (см. [OK I: 207; III: 509, 528, 591]).

Из абх. a-xkbaara ‘огороженное место’, ‘огороженное часть поля’, ‘летнее помещение для лошадей и телят примыкающее к двору’ (см. [Цхадая 1975: 34; 1985: 186, 209], [Чирикба 132], [OK III: 528]). Абхазская лексема производна от глагола a-x+kbaa-ra ‘огораживать (кругом)’.

Janda ‘ограда, забор’, ‘стена’ [Кипш 349].

Вероятно, из абх. aanda < *5anda ‘ограда’ [Чирикба 132, 138].¹

n8Si, niSi ‘лодка’ [OK II: 391, 404].

Ср. также лаз. nuSi//niSi, груз. (диал.) nuSa//nuS-i, в грузинском словаре Саба Орбелиани (XVIII в.) nuSa ‘лодка’. Возможно, из абх. a-n8S7 ‘то же’. Вопреки мнению [Чаая 13], считавшего абхазское слово заимствованным из мегрельского, [Дзидзария 2000: 142] полагает, что наличие 8 в мегрельской форме может, напротив, указывать на абхазский источник для мегрельского; для диалектных грузинских форм и для лазского допустимо полагать мегрельское посредство. Характерно в этой связи, что мегрельский и грузинский заимствовали и другой абхазский мореходный термин, a-pra ‘парус’ (см. выше). Абх. a-n8S7 в конечном счете может предположительно восходить к какому-то индоевропейскому источнику, продолжающему и.-е. *nau-s ‘судно’ (ср. греч. nau-s, лат. nOvi-s, санскр. nau-s ‘корабль’), хотя сохранение номинативного суффикса при заимствовании не вполне обычно. Индоевропейский источник отражает и груз. nav-i ‘лодка’.

расха ‘укрытие из ветвей; плетеная хижина’ [OK III: 92].

Ср. также груз. расха ‘плетеная изба (в Западной Грузии)’ [K’ank’ava 1965: 323], имерет. расха ‘маленькая корзина, стоящая на камне в мель-

¹ Г. Климов говорил мне о возможном турецком источнике для мегрельского слова, возможно, имея в виду тур. *hendek* ‘ограда’, но связь с абхазским кажется все-таки более предпочтительной с фонетической точки зрения.

нице, в которуюсыпаетсякукузузаизящика', гур. расха 'плетеная хижина покрытая осокой' ([Ghlon'ti 538]), лаз. расха 'вид корзины плетеной из тонких свежих ветвей орешника или каштана' (виц.), 'наскоро построенное деревянное строение используемое в качестве амбара' (атин.) [Bucaklışı & Uzunhasanoğlu 1999: 379], 'вид корзины' (арх.), 'хлев' (ардаш.).¹ Слово известно также в северо-восточных турецких диалектах имеющих (хамшенский) армянский субстрат (Уве Блэзинг, устн. сообщ.; по-видимому, из лазского). Кипшидзе [Кипш 335] предполагал грузинский в качестве источника мегрельской лексемы, но это слово известно только в областях Западной Грузии, соседящих с Мегрелией.

Ср. абж. абх. а-расха 'плетеная хижина, плетеная кухня', для которого Х. Бгажба [БД 203] предполагал грузинский источник. [Климов 182], напротив, рассматривал мегрельское слово как усвоенное из абхазского.

Представляется, что картвельские слова следует выводить из абхазских названий плетенки: абж. а-b8саq67а, бзып. а-b84аq67, тур. бзып. а-b8сq67а 'плетеная стена, плетенка', ср., с точки зрения вокализма, особенно такие формы как цвыдж. садз. а-bасq67а, ашх., тап. басq67а 'плетенка' (< общеабх. *ba4a-q67а 'плетенка', из *ba4a 'ветви используемые для плетения' и -q67а 'плоский', ср. [Chirikba 1996a: 13], [Чирикба 133, 135]. Исходным значением слова является, таким образом, 'нечто сплетенное', что могло быть плетеной хижиной, плетнем, либо плетеной корзиной. Форма басq67а могла дать мегр. расха, с оглушением начального билабиально-го (путем регressiveйной ассимиляции) и заменой отсутствующего в мегрельском палатализованного и глottализованного увулярного смычного q67 увулярным фрикативом х. Абж. а-расха, может, таким образом, являться обратным заимствованием из мегрельского. Следует отметить, что слово а-расха проникло в Западную Абхазию относительно недавно (возможно, в течение последних 50 лет), из абжуйского диалекта, служа для обозначения сети популярных плетеных ресторанов именуемых пацха с традиционной абхазской кухней. Другим мегрельским производным от басq67а является расхi 'колючие или иные ветки', также заимствованное в абжуйский диалект: а-расх7 'сухие ветки, небольшие дрова'.

tipi 'хижина пастуха на горном пастбище' [Кипш 243]; [ОК II: 69]: 'место вокруг хлева (где держат сторожевых собак)', t8р, t8р8 'ночное стойло для скота', 'в старину, лежащая (при болезни) женщина имела свой собственный угол (место), которое называлось t8р8' [ОК II: 69].

¹Рене Лакруа, устн. сообщ.

Из абх. a-t8p ‘хижина пастуха’, ‘хижина’, ‘место’ ([Дзидзария 1987: 38; 1988: 69; 2000: 144], [Чирикба 132]), см. также абаз. (ащх.) t8p ‘хижина, шалаш’. Абхазское слово может содержать t8/a ‘место’ (см. [Кварчия 113], [Дзидзария 2000: 144]), хотя этимология конечного элемента (-р) не так ясна (см. однако [Кварчия 113]). Кипшидзе [Кипш 243] связывал мегрельское слово с tip ‘косить’, tipi ‘сено’, что кажется менее вероятным. Имеются также попытки связать абхазское и мегрельское слова с греч. *topo-s* ‘место’ (см. [Дзидзария 1987: 39; 2000: 144]).

хекбара//х8кбара см. ахкбара.

9.1.5. Одежда и т.п.

кбвакСа, QvaxСа ‘козья либо овечья шкура используемая как подстилка пастухами (в горах)’ ([Кипш 255], [OK II: 128; III: 222]).

Из абх. a-k60ax7C7a ‘подстилка из козьей (либо другой) шкуры используемая в горах (в основном пастухами)’. [Кварчия 122] анализирует слово как k60a ‘пазуха’ и x7C7a ‘охранять, защищать’.

Yikva ‘брюки’, ‘вид мужских бриджей или галифе (с узкой нижней частью штанин)’; также Yirkva [OK III: 389], с *r*-эпентезой).

По-видимому, из абх. a-Y+ajk0a [adzejkFWa], a-Y+8jk0a [adzijkFWa] ‘вид галифе (с узкой нижней частью штанин)’, ‘брюки’, ‘трусы, кальсоны’ ([Климов 182], [Гублиа 112]), во второй части которого – ajk0a ‘штаны’; первая часть объясняется Б. Джонуа (устн. сообщ.) как a-Ya ‘тонкий’, т.е. ‘тонкие штаны’ (?). Слово проникло также в грузинский: верхне-аджар. Yigva, в лазский: Yikva, Yikbva, zipbкba, сбikbva ‘трусы, кальсоны’ [Mapp 1910: 145],¹ а через лазский – в турецкие диалекты (ср. такие турецкие формы как zэрka, zэbga, zэbka, zэvga, zibka, zivga, zipka, zivka, zivra, cikva, забва, зэка ‘бриджы с узким завершением штанин’, см. [Eren 1999: 469], [Emiroğlu 1989: 239], а также в курдский диалект Эрзерума (указание на турецкие и курдские слова – Уве Блэзинг, устн. сообщ.).

9.1.6. Термины животноводства, пастушества

agvarta ‘стадо, стая, отара’; ‘бесчисленное, огромное количество скота’ [OK I: 164].

¹ В некоторых архавских говорах лазского zipbкba означает ‘узкий’, а не ‘брюки, штаны’ (Рене Лакруа, устн. сообщ.).

Из абх. *a-g0arta* ‘стадо, стая’; ‘множество, большое множество’ [Чирикба 133]. Абхазское слово связано с абаз. *g0arta*, каб. *g0arte*, ад. *k0ert* ‘стадо, стая’, в ад. также ‘группа’ (см. [ЭСАЯ I: 109], [Chirikba 1996: 336]). См. также *argvata*, *gvarta* ниже.

aJviri ‘уздечка’ [ОК I: 200].

По-видимому, из абх. *\J0ra* ‘уздечка’ ([Чирикба 132, 136], [Гублиа 71]); ср. также абаз. *J0ra* ‘то же’. Хотя [Старостин 1985: 80] рассматривает абхазское слово как заимствование из картвельского (так же ранее [Чарая 16]), я считаю его исконным в абхазском: если бы это было картвельское заимствование, мегр./груз. *aJviri* дало бы в абхазском *aJ09r*, чего мы не имеем. Абазинский обычно сохраняет анлаутный *a*, но не в этом случае, хотя абхазские посессивные формы (напр. *w-aJ0ra* ‘твоя (муж.) узда’) указывают на наличие начального корневого гласного. Для общеабхазского мы можем восстановить **(a)J0ra*. Абхазское слово может иметь дальнейшие связи с такими восточнокавказским словами, как лак. *Kuri*, дарг. *urKur*, табас. *furu* и, возможно, также авар., бежт., гунз. *roJo*, при допущении здесь метатезы (дагестанские формы см. в [Кибрик, Кодзасов 1990: 158]). Симптоматично, что картвельские основы не были включены Г. Клиновым в его пракартвельский словарь. Если мнение об исконности абхазского слова является верным, то мегрельский является источником груз. *aJviri*, сван. *haJvr-il* (с уменьшительным суффиксом *-il*), а из грузинского идет лаз. *aJviri*, бацб. *aTwir* ‘узда’.

Cinori ‘наемный пастух’ [ОК III: 310].

Вероятно, из абх. *a-C7n8r* ‘наемный пастух’, *a-C7n8r-ra* ‘наем пастухов’ ([Дзидзария 1987: 39], [Чирикба 134]). Слово известно в основном в Абжуйской Абхазии, граничащей с Мегрелией. Ср. также абаз. *C7r8n* ‘слуга, сельскохозяйственный рабочий’, *C7r8n-ra* ‘работать как сельскохозяйственный рабочий’. [Инал-ипа 1965: 215] рассматривал абхазское слово как заимствованное из мегрельского. [Кварчия 117] производит абхазо-абазинские слова из осетинского глагола *Carun* ‘живь’ < **пасти скот*’, что разделяется [Дзидзария 1987: 39]. Но, может быть, источником является перс. *CЩra-ni* ‘пастбище’? Ср. также курд. *Carin* ‘пасти’. В любом случае, фонетически абазинская форма кажется исходной, по сравнению с абхазской (с метатезой), а последняя могла быть источником для мегр. *Cinori*.

naxvta//naxta//naxuta ‘недоуздок’ [ОК II: 376].

[Клинов 182] считал усвоенным из абх. *a-nax0ta* ‘то же’. Хотя слово является в конечном счете заимствованным из тюрksких языков (пред-

ставлено и в монгольских) и восходит, как полагают, к китайскому источнику (см. [Шагиров 1989: 94]), оно не встречается в грузинском и распространено в основном в северокавказском ареале (абаз. nax0ta, адыг. nax0te, убых. nax0ta, карач.-балк. noxta, кум. naxuta ‘недоуздок’, осет. naxAt-bos ‘торока (седла)’), если не считать азерб. noxta; см. также осм. тур. noxda (оба из перс. noq“а ?), так что вероятнее всего предположить, что оно вошло в мегрельский из абхазского, вместе с целым рядом других животноводческих терминов.

xnc6ra//x8nc6ara//xinc6ira//x8nc68ra[ОК III: 556, 566] ‘мечениемелкогородатого скота путем нареза знака собственности на ухе животного’.

Из абх. (абж.) a-x+cba+ra ‘мечение скота пастухами путем надрезов на ушах животных’ ([Инал-ипа 1965: 219], [Кварчия 109], [Чирикба 134], [Гублиа 62], [ОК III: 556]). Ср. также бзып. a-x+cba+r, абаз. x+cba+ra ‘то же’. Абхазское слово содержит глагольный корень сба ‘класть’ и абстрактный суф. -ra; начальный x- не вполне ясен. В мегр. -n- может быть эпентетическим. Вероятно, через посредство мегрельского термин проник также в сванский (x8nc68ra ‘то же’).

См. также n8ga, xiraYaga, aboura, agvara, agvarta, aptara, axkbara, tipu, k6vax-Ca, aCu, tiJi, antari, aYmax-i/8, ckebzi, xasba, xaC6bo, xeC6eti, xiDaDa.

9.1.7. Ботанические термины

9.1.7.1. Дикие растения

aia ‘название растения’ [Кипш 193], ср. aia ZeSxa ‘Воскресенье Айя’, зугд. ai-oба ‘название весеннего праздника’.

Ср. также сван. aja miSladeJ ‘воскресный день Айя’ (из мегр.?). Источником мегрельского и сванского слов может быть абх. a-j8-ra ‘растительность’ [Чирикба 133], ср. также абаз. 5aj8-ra ‘растение’. Связь сванского и абхазского слов была отмечена [Бжания 150]. Абхазское слово, по-видимому, производно от глагола a-j-ra ‘рождаться’, ‘расти, уродиться, плодоносить’; альтернативная этимология, связывающая aj8-ra с прилагательным a-ja+c60a ‘зеленый, синий’ (см. [Шакрыл 1961: 111]), менее удовлетворительна с фонетической точки зрения.

anC6a ‘горный клен’.

Из абх. a-mC67a, (диал.) a-nC67a ‘остролистный клен’. Исконно мегрельское название клена – chali (в грузинском – korap-i).

axeSra ‘вид черной травы в человеческий рост, с белыми цветами’ [ОК I: 207], возможно, ‘борщевик’.

Из абх. a-x8+S+ra ‘борщевик известняковый, *heracleum calcareum*’. Абхазское слово можно анализировать как a-x8-S ‘белая голова’, плюс абстрактный суффикс -ra.

axSara ‘вид высокой и толстой травы’ [OK I: 208].

Возможно, то же, что и axeSra (см.).

baci ‘мушмула, *Mespilus germanica*'; ср. также tuntiSi bacu ‘вид рябины’ ([Maq' 118]: ‘рябина греческая, *Sorbus graeca*'), букв. ‘медвежья мушмула’ (tunti ‘медведь’).

Из абх. a-bac0, a-br8c0 ‘мушмула, *Mespilus germanica*’ ([БД 217], [Чирикба 133]). Убых. b(8)r8c0 ‘то же’ может также идти из абхазского, хотя оно может соответствовать абхазскому и на генетическом уровне (см. [Chirikba 1996: 335]). Исконное мегрельское слово для этого растения –ckumutburi [Кипш202], ckumuntburi//cxumuntburi, родственноелаз.ckirmutburi [Maq' 29], cximuntburi и груз. zJmart6l-i.

baCба ‘черника кавказская’.

Возможно, из абхазского, ср. абж. rbaCба вa-h0a-r-rbaCба ‘черника’ (для первого элемента ср., возможно, абх. a-h0a ‘свинья’), бзып. rbaCб в a-h08-r-rbaCб, a-S7xa-r-rbaCб ‘черника’ (a-S7xa ‘гора’, -r-соединительный элемент). Не исключено, что название этого растения этимологически связано с рассматриваемым в 9.1.8.1. названием насекомого. Другие названия черники в мегрельском – maQurzene (из Qurzeni ‘виноград’) и meliSiaS Da, букв. ‘лисье дерево’.

b8g8Y8ri (зугд.-самурз., [Кипш 210]), bYgiri ([Maq' 81], [OK I: 276]) ‘кизил, *Cornus mas L.*’.

Из абх. a-bg8Y8r ‘кизил’ [Чирикба 134]. Вторая часть абхазского слова (-Y8r) связана с абаз. zar8 ‘кизил’, и далее – с ад. zar8-D7 ‘калина’ (D7 ‘плохой’), каб. ze ‘кизил’ [ЭСАЯ I: 204, 205, 207]. Первая часть (bg8) объясняется [Абдоковым 1973: 52] как ‘склон’. Альтернативно, bg8 можно связать (как определение) с a-bga ‘волк’ (‘волчий кизил’). Мегр. bYgiri получено из b8g8Y8ri путем метатезы. Сван. Yigir ‘ежевика, *Rubus*’, мегр. Y8giri ‘сассапариль, *Smilax*’ могут не относиться ко всем этим формам. [Мемиши 1988: 90] пытается связать мегр. bYgiri с груз. baYgi и лаз. baYgari ‘веха мышья’, что кажется менее вероятным.

сбісбіndera//сбісбіndara//сбісбіmdera ‘земляника’ ОК III: 424].

Из абх. (абж.) a-c68c68ndra ‘земляника’ [Чирикба 132]; ср. также бзып. a-46a468nd8r, a-468468nd8r, садз. a-c68c68ndara. Хотя абхазская этимология

неясна (ср. для второй части финальный элемент в a-k608k608md8r 'куст'), факт его присутствия во всех абхазских диалектах и его фонетическая форма в бзыпском диалекте (со средней сибилиантной аффикатой), позволяют видеть в нем исконное абхазское слово. Через мегрельский слово проникло и в западногрузинские диалекты, ср. верхне-рач. *сбісbindera* 'земляника' [Maq' 32]. В мегрельском имеются и другие названия для этой ягоды: xvixvinia, c8m(Q)ua 'земляника'; ср. также в родственных языках: груз. *marcбqбv-i*, *xendro* ('клубника'), имерет. *dardala*, *сbiampbola*, сван. *basqб(i)*, *bцsqб*, *majRl*, лаз. *kбandJu/o*.

Самква, Samhva, Сампа 'горный клен'; см. также Самуа 'вид растения в горах' [OK III: 291].

Из абх. a-C7amha 'клен' [Чирикба 134]. Второй элемент (mha) может быть родственным адыг. *pxa 'древесина'. Наличие лабиального элемента в мегрельских формах (-kva// -hva// -ra) весьма интересно – могут ли они отражать более старую абхазскую форму? Исконное слово для 'клена' в мегрельском – *mekbenCxali*.

кбакбара/o 'густой лес с большими деревьями'; также как топонимический элемент в горной Мегрелии.

Из абх. a-kбкбага 'густой лес с большими деревьями; лес без подлеска и кустарников' ([Цхадая 1975: 34; 1985: 187, 209], [Чирикба 132, 137]), производного от корня kб(a)kба 'открытый, чистый, ясный, свободный от чего-либо' и абстрактного суффикса -ra (этимология Б. Джонуа) указал на абхазское происхождение мегрельского топоформанта кбакбара/o. Мегрельская форма может отражать более старую (полногласную) абхазскую форму (a-kбакба+ra).

kбvadaci, kбvadaca, kбvadacia [OK II: 118], kбudacia [Maq' 73] 'облепиха'.

Из абх. a-k60adac 'облепиха' [Чирикба 133]. Абхазское слово, возможно, содержит -dac 'корень', но первая часть неясна. Слово известно и в грузинском (из мегр. ?): k60adac-i 'терн' (см. [Čubinašvili 1984: 606]), наряду с более обычным kасv-i .

SxuriСi 'дикий виноград' ([Кипш 361], [OK III: 286]).

По-видимому, из абх. a-S7xar8Z7 'дикий виноград' (a-S7xa 'гора', a-Z7 'вино-град'; см. [Чирикба 131]). Кипшидзе [Кипш 361] и Каджая [OK III: 286] производят мегрельское слово из Sxuri 'овца' (по Каджая, из Sxuri-S Сбі 'кишка/поясница овцы'), что сомнительно семантически. Другой мегрельский термин для дикого винограда – burexi.

xvamca, xvanca ‘остролист, вязожелд, падуб’ [OK III: 539].

Из абх. a-x0amsa ‘рододендрон кавказский’ (*rhododendron caucasica*); в бзып. a-h08ms8.

9.1.7.2. Культурные растения

atбама, antбама ‘персик’ [OK I: 197, 188].

Из абх. a-tбам\ ‘персик’ ([Климов 182], [Чирикба 134], [Гублиа 67]; см. также [NS 1005]). Ср. также садз. \-tбама, \-t68ma ‘персик’, батум. абх.: фер. a-tбам9 [Килба 1983: 25], сам. \-tбама ‘персик’, ашх. tбам\ ‘абрикос’, Y8n-tбам\ ‘персик’ (Y8n ‘зима’).

Через мегрельский слово проникло в грузинский (atбам-i, имерет. ar-tбам-i) и сванский (atбама). Ср. также такие композиты, как мегр. uSkur-atбама, груз. vaSl-atбама ‘персик-нектарин’, букв. ‘яблоко-персик’ ([Maq 27]; мегр. uSkuri, груз. vaSl-i ‘яблоко’). Через грузинский слово вошло в лазский: хоп. atбама, виц. antбама, ардаш. atбамба; (см. [Bucaklışı & Uzunhasanoğlu 1999: 5, 8]), арх. antбама, antбarma,¹ осетинский (atбами, al-tбами) и в ряд дагестанских языков, ср. бежт. atбами, гунз. Ҭatбами, анцух. авар. Ҭatбам ‘персик’ (см. [Халилов 1989: 110, 114]).

Лексема также представлена в убыхском (t68ma ‘персик’) и в шапсугском диалекте адигейского (q08-tбам8 ‘сорт груши’, т.е. ‘груша-персик’, ср. q08 ‘груша’). Если этимология Ю. Месароша [Mészáros 1934: 257] и Ж. Дюмезиля [Dumézil 1974: 19] убыхского слова верна (t68 ‘мягкий, немного перезрелый’, плюс *та* ‘яблоко’, т.е. ‘сочное и мягкое яблоко’), тогда в абхазском и адигейском, а через абхазский в других языках, имеем убыхское заимствование. [Шагиров 1989: 68] высказал сомнение в правильности этой этимологии из-за необычного расположения компонентов в убыхском словосочетании: определение (t68) должно было быть в постпозиции, а не предшествовать определяемому им существительному.

Старостин [NS 1004-1005], с другой стороны, реконструирует для праабх.-адыг. *t68ma ‘персик, абрикос’, которое он связывает с прото-нах. tбum ‘мозг’, ‘ядро (фрукта, ореха)’, прото-лезг. *tбum(:)-ul//tбum(:)ut6 ‘вино-град’, ‘слива’ (таб. tбumut6, агул. tбibit6, рут. tб m I, цах. tбum I7, буд. tбombul, арч. tбummul, удин. tб:ul). Согласно Старостину, хин. tбumbol ‘алыча’ идет из будухского, а удин. damp:ul ‘слива’ также является старым заимствованием из шахдагских языков; часть лезгинских языков содержат рефлекс формы *tбum(:)ut6, которая является редупликацией.

¹Рене Лакруа, устн. сообщ.

Генетическая связь зап-кавк. и вост-кавк. форм представляется убедительной как фонетически, так и семантически ('мозг', 'вид фрукта'). Западнокавказские языки сохраняют родственные формы, которые, возможно, объясняют первоначальную семантику этого северокавказского корня: 'сочный', 'перезрелый', ср. абх. а-тбам+тбам 'мягкий, слегка припухший', j8-тбам+тбам-wa 'мягкий (о тесте, плоде)', напр. а-x08rma тбам+тбам-wa 'мягкая исочная хурма', а-тбаматбам+тбам-wa 'мягкий исочный персик', абаз. тбам+тбам 'мягкий, перезрелый', j8-тбам+тбам8+D78-тб 'становится перезрелым', адыг. тбем8//т68м8вад.qe-тбем8-, каб. qбе-t68m8- 'опухать' (преверб qе-//qбе- 'сюда').

Помимо северокавказской этимологии абхазского слова, начальный а- в картвельских формах является дополнительным указанием на его абхазское происхождение. Кстати, одно из армянских слов для 'сливы' (ср. класс. арм. *damon*, артв. *damun*, арм. диал. *dambul*), которое не имеет индоевропейской этимологии, имеет, по-видимому, восточнокавказский источник, ср. особенно буд. *tбомbul*, хин. *tбumbol* 'и удин. *damp:ul* (не исключено, однако, что удинская форма может являться обратным заимствованием из армянского). Старостин [NS 1004] объясняет в в будухском как эпентетическое, что естественным образом поднимает вопрос о соотношении армянских форм *damon* и *dambul*: являются ли они хронологически различными заимствованиями (*damon* < *damol < *damul – более ранним, а *dambul* – более поздним заимствованием), либо же они отражают заимствование из различных восточнокавказских диалектов? Интересно, что в армянском диалекте Сведии (Сирия) название для 'сливы' – *tата*, помимо более обычного *dbamm n* (Х. Мартиросян, устн. сообщ.). Мартиросян усматривает в армянском слове *tanj* 'груша' (согласно ему, предположительно из **tam-* плюс армянский суффикс *ј* обычный для названий растений) возможное заимствование из обсуждаемого выше западнокавказского названия 'персика'.

кбаCбiCбi 'сорт винограда с мелкими черными ягодами'.

Из ах. а-кбаC678C67 'тоже' [Чирикба 132]. Абхазское слово объясняют как производное от имени абхазского крестьянина, который впервые стал культивировать этот сорт в своей усадьбе (см. [БД 210]). Термин известен также в Западной Грузии [Контария, Чанба 1987: 50], по-видимому, через мегрельский.

хeCбeCбi 'сорт поздно созревающей груши с мелкими плодами'.

Из ах. а-ха+C67C67a 'груша с мелкими плодами', 'дикая груша, дичок' [Чирикба 131], содержащего а-ха 'груша' и суффикс-С67C67a (<*-C678C67a <

*-C67aC67a)‘маленький, мелкий’. Ср. сходную структуру ува-с60a+C67C67a‘дикая яблоня смелкими плодами’(а-с60a‘яблоко’), а-к60ara+C67C67a‘речушка, ручей’(а-к60ara‘ручей’). Абх. а-ха связано с адыг. q08-18 и убых. x7a‘груша’. Через мегрельский лексема проникла также в западногрузинские диалекты, ср. аджар. xeC6eC6+ur+a, xeC6eC6+ur-isxali(sxali‘груша’), гур. xeC6eC6+ur-i//xiC6iC6+ur-i (с атрибутивным суф. -ur; см. [Ghlont’i 748, 756]), а также в лазский: xaC6aC6uri(mxuli)‘вид груши смелкими плодами’, mxulxeC6eC6uli‘вид груши’[Mapp 1910: 230]; mxuli‘груша’), арх. xaC6aC6i/e, xeC6eC6uli‘вид груши с повышенным содержанием сахара’[Bucaklışı & Uzunhasanoğlu 1999: 196]. [Климов 1971: 259] указал на абхазское происхождение лазского слова. Учитывая наличие в лазской форме суф. -ur, посредником для него мог служить грузинский (аджарский). По-видимому, из лазского, слово распространялось среди языков северо-восточной Анатолии, ср. арм. (в области Понта) xaCFaDur, тур. xaCacur armudu (armud ‘груша’), xeCeCur, heCeCur(регион Хамшена), heDeDulap(регион Трабзона)(см. [Bläsing 2004: 101-102]; согласно [Bläsing 2004: 102], элемент -ар в последней форме предполагает посредство понтийского греческого (ср. греч. ар‘яблоко’); таким образом, лазская форма xeC6eC6uli была источником для понтийского греческого, а из последнего оно проникло и в турецкий говор района Трабзона.

9.1.8. Зоологические термины

9.1.8.1. Дикие животные

baC6a‘клещ’, переносно‘маленький’; baC6a-baC6a‘очень маленький’[OK I: 230].

Из абхазского, ср. особенно цабал. а-baC6a‘клещ’; ср. также абж. а-рbaC6a, бзып. а-рbaC6, садз. а-baDa, ашх. baDa‘клещ’[Чирикба 1998: 135]; для второго значения ср. абх. а-рbaC6‘короткий, небольшой, маленький’. Кипшидзе [Кипш 202] указывал на сходство этого мегрельского слова с груз. baC6kba‘кол с крючками’, что сомнительно с семантической точки зрения. Цабальская форма и производная от нее мегрельская отражают общебахазскую форму (*baC6a), которая позднее подверглась регressiveвой (как в бзыпском и абжуйском) или прогressiveвой (как в садзском и ашхарском) ассимиляции. Обратное направление заимствования (мегр. > абх.) исключено ввиду абхазских диалектных форм, а также того факта, что мегр. С6, фонетически смягченная аффриката, должна была непременно дать в абхазском также палатализованную аффрикату (С67), а не С6. Исконный мегрельский термин для этого кровососущего насекомого – girDJibe.

9.1.8.2. Домашние животные

аCu ‘лошадь’, также aCu, aCu-aCu ‘междометие понукания лошадей’, aCu-a ‘лошадка (в детском языке)’ [OK I: 204, 316].

По-видимому, из абх. a-C8 ‘лошадь’. Перебой и/8 является обычным для мегрельского. Ср. также груз. aCu-a ‘лошадка (в детском языке)’ (с диминутивным -a), aCu//aCi ‘ну! (междометие понукания лошади)’. [Чарай 48-49] ошибочно увязывал абхазские и грузинские слова (без упоминания мегрельских параллелей) как родственные, добавляя к ним также груз. схен-i ‘лошадь’. Н.Я. Марр в своей редакторской заметке к этому сравнение Чаая на с. 48 отмечает: «заимствовано, по всей видимости, из абхазского». С. Джанашиа [Džanašia 1959: 226], не упоминая мегрельской формы, также считал груз. aCu усвоенным из абхазского. С. Николаев и С. Старостин [NS 520-521] считают грузинское слово заимствованным из северокавказских языков, [Гамкрелидзе и Иванов 1984: 919] – из какого-то индоевропейского языка, к чему склоняется также [Климов 1994: 171], усматривая особую близость грузинского слова к древнеиндийской форме. Учитывая фонетику мегрельских и грузинских слов, прямо совпадающих с абхазской формой с определенным артиклем, а также факт многочисленных заимствований в мегрельском абхазских скотоводческих терминов, абхазский источник для этого заимствования кажется все же наиболее вероятным. Заимствование могло хронологически соотноситься со временем Абхазского царства (т.е. VIII-X вв.). См. также ниже, под *Сou*.

tiJi ‘баран’ ([Кипш 243; OK II: 53]), ‘баран-производитель’, ‘баран для размножения’ [OK II: 53].

Из абх. a-t8+J7 ‘баран(-производитель)’ ([Кварчия 75], [Климов 182], [Чирикба 132]). Абхазское слово анализируется как t8 ‘баран’ и J7 ‘семя’.

9.1.9. Культовые, обрядовые, религиозные термины

antari, Zini-antari ‘главный бог размножения скота’ [OK I: 187, II: 500], ‘покровитель мелкого рогатого скота’ [Бжания 265] (Zini ‘верхний, верховный’).

Из абх. ajtar//ajt8r ‘главный бог размножения скота’¹ ([Чирикба 134, 137; Аджинджал 2003: 42]). Присутствие назального инкремента перед дентальным смычным (ajt > ant) обычно для мегрельского. Цикл молений особо почитаемому божеству Айтару, рассматриваемому аб-

¹ Согласно [Званба 1982: 31], «бог и покровитель домашнего скота и хуторов».

хазами как единому в семи долях, начинался весной, в первый по-недельник Великого поста [Бжания 127]. Скорее всего, под именем этого языческого божества скрывается христианский Святой Теодор (Феодор) Тирон (Тирский),¹ которому в Абхазии был посвящен храм в нынешнем Новом Афоне на вершине Анакопийской горы. Форма *ajt8r//ajtar* получена из греч. *Agios Theódōros* ‘Святой Теодор’ в результате гаплологии (опущения одного из сходно звучащих слогов): *aj tod8/ar² > *aj tat8/ar > *ajt8r//ajtar*. Это мнение можно подтвердить наличием в осетинском божества *T_t8r* (ирон.)/*Totur* (дигор.) ‘патрон волков, а также скотокрадов’, которое [Абаев 1979: 323] также выводит из имени этого святого. Праздник, посвященный этому божеству,правлялся у осетин, как и у абхазов, на первой неделе Великого поста. Источником осетинских форм Абаев считает картвельские языки, указывая на сван. *li-Toduri*, *li-TRdri* ‘праздник Феодора’, первая неделя Великого поста, груз. мохев. праздник *Tevdoreba*, рач. *Tedoroba*, во время которого святым молились об умножении скота. Абаев указывает также на балкарское топонимическое название *AS-Totur taS-i* ‘камень (taS) Святого Теодора’. Ср. также карач.-балк. *Totur-nu al aj8* «март» (aj ‘месяц’), *Totur-nu art aj8* «апрель», селение *Totur* и крепость *Totur kъala* в Хуламском ущелье в начале XIX века, церкви *Ash-Totur* в Чегеме и *Totur-Tюю* в Хуламе; имеется также несколько ледников по имени *Totur auz* [Шаманов 1974: 313, 314], содержащие имя святого. Обращает на себя внимание и фонетическая близость осетинской формы с глухим интервокальным смычным т с абхазской (ср. д в сванской и грузинских формах). Абхазский источник (посредничество) для мегрельского весьма вероятен ввиду сокращенной в результате гаплологии абхазской формы – картвельские языки сохраняют имя святого в более полной форме, а также глухости второго смычного. Кроме того, это божество не ассоциируется у мегрелов с христианским святым, выступая в виде языческого божества, в прямом соответствии с его функцией у абхазов. Об абхазском источнике, наконец, говорит и сопутствующая этому культу специальная терминология, также заимствованная из абхазского (см. ниже *ckebzi*, *xozo-kbvari*). Помимо мегрельского, ср. также божество *anatori* у грузин-горцев (из мегрельского или параллельное развитие из греческого?).³

¹Христианский мученик, который был рекрутом (*tiro*) в римской армии в области Понта (Черное море).

² Ср. сходно звучащий греческий топоним Ай-Тодор (Святой Теодор) в Крыму.

³[Аджинджал 2003: 42] рассматривает как мегрельское, так и грузинское имя божества в качестве заимствований из абхазского.

napra//napurnaxa/е‘название какого-то божества, обряд жертвоприношения которому совершается в июле месяце, исключительно в субботний день’ ([Кипш 286-287], [ОК II: 366, 367]), ‘покровитель скота, при молитве которому становились лицом на запад и просили о ниспослании богатства, здоровья, защиты скота и людей’ [Бжания 265].

Из абх. anapra//nap8r-n8xa ‘божество внутренних болезней, желудочных заболеваний’, ‘покровитель больных’ (n8xa ‘святилище’) [Чирикба 132, 137]. Сходство мегрельского и абхазского слов было отмечено [Бжания 265]. Как и в случае с предыдущим божеством, под обличием языческого бога скрывается, по всей видимости, старый христианский Святой Онуфрий (греч. Ονούφριος).¹ В Абхазии имелась церковь, посвященная этому святому, что отмечает [Павлинов 1893: 4]: «Следуя далее к Беслахубе, на р. Гализге, близ Побчел, видели другую церковь, посвященную св. Онуфрию. Она недавно реставрирована, и в ней совершается служба». Также в собрании икон Илорского собора Павлинов обнаружил две иконы Святого Онуфрия и дал их описание [там же, с. 23 и таблица XII]. Интересно, что в русской народной традиции святой Ануфрий защищает скот от всех несчастий, а также исцеляет людей от кровотечения из ран; ему также молятся о сохранении от внезапной смерти (см. [Юдин 1997]). Начальный а в абх. anapra является корневым. На абхазский источник для мегрельского указывает элемент паха/е < абх. n8xa ‘святилище’, а также фонетический облик имени святого.

Yivov ‘ритуальная процессия к Дзиуоу’ (самурз., цаленджиха), ‘ритуальная кукла называемая Дзиуоу’ (самурз.); сюда же несколько измененная (в результате прогрессивной ассимиляции) форма YiYava ‘женский ритуал вызывания дождя во время засухи, в котором фигурирует специально сделанная кукла’ [ОК III: 390].

Из абх. Y8-jwow ‘ритуал вызывания дождя, где фигурирует специально сделанная кукла, которую несут к речке’ [Чирикба 137]. Первая часть абхазского слова представляет собой а-Y8 ‘вода’, вторая часть не вполне ясна (от ajw8-ra ‘получать’?). В цаленджихском мегрельском кукла называется тoC6k6udia, т.е. ‘невеста’, ‘кукла’, ‘хозяйка’ [Контария, Чанба 1987: 52].

¹Отшельник, живший в египетской пустыне в конце 4-го в. и почитаемый в качестве святого как римской, так и православной церковью; его праздникправлялся 12 июня.

9.1.10. Географические термины, рельеф, горы, водоемы

alg8d ‘воронкообразная яма’ ([OK I: 181].

Из абх. a-lg8t ‘овраг, балка, впадина’. См. также абхазский топоним a-lg8t//lg8t, встречающийся в нескольких местах в Бзыпской Абхазии и его вариант a-lg8d(8) в Абжуйской Абхазии (см. [Кварчия 2002: 582]). На заимствование из абх. a-lg8d указал [Цхадая 1985: 186, 209]. Этимология абхазского слова не вполне ясна, хотя оно, возможно, отлагольного происхождения (для начального согласного ср. центробежный преверб I(8)- ‘из массы’ как, например, в a-l-g08g0-ra ‘выпуклость; взбуянное место’). Ср., с другой стороны, a-g(8)d8 ‘безрогое животное’ (?). Во всяком случае, наличие начального а- в мегрельском указывает на его абхазский источник.

apsta ‘река, ущелье’.

Из (абж.) абх. a-psata ‘ущелье, каньон’ ([Кипш 197], [OK I: 199]); в бзып. a-p2ta. Полагают, что абхазское слово содержит старое название ‘воды, реки’ (*p28), родственное адыг. ps8 ‘то же’, тогда как конечный -ta является локативным суффиксом (см. [ЭСАЯ II: 16]), т.е. ‘место воды, реки’ (в горах по дну ущелья обычно течет река), что делает мегрельское значение ‘река’ весьма симптоматичным.

arxa ‘скала; холм; крутая гора’ [OK I: 196].

Метатеза из axra (см. ниже под axira, ax8ra, axra).

aSta ‘луг, поле’; также топонимический элемент в горной Мегрелии.

Из абх. aSta ‘двор, поляна (особенно перед домом), луг’ ([Цхадая 1975: 34; 1985: 186, 209], [Чирикба 137]), которое, по-видимому, происходит из *jaSa-ta ‘ровное место’, состоящего из a-jaSa ‘прямой, ровный’ и локативного суффикса -ta (с утратой начального j-).

axira, ax8ra, axra ‘скала; холм; крутая гора’ [OK I: 207, 208]; также x8r8 ‘высокий скалистый склон, откос’ [OK III: 591].

Из абх. a-xra ‘скала’ [Цхадая 1985: 186]. См. также arxa (выше).

aYmax-i//azmax-i ‘искусственный водоем, сооруженный рядом с летней стоянкой (t8p)’ [Дзидзария 1987: 39], ‘место снаружи скотного двора (agvara) для водопоя скота’ [OK I: 165], ‘лужа, пруд’ ([Цхадая 1975: 34], [OK I: 165, 204]); также топонимический элемент в Мегрелии.

Из абх. *a-Ymax* ‘болото’ ([Цхадая 1975: 34; 1985: 186, 209], [Дзидзария 1987: 39, 1988: 69; 2000: 144], [Чирикба 133, 137], [Гублиа 53]), первая часть которого содержит а-*Y8* ‘вода’. Бзыпская форма этого слова – а-*Ymax* [БД 60], что предполагает общеабх. *Y8-маq. Согласно [Дзидзария 2000: 144], это слово встречается также в гурийском диалекте грузинского (из мегр. ?).

9.1.11. Гастрономические термины

сkebz8 ‘конусообразно вырезанный кусок сыра в середине приготовленного из кукурузной муки ритуального хлеба используемого во время моления божеству *Zini antari* о приумножении скота’ ([Кипш 195], [ОК III: 360]).

Из абх. *a-ck7a* ‘(ритуально) чистый’ и *a-bz8ja* ‘хороший’ ([Джанашиа 1915: 77], [Чирикба 133, 135]). Параллелью этого термина в абхазском является *a-ck7a-S0* ‘(ритуально) чистый сыр (*aS0* ‘сыр’), используемый во время моления богу *ajtar*’ (см. Бжания 126).

Cemkva, Cemxva, Cemhva ‘вид каши приготовленной на молоке из сыра и кукурузной муки’ [ОК III: 299], ‘молочный кисель’ [Кипш 364].

Из абх. *a-C7am8k0a* ‘мамалыга из кукурузной муки сваренная с молоком и сыром’ [Чирикба 131]; ср. также абз. *C7am8k0a* ‘блюдо приготовленное из сметаны, сыра и кукурузной муки’, каб. *Zam8k0e* ‘кушанье типа мамалыги из сметаны, кукурузной муки и свежего сыра’, которое считается заимствованием из абазинского (см. [ЭСАЯ II: 193]). Фонетически ка-бардинская форма должна восходить к *Dam8k0e < *D7am8k0e < *ç7am8kF0a. Этимология слова неясна; первая часть может содержать абх. *C7a* ‘пшеничная мука’ (?).

ela(r)Di ‘кукурузная мамалыга сваренная со свежим сыром’ (см. [Кипш 231], [ОК I: 546]).

Из абх. *ajla(r)D7* ‘то же’ ([Чирикба 133], [Гублиа 63]). Абхазское слово анализируется как состоящее из преверба *aj+la-* в значении ‘совместно в массе’, и корня *D7*, который [Mapp 1926: 11] связывал с глаголом *a-D7-ra* ‘печь’, объясняя все слово как ‘жареная смесь’, что не совсем удачно семантически (данное блюдо варят, а не жарят). Возможно, есть смысл предположить исходную форму **aj+la-Z7*, от глагола *aj+la-Z7-ra* ‘сваливать совместно в массе’. Сonorный *r* является, скорее всего, неэтимологическим инкрементом. Согласно [Инал-ипа 1965: 341], в форме *elarDi* это слово известно и в грузинских диалектах (из мегр. ?).

mazva 'плоская лепешка приготовляемая абхазами из муки и меда'.

Из абх. a-maZ0a 'тесто' ([Schmidt 1950: 19], [Ардзинба 1985: 162], [Чирикба 133], [Гублиа 53]). [Чарай 12] ошибочно усматривал в абхазском заимствование из мегрельского, а последнее считал усвоенным из греч. mOza 'тесто, лепешка', что не объясняет лабиализации фрикатива в абхазском. Кроме того, сама семантика мегрельского слова указывает на его усвоение из абхазского.

риCxха//руnCxха//pinCxха 'крошка' [ОК III: 113, 120], глагол риCxолua 'крошить' [Кипш 340; ОК III: 120].

Согласно К. Ломтатидзе, из абх. a-pCxха < a-p+C8+ха//a-p8+C+ха 'крошка'. Слово имеется также в западногрузинских диалектах: имерет., гур. риCxха//руnCxха//riCxха//pinCxха 'крошка (хлеба и т.п.)', а также с суффиксальным оформлением: pinCxха-I (см. [Lomtavidze 1989: 49-50]); ср. также лаз. рунCxха 'крошка'. Абх. a-p+C8+ха производно из глагола a-p+C-га 'ломать, разбивать' (преверб p(8)-), с номинальным суффиксом -ха в значении 'остаток'). Это слово было обратно заимствовано в абж. абх.: a-p8C7ха 'крошка', о чем свидетельствует палатализованный характер C7 (см. [Ломтатидзе 1989: 51-52]), если это смягчение не возникло на собственной почве с целью "диминутивизации" слова. Как относятся к этим словам сван. na-picx 'крохи', зап.-груз. prCxvna 'крошиться'¹?

хасба 'закваска для приготовления йогурта' [ОК III: 524].

Из абх. a-хаасба 'то же' ([Дзидзария 1989: 145], [Чирикба 132], [Гублиа 58]), анализируемого как x(8) 'молоко', преверб aa- 'сюда' и глагола сба 'класть'. Ср. сходно образованное a-Y+aa+cса-га 'класть сюда (aa+cса) [в] воду (Y8)'. Альтернативная этимология основывается на технологии заквашивания, когда в молоко клали свинец либо свинцовую пулю (a-x8) для стимуляции процесса закваски; таким образом a-x+aa+cса 'пуля положенная (в молоко)' (?).

хаCбо 'творог'.

Из абх. a-хаC67а 'творог' ([Чирикба 132], [Дзидзария 2000: 145], [Гублиа 58]). В первой части имеем, вероятно, x(8)- 'молоко', присутствующее в качестве первой части во многих абхазских терминах молочных продуктов, напр. a-x8+r+c608 'йогурт' (x8 'молоко', r+c608 'заквашивать, делать кислым'). Ср. также a-x+S 'молоко' (S 'белый'). Вторая часть (-C67а) неясна. [Гублиа 58] анализирует -C67а как 'крупинка', т.е. 'молочные крупинки'.

¹Дж. Хьюитт, устн. сообщ.

Сходным образом [Дзидзария 2000: 145] усматривает в -C67a значение ‘крошечный’. Слово проникло также в грузинский: *xaC6o* ‘творог’, откуда *xaC6a-rbur-i* ‘хачапури, лепешка с сыром’ (*rbur-i* ‘хлеб’, из греческого), заимствованное в абхазский абхазский (*a-xaC67ap68r*), несмотря на наличие исконного *a-C7aS0*.

xeC6eti ‘сливки’ (самурз).

Из абх. *a-xC67at* ‘сливки’ ([Чирикба 131], [Дзидзария 2000: 145], [Гублиа 58]), которое анализируется [Абдоковым 1973: 75] как *x-* ‘молоко’ и *C67at*, связываемое им с ацх. *C7ata*, убых. *C7ata*, ад. *S7ate* < *CF7atFa ‘сметана’, что не объясняет наличия глottализации в абхазской форме. Объяснение абх. *C67at*, адыг.-убых. *C7ata* как заимствования из тюрк. *Cati, sathi* ‘крыша’, ‘поверхность’, предложенное [Кварчия 119], не кажется убедительным. Более вероятной этимологией для *a-xC67at* является контаминация в абхазском заимствованного из адыг. *CF7atFa ‘сметана’ (содержащее *CF7a ‘молоко’) с исконным *a-xaC67a* ‘творог’.

xiDaDa//x8DaDa//xaDaDa ‘молозиво’ [ОК III: 526, 565, 592].

Из абх. *a-xD7aD7a* ‘молозиво’ ([ОК III: 565, 592], со ссылкой на П. Чарая; [Дзидзария 1989: 145; 2000: 144] дает мегр. форму как *xDiDi*). Абхазское слово анализируется как *x(8)* ‘молоко’ и *a-D7aD7a* ‘грубый, жесткий’ [Дзидзария 1989: 145].

xozovxozo-kbvari//xozo-kbori//xozo-kboni ‘большиеритуальные конусообразные вареники приготовляемые в начале масленицы, в один из них клали спицу из рододендрона (или греческого ореха); того, кому доставался такой вареник, ожидалось счастье в течение всего года’; ср. также *xozo-kbvari-SiC6kbitua* ‘поедание вареников в первый понедельник Великого поста’, *xozo* ‘вид вареников приготовленных из кукурузной муки со свежим сыром’.

По-видимому, из абх. *a-x0aZ0* ‘конусообразные, круглые или полукруглые вареники или пирожки, в основном из кукурузной муки, иногда начиненные сыром’ ([Чирикба 133], [Гублиа 52]); в бзып. *a-x0a10* [БД 64], *a-x08Z0* < общебх. *q0a108. Ср. также абх. *x0aZ0-k68-n* ‘время специальной молитвы в течение которой приготовляют ритуальные вареники *a-x0aZ0*’ (*k68* ‘держать’, *-n* ‘время, сезон’), *x0aZ0-k68+ra* ‘обряд моления с приготовлением ритуальных вареников в первый день масленицы’ (*k68-га* ‘держание’), *x0aZ0k68ra-mza* ‘февраль (или март)’ (букв. ‘месяц держания *a-x0aZ0*’; *a-mza* ‘месяц’), *x0aZ0-n8h0a* ‘ритуальная молитва во время ритуала *x0aZ0k68ra* (*a-n8h0a* ‘молитва’). Ср., помимо этого, абх. *a-x0aZ0-k60ak60ar* ‘ритуальный конусообразный пирог приготовленный в течение празд-

ника x0aZ0k68ra', когда произносилась ритуальная молитва посвященная Айтару (божеству плодородия и скотоводства), совпадающая с первым днем христианского Великого поста (a-k60ak60ar 'лепешка начиненная сыром'). [Чаая 15] рассматривал абх. a-x0aZ0a в качестве заимствования из мегрельского, хотя, интересным образом, он объяснял само мегрельское слово как 'маленький конусообразный чурек, употребляемый у абхазов при жертвоприношениях'.

Этимологически абх. a-x0aZ0 связывают с названием рододендрона – a-x0aZ0 (см. [Акаба 1984: 52, 54]). Действительно, рододендрон играл особую роль во время этого ритуала. Ритуальные хлебцы, начиненные ритуально чистым сыром, запекали в горячих углях покрыв рододендроновыми листьями [Бжания 126]. В один из ритуальных вареников или пирожков пожилая ритуально "чистая" (т.е. не живущая половой жизнью) женщина клала маленькую рододендроновую палочку, называемую 'счастливой палочкой' (a-nas8p a-c608), либо 'рододендроновой палочкой' (a-x0aZ0 c608) и того, кому выпадал пирожок с этой палочкой, ожидало счастье в течение всего года, в честь чего ему предписывалось устроить пир [Акаба 1984: 52]. Схожий ритуал практиковался мегрелами: "Во время Великого поста к обеду варили усеченные конусообразные пирожки, в один из которых хозяйка дома, перед варкой, тайно втыкала деревянную спицу (c6k68ri); пирожок со спицей называется хозо-kbvari. Тот, кому выпадал пирожок хозо-kbvari, должен был устроить пир" (см. [Кобалия 1903: 102]).

Этимологическая связь слова для ритуального пирожка с названием рододендрона кажется убедительной. [Гублиа 52] предложила альтернативную этимологию: x0a из x08Y 'просо' и Z0a из Z0 'варить', что проблематично с семантической точки зрения. О. Каджая переводит мегрельский термин как 'большая вареная лепешка', по-видимому, под влиянием слова хозо 'большой; отдельный' (см. [ОК III: 566]), но см. выше перевод Чаая '**маленький** конусообразный чурек...'. Помимо мегрельского, ср. также в грузинских диалектах: мтиул., имерет. хозо 'крупнозернистый хлеб' [Ghlont'i 758]. Ср. также в грузинском словаре Саба Орбелиани (XVIII век): qwejza 'круглый хлеб'. Н.Я. Марр в [Чаая 15] связывал мегрельское слово с др.-груз. qweza-j 'хлеб', а абх. a-x0aZ0 с имерет. хозо (в [Марр 1938: 32]).

9.1.12. Сезоны

арун-i 'весна' ([Кипш 197], [ОК I: 199]); также арун-оба 'весна' [ОК I: 199].

Из абх. аар8н ‘весна’ ([Кипш 197], [Клинов 182], [Чирикба 132], [OK I: 199]). [Чарай 18] рассматривал мегрельское и абхазское слова как генетически родственные. Абх. аар8н < *5а-ар8-н8 анализируется как ‘время-перед-период’, т.е. ‘раннее время года’.

9.1.13. Varia

агага ‘тень’; ‘худой, тощий’, ‘в ком едва держится душа’ [OK I: 164], ‘призрак’.

Из абх. а-гага ‘тень, силуэт’. Абхазское слово может содержать агентивный суффикс -га, первая часть неясна. О. Каджая предлагает связь мегр. agaga (см. [OK I: 164]) с мегр. magagia ‘бродяга’ [OK II: 202] и с глаголом gagap-i ‘идти с трудом, волочить ноги’ [OK I: 278], что, учитывая абхазское соответствие, кажется маловероятным.

argvata ‘толпа, народ’ ([Кипш 196], [OK I: 190]).

Из абх. а-г0арта ‘стадо, гурт, отара, стая’ ([Инал-ипа 1965: 216], [Чирикба 134]), связанное с абаз. г0арта, каб. г0арте, ад. k0ert ‘то же’. Данная мегрельская форма получена путем обычной для этого языка метатезы из agvarta (см. ниже gvarta).

аSxara ‘мошенник, негодяй’ [OK I: 204].

Вряд ли к груз. (из перс.) аSk(6)ara ‘явный, гласный, публичный’ (ср. мегр. наречие аSkarat < груз. аSk(6)arad ‘явно, гласно, публично’) из-за семантики. Может быть, из абх. а-S7xar8wa ‘горец, горный житель’ (?).

бZou ‘глупый, глупец, дурак’; ‘грубый, неотесанный, невежливый’ [OK I: 259].

Возможно, из абх. j8-bZo-w ‘калека, неполноценный, с дефектом’, производное от а-bZa ‘половина’.

сбісбі-kбvакбva ‘слова в детской игре’ [OK III: 423].

Возможно, из абх. сбісбі-k60ak60a ‘слова в детской игре’; ср. также сбісбі-g0ag0a, абаз. сбісбі-g0ag0a ‘тоже’. Абх. сбісбі-k60ak60арифмуется в детском фольклоре со словом с аjсbark60ak60a ‘кислое молоко с накрошенной в нем мамалыгой’ (Б. Джонуа, устн. сообщ.).

gvarta ‘(большая) волна’, ‘куча’ [OK I: 320], см. также наречие gvarta-gvarta-d/s ‘кучами’ (там же).

То же, что argvata (см. выше), что предположено и в [OK I: 320]; на этот раз слово представлено без абхазского определенно-родового ар-

тикля. Ср. также абх. *g0arta-k6* ‘много, большое количество, множество, куча’ (-*k6* неопределенный артикль).

luga ‘глупый, дурной (человек)’, *luga-lala* ‘глупец-бездельник’ [OK II: 180].

Возможно, из абх. *a-l8g* < *l8ga < *laga ‘то же’ [Чирикба 132].¹ Кипшидзе [Кипш 274] связывает мегрельское слово с груз. (C)*lung-i* ‘тупой’, а Г. Клинов производит *luga* из общекартвельского **blagw-* ‘тупой, неострый’ (см. [Fähnrich, Sardshweladse 1995: 58]). **Дilemma, таким образом, заключается в выборе одной из альтернативных гипотез (заимствование из абхазского, либо исконная связь с грузинским).** В абхазском вторая часть слова (*ga*) функционирует и как самостоятельное слово: *a-ga* ‘глупый, дурной (человек)’, которое связано с убых. *ag7a* ‘плохой, глупый’ и с адыгским привативным суф. *-*g7a* (ЭСАЯ I: 93).

qbala ‘сумасшедший’, *qbala-ni* ‘то же’ [OK III: 217].

Возможно, из абх. *a-q67ala* ‘бродячий, блудный; заблудившийся; бродяга’, производное от глагола *a-q67ala-ra* ‘бродяжничать; заблудиться; сбиться с толку’, которое состоит из корня *q67a* ‘бить’, либо *q67a* ‘выскакивать’, плюс расширитель корня *-la*.

qbun-i ‘серебряные украшения на ремне, поясе’ [OK III: 214].

Вероятно, из абх. *a-q608na* ‘серебряные украшения на ремне, поясе, уздечке, подпругах седла и т.д.’. С абхазским словом связан преверб *q608n(8)-* ‘на поясе’, а также соответствия в родственных языках: убых. *q68na* ‘пряжка, застежка’ и, возможно, общеадыг. *q608na ‘гвоздь’ (см. [Chirikba 1996: 222]).

tbatba ‘ласкательный вокатив к детям’ (самурз.).

Из абх. *tbatba* ‘то же’. Ср. абаз. *tbatba* ‘то же’. Абхазское слово означает собственно ‘мягкий’.

tbatba ‘маленькие мягкие вещи’.

Из абх. *tbatba* ‘мягкий, расслабленный’ [Клинов 182]; ср. также выше.

vara(j)da, sivarajda ‘рефрен в народных песнях’.

Из абх. *wara(j)da, s8jwarajda* ‘то же’. Этот же рефрен популярен у адыгов, убыхов и абазин, а от кабардинцев был перенят осетинами [ЭСАЯ

¹Абаз. *laga* ‘глупый, дурной (человек)’ связано, по-видимому, с другим абхазским словом, *aj+la+ga* ‘сумасшедший’.

II: 92-93]. Часть *s8-* в *s8j-warajda* означает ‘мой’ во всех западнокавказских языках, хотя форма *s8-j-* (с показателем отчуждаемой принадлежности *j-*) является только адыгским, что дало повод Г. Климову считать абхазское слово заимствованным из адыгских языков. Помимо мегрельского, данный рефрен известен также среди носителей западногрузинских диалектов и встречается даже в некоторых восточногрузинских диалектах, ср. мохев. *varada-varada* [Ghlont’i 223]. Ср. также первую часть мегр. *vara-nani* ‘рефрен в песнях’ (если оно не относится к вокативному *vara*, см. ниже).

xaC6a-maC6a//xiC6u-maC6u//xiC6-muC6u//xiC68-maC68‘мелочь,весьмамелкий’ [OK III: 524, 564].

Из абх. *a-x08C678-m8C67//a-x08C678-mC67* ‘мелочь,мелкие вещи’, из а-*x08C678* ‘маленький’ и аллитерационного повторения слова с заменой первой согласной на *m*, хотя в принципе и вторая часть может соответствовать абх. *a-maC67* ‘мало; маленький’. Абх. *бзып. a-x8C67-m8C67* ‘мелкие сухие вещи для растопки’ может быть фонетическим вариантом того же редуплицированного слова (с утерей лабиализации *x*).

xanga ‘сумасшедший’, ‘невежа’, ‘глупец’, ‘дурак’, *ga-xang-eba* ‘сделать сумасшедшими’, *ga-xang-ebuli*, *ga-xang-uli* ‘сумасшедший’ и много других производных (см. [OK I: 296; III: 512-513]).

Из абх. *a-xaga* ‘сумасшедший, ненормальный (человек)’, *a-xaga-ra* ‘сумасшествие’ ([Schmidt 1950: 19], [Чирикба 134], [Гублиа 71]). Абхазское слово анализируется как *a-x8* ‘голова’, *aga* ‘глупый, дефектный’. Назальный в мегрельской форме эпентетического происхождения. [Чаая 16] ошибочно предполагал заимствование в абхазском.

xateci//xaceci//xace//xatisi ‘невеста, новобрачная, молодая невестка’ [OK III: 509, 524]).

Из абх. *h-taca* ‘наша (*h-*) невест(к)а (*taca*)’ ([Кипш 396], Mapp в [Чаая 44], [Чирикба 133]). Первый *s* в мегр. *xaceci* – результат регрессивной ассимиляции.

9.2. Прилагательные

dagva ‘глухой’.

Из абх. *a-dag0a* ‘глухой’ ([Кипш 221], [Чаая 23], [Климов 182], [Чирикба 133], [OK I: 425], [Гублиа 69]). Ср. также топоним *dagva* в Западной Грузии. Само абхазское слово считается заимствованием из адыгских языков (см. [Schmidt 1950: 19], [ЭСАЯ I: 146]).

9.3. Наречия

акбакба см. в 5.4.

maCхома ‘достаточно’ [OK II: 232].

Из абх. maC7x08wma ‘много, достаточно’, в сущности, вопросительная фраза значащая ‘это(го) мало?’ (< maC67+x08-w-та ‘мало-стат:наст-вопр.’).

9.4. Числительные

акба ‘один’, акба сбunsj ‘одна минута’, ‘момент’, ‘сразу же’, акба xvale ‘единственный’, откуда личное имя akbaxvale [Цагарели 1880: 26], акба bu(r)sха ‘немного, размером с ноготь’, akba-Zans ‘один час’, сен. akbaskuарбunsu ‘уменяединственныйсын’, зугд. akbasbuti ‘одна минута’ и т.д.

Из абх. ak68 ‘один’ (класс не-человека) ([Кипш 193], [Mapp 1915: 214], [Džanašia 1959: 226], [Чирикба 132], [Гублиа 55]) < общеабх. *(j)акба. Сюда же, возможно, также лаз. (атин.) akbo ‘однажды’, хотя современные словари дают иную семантику (если это то же самое слово, ср. хоп. akbonaj, арх. hakbonaji, hakbo, атин. hakbu ‘столько’, см. [Bucaklış & Uzunhasanoğlu 1999: 2]). [Чаая 26] ошибочно рассматривал мегрельское и абхазское слова как родственные. [Mapp 1915: 214] считал, что мегрельский преверб akbo-//ikbo-//okbo- значащий ‘вместе, взаимно, с’ содержит абх. ak68 ‘один’. Абхазское числительное ak68 ‘один’ и производный от него неопределенный артикль -kб связаны с убыхским суффиксом единичности -k678.

акбакба ‘по-одному’ [OK I: 170].

Из абх. ak6+акба ‘по-одному’, редупликация ak68 ‘один (нечел.)’. Конечный а в абхазском может быть либо сохранением старой формы, либо старым суффиксом кратности (см. [Chirikba 1996: 369]).

9.5. Междометия

Сou//Си межд. для понукания лошади [OK III: 316].

Возможно, из абх. C7ow//C7u (бзып.) то же. См. также выше, под аСи.

(he(i)//ei), vara [OK III: 134, 632], var8 [OK III: 216] ‘вокативное слово, служащее для обращения к кому-либо’.

Из абх. *wa-ra* ‘ты (мужч.)’, также вокативное слово при обращении к мужчине. Ср. также *vara* в мегр. *vara-nani* ‘рефрен в песнях’.

vaj ‘иди сюда!’. Зафиксировано в XVII веке турецким путешественником Эвлия Челеби в его книге *Seyahatname* («Книга путешествий»). В настоящее время, по-видимому, неупотребимо.

Из абх. *w-aa+j* ‘иди сюда!’ (мужск./класс не-человека) (см. [Джикиа 1936: 115, 123], [Gippert 1992: 44]).

Qa, Qah ‘нет’ [OK III: 216, 218].

Возможно, из абх. *Qah//Qah-Qah* ‘нет’ (вашх. *Qah* ‘нет’); в абх. также *Qaj//Qaj-Qaj* ‘нет’.

9.6. Ономастика

Мегрело-абхазские ономастические параллели, за редким исключением, еще не были предметом специального рассмотрения. С точки зрения проблематики данной статьи, можно указать на ряд заимствований из абхазского.

9.6.1. Топонимика

abZua ‘Абхазия’ [OK I: 163].

Из абх. *a-bZ78+wa* ‘Абжуа (исторический регион Абхазии)’. Анализируется как *bZ78* ‘среди, между’ и *-wa* ‘этнический суффикс’ и обозначает срединную часть Абхазии.

аqби, либо аqби-Dixa (‘Аку-крепость’) ‘Сухум’ [OK I: 200].

Ср. также груз. аqби ‘Сухум’, аqби-s cixe ‘Сухумская крепость’. Из абх. аq60a ‘Сухум’ (абхазское название столицы Абхазии), обычно производимое от а-q60a-ra ‘каменистый берег, побережье’.

9.6.2. Личные имена

Из усвоенных из абхазского личных имен можно назвать следующие:

bataQua < абх. *bataq60a* (из адыг.).

bazala < абх. *bazala* ((a)baza «абаза» + суффикс *-la*).

gedlaCi < абх. *g7adlaC7* (из адыг.?).

gudu	< абх. g08-d8w, букв. ‘большое сердце’. guDmaxan(i)
	< абх. k08D7ma-хан мужское имя (букв. ‘волк-хан’) (мегр. guDmaxari, видимо, отсюда же).
gwaSa	< абх. g0aS7a женское имя < адыг. g0aS7e ‘госпожа’.
naweia	< абх. naj0ej мужское имя (букв. ‘ногаец’).
temurq6wa	< абх. tem8rq60a мужское имя < тюрк. temur «железо» + каб. q60P ‘сын’.
z8q6wa	< абх. z8q60a мужское имя (ср. также такие мегрельские имена, которые могли проникнуть через абхазское посредство, как geq6wa, Samq6wa, tatarq6ani, sosran, zorq6ani, soulaxi).

9.6.3. Фамильные имена

Целый ряд мегрельских фамильных имен (выделяющихся присутствием абхазского фамильного форманта *-ba* < *ra* ‘сын’) имеют абхазское происхождение,ср. *alSibaia* < абх. *alS08nd-ba*, *Cikboba-va* < абх. *a-C78g0-ba*, *Sxvacaba-ia* < а-*S0x0asbaa* и т.д. Интересно, что мегрельская фамилия *apSila-va* сохраняет имя древнеабхазского племени апсилов/апшилов, некогда соседящих с предками мегрелов (ср. несколько более позднюю мегрельскую фамилию *архаза-ва*, т.е. ‘Абхазов’). В грузинском этот этнический термин встречается в виде топонима *apSil-et-i* ‘страна Апшилов’ (в «Хронике» Джуваншера XI века). Помимо фамильного имени, древний этнический термин *апшил/абшил* сохраняется в таких мегрельских словах, как *abSil+uri uCa* ‘сорт винограда’ [ОК I: 163-164], букв. ‘черный (*uCa*) апшильский’, а также в прилагательном *apSil+uri* ‘сорт винограда с белыми ягодами’ [ОК I: 199] Шипящий спирант *S* как мегрельском, так и в грузинском отражают архаичный свистяще-шипящий сибилиянтный спирант (2), сохраняющийся ныне только в бзыпском диалекте. См. этимологию корня *ар2-*, лежащего в основе автоэтнонима абхазов (*ар2-wa*), в [Chirikba 1991].

9.6.3.1. Фамильный формант *-va// -a*

-va ‘суффикс фамильных имен’, напр. *bokbuC6a-va*, *apxaza-va*, *leCa-va*, *mika-va*, *rbara-va*, *karda-va* и т.д.

Алломорфом этого суффикса является *-a* (ср. *bokbuC6a-a*, *apxaza-a*, *leCa-a*, *mika-a*, *rbara-a*, *karda-a* и т.д.), который Кипшидзе считал производным от *-va* [Кипш 233], хотя см. дальнейшее обсуждение этимологии последнего. Суффикс *-va// -a* может иметь своим источником абх. *-aa* (< **-5a*) суффикс

мн.ч. класса человека (напр. *apswa* ‘абхаз’, мн. *apsw-aa*), используемый также для образования коллективных форм фамильных имен, ср. *agr-aa*, *tar-aa*, *Z78j-aa* ‘члены фамильных родов Агр-ба, Тар-ба, Жи-ба’ и т.д. (см. [Чирикба 134, 137-138]). Передача абх. -aa посредством -a в мегрельском регулярна – ср. выше другие случаи передачи абхазских слов с “долгим” aa. В таком случае форма -va должна считаться вторичной, где лабиодентальный мог быть обычной эпентезой во избежание зияния в последовательности “гласный + гласный” (напр. *bokbiСba-[*a]a>bokbiСba-va*), ср. сходным образом мегр. *ma-va* < *ma-a* ‘я, мол’, *psva* ‘крыло’, помимо *psua*, *xubu-va* ‘Хубуа (фамильное имя)’, помимо *xubua* и т.д.

Менее вероятным было бы считать старую форму абхазского суффикса множественности -aa, а именно*-5a в качестве источника -va. Хотя фонетически интервокальные велярные или поствелярные могут переходить в лабиодентальные (ср. рус. *сегодня*, произносимое [сиводня]), имеется по крайней мере два примера, в которых старый абх. *5 передается в мегрельском через J, а не v, ср. мегр. *marJania* ‘Маргания (фамильное имя)’ < абх. *ma5an (совр. форма – *maan*), мегр. *Janda* ‘ограда’ < абх. **5anda* (совр. форма – *aanda*).

Абхазское происхождение мегрельского фамильного суффикса было предположено еще [Марром 1912: 5] (см. также [Mapp 1915: 214]), который, однако, связывал его с абх. *ra* ‘сын’, откуда абхазский фамильный мужской суффикс -ba (см. выше *agr-ba* и др.). Хотя это остается вероятной альтернативной гипотезой, в таком случае пришлось бы предположить в мегрельском переход *b* > *v*. С. Джанашия [Džanašia 1959: 41, 76], не принимая этимологии Марра, производил этот суффикс из предполагаемой им более старой мегрельской формы *-van < -v-an, связывая последний элемент со сванским суффиксом фамильных имен -an. М. Калдани [Kaldani 1980: 69-74], отвергая, в свою очередь, этимологию Джанашии, связывает мегр. -av-a (производя его от *-v-an) с грузино-сванским суффиксом -el-a, объясняя переход I > v в мегрельском лабиализацией латерального сонорного и переходом лабиализации вперед. Я все же рассматриваю абхазскую этимологию мегрельского суффикса как вполне вероятную. Помимо суффикса -va, мегрельский также заимствовал абхазский женский фамильный суффикс -xe (см. ниже).

9.6.3.2. Женский фамильный формант

-xe ‘женский фамильный суффикс’, ср. *zincbare-xe* ‘женщина по фамилии Зинцаре’, *zikbi-xe* ‘женщина по фамилии Зики’, *dadi-xe* ‘женщина по фамилии Дадиа(ни)’, *mosikba-xe* ‘женщина по фамилии Моцика’ и т.д. [Кипш 400].

Этот же суффикс в форме -рхе используется в западногрузинских диалектах – гурийском, имеретинском и аджарском, ср. гур. *gurieli-pxe*//*guri-pxe* ‘женщина по фамилии Гуриели’, *beri-pxe* ‘женщина по фамилии Беридзе’, *rami-pxe* ‘женщина по фамилии Рамишвили’, аджар. *noJaideli-pxe* ‘женщина по фамилии Ногаидели’, *dadiani-pxe* ‘женщина по фамилии Дадиани’, имерет. *Cikovani-pxe* ‘женщина по фамилии Чиковани’, *ratiani-pxe* ‘женщина по фамилии Ратиани’ и т.д. (см. [Ghlont’i 556]). В нижне-имеретинском встречается как форма -рхе, так и -хе [Mapp 1938: 42]. [Мегрелидзе 1938: 140] отмечает, что в этих западногрузинских диалектах имеется сильный мегрельский субстрат, ср. такие женские формы как *Da-Si-pxe* ‘женщина по фамилии Джэ’, *tbiJu-Si-pxe*//*tbiJu-pxe* ‘женщина по фамилии Тугэ’ и т.д., содержащие мегрело-лазский суффикс генитива -Si, часто используемый в фамилиях. Суффикс -рхе/-хе становится архаичным как в западногрузинском, так и в мегрельском, а его использование в женских формах фамилий, согласно [Мегрелидзе 1938: 134], приобретает иногда насмешливую коннотацию. Ср., например, юмористическую песенку в гурийском, составленную из женских форм фамильных имен [Мегрелидзе 1938: 136]:

ali-pxe, mali-pxe,
bzikbi-pxe, bzikbi-C6ila-pxe,
malazoni mocikba-pxe.

Женский фамильный суффикс -рхе, указывающий на девичье имя замужней женщины, встречается и в лазском (в его атинском, вице-архавском и хопском диалектах), ср. лаз. *gurieli-pxe* ‘женщина по фамилии Гуриели’, *Daqbeli-pxe* ‘женщина по фамилии Джакели’, *sbili-pxe* ‘женщина по фамилии Цулу-ши’, *murutbi-pxe* ‘женщина, чье девичье имя *murutbi*’, *bostbanDi-pxe* ‘женщина, чье девичье имя *bostbanDi*’ и т.д. (см. [Мегрелидзе 1938: 134; Kojima & Bucak’liş 2003: 395]). Иногда лазы образуют с этим суффиксом даже мужские формы фамильных имен (напр. *sbili-pxe-Si*), что свидетельствует об ослаблении исходной семантики суффикса и его трансформации в формант фамильных имен, лишенный различий по роду (И. Мегрелидзе). В одном случае этот суффикс засвидетельствован и в сванском фольклорном тексте [Мегрелидзе 1938: 137].

Из абхазского суффикса женских форм фамильных имен -рха, производного из а-рха ‘дочь’ (которое родственно адыг. *px08* и убых. *px78* ‘дочь’ < праабх.-адыг. *px078); в абхазских диалектах этот суффикс также встречается в форме -ха (и исключительно в виде -ха в речи турецких абхазов). Абхазское происхождение мегрельского и западногрузинского

суффиксов было указано уже [Марром 1938: 42]; см. также [Кипш 400], [Инал-ипа 1976: 334], [Чирикба 131, 134, 138-139]. В данном случае, учитывая фонетическое различие мегрельской и западногрузинской форм, можно предположить прямое заимствование этого суффикса из абхазского в западногрузинские диалекты, минуя посредство мегрельского, в отличие от большинства других случаев абхазских заимствований в грузинском. Распространение абхазского женского фамильного суффикса в Мегрелии, Западной Грузии, Аджарии и в Лазистане следует отнести, несомненно, ко времени Абхазского царства (после переноса его столицы из Анакопии в центральной Абхазии в Кутаиси в Западной Грузии), т.е. к IX-X вв., когда абхазский язык, наряду с грузинским, стал престижным языком царского двора и высшей аристократии во всей Западной Грузии (включая Мегрелию). В этом же ряду следует рассматривать и появление в мегрельском абхазского фамильного форманта *-va/-a* (см. выше).

Несмотря на явный абхазский источник рассматриваемого фамильного суффикса, ряд авторов попытались доказать его картвельское происхождение. [Чикобава 1942а: 26] связывал *-рхе//хе* с др.-груз. *თჲევ-ал-* 'раба', рассматривая *-al* в последнем как деривационный суффикс, хотя он и выражал сомнение в исконном происхождении *თჲევ-*. [Чургулиа 1983: 134] рассматривал *-хе* как формант колхского (занского, т.е. мегрело-лазского) происхождения, не давая, впрочем, какой-либо его этимологии. Особняком стоит этимология этого суффикса [Мегрелидзе 1938: 137-138], который объяснял *-рхе* в духе яфетического четырехэлементного анализа. Возражая этим попыткам, [Бгажба 1987: 91] подчеркивал, что рассматриваемый фамильный формант имеет ясную абхазскую этимологию (*a-pha > -(p)ha* 'дочь'), и что *-рхе* неизвестно в Восточной Грузии.

С точки зрения письменной аттестации этого форманта в грузинском языке см. имя *Sani-рхе ко Семај* в надписи на одной из арок Пархальского храма (расположенного в исторической провинции Южной Грузии Тао, ныне на территории Турции) и датируемой Е. Такайшвили концом XV – началом XVI века. Комментируя эту надпись, [Такайшвили 1952: 97]¹ отмечает, что *-рхе* представляет собой «чано-мегрельское окончание *рхе* (дочь, женщина)» в женских формах фамильных имен, мужским со-

¹ Давая ссылку на труд [Такайшвили 1952], который содержит упоминание о зафиксированном в этой надписи форманте *-рхе* и комментарий автора, [Мегрелидзе 1964: 262] пишет о ней как о надписи X века, но сам Е. Такайшвили, насколько ясно из его комментариев, датирует надпись концом XV – началом XVI века. Пользуясь случаем, выражаю благодарность Саше Анквабу за предоставление в мое распоряжение отсканированной им копии работы Такайшвили.

ответствием которого является *-Ye*, т.е. *Шани-дзе*. Другой известной мне старой аттестацией этого форманта является фамильное имя *бобоqbвaрхе*, встречающееся в одной из надписей XVII века на полях рукописи принадлежавшей Моквскому храму (см. [Джанашиа 2007: 206]).

10. Заключение

Представленный в данной статье материал показывает, что влияние абхазского языка оставило свои явные следы как в мегрельском словаре, так и в морфологии и синтаксисе, что свидетельствует о весьма длительном периоде контактирования и взаимодействия этих неродственных соседних языков. Он служит также поддержкой тезису [Марра 1915: 214] о значительном этническом влиянии абхазов на мегрелов. Наличие некоторых из заимствований или структурных калек с абхазского также в лазском языке, на нынешний день занимающем весьма далекий от абхазского географический ареал, может пролить определенный свет на древнюю геолингвистическую ситуацию Западного Закавказья.

Сокращения языков и терминов:

абаз.	абазинский
абж.	абжуйский диалект абхазского
абх.	абхазский
авар.	аварский
ад.	адыгейский
аджар.	аджарский
адыг.	адыгский
анцух. авар.	анцухский диалект аварского
арм.	армянский
ардаш.	ардашенский диалект лазского
арх.	архавский диалект лазского
арч.	арчинский язык
атин.	атинский диалект лазского
ашх.	ашхарский диалект абазинского
батум. абх.	речь батумских абхазов
бацб.	бацбийский
бект.	бекгинский
бзып.	бзыпский диалект абхазского

верхне-рач.	верхне-рачинский говор рачинского диалекта грузинского
виц.	вицкий говор архавского диалекта лазского
вопр.	вопросительный суффикс
греч.	греческий
груз.	грузинский
гунз.	гунзибский
гур.	гурийский диалект грузинского
дарг.	даргинский
джгярд.	джгярдинский говор абжуйского диалекта абхазского
диал.	диалект
др.-абх.	древнеабхазский
дюбек.	дюбекский диалект табасаранского
зугд.	зугдидский говор мегрельского
имерет.	имеретинский диалект грузинского
каб.	кабардинский
карач.-балк.	карачаево-балкарский
кум.	кумыкский
курд.	курдский
лаз.	лазский
лечх.	лечхумский диалект грузинского
мегр.	мегрельский
мн.ч.	множественное число
мохев.	мохевский диалект грузинского
мтиул.	мтиульский диалект грузинского
муж.	мужской род
наст	настоящее время
общеабх.	общеабхазский
осет.	осетинский
осм.	османский
перс.	персидский
праабх.-адыг.	праабхазо-адыгский
пшав.	пшавский диалект грузинского
рач.	рачинский диалект грузинского
рус.	русский
садз.	садзский диалект абхазского
самурз.	самурзаканский говор мегрельского
сам.	самебский (с. Самеба) говор ферийской речи батумских абхазов
сван.	сванский

сен.	сенакский говор мегрельского
стат	статический глагол
сүф.	суффикс
табас.	табасаранский
тап.	тапантский диалект абазинского
тем.	темиргоевский диалект адыгейского
тур.	турецкий
тур. бзып.	бзыпский диалект абхазского в Турции
турк.	туркские языки
убых.	убыхский
фер.	ферийский (с. Ферия) говор речи батумских абхазов
хоп.	хопский диалект лазского
цабал.	цабальский говор абжуйского диалекта абхазского
цвыдж. садз.	цвыджский говор садзского диалекта абхазского
шапс.	шапсугский диалект адыгейского

Сокращения ссылок:

- БД** Бгажба, Х. Бзыбский диалект абхазского языка (исследования и тексты). Тбилиси: Издательство АН Грузинской ССР, 1964.
- Бжания** Бжания, Ц. Из истории хозяйства и культуры абхазов. Сухуми: Алашара, 1973.
- Гублиа** Гублиа, Р. Об абхазских лексических заимствованиях в картвельских языках. Сухум, 2002.
- Кварчия** Кварчия, В.Е. Животноводческая (пастушеская) лексика в абхазском языке. Сухуми: Алашара, 1981.
- Кипш** Кипшидзе, И. Грамматика мингрельского (иверского) языка с хрестоматией и словарем. – Материалы по яфетическому языкознанию, т. VII. Санкт-Петербург, 1914.
- Климов** Климов, Г. Введение в кавказское языкознание. Москва: Наука, 1986.
- Чаая** Чаая, П. Об отношении абхазского языка к яфетическим. - Материалы по яфетическому языкознанию, IV. Санкт-Петербург, 1912.
- Чирикба** Чирикба, В. К вопросу об абхазских заимствованиях в мегрельском языке. В: Вопросы языкоznания, № 4, 1998. С. 128-142.

ЭСАЯ	Шагиров, А. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. Москва: Наука, т. I, II, 1977.
Ghlont'i	ghlont'i, A. kartul k'ilo-tkmata sit'q'vis k'ona. meore gamocema. tbilisi: ganatleba, 1984.
Maq'	maq'ašvili, a. bot'anik'uri leksik'oni, mcenareta saxelc'odeba. Ботанический словарь. Названия растений. tbilisi, 1961.
NS	Nikolayev, S., Starostin, S. A North Caucasian Etymological Dictionary. Moscow: Asterisk Publishers, 1994.
OK I	Kadžaia, Otar. megrul-kartuli leksik'oni. I t'omi (a – v). – kartuli bibliotek'a 7. tbilisi: nek'eri, 2001.
OK II	Kadžaia, Otar. megrul-kartuli leksik'oni. II t'omi (z – s). – kartuli bibliotek'a 7. tbilisi: nek'eri, 2002.
OK III	Kadžaia, Otar. megrul-kartuli leksik'oni. III t'omi (t' – h). – kartuli bibliotek'a 7. tbilisi: nek'eri, 2002.

Литература

- Абаев 1979:** Абаев, В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Том. III (S-T'). Ленинград: Наука, 1979.
- Абдоков 1973:** Абдоков, А.И. Фонетические и лексические параллели абхазско-адыгских языков. Нальчик, 1973.
- Аджинджал 2003:** Аджинджал, Е.К. К вопросу изучения скотоводческого культа абхазов «Айтар». В: Труды Абхазского государственного университета (часть II). Сухум, 2003. С. 36-43.
- Акаба 1984:** Акаба, Л. Исторические корни архаических ритуалов абхазов. Сухуми: Алашара, 1984.
- Ардзинба 1985:** В.Г.Ардзинба, В.Г. Нартский сюжет о рождении героя из камня. В: Древняя Анатолия. Москва: Наука, 1985. С. 128-168.
- Ачугба 2006:** Ачугба, Т.А. О проблемах национального самосознания населения Юго-Восточной Абхазии (Историко-этнографический очерк). Сухум, 2006.
- Бгажба 1987:** Бгажба, Х.С. Труды. Книга первая. Сухуми, 1987.
- Гамкрелидзе, Иванов 1984:** Гамкрелидзе, Т.В, Иванов, В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и культуры. Том II. Тбилиси: Издание Тбилисского университета, 1984.
- Генко 1928:** Генко, А.Н. Абхазский вокализм. В: Известия АН СССР. Отделение Гуманитарных наук, VII-я серия. Ленинград, 1928. С. 45-54.

- Гудава 1947:** Гудава, Т. Абхазский послелог *х* в занском языке. В: Сообщения АН Груз. ССР, т. VIII, № 3, 1947. С. 193-196.
- Дбар 2004:** Дбар, С.А. Исторические формы захоронений у абхазов. В: Кавказ: история, культура, традиции, языки. Сухум, 2004. С. 275-286.
- Джанашиа 1915:** Джанашиа, Н.С. Религиозные верования абхазов. В: Христианский Восток, т. IV, вып. I. Петроград, 1915. С. 72-112.
- Джанашиа 1917:** Джанашиа, Н.С. Абхазский культ и быт. В: Христианский Восток, т. V, вып. III. Петроград, 1917.
- Джанашиа 2007:** Джанашиа, С.Н. Черкесские дневники. Тбилиси: Кавказский Дом, 2007.
- Джикиа 1936:** Джикиа, С. Эвлания Челеби о мингрельском и грузинском языках. В: Советское языкознание, № 2, 1936.
- Джонуа 2002:** Джонуа, Б.Г. Заимствованная лексика абхазского языка. Сухум, 2002.
- Дзидзария 1987:** Дзидзария, О.П. К этимологии некоторых мегрельских пастушеских лексем. В: Ахматов, И.Х., Шагиров, А.К. (ред.). Актуальные вопросы лексики и грамматики языков народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1987. С. 38-40.
- Дзидзария 1988:** Дзидзария, О.П. К этимологии некоторых мегрельских пастбищных лексем. В: Известия XVI (серия филологическая). АБИЯЛИ, 1988. С. 69-70.
- Дзидзария 1989:** Дзидзария, О.П. Об этимологии некоторых мегрельских названий молочных продуктов. В: Труды Абхазского Государственного университета, т. VII, Сухуми, 1989.
- Дзидзария 2000:** Дзидзария, О.П. Некоторые абхазизмы, представленные в картвельских языках. В: Хагба Л.Р. (ред.). Современные проблемы кавказского языкоznания и фольклористики. Сухум, 2000. С. 142-147.
- Званба 1982:** Званба, С.Т. Абхазские этнографические этюды. Сухуми, 1982.
- Имнадзе 1971:** Имнадзе, Н.Е. Звуковой состав мегрельского диалекта занского языка. Автореферат кандидатской диссертации. Тбилиси, 1971.
- Инал-ипа 1965:** Инал-ипа, Ш.Д. Абхазы (Историко-этнографические очерки). Второе переработанное, дополненное издание. Сухуми: Алашара, 1965.
- Инал-ипа 1976:** Инал-ипа, Ш.Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухуми: Алашара, 1976.
- Касландзия 2005:** В.А. Касландзия, В.А. Абхазско-русский словарь. Том 2. Сухум, 2005.

- Кварчия 2002:** В.Е. Кварчия. Топонимика Абхазии. Сухум, 2002.
- Кибрик, Кодзасов 1990:** Кибрик, А.Е., Кодзасов С.В. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Имя. Фонетика. Москва: Издательство Московского университета, 1990.
- Кизириа 1967:** Кизириа, А.И. Занский язык. В: Языки народов СССР. IV. Иберийско-кавказские языки. Москва: Наука, 1967. С. 62-76.
- Килба 1983:** Килба, Э.К. Особенности речи батумских абхазов. Тбилиси: Мецниереба, 1983.
- Климов 1968:** Климов, Г.А. Абхазско-адыгские этимологии. II (заемственный фонд). В: Этимология 1966. Проблемы лингвогеографии и межъязыковых контактов. Москва: Наука, 1968. С. 289-295.
- Климов 1971:** Климов, Г.А. [рец. на:] G.Dumézil. Documents Anatoliens sur les Langues et les Traditions du Caucase. IV. Récits Lazes. – В: «Этимология 1968». Москва, 1971. С. 257-259.
- Климов 1986:** Климов, Г.А. Введение в кавказское языкознание. Москва: Наука, 1986.
- Климов 1994:** Климов, Г.А. Древнейшие индоевропеизмы картвельских языков. Москва, 1994.
- Кобалия 1903:** Кобалия, И. Из мифической Колхиды. В: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1903, вып. 32.
- Контария, Чанба 1987:** Контария, М., Чанба, Р. Некоторые вопросы земледельческой культуры (грузино-абхазские этнографические параллели). В: Этнографические параллели (Материалы VII Республиканской сессии этнографов Грузии, 5-7 июня 1985 г., Сухуми). Тбилиси, 1987.
- Mapp 1910:** Mapp, Н.Я. Грамматика чанского (лазского) языка с хрестоматией и словарем. – Материалы по яфетическому языкознанию, II. Санкт-Петербург: Типографія Імператорської Академії Наук, 1910.
- Mapp 1912:** Mapp, Н.Я. К вопросу о положении абхазского языка среди яфетических. – Материалы по яфетическому языкознанию, т. V. Санкт-Петербург, 1912.
- Mapp 1914:** Mapp, Н.Я. Абхазское происхождение грузинского термина *bidza* *дядя*. В: Известия Императорской Академии Наук. Санкт-Петербург, 1914. С. 142-146.
- Mapp 1915:** Mapp, Н.Я. Рец. на: И.А. Кипшидзе, Грамматика мингрельского (иверского) языка. В: Записки Восточного Отделения Императорского Русского археологического общества, т. XXIII, 1915. С. 203-216.

- Марр 1926:** Марр, Н.Я. Абхазско-русский словарь (Пособие к лекциям и в исследовательской работе). Ленинград: Издание Академии абхазского языка и литературы, 1926.
- Марр 1938:** Марр, Н.Я. О языке и истории абхазов. Москва-Ленинград, 1938.
- Мегрелидзе 1938:** Мегрелидзе, И. Лазский и мегрельский слои в гурийском. Москва – Ленинград, 1938.
- Мегрелидзе 1938:** Мегрелидзе, И. Женские фамильные окончания в южно-кавказских яфетических языках в фольклоре. В: Памяти академика Н.Я. Марра (1864-1934). М.-Л., 1938. С. 152-181.
- Павлинов 1893:** Павлинов, А.М. Экспедиция на Кавказ 1888 года. Путевые заметки. В: Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Императорского Московского Археологического Общества, снаряженными на высочайше дарованные средства. Вып. III. Под редакцией графини Уваровой. Москва, 1893. С. 3-91.
- Рогава 1942:** Рогава, Г.В. Абхазско-убыхско-адыгейский суффикс *privativum ga* в мегрельском. В: Сообщения АН Груз. ССР. Тбилиси, т. 3, № 6, 1942.
- Рогава 1956:** Рогава, Г.В. К вопросу о структуре именных основ и категориях грамматических классов в адыгских (черкесских) языках. Тбилиси, 1956.
- Старостин 1985:** Старостин, С.А. Культурная лексика в общесеверо-кавказском словарном фонде. В: Древняя Анатолия. Москва: Наука, 1985. С. 74-94.
- Такайшвили 1952:** Такайшвили, Е. Археологическая экспедиция 1917 года в южные провинции Грузии. Тбилиси, 1952.
- Халилов 1989:** Халилов, М. Грузинский пласт в названиях растений в некоторых дагестанских языках. В: Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков. Названия деревьев, трав, кустарников. Махачкала, 1989. С. 107-117.
- Цагарели 1880:** Цагарели, А. Мингрельские этюды. Первый выпуск. Мингрельские тексты с переводом и объяснениями. С.-Петербург, 1880.
- Циколиа 1987:** Циколиа, М. Абхазско-картвельские синтаксические параллели. В: Резюме докладов симпозиума “Вопросы истории и культуры картвельских языков”. Тбилиси, 1987. С. 27, 58.
- Цхадая 1975:** Цхадая, П. Топонимика горной Мегрелии. Автореферат кандидатской диссертации. Тбилиси, 1975.
- Цхадая 1985:** Цхадая, П. Топонимия горной Мегрелии (лингвистический анализ). Тбилиси, 1985 (а груз. яз. с русск. резюме).

- Чикобава 1942:** Чикобава, А.С. Морфологические встречи абхазского языка с картвельскими языками. В: Известия Института Языка и Материальной Культуры, т. XII, Тбилиси, 1942. С. 149-167.
- Чикобава 1942а:** Чикобава, А.С. Древнейшая структура именных основ в картвельских языках. Тбилиси, 1942.
- Чиковани 1966:** Чиковани, М. Народный грузинский эпос о прикованном Амиране. Москва, 1966.
- Чургулиа 1983:** Чургулиа, О. Варианты частицы 'хе' в картвельских языках. В: Известия АН Груз. ССР, 4, Тбилиси, 1983.
- Шагиров 1982:** Шагиров, А.К. Материальные и структурные общности лексики абхазо-адыгских языков. Москва: Наука, 1982.
- Шагиров 1989:** Шагиров, А.К. Заимствованная лексика абхазо-адыгских языков. Москва: Наука, 1989.
- Шакрыл 1961:** Шакрыл, К.С. Аффиксация в абхазском языке. Сухуми: Абгосиздат, 1961.
- Шаманов 1974:** Шаманов, И.М. Народный календарь карачаевцев. В: Напсо, Д.А. (ред.). Из истории Карачаево-Черкесии. – ТКЧНИИ. Вып. VII. Серия историческая. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1974. С. 302-325.
- Шухардт 1899:** Шухардт, Г. О географии и статистике картвельских (южнокавказских) языков. В: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Издание Управления Кавказского Учебного Округа. Вып. 26., 1899. С. 47-114.
- Элиава 1987:** Элиава, Г. К вопросу о топонимах 'ацангуре' и 'агуара'. В: Этнографические параллели (Материалы VII Республикаской сессии этнографов Грузии, 5-7 июня 1985 г., Сухуми). Тбилиси, 1987.
- Юдин 1997:** Юдин, А. В. Ономастикон русских заговоров. Имена собственные в русском магическом фольклоре. Москва: МОНФ, 1997.
- Bläsing 2004:** Bläsing, U. Birnennamen aus Hemşin: Vorarbeiten zur Feststellung und Beschreibung der Birnenarten und ihrer regionalen Namen im östlichen Schwarzmeergebiet. In: Iran and the Caucasus. Research Papers from the Caucasus Centre for Iranian Studies, Yerevan. Vol. 8.1. Brill: Leiden & Boston, 2004, p. 81-129.
- Bleichsteiner 1931:** Bleichsteiner, R. Beiträge zur Sprach- und Volkskunde des georgischen Stammes der Gurier. In: Caucasica, fasc. 9. Leipzig: Verlag Asia Major, 1931, p. 64-87.
- Bucaklı, Uzunhasanoğlu 1999:** Bucaklı, I., Uzunhasanoğlu, H. Lazuri-Turkuli Nenapuna. Lazca-Türkçe Sözlük. İstanbul: Akyüzyayıcılık, 1999.

- Chirikba 1991:** Chirikba, V.A. On the Etymology of the Ethnonym /àp̄swa/ 'Abkhaz'. In: The Annual of the Society for the Study of Caucasia, No. 3, Chicago, 1991, p. 13-18.
- Chirikba 1996:** Chirikba, V.A. Common West Caucasian. The Reconstruction of its Phonological System and Parts of its Lexicon and Morphology. Leiden: CNWS Publications, 1996.
- Chirikba 1996a:** Chirikba, V.A. A Dictionary of Common Abkhaz. Leiden, 1996.
- Chirikba 2003:** Chirikba, V.A. Evidential category and evidential strategy in Abkhaz. In: Alexandra A. Aikhenvald, R.M.W. Dixon (Eds). Studies in Evidentiality. – Typological Studies in Linguistics. A companion series to the journal *Studies in Language*, Volume 54. Amsterdam/ Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2003, p. 243-272.
- Cik'olija 1969:** cik'olija, m. apxazuri enis abzhuuri dialekt'i (Абжуйский диалект абхазского языка). Tbilisi, 1969 (на груз. с рус. рез.).
- Cik'olija 1975:** cik'olija, m. turmeobiti II sak'itxisatvis megrulis zugdidur-samurzaq'anul k'ilok'avshi. In: Известия АИЯЛИ, т. IV, Тбилиси: Мецниереба, 1975, с. 41-47.
- Cik'olija 1977:** cik'olija, m. apxazur-kartveluri sint'aksuri p'aralelebi (Абхазско-картвельские синтаксические параллели). В: Известия АИЯЛИ, вып. VI, Тбилиси: Мецниереба, 1977, с. 82-97.
- Čubinašvili 1984:** čubinašvili, d. kartul-rusuli leksik'oni. tbilisi: sabč'ota sa-kartvelo, 1984.
- Dumézil 1974 :** Dumézil, G. Notes d'étymologie et de vocabulaire sur les langues caucasique du Nord-Ouest (8-10). In: Journal Asiatique, t. 262, fasc. 1/2, 1974, p. 19-29.
- Džanašia 1959:** džanašia, s.apxazuri ena. B: džanašia, s. šromebi, т. III. Tbilisi, 1959, с. 223-227.
- Emiroğlu 1989:** Emiroğlu, K. Trabzon-Maçka Etimoloji Sözlüğü. Ankara: Bibliotek, 1989.
- Eren 1999:** Eren, H. Türk Dilinin Etimolojik Sözlüğü. Ankara, 1999.
- Fähnrich, Sardshweladse 1995:** Fähnrich, H., Sardshweladse, S. Etymologisches Wörterbuch der Kartvel-Sprachen. Leiden, New York, Köln: E.J. Brill, 1995.
- Gippert 1992:** Gippert, J. The Caucasian language material in Evliya Çelebi's "Travel Book". A Revision. In: George Hewitt (ed.). Caucasian Perspectives. Lincom Europa. Unterschleissheim/ München, 1992, p. 8-62.
- Hewitt 1987:** Hewitt, B.G. The Typology of Subordination in Georgian and Abkhaz. Berlin, New York, Amsterdam: Mouton de Gruyter, 1987.

- Hewitt 1992:** Hewitt, B.G. Languages in contact in N.W. Georgia: fact or fiction. In: George Hewitt (ed.). Caucasian Perspectives. LINCOM EU-ROPA: Unterschleissheim/München, 1992, p. 244-258.
- Hewitt 1992a:** Hewitt, B.G. Another case of the influence of Abkhaz on Mingrelian syntax? In: Catherine Paris (ed.). Caucasiologie et mythologie comparée. Actes du Colloque international du CNRS – IV-e Colloque de Caucasiologie (Sèvres, 27-29 juin, 1988). Paris: Peeters, 1992, p. 405-409.
- Hewitt 2001:** Hewitt, B.G. Convergence in language change: morpho-syntactic patterns in Mingrelian (and Laz). In: Transactions of the Philological Society. An international journal for the structure, history and relationships of languages. Vol. 99, No. 1, Blackwell Publishers, 2001, p. 99-145.
- Kaldani 1980:** kaldani, m. -el/-av supiksis sak'itxisatvis kartvelur gvarsaxelebši. B: Iberiul-k'avk'asiuri enatmetsniereba, t. XXII, 1980, c. 67-74.
- K'ank'ava 1965:** k'ank'ava, m. mok'le kartul-rusuli leksik'oni. tbilisi: ganatleba, 1965.
- Kojima & Bucak'lışı 2003:** Kojima, G. and Bucak'lışı, I. Lazca Gramer. Lazuri Grameri. Laz Grammar. Explanations in English Gôichi Kojima & Eylem Bostancı. Chiviyazıları/Mjora Dizisi, 2003.
- Lomtatiidze 1989:** lomtatiidze, k.v. sit'q'vis uk'usesxebis erti šemtxveva (Один из случаев обратного заимствования слова). B: et'imologiuri dziebani. tbilisi: mecniereba, 1989, p. 49-52.
- Lucassen 1980:** Lucassen, W. Loans in Abkhaz. In: Studies in Slavic and general linguistics. Vol. 1. Amsterdam: Rodopi, 1980, p. 253-263.
- Memišiši 1988:** memišiši, o. kartuli švind-/šind- pudzis. In: et'imologiuri dziebani. tbilisi: mecniereba, 1988, c. 90-92.
- Mészàros 1934:** Mészàros, Julius von. Die Pákhy-Sprache. Chicago, Illinois: The University of Chicago Press, 1934.
- Schmidt 1950:** Schmidt, G. Abchasische Lehnwortstudien. In: Studia Orientalia. Edidit Societas Orientalis Fennica. XIV: 4, Helsinki, 1950, p. 3-27.
- Spencer 1838:** Spencer, E. Travels in Circassia, Krim-Tartary. Vol. 1, 2nd edition. Henry Colburn, London, 1838.
- Topuria 1967:** topuria, v.t. svanuri ena. I: zmna. Tbilisi, 1967 (2-е изд).
- Žghent'i 1965:** Žghent'i, S. kartvelur enata ponet'ik'is sak'itxebi. rčeuli šromebebi. Вопросы фонетики картвельских языков. Избранные труды. Tbilisi, 1965.

М. М. СУЛТЫГОВА
(г. Магас)

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ОТРАСЛЕВОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ИНГУШСКОГО ЯЗЫКА

Ингушская отраслевая терминология, как и ингушский язык в целом, прошла длительный и сложный путь развития с древнейших времен до наших дней. Как отметил В.В. Виноградов: «история терминологии – это проблема не только национально-историческая, но и интернациональная, проблема истории мировой науки и проблема истории человеческих цивилизаций, истории и культурных взаимодействий и группировок народов» [Виноградов 1961: 7].

«Терминологический пласт ингушской лексики за счет заимствований стал одним из самых богатых и разнообразных слоев лексики современного ингушского языка, отражающих все изменения в жизни народа. Вместе с тем, современное состояние ингушской терминологии требует особого внимания на ее дальнейшее развитие» [Султыгова 2007: 15]. Характерным для данного слоя лексики в ее нынешнем состоянии являются разнобой и различного рода неточности в употреблении лексических единиц. Зачастую употребление того или иного варианта слова зависит от субъективного отношения, в ущерб литературной норме.

Ингушская терминология нуждается в установлении единых норм, в унификации и стандартизации. Решение этой проблемы связано с целым рядом задач теоретического и практического характера, основными из которых являются всестороннее научное исследование актуальных вопросов ингушской терминологии с целью разработки теоретических основ ее развития; составление терминологических словарей по отдельным отраслям; введение единой нормы употребления терминов, упорядочение орфографии терминов и унификация терминологии; создание терминологической комиссии соответствующего государственного уровня для решения указанных задач, деятельность которой должна быть направлена на дальнейшее развитие ингушского языка и, в частности, ингушской терминологии.

Целенаправленное исследование отраслевой лексики имеет огромное теоретическое и практическое значение для дальнейшей разработки вопросов истории языка и истории народа – носителя языка.

Следует отметить особое значение изучения микролексики для дальнейшего развития лексикографической работы по созданию словарей самых разных типов: национально-русских, толковых, этимологических, фразеологических, орфографических, которые позволят собрать и узаконить правописание всех лексических единиц ингушского языка. В связи с тем, что микролексика ингушского языка до настоящего времени не систематизирована в должной мере, она зачастую выпадает из работ по грамматике, лексике ингушского языка, соответственно, не охвачена словарями, призванными собрать воедино, организовать и обобщить лексическое богатство ингушского языка.

Необходимость исследования в различных аспектах лексики ингушского языка и в особенности отраслевой лексики продиктована рядом обстоятельств. Во-первых, функционирование ингушского языка в условиях билингвизма постепенно приводит не только к пополнению и расширению словарного состава ингушского языка, но и к одновременному вытеснению из активного употребления его исконного словарного фонда. Зафиксировать этот материал и исследовать его во всех аспектах – это архиважная проблема для младописьменных языков, относящаяся не только к области лингвистики, но и имеющая важное этнокультурное значение, так как именно язык является показателем национально-культурной специфики языка. Это тем более актуально для отраслевой лексики, отражающей особенности традиционного быта народа, его хозяйственной, материальной и духовной культуры.

Анализ отраслевой лексики с точки зрения ее происхождения, структуры, семантики и т.д. позволяет определить вклад народа в развитие материальной и духовной культуры, прояснить историю народа и его сношения с другими народами. Изучение терминологии и ее возможностей для реализации своих функций на базе национального языка имеет актуальность в плане изучения социальных функций языка.

История ингушской лексикографии начинается в 20-е годы прошлого столетия. Именно на период с начала 30-х годов и до 1944 года (до депортации ингушского народа) приходится активная работа по развитию ингушского языка, в том числе по разработке национальной терминологии, с привлечением веками складывавшихся элементов народной терминологии.

В 1925 году выходит в свет первое исследование по ингушскому языку, подготовленное З. К. Мальсаговым и посвященное грамматике ингушского языка. В 1927 г. издается Ингушско-русский словарь

М. Г. Ужахова, в 1929 г. – Русско-ингушский словарь И. Мальсагова, в 1930 г. – Русско-ингушский словарь М. Мальсагова.

В 1933 году в г. Орджоникидзе изданы первые терминологические сборники, в которых были представлены по разделам: математические термины (составитель И. Джамбулатов), термины делопроизводства (составитель Д. Мальсагов), термины физической географии и начальной грамматики (составитель М. Аушев), географические термины (составитель Б. Зязиков).

В 1933 году на заседании Президиума Ингушского Областного Исполнительного Комитета была образована Областная Терминологическая Комиссия, утверждены состав и план работы Комиссии (выписка из протокола заседания президиума от 7 марта 1933 года). На этом же заседании было принято решение об издании Ежемесячника Ингушской Терминологической Комиссии под редакторством З.К. Мальсагова, №1 которого приложен к материалам данного заседания.

Согласно плану работы Терминологической Комиссии, в 1935 году была проведена научная конференция с участием языковедов, в том числе и представителей из русского населения, по вопросам развития терминологии ингушского языка. Однако вся запланированная на перспективу работа была приостановлена в связи с депортацией ингушей и чеченцев в Среднюю Азию и Казахстан вплоть до их возвращения на историческую родину.

В 60-е годы (после восстановления государственности чеченцев и ингушей) ситуация в развитии ингушского языка существенно изменилась. Были разработаны и изданы учебные пособия по ингушскому языку для начальных и средних общеобразовательных учреждений, на национальном языке функционировали радио и телевидение, издавались газеты и журналы. В Чечено-Ингушском государственном университете был организован филологический факультет, в том числе и по специальности «русский язык и литература, ингушский язык и литература». Все это способствовало всестороннему развитию ингушского языка, ставшего языком обучения в начальных, средних и высших учебных учреждениях, а также становлению терминологической системы ингушского языка.

В связи с необходимостью изучения национальных языков, с учетом благоприятной ситуации языковедами была активизирована работа по изучению ингушского языка, что выразилось в серьезных исследованих того периода.

В 1970 году вышли из печати значимые для вайнахского языкоznания книги И.Ю. Алироева «Фауна Чечено-Ингушетии в вайнахских языках» и «Флора Чечено-Ингушетии в вайнахских языках», охватывающие раз-

нообразный материал отраслевой лексики по данным чеченского, ингушского языков, кистинского и итумкалинского диалектов чеченского языка. В данной работе представлен полевой материал животного и растительного мира в указанных языках и диалектах, и является своего рода первым серьезным научным исследованием терминологии чеченского и ингушского языков.

В 1975 году издан «Сравнительно-сопоставительный словарь отраслевой лексики чеченского и ингушского языков и диалектов» И.Ю. Алироева, в котором на основании достаточного фактологического материала определены объем и особенности отраслевой лексики чеченского и ингушского языков.

Как известно, исследование отраслевой лексики языка должно опираться не только на фактологический материал, но и на результаты комплексного исследования общеупотребительной лексики, всего литературного языка в целом. Касаясь научной ценности исследования языка отдельного народа в целом, В. И. Абаев отмечал: «Привлекая язык в качестве источника для истории народа, можно решить этногенетические проблемы, восстановить по данным языка далекое прошлое народа, его культуру и его исторические связи с другими народами» [Абаев 1926: 11].

В этой связи весомым является исследование проф. А.С. Куркиева «Основные вопросы лексикологии ингушского языка», изданное в г. Грозном в 1979 г. Данная монография посвящена актуальным проблемам лексикологии ингушского языка. В частности, вопросам лексикографии, семантических групп, состава лексики, ее особенностям. Автором рассмотрены также вопросы этнонимики и ономасиологии. Дан серьезный анализ исконных и заимствованных пластов лексики ингушского языка.

В 1980 г. в Чечено-Ингушском институте истории, социологии и филологии при Совете министров ЧИАССР переиздается Русско-ингушский словарь И.А. Оздоева под редакцией Ф. Оздоевой и А. Куркиева, объемом 40 000 слов. В данной книге автор определил главную задачу: передать русскую лексику наиболее точными ингушскими эквивалентами или активно употребляющимися в ингушском языке заимствованиями, преимущественно из русского языка или через его посредство. Очень ценно, что автор в целях решения определенной задачи активно привлекает тексты из художественной и публицистической литературы, фольклора, а также использует полевой материал, собранный в различное время на территории исконного проживания ингушей.

В целях дальнейшего изучения отраслевой системы исследуемого языка учеными Ингушетии были актуализированы вопросы по ингушскому языкознанию, изучению ее лексического состава, грамматиче-

ского строя языка и другие. С образованием Республики Ингушетия в качестве самостоятельного субъекта Российской Федерации, вследствие которого ингушский язык приобрел статус государственного языка Республики, расширилась не только сфера его употребления, но и вопросы его дальнейшего развития, комплексного подхода к его совершенствованию, развития (в определенных случаях и воссоздания) терминологических систем, функционирующих в рамках литературного ингушского языка, получившего новый статус, и, соответственно, значительные возможности для своего развития.

С учетом статуса ингушского языка крайне значимым является, на наш взгляд, изданный в 1995 году «Краткий словарь общественно-политической лексики» М.У. Картоева, который описал политическую терминологию широкого употребления, в том числе абстрактно-философская и религиозная лексика.

Большую роль в научном становлении ингушского языка, ставшего предметом исследования и изучения в высшей школе, играло издание в 1997 году для филологов – студентов высших учебных заведений учебного пособия по современному ингушскому языку, подготовленного коллективом ученых-лингвистов в составе Р. Ахриевой, Ф. Оздоевой, Л. Мальсаговой и П. Бековой. Указанное издание охватывает все разделы языка, в том числе лексикологию, фразеологию, фонетику, морфологию. Подвергнуты глубокому анализу и исследованию части речи ингушского языка.

С точки зрения актуальности изучения лексики ингушского языка, данное издание ценно в особенности тем, что впервые специальному исследованию подвергнуты такие распространенные в любом языке явления, как омонимия, синонимия, антонимия, а также в отдельном параграфе представлены эвфемизмы и табуированные слова ингушского языка с указанием причин и путей их возникновения.

Кроме того, подробно изучен вопрос заимствования в ингушском языке с указанием языков, из которых происходило заимствование и периодизацией данного явления в исследуемом языке.

В 1998 году группой ученых, в составе Оздоевой Ф. Г., Мальсаговой Л. Д., Дахкильгова И. А., Танкиевой Л. Х., Чапанова О. В. и Патиева С. У., подготовлен и издан «Краткий русско-ингушский словарь-справочник общественно-экономических терминов (а также медицинские, сельскохозяйственные, религиозные и астрономические термины), объем которого включает 2055 наиболее распространенных терминов, как собственно ингушских, так и заимствованных.

Приведенный ряд изданий по проблемам ингушского языка и ее лексики, в частности, дополняет «Ингушско-русский словарь», изданный

Куркиевым А.С. в 2004 году, содержащий 11142 слова. Необходимо отметить, что данное издание по своему объему значительно превосходит аналогичные издания раннего периода.

Необходимо отметить, что специальному исследованию (на уровне диссертационных работ на соискание ученой степени кандидата филологических наук) подвергнуты следующие терминосистемы ингушского языка: анатомическая лексика, лексика швейного дела, животноводческая лексика, растительная лексика, терминология родства.

Данные исследования – это весомый вклад в развитие ингушского языка и изучение его лексики. Однако имеется ряд существенных аспектов, которые до настоящего времени не затронуты исследователями. В частности, крайне скучно представлена этимология лексем исследуемой тематической группы, в то время как сведения кавказских и других языков предоставляют достаточную базу для прояснения этимологии. Кроме того, значительно число слов-терминов и единиц народной терминологии, которые не вовлечены в исследовательский процесс, т.е. не подвергнуты изучению.

Указанные и другие недостатки в проведенных исследованиях необходимо учитывать в работе на перспективу, так как процесс специального изучения терминосистем ингушского языка активно продолжается. В настоящее время по утвержденным темам ведутся исследования строительной лексики ингушского языка (Ф. Костоева, ИнгГУ, диссертация на соискание ученой степени канд. филол. наук), сельскохозяйственной терминологии ингушского языка (М. Султыгова, ИЯЛИ ДНЦ РАН, диссертационная работа на соискание ученой степени доктора филологических наук).

На основе анализа приведенных в статье лексикографических работ по общей и отраслевой лексикологии актуализировались некоторые задачи дальнейшего исследования лексики ингушского языка. В частности, как видно из приведенного обзора, исследователи ингушского языка не оставили без внимания отраслевую лексику. Вместе с тем, предметом исследования практически являлась всегда отдельно взятая лексико-тематическая группа, в то время как комплексный анализ всех лексических единиц, образующих отраслевую лексику, в ингушском языке не проводился. В этой связи актуализировался вопрос не только систематизированного изучения всей отраслевой лексики ингушского языка, но и осмысление места отраслевой лексики в общелингвистическом плане.

Следует отметить особое значение изучения микролексики для дальнейшего развития лексикографической работы по созданию словарей самых разных типов: национально-русских, толковых, этимологических,

фразеологических, а также орфографических, призванных уточнить и узаконить правописание лексических единиц ингушского языка. В настоящее время мы наблюдаем ситуацию, когда микролексика практически выпадает из работ по грамматике и лексике исследуемого языка. Соответственно, она минимально представлена и в словарях ингушского языка.

Кроме того, одним из существенных недостатков в работах по исследованию отраслевой терминологии ингушского языка является слабая представленность фразеологических единиц ингушского языка с терминами, принадлежащими той или иной отраслевой группе.

Актуальна также стратификация лексики ингушского языка в сравнительно-историческом аспекте, в плане решения не только собственно лингвистических вопросов построения сравнительно-исторической грамматики. Подобного рода исследования позволят получить ответы на вопросы смежных наук, в частности, истории, этнографии, археологии. Унаследованная издревле лексика представляет собой очевидное свидетельство условий жизни и быта народа, уровня развития культуры, общественных отношений.

Исследование лексики в сравнительно-генетическом аспекте сохраняет свою актуальность и в наши дни, особенно для младописьменных языков. Лексические данные в силу своего семантического компонента в определенной степени приводят исследование к выводам внелингвистического порядка (например, о древней локализации соответствующего общества, о его социально-экономической структуре, материальной и духовной культуре и т.п.). Данное положение в полной мере относится к отраслевой лексике древнейшего опыта хозяйствования ингушей, в первую очередь, к лексике сельского хозяйства, к ботанической лексике и т.п.

Например, для проведения этимологического анализа слова *шоа//шоашк*, используемого ингушами издревле для закваски молока, необходимо его сравнение не только с названиями аналогичных или близких понятий в северокавказских языках, но и с языками более широкого или иного ареала. И мы обнаруживаем, что в ваханском языке *cask* (закваска для молока) буквально переводится «то, что дают попробовать молоку» – *casak* – «отведывание», «проба на вкус, чтобы узнать, не готова ли пища». Другой пример. В специальных исследованиях, посвященных терминам родства ингушского языка, термины *ийша* «сестра», *воша* «брать» представлены как наличествующие только в нахских языках. Сравнение указанных терминов с названиями аналогичных понятий языка иного ареала позволило установить следующее: в абхазском языке *ийша//еша* – «брать». А этот факт уже предоставляет большое

основание для сравнения и других единиц данной терминосистемы с более широким кругом языков, то есть иного ареала.

Принимая во внимание разнообразие аспектов исчерпывающего изучения лексики, необходимо, кроме указанного, осветить и такие вопросы, как освещение системных взаимоотношений лексических единиц ингушского языка.

Таким образом, учитывая разнообразие аспектов исчерпывающего исследования лексики ингушского языка, задача по исследованию отраслевой лексики продолжает оставаться актуальной. Независимо от тематической группы лексики, при решении этой трудоемкой задачи, на наш взгляд, в обязательном порядке должны быть освещены следующие вопросы, а именно: 1)разграничение различных пластов исконной лексики, уделяя особое внимание лексике собственно ингушского фонда; 2)ограничение и анализ заимствованной лексики; 3)характеристика словообразовательных средств (суффиксация, словосложение, конверсия) в ингушском языке; 4)определение структурных особенностей терминов ингушского языка; 5)освещение системных взаимоотношений лексических единиц ингушского языка.

Литература

- Абаев 1926:** Абаев В.И. Два слова о терминах // Яфетический сборник, т.4. Л., 1926. 46 с.
- Виноградов 1961:** Виноградов В.В. Вопросы терминологии // Материалы Всесоюзного терминологического совещания. М., 1961. 232 с.
- Султыгова 2007:** Султыгова М.М. Актуальные вопросы отраслевой терминологии ингушского языка. Магас, 2007. 144 с.

Л. Р. ХАГБА

КУЛЬТУРНАЯ СЕМАНТИКА КОНЦЕПТОВ «НАРОД» И «РОДИНА» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ АБХАЗОВ И АБАЗИН

Постоянно возрастающий интерес к проблеме «язык – культура» делает необходимым установление взаимосвязи и развития идей ученых-языковедов, которые привели к формированию новой отрасли языкоznания – лингвокультурологии.

«Сейчас уже стало аксиомой, – пишет В.А. Маслова, – что во всем комплексе наук о человеке сталкиваются, в первую очередь, отношения между языком и другими видами человеческой деятельности. Язык даже в большей степени, чем культура и общество, дает когнитивистам ключ к пониманию человеческого поведения» [Маслова 2004:9].

Известно, что человеческое сознание оперирует понятиями. Концепт – явление того же порядка, что и понятие. В современной лингвистике термины «понятие» и «концепт» имеют различные толкования, что обусловлено разностью сфер их применения («понятие» – термин логики и философии, «концепт» – термин одной отрасли логики – математической логики, культурологии, лингвистики, психологии). Считается, что понятие действует на уровне всеобщих ментальных законов, а концепт – на уровне законов национальной ментальности, т.е. языкового сознания совокупности людей, говорящих на одном национальном языке.

Концепт является ключевым понятием когнитивной науки и определяется как единица «ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека; оперативная, содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [КСКТ 1996:90].

В современных исследованиях, посвященных национальным культурам, подчеркивается значимость идиоматики в описании языковой картины мира и ее видения народом, говорящем на этом языке.

«Изучение идиоматики не только расширяет представление об идиоматике того или иного языка, но и дает возможность внести определен-

ный вклад в изучение цивилизации и культуры народов, отраженной в языке», – отмечает Н.У. Ворокова [Ворокова 2003:60].

Идиоматика языка – когнитивная база народа, она является неотъемлемой частью языковой картины мира, это неповторимые образцы национальной логики, национального мировосприятия и мирооценки, сформированные под воздействием конкретных, природных, исторических и физиологических факторов. Мы исходим из широкого понимания объема идиоматики. В него включаются все сочетания слов, обладающие идиоматичностью – это фразеологизмы, афоризмы, пословицы и поговорки.

В данном случае мы предпринимаем попытку проанализировать активно функционирующие в абхазском и абазинском пословичном фонде концепты «народ» и «родина».

«Высшим законом... да будет благо народа», «Народом является только такой, который удерживает вместе согласие относительно прав», – говорил Марк Тулий Цицерон [Душенко 2005:440].

В абхазском языке «народ» переводится как ажәлар, который образован от ажәла – «фамилия» + аффикс собирательности – *r*; в абазинском – жәлара, употребляются также *уагла* – «люди» и русское «народ». Отметим также, что ажәла (абх.), жәла (абаз.) жылэ (адыг.) означает «семя», «семена».

В абхазских пословицах концепт «народ» представлен следующим образом.

Народ – это творец, создатель:

Шацәас икоу жәларуп – «Творцом (создателем) является народ».¹

Ажәлар ирхәо қалоит – «Сбудется то, что скажет народ».

Пословицы актуализируют силу, мощь, огромную потенциальную энергию народа, которая охватывает весь мир, влияет на земную поверхность – горы, растительность, водные просторы, одним словом, на всё, что считается могущественным:

Ажәлар рымч адунеи артсысует – букв. «Сила народа заставляет трястись весь мир».

Ажәлар луанытә иқәыпсычхар, амшын ҭанарабоит – букв. «Глубокий вздох народа высушивает море».

Ажәлар гәааны иқәыпсычхар, ыпсып афыртын иафызыахоит – букв. «Если народ, обидевшись, вздохнет, то его вздох будет подобен смерчу».

¹ Здесь и далее абхазские пословицы приводятся по: Аԥсуа жәаԥқақәа. Еиқәиршәеит Хә.С. Бәжәба. Аԥа, 1983; Аԥсуа жәаԥқақәа. Еиқәдыршәеит О.Б. Шамба, Б.А. Гәыргәлиа. Аԥа, 2003. Переводы наши – Л.Х.

Ажәлар зықәшәиуа амшын ҭабоит – букв. «Море, проклятое народом, высыхает».

Ажәлар ышәи атла арооит – букв. «Проклятие народа выслушивает дерево».

Ажәлар ыымч абаҳәгъы арбгоит – букв. «Сила народа разрушает даже скалу».

Народу подвластно всё:

Ажәлар қазоуп, апцәа деиңүршүеит – букв. «Народ – мастер, расчлененное тело соединяет».

Ажәлар зыхәда пыржо (аус) ашъя аауам – букв. «Перерезанное народом горло (дела) не кровоточит».

Ажәлар зхәаңшыз аус ахәда пүкарғы ашъя аауам – букв. «То дело, которое рассмотрел народ, если даже перерезать ему горло, оно не будет кровоточить».

В пословицах выражается вера в обязанность и ответственность народа:

Ажәлар рус ажәлар ирызбароуп – букв. «Дело народное должен обсудить народ».

Вариантом ажәлар в некоторых случаях выступает ауаа – «люди»:

Ауаа рыбз хәшәуп – букв. «Язык народа - лекарство».

Апсадгыыл ԥсадгыылны иқазцо ауаа роуп – букв. «Родину родиной делают люди».

В пословицах абазинского языка «народ» представлен в полногласной форме жәлара, но с очень ограниченным употреблением по сравнению с абхазским. Это связано с тем, что более широкое применение в абазинском языке находит русская лексема «народ». Встречается также үызлу – букв. «то, внутри которого ты находишься» (имеется в виду народ, «те люди, среди которых ты живешь»). Эти пословицы эквивалентны абхазскому материалу.

абаз. Ажәлара къару абыхъе чывыцла архчимл – букв. «Сила народа вдребезги разрушает скалы».¹

Үызлу ӱыршырыцлауа ушыңца – букв. «Одевай то, что одевают окружающие».

Үызлу ӱырхъарцлауа ахъылла уаргыи ӱухъацла – букв. «Носи такую шапку, какую носят окружающие» (т.е. «Делай то, что делает народ»).

Үызлу үырхъыста уабацуш? – «Разве станешь отличаться от тех, с кем водишься?» (соотв. «С кем поведешься, того и наберешься»).

¹ Абазинские пословицы приводятся по: Табулова Н.Т. Афористическая поэзия абазин. Черкесск, 1977.

абх. Узлоу ужәлар рашәа умхәар, уажәа ухадырштует – букв. «Если не будешь петь песню того народа, среди которого живешь, он заставит тебя забыть свое слово».

абаз. *Ажвлара یراپшым ڈپشاھъынхъып!* – букв. «Кто не подобен людям, тот подобен смерчи».

Ухъацлари үынхари ажвлара идрыхъева, ахъева йылакъауымчъехын – букв. «Свое мужество и работу направляй на пользу народа, а не прячь их в золе».

Как видно из иллюстративного материала, абазинские пословицы тяготеют не к характеристике содержания всеобъемлющего в абхазском языке концепта «народ», а к выражению нравоучительного тезиса, главный смысл которого сводится к следующему: человеку надо считаться с ценностными установками того общества, в кругу которого он живет.

Углубленное изучение концепта «народ» у абхазов, абазин и адыгов подводит к ядру этнического сознания, создающего свое защищенное земное пространство в этом мире – «дом».

абх. Зыюны пату зқәым ажәлар рәғты пату иқәым; абаз. *Зунагъва плаамly аквым ажвлара рпынгыи йгъыйкызызлышым* – букв. «Кто в собственном доме (семье) не пользуется уважением, тот и у народа (у людей) не пользуется уважением».

Такое же широкое употребление в абхазском языке имеет концепт «родина», «отчество» – апсадгыл, в абазинском – *псадгъыл*. В этом слове представлен общий абхазско-адыгский элемент -пс-, восходящий к *псы* – «вода», «река», «речка» [Шагиров 1977:16; Гублия 1997:20].

Что такое родина в языковом сознании абхаза?

1) Родина приравнивается к самой жизни:

Псадгъылда иқам птазаара – букв. «Без родины нет жизни».

Апсадгыл азы згәы еисуа инцыра рацәахоит – букв. «Тот, у кого бьется сердце за Родину, проживет долго».

2) Даже смерть бессильна перед любовью к Родине:

Апсадгыл азы ипсыз дыпсзам – букв. «Тот, кто умер за Родину – не мертвый, не умер».

Апа апсадгыл азы дантахо, ан дтәууазом – букв. «Когда сын погибает за Родину, мать не плачет».

Апсадгыл азы зхы ззымгәағъуа псык диызыоуп – букв. «Тот, кто не может пожертвовать собой ради Родины, то же, что и мертвеец».

3) Отношение к Родине тождественно отношению к самому себе:

Зыпсадгыл зтахым, ихгы итахым – букв. «Тот, кто не любит Родину, не любит и самого себя».

4) Родина для каждого святая:

Апсадгыл – шьамуп – букв. «Родина – святое место». Варианты этой пословицы: Дасу ипсадгыл Шьам еиԥш ибоит – букв. «Каждый считает свою Родину святым местом». Дасу ипсадгыл иара изы ишьамуп – букв. «Родина для каждого – святое место».

5) Родина и Бог эквивалентны:

Апсадгыл змам, н҃эагы димам – букв. «Не имеющий Родины не имеет и Бога».

6) Реализация концепта «родина» осуществляется в противопоставлении «свой – чужой»:

Апсадгыл ан илӮзыоуп, атәым дгыл – анпса – букв. «Родина подобна матери, чужая страна подобна мачехе».

Атәым дгыл лашьцароуп, ахатәы дгыл лашароуп – букв. «Чужая земля – тьма, родная земля – свет».

7) Посредством сравнения:

Апсадгыл змами – апсыз азы зцабази – букв. «Не имеющий Родины, что рыба без воды».

Апсыз азаәы ихәаеум, ауафы – ипсадгыл аәкны – букв. «Рыба в воде не задыхается, а человек – на Родине».

8) Наивысшую оценку Родине и сущности абхаза содержат пословицы:

Апсу дахъапсыуацәкъоу Апсынроуп – букв. «Настоящим абхазом абхаз бывает в Абхазии».

Апсуа иапсуара ахъмызуа Апсны затәык ауп – букв. «Абхазство» абхаза не теряется только в Абхазии».

Апсны анпсы, апсуаа зегъы псуеит – букв. «Если умрет Абхазия, умрут и все абхазы».

9) Даже после смерти душе угодно быть на своей Родине:

Зыпсадгыл иамадахаз дтынчуп – букв. «Спокоен тот, кого предали родной земле».

В близкородственных абхазскому абазинском и адыгских языках «родина» переводится так же. Во втором значении – это место рождения, обозначенное лексемой *хякъ*. В пословицах значение «родина» передается этим же словом или же словами *ач/вылахъв* и *та* (в последнем случае во втором значении – «стойбище», «очаг», «дом», «край»).

абаз. *Зхакъ зтиуа йанциригъи дитыйп/* – букв. «Кто продаст Родину, тот и родную мать продаст» (соотв. «Кто изменит Родине, тот и родной матери изменит»).

Упсы дъац/ам ач/вылахъв ухъа азумган – букв. «Не собирайся жить там, где не покоятся твои предки» (т.е. «Не изменяй своей Родине, своей земле»).

Зта ззыимхчауа йта г/выматарахим! – букв. «Очагом (родиной) того, кто не может его (ее) защитить, завладевает враг».

Загъа тшиызтауа йта мцырахим! – букв. «Кто сдается врагу, тот останется без дома (без родины)».

Ашварах ата йазцахлим! – букв. «Олень возвращается к своему стойбищу» (соотв. «Каждому свой край сладок»).

В абазинском языке широко употребляется проклятие *Ута уазыимцахим!* – букв. «Чтоб ты не возвратился в свой дом (на свою родину)!» (т.е. «Чтоб ты погиб!») [APC 1967:339].

Этимология *-та-*, на наш взгляд, прозрачна – это корень глагола *аңзаара* – «находиться внутри» (срав. *аҭып* – «место»).

Сенека Младший говорил: «Любят родину не за то, что она велика, а за то, что она родина» [Душенко 2005:398]. Это мудрое высказывание подтверждается проанализированным выше материалом абхазского и абазинского языков.

Литература

APC 1967: Абазинско-русский словарь. М., 1967.

Апсуа жәапқақәа. Еиқәиршәеит Хә.С. Бәжәба. Ақәа, 1983.

Апсуа жәапқақәа. Еиқәдыршәеит О.Б. Шамба, Б.А. Гәыргәлиа. Ақәа, 2003.

Ворокова 2003: Воркова Н.У. Национальная культура в идиоматике. Нальчик, 2003.

Гублия 1997: Гублия Р.К. К этимологии элемента *лс* в абхазско-адыгских языках // Актуальные вопросы абхазско-адыгской филологии. Карабаевск, 1997.

Душенко 2005: Душенко К.В. Мысли и изречения древних. Москва, 2005.

КСКТ 1996: Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.

Маслова 2004: Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. Минск, 2004.

Шагиров 1977: Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. М., 1977.

Н. В. АРШБА

ОСОБЕННОСТИ УДАРЕНИЯ В ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ФОРМАХ ГЛАГОЛА АБХАЗСКОГО ЯЗЫКА

Ударение в абхазском языке – интенсивно-динамическое, нефиксированное в основе, подвижное в разных словоформах.

Разных аспектов абхазского ударения касались многие отечественные и зарубежные исследователи. Здесь мы не будем подробно на них останавливаться.

Наиболее обобщенный анализ этой проблемы дается в монографии К. В. Ломтатидзе – «Историко-сравнительный анализ абхазского и абазинского языков» [Ломтатидзе 1976: 99 – 133]. Место ударения в непроизводных и сложных основах рассмотрены в работах В. А. Дыбо [Дыбо 1996: 65; 1997: 75 – 84]. Роль ударения в редукции гласных, акцентные схемы в именах существительных, ударение в сложных словах исследуются в наших работах [Аршба 1979; 2000: 26-38; 2004: 397–411].

В данной статье речь пойдет о некоторых особенностях расстановки ударения в отрицательных формах абхазского глагола, а именно о способности префикса отрицания м (а не суффиксе м) перемещать ударение с конца на начало основы.

Здесь уместно привести высказывание К. В. Ломтатидзе о том, что: «Поскольку в именных, и особенно, в глагольных формах этих языков [абхазского и абазинского – Н. А.] на корневую часть слова могут нарасти в виде префиксов и суффиксов одновременно около десяти аффиксов, среди которых не один может перетянуть к себе ударение, легко представить, какие возможности возникают при перемещении ударения [Ломтатидзе 1976: 308–309]. На наш взгляд, вопрос выявления закономерностей в расстановке ударения усугубляется еще и тем, что в парадигмах имени и особенно глагола одновременно сосуществует первоначальные и вторичные акцентные показатели.

Предварительно укажем, что по основным схемам изменения ударения глагольные основы как и именные мы делим на три основных типа или класса [Аршба 2000: 28–31]:

1) неподвижный акцентный тип (класс) с ударением в масдарной форме на срединной гласной основы: а-тып «место», а-нейра «идти туда», а-дырра «знать»;

2) I подвижный акцентный тип с ударением в масдаре на префикссе общности: а-пара «прыгать», а-зэзэара «мыть», а-фара «есть, кушать»;

3) II подвижный акцентный тип с ударением в масдаре на конечной гласной масдаре: а-цара «идти», агара «нести», а-хэара «говорить, сказать».

Как известно, положительные формы абхазского глагола с нулевым показателем противопоставляются отрицательным формам с формантом м. Последний бывает то префиксом – стоит перед основой глагола, то суффиксом – стоит после основы глагола в зависимости от статичности и динамичности, финитности и инфинитности, различия временных форм, то инфиксом в производных и сложных основах.

В статических глаголах с ограниченными формами формант м всегда является суффиксом и не влияет на ударение положительных форм:

Положительные формы

Масдар:

á-ка(заа)ра «быть, находиться»
а-ма(заа)ра «являться кем, чем-либо»
а-фы(заа)ра «заниматься чем-либо»

Наст. вр.

ды́коуп «он (а) есть, находится»
имоуп «он имеет то»
даёуп «он (а) занимается чем-то»

Прош. неопр.

ды́кан «он (а) был(а), находился»
иакэын «являлся кем-то»

Отрицательные формы

áкам(заа)ра
акэым(заа)ра
а-фым(заа)ра;

ды́кам
имам
дафым

ды́камызт
иакемызт

И в других отрицательных формах, которые может образовать статическая основа глагола [Грамматика 2002: 215] формат м является суффиксом и не влияет на место ударения: ды́казааует «он(а) будет находиться, существовать» – ды́казааум ды́казаап «он(а) оказываться есть» – ды́камзаап ды́казарц «что-бы» он(а) был (а), находился (лось)» ды́камзаарц и т.д.

Иная, пестрая картина наблюдается в расстановке ударения в динамичных глаголах.

Сначала будет рассмотрено ударение в отрицательных формах непроизводных, затем – сложных основ.

Следует сказать, что почти все основы неподвижного акцентного типа в абхазском языке минимум – двусогласные (иногда трех и более), поэтому они теоретически являются производными сложными основами. А так как в сложных основах аффикс отрицания м обычно вклинивается внутри основы, становится между компонентами композита, в данном случае, непроизводным признаком основы, в которых отрицание м стоит перед основой.

Предварительно укажем, что формат м – в динамичных глаголах является префиксом: в масдаре, в временах: прошедшем неопределенном, прошедшем совершенном, давнопрошедшем, давнопрошедшем упреждающем; м является суффиксом: во временах: в настоящем, прошедшем, будущем I, будущем II [Ломтатидзе 1953].

I. В масдаре отрицательных форм непадежного типа сохраняется постоянное ударение основы, но на префиксах общности а перед формантом м появляется второе ударение, которое становится главным. Некоторые из этих отрицательных масдарных форм кажутся несколько искусственными, так как, на наш взгляд, они являются новообразованиями.

Неподвижный акцентный тип

Положительные формы

Масдар. ф.

а-гы́лара «стоять, встать»
а-гә́дара «обижаться»
а-дыш́ра «знать»
а-нейра «пойти туда»
а-хы́сра «стрелять»
а-цә́ыуара «плакать»

Отрицательные формы

а-мгы́лара
а-мгә́дара
а-мдыш́ра
а-мнейра
а-мхы́сра
а-мцә́ыуара

В отрицательных формах масдара неподвижного акцентного типа появление второго ударения должно быть вторичным явлением, вызванное префиксом отрицания м, стоящим после префикса общности.

В личных же отрицательных временных формах неподвижного типа, когда отсутствует префикс общности а, ни префикс, ни суффикс м не влияют на ударение положительных форм:

Полож. формы.Прош. неопр.

Дхәыңын «он(а), подумав»

Прош. соверш.

Дхәыңит «он(а) подумал(а)»

Давно прош.

дхәыңхъеит «он(а)уже подумал(а)

дavnopрош. упр.

Дхәыңхъан «он (а) тогда уже подумал(а)

Наст. вр.

Дхәыңцуеит «он(а) думает»

Прош. несов.

Дхәыңцуан «он(а) думал(а)»

Будущ.I

дхәыңып «он(а) подумает»

Будущ.II

дхәыңышт»он(а)подумает»

Отриц. формы
м - префикс

дымхәыңызт

дымхәыңит

дымхәыңыц(т)

дымхәыңызт

М - асуффикс

дхәыңцуам

дхәыңцуамызт

дхәыңцырым

дхәыңцшам

В неподвижном акцентном типе отрицательные формы не по общему правилу образует глагол адырра «знать». В нем отрицательные формы – это формы потенциалиса – невозможности совершения действия, в котором к отрицательным формам прибавляется еще и префикс потенциалиса з, который становится перед префиксом отрицания м.

Таким образом, в формах потенциалиса на место ударения влияют и префикс потенциалиса з и префикс отрицания м.

Положительная форма масдара: а-дырра, «знать», отрицательная форма потенц: а-мдырра «не знать», а-зымдырра «невозможность знать».

В отрицательной форме масдара а-мдырра сохраняется неподвижное ударение основы, но появится второе – главное ударение на префиксе общности, на наш взгляд, под влиянием префикса отрицания м. В форме же потенциалиса а-зымдырра имеем одно сильное ударение на огласовке потенциалиса перед префиксом м, а ударение основы не сохраняется.

В личных же отрицательных формах при префиксе м обычное неподвижное ударение с основы перемещается на согласовку потенциалиса зы, а при суффиксе м ударение основы не меняется.

Полож.формы.Прош.неопр.

(и)иды́рын «он знал то»

Прош. соверш.

(и)иды́рит «он узнал то»

Давнопрош.

(и)иды́рхеит «он уже знал то»

Давнопр. упр.

(и)иды́рхан «он тогда знал то»

Наст.вр.

(и)иды́руеит «он знает то»

Прош.несов.

(и)изды́руан «он знал то»

Будущ. I

(и)иды́рын «он узнать то»

Будущ. II(и)иды́рышт «он, наверника, из-
наетОтриц. формыМ – префикс

(и)изы́мдырызт

(и)изы́мдырит

(и)изы́мдырыц(т)

(и)изы́мдырыцызт

М – асуффикс

(и)изды́р(у)ам

(и)изды́р(у)амызт

(и)изды́ррым

(и)изды́ршам

Таким образом, в отрицательных – потенциалистных формах глагола неподвижного типа адырра «знать» и в масдаре и в личных формах при префикссе отрицания м ударение перемещается на огласовку потенциалиста зы, а при суффиксе отрицания м ударение неподвижной основы не меняется.

II. По расстановке ударения в отрицательных формах глаголы I подвижного типа разделяются на два подтипа:

1. Основы, которые в положительных формах масдара имеют ударение на префикссе общности, т. е. непосредственно в анлауте основы, и которые сохраняют это место ударения и в других формах: а-пара «прыгать», ды́поит «он прыгает», ды́пейт «он (а) прыгнул(а) и т. д. В таких личных глагольных формах, на наш взгляд, гласный ы появляется для подставки ударения.

2. Основы, которые в положительных формах масдара так же имеют ударение на префикссе общности, но в личных формах – на конце основы: а-зәзәара «стирать», дызәзәоит «он(а) стирает», дызәзәеит «он(а) постирал(а)» и т. д.

1. В отрицательных формах первого подвижного подтипа, как и в положительных, сохраняется ударение в анлауте основы, поэтому оно стоит всегда после префикса отрицания м:

Полож. формы

Масд.
а́пара «прыгать»
Прош. неопр.
ды́пан «он(а) прыгнул(а)»
Прош. соверш.
Ды́пеит «он(а) прыгнул(а)»
Давнopr.
Ды́пахъеит «он(а) уде прыгнул(а)»
Давпопр.упр.
Ды́пахъан «он(а) тогда уже прыгнул(а)»

Наст.вр.
Ды́пойт «он(а) прыгает»
Прош.соверш.
Ды́пон «он(а) прыгал(а)»
Будущ. I
Ды́пап «он(а) прыгнет»
Будущ. II
Ды́пойт «он(а), наверняка, прыгнет»

Отриц. формы

М – префикс
а-мы́пара
дмы́пан
дмы́пеит
дмы́па(цт)
дмы́пацызт

м – суффикс
ды́пом
ды́помызт
ды́парым
ды́пашам

Подвижность ударения этой группы глаголов является условной, так как у них ударение почти всегда стоит в анлауте основы: на префикссе общности а или на огласовке ы личных и других префиксов.

К указанной группе глаголов относится и глагол а-цэара «спать». В отрицательной форме масдара эта основа имеет два варианта ударения: а-мыцэара // а-мцэара «не спать». Из них первоначальным, правильным является а-мыцэара, что подтверждается и личными формами, которые не имеет вариантов ударения: дмы́цэеит, дмы́цэаазт и т.д. А вариант а-мцэара является вторичным явлением. Следует сказать, что факты колебания в расстановке префикса м – нередко является в абхазском глаголе.

2. Отрицательные формы второго подвижного подтипа в масдаре имеют ударение на префикссе общности, перед префиксом отрицания м, а не после него, как в первом подтипе. В личных же формах во всех указанных временных, за исключением некоторых форм, ударение стоит в конце основы. К таким основам относятся: аапсара – «уставать», даапсойт «он (а) устает», а-захра «шить», дзахуеит «он (а) шьет», а-кэашара «танцевать» «дкэашоит «он(а) танцует» и т. д.

Полож. формыМасд.

А-кәашара «танцевать»

Прош. неопр.

Дкәашан «он(а) станцевать»

Прош. соверш.

Дкәашеит «он(а) станцевал(а)

Давнопрош.

Дкәашахъеит «он(а) уже станцевал(а)

Давнопрош. упр.Дкәашахъан «он(а) тогда уже
станцевал(а)Отриц. формыМ – префикс

а-мкәашара

дымкәаша~~з~~тдымкәаше~~и~~тдымкәаша~~ц~~тдымкәаша~~цы~~тПолож. формыНаст.вр.

Дкәашоит «он(а) танцует»

Прош. соверш.

Дкәашон «он(а) танцевал(а)

Будущ. I

Дкәашап «он(а) станцует»

Будущ. II

Дкәашоит «он(а) наверное станцует»

отриц. формым – суффиксдкәашо~~м~~ытдкәашо~~м~~ы~~ы~~тдкәашары~~м~~

дкәашашам

Таким образом, отрицательные формы второго подвижного подтипа в масдаре, как и в положительной форме имеют ударение на префиксе общности перед префиксом отрицания м (а не после м), а в личных формах и при префиксе и при суффиксе м имеют ударение на конечном гласном основы. Исключение составляют: формы давнепрошедшего времени, где суффикс хъа-хъе перетягивает на себя ударение основы: дкәашахъан, дкәашахъеит; а также форма будущего I, где суффикс р(ы) перетягивает на себя ударение: дкәашарым.

Так как глаголы второго подвижного подтипа в масдаре и в положительной и отрицательной форме имеют ударение на префиксе общности а, а в личных формах в основном на конечном гласном основы, то ударение масдара надо считать вторичным явлением, так как личные формы считаются древнее масдара.

Кроме того, показателем вторичности ударения масдара этого подтипа является ударение отрицательной формы, в которой ударение становится после префикса м (как в первом подтипе: а-пара – а-мыпара «прыгать – не прыгать»), а перед м на общем префиксе: а-кәашара

– ам-кэашара «танцевать – не танцевать». Переход первоначального ударения на основе на префикс общности распространенное явление и в именных и в глагольных формах абхазского языка, о чем свидетельствует сравнительный материал акцентов разных абхазских и абазинских диалектов.

III. В основах II подвижного типа в положительной форме масдара ударение стоит на суффиксе масдара: а-бара, «видеть», а-цара «идти», ахэара «сказать» (в отличие от I подвижного типа общности: а-зэзэара «стирать», а-кэашара «танцевать»).

В отрицательной же форме масдара ударение перемещается на префикс общности: а-гара – амгара «нести – не нести», а-цара – амцара «идти – не идти», а-хэара – амхэара «сказать – не сказать» и т. д.

Очевидным является тот факт, что в данном случае префикс отрицания м притягивает ударение на префикс общности, после которого непосредственно он стоит.

В личных же отрицательных формах времен ударение в основном стоит на конечном гласном основы; только в давнопрошедшем, давно-прошедшем упреждающем и в будущем I ударение с основы перемещается на суффиксы: –хъеит, –хъан, –ры:

Полож. формы

Прош. неопр.

Дцан «он(а), пойдя»

Прош. соверш.

Дцеит «он(а) пришел(а)

Давнопрош.

Дцахъеит «он(а) уже пошел(а)

Давнопрош. упр.

Дцахъан «он(а) тогда уже пошел(а)

Наст. вр.

Дцоит он(а) идет

Прош. несов.

Дцон «он(а) шел(а)»

Будущ. I

Дцап «он(а) пойдет»

Будущ. II

Дцоит «он(а), наверняка пойдет»

Отриц. формы

М – префикс

дымца~~з~~т

дымце~~е~~т

дымца~~а~~ц(т)

дымца~~ы~~т

м – суффикс

дцом

дцомы~~з~~т

дцары~~м~~

дцашам

Таким образом, акцентные показатели второго подтипа I подвижного типа и III подвижного типа разнятся только по ударению масдара положительной формы: в первом случае ударение стоит на префиксе общности – а-кәашара, во втором случае – на суффиксе масдара: а-цара. Поскольку ударение в масдаре а-кәашара, а-зәзәара, а-пара мы считаем вторичным явлением, то, надо полагать первоначально и второй подтип I подвижного типа и III подвижный тип относятся к одному акцентному типу.

В производных (и сложных) основах, как известно, аффикс отрицания м – обычно становится внутрь основы – между компонентами производного слова.

I В отрицательных формах масдара неподвижного акцентного типа сохраняется ударение положительной формы только в некоторых случаях, когда второй компонент – самостоятельная основа, появляется второе ударение:

Полож.формы.

А-бжъ~~ал~~ара «войти между чем-либо»
 А-гә~~ә~~тара «замечать что-либо»
 А-гә~~ы~~лхра «вынуть что-либо изнутри»
 А-кә~~ы~~цра «перестать»
 А-ны~~х~~ра «израсходовать»
 А-пыш~~ә~~ара «испытывать»
 уд. а-бжъ~~агы~~лара «стоять между чем-либо»
 уд. а-ә~~агы~~лара «выступить против»

Отриц. формы.

а-бжъ~~ам~~лара
 а-гә~~әм~~тара
 а-гә~~ыл~~ымхра
 а-кә~~ым~~цра
 а-ны~~ым~~хра
 а-пымш~~ә~~ара
 а-бжъ~~амгы~~лара
 а-ә~~амгы~~лара и т.д.

По месту ударения интерес представляют производные основы, вторым компонентом которых является корень-суффикс –жъ–:

А-бжъ ~~аж~~ ьра «валить что-либо между чем-то»	а-бжъ ~~ам~~ ы ~~ж~~ ьра
А- ~~аж~~ ьра «валить что-то вниз»	а-камы ~~ж~~ ьра
А- ~~аж~~ ьра «валить что-то внутрь»	а-тамы ~~ж~~ ьра
А-ны ~~ж~~ ьра «оставить что-то»,	а-нмы ~~ж~~ ьра и т. д.

В последней группе глаголов ударение стоит после инфиксса м, а не перед ним, как это наблюдается в других сложных глаголах, т. е. в этих глаголах и в масдарах и в личных формах (ср.: акамы~~ж~~ьра, икармы~~ж~~ьит) ударение должно стоять перед суффиксом –корнем –жъ–, что объясняется особенностью этого корня – суффикса –жъ–.

В личных отрицательных формах неподвижного типа обычно сохраняется ударение положительных форм: а-кәыцра – акәымцра «перестать – не перестать», дақәымцит он(а) не перестал(а), дақәыцуам «он(а) не перестает». В тех основах, где в отрицательной форме масдаре два ударения (у них вторая часть – обычно самостоятельная основа с неподвижным ударением), и в личной форме с префиксом м сохраняются оба ударения, с суффиксом м – одно ударение положительной основы: а-бжыагылара – абжыамгылара «стоять между чем-либо», дрыбжыамгылеит – «он (а) не встал(а) между ними», дрыбжыагылом – «он(а) не встает между ними»; а-әагылара – а-әамгылара «выступить – не выступить против», дырәамгылеит «он(а) не выступил(а) против них», дырәагылом «он(а) не выступает против них»; а-тагылара – атамгылара стоять – не стоять в чем-либо», дтамгылеит «он(а) не встал в чем-либо» дталом «он(а) не встает в чем-то» и т. д.

Как показывают последние примеры, появлению второго ударения в них способствует инфикс м, который становится префиксом для второго компонента производной основы.

II В производных основах I подвижного типа с ударением на префикссе общности а отрицательной инфикс м в основном не меняет ударения положительных форм. Сюда примыкают несколько групп глаголов.

1. Основы, которые в масдаре и положительных и отрицательных формах имеют ударение на префикссе общности, но в личных формах – на префикссе косвенного объекта: а-всра – а-ымсра «пройти – не пройти мимо кого-чего-либо», дбыывсит «он(а) прошел(а) мимо тебя (жен.)» дбыывымсит – «он(а) не прошел мимо тебя», давсит «он(а) прошел(а) мимо него (вещ.) давымсит, – «он не прошел», дбыивсует «он(а) проходит мимо тебя (жен.), дбыивсуам «он (а) не проходит мимо тебя (жен.) и т. д.

Сюда относятся глаголы с ударением на префикссе косвенного объекта: а-вакра «держать около», а-кәшара «обходить вокруг чего-то», а-лагара «начинать», а-қәцара «положить что-либо на что-то», а-цацара «положить что-то под» и т. д.

2. Основы, которые в масдарных формах имеют ударение на префикссе общности и на основе. А в личных формах на огласовке косвенного объекта и на основе: а-дгылара – адымгылара «стоять – не стоять рядом с чем-либо», сбыдгылеит – сбыдымгылеит «я встал, не встал рядом с тобой (жен.)», сбыдгылоит – сбыдгылом «я стану – не стану рядом с тобой (жен.)».

3. Основы, которые в масдаре имеют ударение на префикссе общности, в личных формах – на конце основы: а-нагзара – анамгзара «выполнить – не выполнить то», инасыгзеит – инасыгзеит «я выполнил –

не выполнил то», инасыгзоит – инасыгзом «я выполняю – не выполняю то» и т. д.

В подобных основах ударение на префиксе общности – вторичное явление, как и в простых основах второго подвижного подтипа: а-кәашара – амкәашара «танцевать – не танцевать», дкәашеит – дымкәашеит «он станцевал – не станцевал» и т. д.

4. Глаголы с корнем – суффиксом – жь–, которые в положительной форме масдара имеют одно ударение на префиксе общности, но в отрицательной форме масдара имеют два ударения: а-гыжъра – агмыжъра «не додать – додать», а-фыжъра – а-фмыжъра «пропустить мимо – не пропустить»; а в личных и положительных и отрицательных формах имеют тоже два ударения: на огласовке косвенного объекта и перед суффиксом – жь–: ибыгсыжъуеит – ибыгсыжъуам «я тебе не додаю (жен.) – додаю», ибыгсыжъит – ибыгсмыжъит «я тебе (ж.) не додал – додал» и т. д.

III В производных основах II подвижного типа с ударением на суффиксе масдара (а-бжъацара «класть то между чем-либо») в отрицательных формах масдара и переходных и непереходных глаголов ударение перемещается с конца на стык компонентов производной основы – перед инфиксом отрицания м:

перех. а-бжъацара – абжъамцара «класть – не класть то между чем-либо»;

неперх. а-бжъахара – абжъамхара «остаться – не осться между чем-либо».

В личных формах переходных глаголов и при инфиксе и при суффиксе м ударение стоит всегда внутри основы, так как личные инфикссы стоят внутри основы и перемещают ударение с конца на стык основы:

перех. ибжъарцеит – ибжъарымцеит «они положили – не положили то между» ибжъарцоит – ибжъарцом «они кладут то между чем-либо».

В непереходных глаголах при инфикссе отрицания м ударение с конца перемещается перед м, а при суффиксе м ударение остается на конце основы:

неперх. ибжъахеит – ибжъамхеит «они остались – не остались между»; ибжъахоит – ибжъахом «они остаются между чем-либо».

Таким образом, ударение производных основ II подвижного акцентного типа свидетельствует о том, что инффикс отрицания м, как и префикс отрицания м, в отличие от суффикса м, способствует перемещению ударения с конца на стык производной основы.

Литература

- Аршба 1979:** Аршба Н. В. Динамическое ударение и редукция гласных в абхазском языке. Тбилиси, 1979.
- Аршба 2000:** Аршба Н. В. Акцентные схемы в именах существительных абхазского языка // Абхазоведение. Язык, фольклор, литература. Вып. 1. Сухум, 2000. С. 26–38.
- Аршба 2004:** Аршба Н. В. Ударение в сложных словах абхазского языка // Международная научная конференция, посвящ. 75 – летию Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа АНА 28–31 мая 2001 г. Сухум, 2004. С. 397–411.
- Дыбо 1996:** Дыбо В. А. Балто – славянская акцентология. Москва, 1996. С. 65.
- Дыбо 1997:** Дыбо В. А. Балто – славянская акцентологическая реконструкция и индоевропейская акцентология // *Studia linguarum.* – Москва, 1997. С. 75–84.
- Ломтатидзе 1976:** Ломтатидзе К. В. Историко-сравнительный анализ абхазского и абазинского языков. Тбилиси, 1976. С. 99–133.
- Ломтатидзе 1953:** Ломтатидзе К. В. К образованию отрицательных форм глагола в абхазо-абазинских диалектах // ИКЯ, т. V. Тбилиси, 1953.

Ш. М. КВАРАЦХЕЛИЯ**ЯЗЫКОВОЕ ОТРАЖЕНИЕ МЕНТАЛЬНЫХ
ОСОБЕННОСТЕЙ РЕБЕНКА**
*(на примере произведений английской
реалистической прозы XIX века)*

Знания об объективной реальности представляют объемную информацию и отражаются в мировоззрении человека, включающее его жизненный опыт и особенности менталитета. Поэтому изучение этой информации не может быть ограничено целями и задачами одной дисциплины. Этим сегодня занимается когнитивистика – система наук, включающая когнитивную психологию, когнитивное литературоведение, когнитивную социологию, когнитивную лингвистику и др. [Кубрякова 2004: 9].

Когнитивная лингвистика исследует картину мира, закрепленную в языке и опосредованную в сознании человека; репрезентирует языковые картины мира и их отдельные фрагменты, соотносит значения слов с базой знаний, определяя их место в языковом поле. Основным методом осуществления этих задач является концептуальный анализ, с помощью которого становится возможным моделирование концепта как единицы сознания по данным языка и на этой основе интерпретация его значения с последующим обобщением результатов описания значений языковых единиц и созданием определенной языковой модели исследуемого предмета.

На наш взгляд, в рамках статьи представляется возможным исследование языковой модели сферы «разума» ребенка на примере произведений английской реалистической прозы XIX века (Ч. Диккенс, Дж. Элиот, Т. Хьюз, сестры Бронте, Э. Гаскелл, У. Теккерей, С. Батлер, Т. Харди, Д. Остин). Основным методом, используемым в работе, является метод концептуального анализа, направленный на выявление общих и специфических свойств исследуемого языкового материала. Реализация данного метода стало возможной посредством установления путем сплошной выборки из текста художественного произведения языковых средств, репрезентирующих некоторый концепт. На этом

этапе нами выявляются прямые номинации концепта, составляющие ядро его номинативного поля. Затем определяются косвенные номинации концепта (устойчивые сочетания фразеологического и нефразеологического характера, метафоры), находящиеся на периферии номинативного поля и проводится семантическое описание языковых средств, образующих данное номинативное поле, то есть «толкование входящих в номинативное поле концепта единиц» [Попова, Стернин 2006: 137]. Итогом семантического описания является максимально полный анализ словарных и контекстуальных значений единиц, вербализирующих концепт с последующей когнитивной интерпретацией результатов семантического описания, приводящей к моделированию содержания концепта. Концепт при этом рассматривается как фрагмент этнокультурной среды в ментальном мире человека» [Фесенко 1999: 12], «некая максимально абстрагированная идея «культурного предмета», не имеющего визуального прототипического образа, хотя и возможны визуально-образные ассоциации с ним связанные» [Красных 2003: 272].

Когнитивная интерпретация, в свою очередь, подразумевает выявление когнитивных признаков (например, интерпретация метафор) концепта и их последующее обобщение.

Как известно, концептуализация, или методика экспликации концептуализированной области художественного текста, основана на семантическом выводе ее компонентов из совокупности языковых единиц, раскрывающих одну тему или микротему. По этой причине «концептуальное пространство текста формируется на более высоком уровне абстракции – на основе слияния, сближения, стяжения общих признаков концептов, репрезентируемых на поверхностном уровне текста словами и предложениями одной семантической области, что обуславливает и определенную цельность концептосферы текста, а ключевой концепт представляет собой ядро индивидуально-авторской художественной картины мира, воплощенной в отдельном тексте или в совокупности текстов одного автора» [Бабенко, Казарин 2004: 58]. В целом в раскрываемую картину мира автор вносит посредством героев – языковых личностей – образную языковую картину, адекватную его времени, национальной культуре и собственному мировидению.

Особую роль в моделировании языкового образа ребенка в английской реалистической прозе XIX в. играет «ментальная» лексика, описывающая собственно интеллектуальную сферу ребенка. В состав интеллектуальной сферы входят такие элементы, как интеллект, восприятие, познание, понимание, осознание происходящего, память. В нашей работе мы выделяем следующие типичные случаи реализации

интеллектуальной сферы: психические способности и процессы, локализованные в головном мозге, т.е. умственные способности, мышление, рациональное познание. Необходимо подчеркнуть, что наше внимание сфокусировано не только на самой интеллектуальной способности, но и ментальном продукте, полученном при активации этой способности, результате мыслительной деятельности - мысль, идея, мнение, знания.

Ментальная лексика содержит знания об указанных выше психических состояниях. Анализ языковых средств выражения ментальной лексики является уникальным источником сведений о протекании процесса познания мира и его результатах, о структурном содержании концептуальной системы и когнитивных механизмах функционирования человека. Исследование интеллектуальной сферы позволяет выявить знания о внутреннем, психическом мире ребенка XIX в. и более полно смоделировать языковой образ ребенка.

Ментальная лексика включает в себя такие слова и семантические компоненты, как **think** «думать», **suppose** «полагать», **guess** «попытаться», **believe** «считать, верить», **remember** «помнить», **learn** «знавать», **thought** «мысль», **idea** «идея», **opinion** «мнение», **consciousness** «сознание», **sense** «чувство, сознание» и др.

Известно, что интеллектуальная деятельность локализуется в сознании. Концепт **“consciousness”** “сознание” в английском языке представлен словаами **sense**, **consciousness**, **aware**, **cognizant**, **conscious**, **understand**, **apprehend**, **realize**, **comprehend** и их дериватами.

В английской реалистической прозе XIX в. концепт **“consciousness”** “сознание” объективирован следующими единицами: **consciousness** «сознание», **sense** «сознание», **perceive** «понимать», **comprehend** «постигать», **be / feel sensible** «осознавать», **be / become aware** «осознавать, **be conscious** «сознавать»: «I dimly perceived –that she was already obliterating hope from the new phase of existence which she destined me to enter» (DC); «Fanny, though almost totally separated from her family, **was sensible** of the truest satisfaction in hearing of any kindness towards them» (ManP); «Tom by this time began **to be conscious** of his new social position and dignities» (TBr).

Существительное **sense** «чувство, ощущение, смысл, рассудок» в произведении Т. Хьюза «Школьные годы Тома Брауна» представлено в значении «сознание»: «Poor Tom! the first and bitterest feeling which was like to break his heart was the **sense** of his own cowardice» (TBr).

Для демонстрации полного осознания происходящего Дж. Элиот использует эпитеты **perfect** «совершенный, полный» и **thorough** «тщательный», Ч. Диккенс – **strong** «сильный» в сочетании с номинантом

consciousness: «In the same moment, when all the eyes in the room were turned upon him, he started up and looked at the chest, the parchments in Mr. Glegg's hand, and Tom holding the tin box, with a glance of **perfect consciousness** and recognition» (MillF); «Tom, roused from his dream of the future to a **thorough consciousness** of the present, made all the greater haste to reach the warehouse offices of Guest & Co.» (MillF); «In this plight, and with a **strong consciousness** of it, I waited to introduce myself to my formidable aunt» (DC).

Слово **intellect** «ум» встречается однократно в произведении Ш. Бронте «Джейн Эйр»: «...What a smile! I remember it now, and I know that it was the effluence of fine **intellect**, of true courage» (JY). В этом примере интеллект концептуализируется как поток, течение «**effluence of fine intellect**».

Одним из составляющих компонентов интеллектуальной сферы является процесс мышления. В английском языке концепт “**thinking**” “мышление” обозначается рядом единиц: **idea** «идея», **thought** «мысль», **reflection** «размышление», **consideration** «обдумывание», **scheme** «замысел», **think** «думать», **consider** «рассматривать», **suppose** «полагать», **guess** «полагать», **reflect** «размышлять», **ponder** «размышлять», **brood** «размышлять». Указанные единицы применяются практически всеми писателями – реалистами XIX в. при описании интеллектуальной сферы ребенка: «... but all the girl (Molly) **thought** of was, how little they wanted her in this grand house» (W&D).

Глубокую задумчивость, погруженность ребенка в мысли Дж. Элиот передает словосочетанием **be absorbed in the thought** «поглощенный», Т. Гарди – сочетанием глагола **ponder** «размышлять» с наречием **deeply** «глубоко», Ч. Диккенс – словосочетанием **weigh in one's mind** «обдумывать тщательно», фразеологизмом **run high on smth** «думать, размышлять»: «Tom did not say «Thank you,» for he was quite **absorbed in the thought** that Wakem's son did not seem so spiteful a fellow as might have been expected» (MillF); «Jude continued his walk homeward alone, **pondering so deeply** that he forgot to feel timid » (JudeOb); «The upshot of the business was, that Kit, after **weighing the matter in his mind** and considering it carefully, promised, on behalf of his mother, that she should be ready within two hours from that time to undertake the expedition» (OldSh); «'He is in Papa's confidence, and is his friend, I am sure.' Florence's mind **ran high on** this theme, and had done for some days» (D&S).

Сочетание предикатов самостоятельного движения **wander** «блуждать, бродить», **swim** «плыть», **stray** «блуждать» устойчивого словосочетания **at a loss** с существительными «ментальной» лексики (mind,

thought) в произведениях Ч. Диккенса, Ш. Бронте и С. Батлера подчеркивают отсутствие целенаправленности, интенциональности процесса движения, таким образом, концептуализируется потеря внимания, расеянность ребенка: «And thus **his small mind kept wandering** on till he could follow it no longer, and again went off into a doze» (WayFl); «**My thoughts strayed from** that question as I looked disconsolately at the fire» (GrEx); «**But Oliver's thoughts**...were wholly **at a loss** to suggest any feasible mode of surmounting them» (OITw); «I could make no sense of the subject; **my own thoughts swam** always between me and the page I had usually found fascinating» (JY).

Длительность обдумывания, процесс размышления ребенка Ш. Бронте подчеркивает словосочетанием **chain of reflections** «поток мыслей»: «I was not free to resume the interrupted **chain of my reflections** till bedtime» (JY); Ч. Диккенс – словосочетанием **a procession of considerations, train of ideas** «вереница мыслей»: «Here, as I sat looking at the parcels, packages, and books, and inhaling the smell of stables, a **procession of most tremendous considerations** began to march through my mind» (DC); «The name awakened a new **train of ideas** in the boy's mind» (OITw).

Примечательно, что в произведениях Ч. Диккенса процесс мышления концептуализируется через метафору движения. В отдельных примерах отмечены глагол движения **March** «маршировать, двигаться» и свободное словосочетание **thoughts in restless action** «мысли в постоянном движении»: «...these were causes of depression and anxiety that might have sat heavily on an older breast with many influences at work to cheer and gladden it, but how heavily on the mind of a young child to whom they were ever present, and who was constantly surrounded by all that could keep such **thoughts in restless action!**» (OldSh).

Ч. Диккенс описывает процесс обдумывания как бесконечный и быстрый вихрь, проносящийся в голове ребенка: «...the fear of detection, and ruin, and death...these were the passionate **considerations** which, following close upon each other with **rapid and ceaseless whirl**, shot through the brain of Fagin» (OITw); Ш. Бронте – как процесс переваривания: «This scheme I went over twice, thrice; it **was then digested in my mind**» (JY).

Груз (тяжесть), лежащий на душе ребенка, выражается писателями во фразеологических сочетаниях **have a load on one's mind** «чувствовать тяжесть в душе», **relieve one's mind of weight on / off one's mind** «снять камень с души»: «But the **indefinable weight** the dead rabbits had **left on her mind** caused her to feel more than usual pity for the career of this weak young man» (MillF); «For the first time she quite forgot that she **had a load on her mind**, that Tom was angry with her» (MillF).

Иногда эти отрицательные ощущения покидают ребенка: «...I was afraid I must have given him some offence. But he greatly **relieved my mind** by putting a chair for me at the table, and saying, very affably, 'Now, six-foot! come on!'» (DC); «Having **relieved her mind of these disclosures**, she partook of shrimps and porter, and evinced a disposition to swear eternal friendship» (D&S); «I felt a great weight taken off my mind by this promise» (DC).

Важным является и то, что процесс мышления ребенка в авторской картине мира Ч. Диккенса уподобляется работе: «Fagin walked towards his home, intent upon the **thoughts** that were **working within his brain**» (OITw); «...these were the passionate considerations which, following close upon each other with rapid and ceaseless whirl, shot through the **brain** of Fagin, as every evil **thought** and blackest purpose lay **working** at his heart» (OITw).

Номинативное поле «ментальной» лексики также представлено концептом **“brain”** (“ум, умственные способности”). Номинант концепта “ум” **brain** репрезентирован в произведениях Ш. Бронте, Ч. Диккенса и Т. Хьюза: «The young gentleman had **brains** enough not to tell Jones, reasoning that East and Brown...wouldn’t care three straws for any licking Jones might give them, and would be likely to keep their words as to passing it on with interest» (TBr).

Сильное душевное волнение и возбужденность приводит мысли ребенка в беспокойное состояние. Данные проявления мыслительной деятельности ребенка обозначены писателями – реалистами XIX в., в частности, Т.Хьюзом и Ш.Бронте, такими словами как **tumult** «возбуждение, суматоха», **commotion** «суматоха»: «...and then indeed he (Tom) began to listen with all his ears, and learned, to his no small wonder, that his dear and wonderful canal had not been there always - was not, in fact, so old as Benjy or Farmer Ives, which caused a strange **commotion** in his small **brain**» (TBr); «What a consternation of soul was mine that dreary afternoon! How all my **brain** was in **tumult**, and all my heart in insurrection!» (JY).

В исследуемых текстах у номинантов концепта “ум” (**thought, consideration**) отмечен признак «сила, мощь», обозначающих результат мыслительной деятельности. Данный признак репрезентирован Ч. Диккенсом эпитетами **fervent** «пылкий», **strong** «сильный», **passionate** «мощный»: «But there was one **thought**, scarcely shaped out to herself, yet **fervent** and **strong** within her that upheld Florence when she strove and filled her true young heart, so sorely tried, with constancy of purpose» (D&S).

Номинант концепта “ум” **wits** «ум, разум» представлен только в авторской картине мира Ч. Диккенса и Ш. Бронте. Словосочетание **in perfect possession of one’s wits** «обладать разумом» описывает состоя-

ние полного сознания ребенком происходящего: «Now came a pause of ten minutes, during which I, by this time **in perfect possession of my wits**, observed all the female Brocklehursts produce their pocket-handkerchiefs and apply them to their optics» (JY).

В произведениях Ш. Бронте и Ч. Диккенса отмечено употребление фразеологизмов **collect / gather wits** «собраться с мыслями»: «I **collected** a little more of my **scattered wits**» (GrEx); «I was puzzled. Ere I had **gathered my wits**, the classes were again seated» (JY). Замешательство и страх приводят ребенка к растерянности и потери способности мыслить. Ребенку трудно сосредоточиться и мысли его могут быть рассейнными - **scattered wits** (см. пример выше), или же разум ребенка может быть встревожен ожиданием опасности: «Confused as Catherine was, **her wits** were **alert** at applying our conversation» (WutH).

Как отмечалось выше, в состав концептуальной сферы “разум” входят не только концепты “ум”, “мышление”, “сознание”, но и “память”.

В исследуемых произведениях концепт “**memory**” (“память”) представлен следующими языковыми средствами: существительными **memory, recollection**, глаголами **remember, recall, recollect**, фразеологическими единицами **call / bring to mind, raise in mind, come upon one’s mind, turn over in mind**, устойчивыми словосочетаниями **be present in mind** и **run on**.

Одним из излюбленных средств объективации концепта “память” в произведениях английских писателей – реалистов XIX в. являются единицы **remember** и **recall** «помнить, вспоминать»: «I had my own reasons for being dismayed at this apparition; too well I **remembered** the perfidious hints given by Mrs. Reed about my disposition» (JY); «The more I thought of the fight, and **recalled** the pale young gentleman on his back in various stages of puffy and incrimsoned countenance, the more certain it appeared that something would be done to me» (GrEx). Дети, как существа чуткие и восприимчивые, помнят все происходящее (происходившее) в их жизни.

Воспоминания в авторской картине мира Ч. Диккенса концептуализируются через признак «место обитания»: «It was natural that, in the midst of her affliction, she should often revert to that sweet young lady of whom she had only caught a hasty glance, but whose sympathy, expressed in one slight brief action, **dwelt in her memory** like the kindnesses of years»(OldSh). Воспоминания хранятся в сердце: «Maggie never forgot any of these moments when her father «took her part»; she kept them **in her heart**, and thought of them long years after, when every one else said that her father had done very ill by his children» (MillF).

Дж. Элиот, Т. Хьюз, Ш.Бронте концептуализируют воспоминания как «поток, течение, цепь»: «She read so eagerly and constantly in her three

books, the Bible, Thomas Æ Kempis, and the «Christian Year» (no longer rejected as a «hymn-book»), that they filled her mind with a continual **stream** of rhythmic **memories**» (MillF); «And then the old **memories rushed** back again, but softened and subdued, and soothing him as he (Tom) let himself be carried away by them» (TBr); «For some time his excitement, and the **flood** of **memories** which chased one another through his brain, kept him from thinking or resolving» (MillF); «But if Oliver, under these influences, had remained silent while they journeyed towards his birth-place by a road he had never seen, how the **whole current of his recollections** ran back to old times» (OITw); «I had to stem a **rapid rush of retrospective thought** before I quailed to the dismal present» (JY).

Характерным языковым средством обозначения концепта “память” в английской реалистической прозе XIX в. выступают существительные **memory** и **recollection** «память, воспоминание»: «In those days I was young, and all sorts of fancies bright and dark tenanted my mind: the **memories** of nursery stories were there amongst other rubbish» (JY); «There was a coarse, dingy man, of whose face Tom had **some vague recollection**, sitting in his father’s chair, smoking, with a jug and glass beside him» (MillF).

В произведениях Ч. Диккенса встречаются сочетание глаголов **rise**/**waken up** «пробуждать» с существительным **memories**: «Crawling forth, from day to day, to some green sunny spot, they have had such **memories wakened** up within them by the sight of the sky, and hill and plain, and glistening water» (OITw); «How could she ever have thought of bidding them farewell in triumph, when the **recollection** of the many hours she had passed among them **rose** to her swelling heart, and made her feel the wish a cruelty» (OldSh).

Отличительной чертой языка Ч. Диккенса при репрезентации концепта “память” является использование большого спектра фразеологических единиц и устойчивых словосочетаний - **call / bring to mind**, **raise in mind**, **come upon one’s mind**, **be present in mind**, **run on**: «This brought to mind her bird, her poor bird, who hung there yet. She wept bitterly for the loss of this little creature» (OldSh); »Upon her bed of ashes, and amidst the squalid horrors through which they had forced their way, visions of such scenes—beautiful indeed, but not more beautiful than this sweet reality—had **been always present to her mind**» (OldSh); «She softened more and more while saying this and cried so much over the unwonted little home-picture **she had raised in her mind**» (BH); «But, another glance around **called to her mind** all that had lately passed, and she sprung from her bed, hoping and trustful» (OldSh); «I had plenty to think of, therefore, besides **my mind running continually** on the kind of place I was going to - which was an awful speculation» (DC); »He was a person of great power

in my eyes; that was, of course, the reason of my mind **running on him**» (DC); «For, I **called to mind** now, that she was equally accomplished in the terms of our trade, and the names of our different sorts of work, and our various tools» (HT).

Интерес - неотъемлемая часть ментальной сферы, в частности сферы познания, так как стимулирует человека к исследовательской и познавательной активности. Интерес повышает способность человека к восприятию и обработке поступающей из внешнего мира информации. Интерес является исключительно важным видом мотивации в развитии навыков, знаний и формирования интеллекта.

Как и все эмоциональные концепты, “интерес” имеет сложную структуру, включающую в себя суммарное человеческое знание, представление об эмоции интереса, самом человеке как ее субъекте и ее возможных объектах.

Концепт “**interest**” (curiosity) в английском языке передается различными языковыми средствами: существительными **interest** «интерес», **curiosity** «любопытство», **inquisitiveness** «любопытство», **thirst** «жажда», **inquiry** «интерес», **enthusiasm** «энтузиазм»; предикативными конструкциями **be curious** «проявлять любопытство», **be interested** «интересовать», глаголами **wonder** «интересоваться», **investigate** «расследовать», **stare** «смотреть пристально», **gape** «разинуть рот от удивления», **nose** «выведывать», **pry** «любопытствовать», **search** «искать», **absorb** «поглощать», **burn with curiosity** «сгорать от любопытства», **question** «спрашивать», **take an interest in** «заинтересоваться», прилагательными **curious** «любопытный», **interesting** «интересный», **inquiring** «пытливый», **inquisitive** «любопытный», **reedy** «любопытный».

В детских образах английской реалистической прозы XIX века «интерес» репрезентируется практически всеми вышеуказанными единицами, а именно: существительными **interest** «интерес», **curiosity** «любопытство», **enthusiasm**; **thirst** «жажда», **inquiry** «интерес», глаголами **wonder** «интересоваться», **stare** «смотреть пристально», **absorb** «поглощать», **question** «спрашивать», **take an interest in** «заинтересоваться», предикативными конструкциями **be curious** «любопытствовать», **be interested** «интересовать», прилагательным **interesting** «интересный», **curious** «любопытный».

Номинативное ядро концепта “интерес” образовано глаголом **wonder** «интересоваться» и предикативной конструкцией **be interested** «быть заинтересованным». Данные номинанты отличаются высокой частотностью употребления в авторской картине мира английских писателей – реалистов XIX в.: «I felt apprehensive that I **was** personally **interested** in this dialogue, and sought Mr. Murdstone’s eye as it lighted on mine» (DC); «

... he sat and looked out of it **wondering** as the great iron gates flew open» (VF). Глагол **wonder** и предикативная конструкция **be interested** указывают на эмоцию средней степени интенсивности.

Концепт “интерес” репрезентируется в авторской картине мир Ч. Диккенса и Дж. Батлера такими словосочетаниями, как **take an interest in**, **have an interest in** «интересоваться»: «We **took an interest** in the health of everyone in the village whose position rendered a repetition of the dole in the least likely» (WayFI); «As I could hardly hope for a more favourable opportunity of putting a question in which I **had a near interest**, I said to Mrs. Micawber: ‘May I ask, ma’am, what you and Mr. Micawber intend to do?» (DC).

Ч. Диккенс и Дж. Элиот описывают интенсивность проявления интереса посредством таких эпитетов, как **increasing** «возрастающий», **great** «большой», **near** «ближайший», **strong** «сильный», **wondering** и субстантивного словосочетания **a keenness of interest** «острота интереса»: «...and she wondered, **with a keenness of interest** that no theologian could have exceeded, whether, if the Devil were really present, he would know her thoughts» (MillF); «With her hand upon her brother’s shoulder, Louisa still stood looking at the fire. Her brother glanced at her face with **greater interest** than usual» (MillF); «...the child continued to gaze upon the passing crowd with a **wondering interest**» (OldSh); «...while Tom was leaning forward on both elbows, and looking with increasing admiration at the dog and the donkey. «And you don’t mind that?» said Tom, with **strong curiosity**» (MillF).

В структуре концепте “интерес” выделяются признаки «глубина» и «рост»: **deep interest** «глубокий» и **increasing interest** «возрастающий»: «She felt a curious kind of pleasure in lingering among these houses of the dead, and read the inscriptions on the tombs of the good people passing on from one to another with **increasing interest**» (OldSh); «This book I had again and again perused with delight. I considered it a narrative of facts, and discovered in it **a vein of interest deeper** than what I found in fairy tales» (JY).

Составляющим концепта “интерес” является любопытство. Одним из основных средств обозначения любопытства в английской реалистической прозе XIX в. служит прилагательное **curious** «любознательный, интересующийся», которое обозначает острый интерес к тому или иному явлению, предмету или действию, в отличие от **interest**, подразумевает любознательность: «I was so **curious** to know, that I made up my mind to have it out with Mr. Peggotty» (DC).

Обращает на себя внимание частое употребления в авторской картине мира Ч. Диккенса, Дж. Элиот существительного **curiosity** в функции прямого дополнения к глаголам **awaken** «будить, пробуждать» и **excite**

«возбуждать»: «Philip, at the other end of the room, was busy with two volumes, with a look of contented diligence that **excited Maggie's curiosity**» (MillF); «I told him I would do so, with all the interest and **curiosity** that his preparation **awakened**» (GrEx).

Концепт “интерес” на лексическом уровне в произведениях английских писателей – реалистов XIX века включает признак внимание.

В исследуемых произведениях признак концептам “интерес” внимание отражен в слове **attention**. Внимание ребенка привлекают различные предметы, явления, события и т.п. Одним из излюбленных средств выражения внимания в исследуемых текстах служит словосочетание **call / attract attention** «привлекать внимание»: «After dinner Benjy **called attention** to a wart which Tom had on the knuckles of his hand» (TBr); «Looking down, she recognised Kit, whose endeavors to **attract her attention** had roused her from her sad reflections» (OldSh).

У ребенка, испытывающего интерес к предмету, человеку, ситуации или явлению, возникает желание исследовать объект интереса, познать его, принять участие в происходящем, испытать новые ощущения. Одним из внешних демонстраторов интереса является фиксация взгляда на объект, представляющий интерес. Взгляд может быть любопытствующим, очень пристальным, наблюдающим: **look curiously / intently/ inquiringly, with observing eyes, stare with interest, peer, gaze, glance keenly, fix one's eyes**: «‘But what is your opinion, Peggotty?’ said I. I asked her, and **looked curiously** at her, because she looked so curiously at me! » (DC); «Here Tom came lounging in, and **stared** at the two with a coolness not particularly savouring of **interest** in anything but himself, and not much of that at present» (HT).

Ребенок выражает заинтересованность в познании новых явлений, прислушиваясь к беседе. В анализируемых текстах у всех писателей «слуховой» интерес ребенка обозначается глагольными словосочетаниями **listen with great interest / listen with ears / listening with the deepest attention** «слушать с большим интересом»: «And after surveying the whole tenderly, old Benjy... told tales of the gallant bouts of forty years back, to which Tom **listened with all his ears and eyes**» (MillF).

Сильное проявление заинтересованности Т. Хьюз передает устойчивым словосочетанием **be all eyes** «быть поглощенным, весь во внимании» и **open-mouthed interest**: «Tom’s turn came last, and meanwhile he **was all eyes**, looking first with awe at the great man, who sat close to him» (TBr); «Tom showed such undisguised and **open-mouthed interest** in his narrations that the old guard rubbed up his memory» (TBr).

Известно, что интерес обладает различными оттенками – легкий (light, slight), серьезный (serious) интерес. В ряде случаев для описания

всепоглощающего интереса могут применяться предикативные конструкции типа **be absorbed** «поглощенный», которые демонстрируют в авторской картине мира Ч. Диккенс, Ш. Бронте, Дж. Элиот вовлеченность, высокую заинтересованность ребенка: «I found Burns, **absorbed**, silent, abstracted from all round her by the companionship of a book, which she read by the dim glare of the embers» (JY); «So she kept a few yards behind them, unobserved by Tom, who was presently **absorbed** in watching for the pike» (MillF).

Особо выделяется совокупность признаков **interesting** «интересный» в атрибуции тех или иных объектов: «Each picture told a story; mysterious often to my undeveloped understanding and imperfect feelings, yet ever profoundly **interesting**: as interesting as the tales Bessie sometimes narrated on winter evenings» (JY).

Для полноты раскрытия концепта “интерес” при описании языкового образа ребенка, необходимо учитывать и те контекстуальные ситуации, в которых концепт “интерес” выражен имплицитно. «Tom walked along, and Lucy trotted by his side, timidly enjoying the rare treat of doing something naughty, - excited also by the mention of that celebrity, the pike, about which she was quite uncertain whether it was a fish or a fowl. Maggie saw them leaving the garden, and **could not resist the impulse** to follow» (MillF). Таких примеров в анализируемых текстах достаточно, чтобы у читателя создалось впечатление об английских детях XIX века, как о детях любопытных и любознательных.

Проведенный анализ концепта “интерес” при описании детских образов показал, что концепт представлен признаками: а) **любопытство**; б) **внимание**. В исследуемых произведениях не обнаружены такие единицы, как engross, nose, pry, investigate, inquiring, inquisitive, nosy, peery.

Итак, данное исследование показало, что авторами используется примерно сходный набор языковых средств для объективации исследуемых концептов, но вместе с тем имеются и авторские отступления. Разные аспекты внутреннего мира ребенка концептуализируются по-разному.

Как следует из анализа текстов, концептуальная сфера “разум” выявляет характер протекания мыслительных процессов у английских детей XIX в. и в ней в большей степени присутствует абстрактная лексика, при этом отмечается значительно меньшее применение концептуальных метафор.

Литература

- Бабенко, Казарин 2004:** Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: учебник; практикум. 2-е изд. М.; Флинта: Наука, 2004
- Красных, 2003:** Красных В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., Гнозис, 2003
- Кубрякова 2004:** Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1
- Попова, Стернин 2006:** Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2006
- Фесенко 1999:** Фесенко Т.А. Этноментальный мир человека: Опыт концептуального моделирования. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 1999

Список художественной литературы:

1. Austin Jane. Mansfield Park. – Интернет–версия. Ссылка: www.classicreader.com
2. Brontë Charlotte. Jane Eyre. М., 1952.
3. Brontë Emily. Wuthering Heights. Penguin Books., 1994.
4. Butler Samuel. The Way of All Flesh. – Интернет–версия. Ссылка: www.amazon.com
5. Dickens Charles. David Copperfield. Penguin Books., 1994.
6. Dickens Charles. Dombey and Son. Oxford University Press., 1999.
7. Dickens Charles. Great Expectations. Tor classic. NY., 1998.
8. Dickens Charles. Hard Times. Penguin Books., 1994.
9. Dickens Charles. The Adventures of Oliver Twist. М., 1955.
10. Dickens Charles. The Old Curiosity Shop. М., 1952.
11. Eliot George. The Mill on the Floss. Oxford University Press., 1998.
12. Gaskell Elizabeth. Wives and Daughters. – Интернет–версия. Ссылка: www.classicreader.com
13. Hardy Thomas. Jude the Obscure. – Интернет–версия. Ссылка: www.classicreader.com
14. Hughes Thomas. Tom Brown's Schooldays. – Интернет–версия. Ссылка: www.classicreader.com
15. Thackeray William. Vanity Fair. Penguin Books., 1994

Список принятых сокращений

1. JY – Brontë Charlotte. Jane Eyre.
2. WuthH – Brontë Emily. Wuthering Heights.
3. WayFI – Butler Samuel. The Way of All Flesh.
4. DC – Dickens Charles. David Copperfield.
5. D&S – Dickens Charles. Dombey and Son.
6. CrEx – Dickens Charles. Great Expectations.
7. HT – Dickens Charles. Hard Times.
8. OITw – Dickens Charles. The Adventures of Oliver Twist.
9. OldSh – Dickens Charles. The Old Curiosity Shop.
10. MillF – Eliot George. The Mill on the Floss.
11. W&D – Gaskell Elizabeth. Wives and Daughters.
12. Jude – Hardy Thomas. Jude the Obscure.
13. TBr – Hughes Thomas. Tom Brown's Schooldays.
14. VF – Thackeray William. Vanity Fair.

АФОЛЬКЛОР ФОЛЬКЛОР

А. М. АБДУРАХМАНОВ
(г. Махачкала)

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ САТИРИЧЕСКОГО РАССКАЗА В ФОЛЬКЛОРЕ И ЛИТЕРАТУРАХ ДАГЕСТАНА И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Фольклор и литература народов Дагестана и Северного Кавказа отражают непрерывную связь веков, единую линию художественного процесса устной и письменной духовной культуры. Применительно к нашей постановке вопроса эта связь раскрывает общие и специфические особенности мышления в традициях сатиры и юмора многих народов Кавказа. Мы попытаемся осветить некоторые аспекты процесса формирования сатирического рассказа в северокавказской полиэтнической литературной системе, проследить его общие и специфические особенности.

Северо-Кавказский регион, на исторической арене которого наблюдалось перемещение множества племен и народов с различными социальными и культурными особенностями, в частности, со своим взглядом на сатиру и юмор, наложившим отпечаток на специфику формирования жанров сатирической прозы, представляет интерес в решении многих проблем фольклорно-литературных взаимосвязей.

Как известно, существенную роль в формировании сатирического рассказа в литературах данного региона сыграл фольклор с его разнообразными жанрами. Богатая устная сатирическая проза региона, интенсивно использующаяся писателями и сегодня, не стала еще предметом научного анализа и оценки. Не изучены и роль народной сатиры в формировании литературных жанров, пути проникновения и характер ее проявления в индивидуальном творчестве, отдельные аспекты формирования сатирического образа в современном рассказе.

Формы и характер взаимосвязей фольклорного и литературного рассказа сложны и многообразны, порой неуловимы, трудно поддаются

анализу. В рассматриваемом регионе этот процесс в силу духовной и географической близости его народов был всегда чрезвычайно интенсивным, фольклор здесь лег в основу формирования многих жанров литературы. В современную же эпоху развивается и другая, еще не изученная нами особенность – обогащение фольклора через литературное влияние. Поэтому исследование этих процессов не замыкается лишь на проведении параллелей, схождений, а превращается в сложную проблему типологического сочетания фольклорного и литературного начал.

Наблюдения над процессом создания сатирико-юмористического рассказа в Северо-Кавказском регионе обнаруживают общую особенность: в собственно литературном рассказе автор более свободен в выборе сюжета, композиции, образов и художественных средств, в то время как в сатирико-юмористическом его творческая свобода относительна и зависит от отраженных в устном рассказе варьирующихся комических ситуаций, проявляющихся во всех сферах повседневной жизни человека.

Сатирико-юмористический пласт в традиционном и современном фольклоре, отличающийся национальным и общерегиональным своеобразием отражаемых художественных явлений и характеров, представляет собой живое, постоянно обновляющееся звено в общей традиции проникновения устного творчества в литературу. Народная сатира развивалась в соответствии с общественно-политическими и социально-экономическими изменениями в обществе и в конечном итоге легла в основу сатирического направления зарождающейся письменной литературы.

Таким образом, формирование сатирических жанров, в частности сатирико-юмористического рассказа на Северном Кавказе, шло через постоянно взаимодействующие традиции фольклорной основы и письменной художественной литературы. При этом связь сатирических рассказов дагестанской и северокавказских литератур с устным народным рассказом проявляется не в механическом заимствовании литературой эпизодов или сюжетно-образной системы фольклора, а в синкретическом единстве его элементов с эстетико-художественными критериями сатирических жанров: компоненты сатиры устного повествования, подчиненные содержанию, форме и назначению литературного произведения, выступают как художественные средства создания комических ситуаций и сатирико-юмористических образов.

Примеров в художественной литературе, подтверждающих вышеприведенные мысли, множество. Например, в лирической повести Р. Гамзатова «Мой Дагестан», серьезные, жизненно важные общественные и

социальные проблемы ставятся посредством легкого юмора и иронии. В сущности, зарисовки «Абуталиб сказал» – органическое слияние народных юмористических рассказов с индивидуальным художественным творчеством, литературная интерпретация народного комического мышления, осмысление его художником в сатирико-юмористическом ключе. Очевидно, обращение Р. Гамзатова к Абуталибу, в образе которого отражены особенности народного мышления, не случайно и прямо соотносится с литературным кредо поэта, который писал: «Для меня первоэлементом в поэзии является устное народное творчество» [Гамзатов 1969: 5]. Жанровая природа, истоки и особенности бытования в народе рассказов Абуталиба, работа художника над их переработкой еще станут объектом специального рассмотрения, но несомненно одно: в основе этих сатирико-юмористических зарисовок лежат глубинные пласти устного народного творчества, причем не одного народа. По-народному остроумны сатирико-юмористические рассказы-миниатюры А. Гафурова, известные нам тоже в записях Р. Гамзатова. Эти рассказы, обличая негативные явления современности, имеют под собой фольклорную почву. На первый взгляд они кажутся безобидной шуткой, но заключают в себе глубокий философский подтекст, иной раз поднимают большие проблемы общественной, социальной и культурной жизни в масштабах всей страны, обнажают социально-нравственные корни общечеловеческих пороков. Резкой сатирической окраской отличается, например, такая миниатюра: «Занимающий важную должность человек растолстел. Когда должность освободилась, стали думать, кого бы теперь на нее поставить. Абуталиб сказал: – Нужно найти самого тощего человека!» [Гафуров 1977: 154]. Остроумие народного поэта в данном случае в том, что не указывая на сущность обличаемого явления, он создает образ, взятый совершенно в другой плоскости, но у каждого из слушателей возникает точная ассоциация, и факт приобретает общественную значимость, затрагивая противоречия социально-нравственного порядка, из-за чего явление приобрело новое содержание, актуальное для нашего общества на данном этапе.

Внимательный анализ показывает, что этот рассказ появился не на пустом месте: тема и идея его подсказаны самим народом, его фольклором, который органически вошел в творчество художника. В основу рассказа мог лечь, например, устный рассказ. «На колхозном отчетно-выборном собрании критиковали работу председателя правления, который в последние годы больше беспокоился о своем благополучии, чем о колхозных делах. Вопрос о его освобождении от должности был почти решен, когда слово попросил один из колхозников, который сказал:

– Товарищи! Чем начинать откармливать нового председателя, не лучше ли нам переизбрать старого, уже сытого» [Взаимосвязи... 1986: 56].

Обличение явления в целом, а не конкретного лица – характерная черта дагестанских и северокавказских устных сатирико-юмористических рассказов. Это признак проявления живого интереса литературы к традициям фольклора, дающего качественно новый импульс в эстетико-художественной оценке специфических сторон национального быта.

В персонажах сатирических рассказов ясно прослеживается отношение автора к обличаемому явлению. Его участие почти всегда незримо, оно выявляется в лирических отступлениях, отдельных репликах при оценке событий, разъяснениях читателю предыстории образа, ситуаций, за которыми угадывается авторская позиция. Такие явные авторские оценки, вносящие структурно-композиционные изменения в сатирический рассказ, мы наблюдаем у Х. Авшалумрва («Встреча у родника»), Х. Кациева («Черный джин», «Дальние родственники»), С. Панеша («Новоселье», «Человек принципа») и др.

В генезисе сатирического рассказа в ряде северокавказских литератур заложен народный хапар (хабер, хабар) – повествование с некоторым вымыслом, в основе которого – происходившее в действительности событие. В большинстве из них отражаются социальные и нравственные противоречия в обществе. Например, на одной из горских свадеб в Кабардино-Балкарии между двумя гостями сложились взаимоотношения, тут же вылившиеся в устный сатирический рассказ: «На свадьбе бедный, но известный в народе певец Исмаил пел песни. Народ слушал его и наслаждался. Один из богачей с целью унизить певца в глазах присутствующих громко, чтобы все слышали, сказал:

– Несчастный Исмаил! Когда ты образумишься? Всю жизнь трещиши, как сухой бубен. Неужели петь песни ты считаешь делом, достойным серьезного мужчины?

Певец, нисколько не растерявшись, поднялся, спокойно погладил усы, которые он закладывал за уши (так они были длинны), и еще громче, чем богач, сказал:

– Верно, почтенный, я не бью плеткой никого. И ты имеешь основание считать меня несерьезным мужчиной. У тебя плетка, а у меня – песня. Я освещаю сердца, ты омрачаешь их. Так знай же: человек с песней – это всадник, а без нее он пеший! В твоей холодной душе не может гнездиться песня, так же как и доброта. Вот ты и есть тот пеший, которому за мной не угнаться» [Кулиев 1959: 6-7].

Диалог людей, враждебно настроенных друг к другу на почве их социального положения в обществе, окрашенный едкими сатирическими

нотками, народ сохранил в устном рассказе, который впоследствии использовал К. Кулиев. В идейно-тематическом и художественном отношении этот устный диалог, как и предыдущий рассказ, интересен тем, что в нем отражен механизм складывания литературного сатирического рассказа. Ввиду социальной актуальности и остроты конфликта, рассказ произвел эмоциональное воздействие на участников свадьбы и сохранился в народной памяти.

В фольклоре и литературах Северо-Кавказского региона бытуют мотивы бродячего древнегреческого сюжета о единственной овце. В русской лингвистической науке этот сюжет приводится А. Потебней как басенный. В дагестанском и северокавказском фольклоре и художественной литературе он приобрел вид притчи или устного юмористического рассказа. В сюжете Потебни богач, имеющий отару овец, зарезал для гостя-путника единственную овцу крестьянина [Потебня 1976: 467], в аварском – богач сам напросился, чтобы бедняк содержал свою овцу вместе с его отарой. Потом, услышав от богача, что его овечку растерзал волк, бедняк сказал:

– Мне жаль этого волка.
– Почему тебе жаль волка?
– Ох и трудно же, наверное, ему было отыскать среди двух тысяч твоих овец мою единственную овечку [Халидова 1974: 21].

Чеченский вариант: «Крестьянин отвел свою единственную козу к пастуху и оставил ее в отаре. Через несколько лет, увидев, что от нее нет приплода, крестьянин спросил у пастуха:

– Слушай, вспомни, сколько лет прошло с тех пор, как я женился. Ты ведь гулял на моей свадьбе?

– Да, наверное, года три прошло. А что?
– За эти три года моя жена успела родить трех сыновей. Неужели за это время моя коза не принесла ни одного козленка?

Пастух оправдывался тем, что стало много волков, что орлы тоже часто уносят козлят. Тогда крестьянин воскликнул:

– Странно, кто же им про мою метку сообщил?!» [Взаимосвязи... 1986: 62].

Такие устные рассказы выступают уникальным источником сюжетов для создания сатирико-юмористического литературного рассказа. Как видим, сюжет в каждом случае несколько видоизменен, сохранены только мотив единственной овцы и социальные ситуации, связанные с ней. В примере А. Потебни основной ориентир делается на обнаженность социальных аспектов, почти исключен юмор, в то время как в дагестанском и чеченском текстах эту обнаженность прикрывает чисто горский юмор иносказательной речи. Можно было бы отметить и ряд от-

личительных художественных моделей завуалированного выражения народной мысли.

В силу многочисленных интерпретаций в фольклоре и литературе такие сюжеты потеряли свою первичную фольклорность, под влиянием литературных обработок появилось множество вариантов как в фольклоре, так и в литературе. Выступая иногда как самостоятельные, образы стали ярче и конкретнее, а главное – приобрели национально-специфическую окраску.

На начальных стадиях формирования литературного сатирического рассказа наблюдались интерпретации и заимствования целых сюжетных ситуаций и образов устного народного творчества, т. е. «генетическая идентификация литературы с фольклором выражалась в заимствовании литературой фольклорных жанров, сюжетов и образов...» [Далгат 1981: 32]. Поиски в этом плане обнаруживают богатейшие источники не только в фольклоре рассматриваемого региона, но и во всей восточной и европейской классике. В литературе эти традиции обогащаются психологической мотивировкой современных тенденций жизни, приобретая в каждой национальной литературе свои специфические особенности. В адыгейской литературе это характерно, например, для образов С. Панеша. В рассказе «Скупец» [Панеш 1981: 174], где обрисован сатирический образ Гапура, невероятного скупца («...Если нужно раскурить трубку, он сначала расколет спичку ножом пополам, одну половину зажжет, а вторую спрячет обратно в коробок...»), автор приводит устный рассказ-легенду о разделе имущества между братьями после смерти отца, полностью подчинив ее идее и художественным целям литературного рассказа. Скупец при неожиданном появлении гостя лихорадочно прячет под кучей золы испеченную картошку, но гость, успевший заметить это, рассказывая легенду и показывая на кучу золы, как братья делили имущество, как бы случайно натыкается на картошку: «Из-под щипцов выкатилось несколько подрумяненных, ароматных картофелин». Аналогичные примеры мы могли бы найти в антирелигиозных рассказах Ю. Гереева, С. Панеша («Братья Шеваевы»), Х. Кациева («Ад и рай»), А. Ведзижева («Как я был в аду») и др. В них раскрывается атмосфера различных эпох, характер горца, отражается национальная специфика борьбы нового мышления с отсталостью.

Определенную лепту в формирование рассказа внесли сказки, рассказы, анекдоты, басни, заключающие в своей основе занимательные и аллегорические подтексты, полные юмора, иронии и сатиры. Обличительный или назидательный пафос таких повествовательных форм во многом способствовал рождению и формированию множества разновидностей литературного сатирического рассказа. Такой рассказ

представляет собой интерес в эстетико-художественном отношении, отличаясь, с одной стороны, лаконичностью, неожиданностью выхода из ситуации, с другой – вызывая у слушателей (читателей) сожаление, смех, иногда едкую насмешку.

Несколько примеров из различных жанров устной прозы. Притча: «В одном из горных аулов случился пожар: горел дом. Всем аулом, кто в чем таскали воду из единственного родника и тушили пожар. Заметили, как ласточка летит к роднику, набирает в клюв капли воды, прилетает к дому, где пожар, и, капнув свои капли, летит за следующей порцией воды. Люди спросили ее:

– Весь аул таскает воду и не может потушить пожар. Что сделают твои капельки?

– В этом доме мое гнездо. Кроме того, каждое утро хозяин слушал мои песни, – ответила ласточка»¹.

Детский рассказ: «Два мальчика украли петуха»: «Один мальчик, когда встречал хозяина краденого им петуха, постоянно убегал от него. Однажды хозяин остановил его и спросил: «Почему ты каждый раз, когда видишь меня, убегаешь?». Мальчик выпалил: «Я не крал твоего петуха!», а потом предупредил товарища: «Я видел того человека, у которого мы украли петуха. Он ничего не знает, смотри, ты его не бойся»².

Рассказ «Хромой телетлинец» построен на различии языковых моделей аварских диалектов, юмор заключен в самой ситуации: «Лошадь, испугавшись чего-то, сбросила с себя седока - хромого от рождения телетлинца. Оказавшиеся в том месте андийцы, думая, что он вывихнул ногу, схватили его за хрупкую ногу и принялись тянуть ее изо всех сил. Телетлинец завопил от боли и крикнул им: «Не тяните меня за ногу, я таким родился!», но андийцы, не понимая аварского языка, стали тянуть за ногу еще сильнее прежнего. К счастью хромого, вскоре подъехал человек, знавший и аварский и андийский языки. Он разъяснил андийцам их ошибку» [Книжка... 1899: 7].

Приведем рассказ, записанный П. К. Усларом, в котором отражена специфика горского уклада жизни: «У цудахарца в горах разбился осел. Каждый из аульчан приходил выразить соболезнование по этому поводу, и, естественно, хозяину всякий раз приходилось пересказывать, где, когда, как это случилось. Разозлившись на нескончаемые расспросы, он собрал весь джамаат аула, повел на то место и сказал: «Мой осел погиб, упав отсюда вниз, вон там разбился насмерть. Вы мне надоели

¹Записано нами в 1986 г. от М. Гайдарова, 1893 г.р. (с. Унцукуль, Унцукульский район ДАССР).

² В Дагестане устраивались петушиные состязания, в связи с чем крали петухов.

все, заставив меня пересказывать каждый раз, откуда он упал, когда как все случилось, а теперь сами можете все увидеть»¹.

Сатирические рассказы про служителей культа – наиболее распространенная разновидность жанра рассказа в фольклоре, однако недостаточно используемая в художественной литературе Северо-Кавказского региона. Между тем эти рассказы обладают типологической общностью своего генезиса.

Несколько примеров для сравнения. Чеченский народный рассказ «Дети и мулла» рисует характер муллы на основе специфики его жизненного уклада. Рассказ носит анекдотический характер, но ассоциируется с жизненными реалиями: «Мулле надоели дети своими расспросами, и он решил обмануть их: «Там внизу дают садакъа. Бегите, вам тоже дадут». Дети с шумом побежали, глядя на них, побежали и другие соседские дети. Увидев, что все дети бегут к этому месту, мулла подумал: может, действительно дают садакъа, и сам тоже побежал» [Услар 1888: 124].

По своей тематике, методике создания образной аллегории, использованию художественных средств тесно примыкает к вышеуказанному рассказу чечено-ингушский народный рассказ «Черт с зурной»: «Ходил черт с зурной через плечо, спросили у него: «Что это за зурна?». Черт ответил, что он на ней играет каждый раз, когда мулла дает милостыню бедным. А на вопрос: «Много ли он играл на ней?» черт ответил: «Живу я на свете девятьсот лет, но еще ни разу не издал на ней ни звука» [Мальсагов, Ошаев 1963: 19].

Сатирически острый этюд «Дай» и «на» («Да» и «нет») в различных вариациях бытует у народов Дагестана, Северного Кавказа и всего общекавказского региона, где как анекдот, где как сказка, где как новелла-рассказ, а где и как быль.

Черкесский вариант рассказа: «Мулла, возвращаясь ночью домой, завяз в болоте и не смог до утра выбраться из него. Утром некто, проходивший мимо, протянул мулле руку, чтобы вытащить его, и сказал «дай» (подразумевая руку. – А. А.). Мулла отказался. Бедняк не знал, как ему поступить, пока другой прохожий не посоветовал ему, протянув руку, сказать не «дай», а «на». Мулла тут же ухватился за руку и был вытащен из болота» [Караева 1961: 18].

Грузинский вариант рассказа под названием «Упрямая жена»: «Муж за упрямство бросил жену в реку с условием, что он вытащит ее из воды, если она скажет «да», но жена все твердила «нет». Когда же те-

¹ Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкоznание. Хюркилинский язык. С.340. Рукопись. (Хранится в научной библиотеке Дагестанского научного центра РАН).

чение унесло ее, муж пожалел и побежал по течению реки вниз, чтобы вытащили ее, но не нашел. Случайно оказавшийся на мосту чабан, вникнув в суть дела, посоветовал ему: «Не там ты ищешь ее. Тебе надо идти вверх, против течения воды, вон к тому мосту; такая жена разве по течению пойдет...»¹.

Подведем итоги. Приведенные рассказы по идее, приемам создания отрицательных образов идентичны. В рассказе «Дай» и «на» народ в образе муллы выделил одну черту: жадность, доходящую до абсурда. Нет сопутствующих, разъясняющих характер моментов, но, как понимает народ; он другим не может быть: природа ремесла муллы четко вписывается в эпизод этого рассказа, как и рассказа «Мулла и дети». Первейшая заповедь муллы – только получать, но не отдавать – раскрывается в игре слов «дай» и «на» и заключает в себе множество градаций: от легкой иронии до едкого сарказма. А идея, вложенная в короткий метафоричный рассказ «Черт с зурной», выходит за грань показа одной только жадности муллы. В черкесском рассказе мулла был конкретным, единичным и поэтому несколько индивидуализированным, а здесь единой чертой характера объединены все муллы всех времен, а черт – постоянный свидетель их жадности – вынужден ждать веками, пока мулла исполнит первейшую заповедь мусульманина – «дать милостыню бедным». Зурна, хоть и символ веселья, обречена на вечное молчание.

Устный рассказ по своей жанровой природе – это одна из форм проявления общественного сознания народа. Диалектика развития непременно приводит его к традиции художественного индивидуального творчества, так как «под устными рассказами можно понимать и весьма обширную область речевой практики» [Азбелев 1964: 133]. Потенциальные возможности использования устных сатирических рассказов в литературе практически неисчерпаемы, ибо они чрезвычайно распространены и бытуют у всех народов во всех сферах человеческой жизни, обогащая литературу сюжетами, образами, мотивами, выразительностью народной речи и плодотворно влияя на ее художественные качества. Через народный юмор, иронию и сатиру художники слова выражают сущность довольно сложных явлений в обществе.

Опираясь на изобличительные, сатирические традиции фольклора, на их демократические начала, писатели-сатирики создавали идеино заостренные, социально и нравственно насыщенные произведения – Х. Авшалумов, И. Ибрагимов в Дагестане; Э. Гуртуев, Х. Каци-

¹ См.: «Грузинский народный юмор». Тбилиси, 1967.

ев в Кабардино-Балкарии; А. Коцоев – в Северной Осетии; С. Бациев в Чечено-Ингушетии; И. Хубиев, И. Каракотов в Карачаево-Черкесии; С. Панеш в Адыгее; Д. Гулиа в Абхазии и т. д.

Благотворное воздействие на развитие сатирического рассказа Дагестана и Северного Кавказа оказывает и современный фольклор, который широко используется в индивидуальном творчестве писателей и активно входит в литературно-художественную традицию. Воздерживаясь от окончательных оценок, отметим лишь, что на принципах широкого использования жанра устного рассказа построены сборники рассказов дагестанских и северокавказских авторов – П. Пашаева («Хабары про Акул-Али», 1964), И. Вагабова («Чудеса Кусы», 1965); Х. Кацнева («Насмешник Омар», 1969), И. Хубиева («Рассказы Алана», 1977), А. Абу-Бакара («Горцы на досуге», 1979), Э. Гуртуева («Точь-в-точь, как в жизни», 1980), С. Панеша («Букет колючек», 1981), М. Бутаева («Куркли смеется», 1981) и ряда других, воспринявших богатый опыт современного устного народного сатирико-юмористического рассказа, еще не изученного нашими исследователями.

Потенциал народного сатирического (юмористического) рассказа неисчерпаем. Только отгремели военные события в Ботлихском районе, как по следу появились рассказы, по своему смыслу и содержанию характеризующие отрицательные черты в человеке. Вот свежие записи («Корова»): «Андиец через перевал оказался на чеченской плоскости, встретил своего бывшего (до войны) кунака и, не слезая с коня (по обычаям горцев, чтобы поздороваться, надо слезать с коня. – А.А.), поздоровался с ним. Видя, что кунак расстроен чем-то, андиец спросил: «Что случилось с тобой?». В ответ тот сказал, что, пользуясь войной и бесконтрольностью властей, засеял на трех гектарах пшеницу, но нет дождей, засуха кругом. Чему же ему радоваться? Андиец посоветовал ему смыть с себя грехи: молиться и просить дождя у Аллаха. Через неделю они опять встретились и андиец спрашивает: «Ну как был дождь?»

– Всю неделю молился, просил. Дождя не было.

– У тебя, наверное, много грехов. Зарежь корову и раздай садакъя.

Прошла еще неделя, кунаки опять встретились на вопрос андийца кунак ответил:

– Молюсь, корову тоже зарезал и садакъя раздал. В Дагестане дождь пошел, у нас – ни капли.

Андиец сказал ему, что у него, наверное очень много грехов и посоветовал зарезать еще одну корову и раздать садакъя.

Когда они встретились вновь, кунак сказал, что вторую корову тоже раздал, но дождь почему-то пошел в Осетии. Андиец на это сказал:

— Я, лъачи (обращение. — А.А.), я же тебе говорил свою корову резать. Садакъа идет туда, откуда «родом» корова»¹. Будем благородны: не будем комментировать сюжет.

Таким образом, сатирический рассказ в литературах народов Дагестана и Северного Кавказа как жанр не только генетически восходит к устной народной прозе, но и сохраняет непосредственную связь с бытующими формами устного традиционного и современного повествовательного фольклора. «Эта связь может быть и неосознанной, но воздействие устной повествовательной практики конкретной эпохи, определенной этнической и социальной среды всегда можно проследить в творчестве любого писателя. Речь идет не только о словарном и стилевом влиянии, но и об идеином, тематическом и, главное, жанрово-типологическом, что особенно важно подчеркнуть» [Шубин 1974: 172].

Современный северокавказский литературный сатирико-юмористический рассказ формировался в типологически близких условиях и на богатом фольклорном материале, оказывающем постоянное воздействие на его идеино-тематические и художественно-эстетические качества. Интенсивно развивающийся на основе взаимодействия и взаимообогащения, он представляет собой своеобразный синтез национальной фольклорной традиции и художественной практики индивидуального творчества, носит характерологические черты общерегиональной эстетической культуры. В становлении этого процесса значительную роль сыграл уровень развития устной сатиры в фольклоре народов Дагестана и Северного Кавказа, «на этноязыковой карте которого зафиксировано пестрое множество зональных образований со свойственной каждому из них историко-генетической, социально-экономической, национально-культурной общностью развития» [Гамзатов 1986: 14].

Литература

Азбелев 1964: Азбелев С. Современные устные рассказы. Проблемы современного народного творчества // Русский фольклор. М.; Л., 1964. Т. 9.

Взаимосвязи фольклора и литературы народов Дагестана. Махачкала, 1986.

Гамзатов 1969: Гамзатов Р. Собр. соч.: В 3-х т. М., 1969. Т. 3.

Гамзатов 1986: Гамзатов Г.Г. Преодоление. Становление. Обновление. На путях формирования дагестанской советской литературы. Махачкала, 1986. С. 14.

¹ Записано в 2000 г. от М.А. Агларова.

Гафуров 1977: Гафуров А. «Абуталиб сказал...». М., 1977.

Далгат 1981: Далгат У.Б. Литература и фольклор. Теоретические аспекты. М., 1981.

Караева 1961: Караева А.М. О фольклорном наследии карачаево-балкарского народа. Черкесск, 1961.

Книжка для чтения. Казань, 1899. На авар. и рус. яз.

Кулиев 1959: Кулиев К. Время и песни. Балкарская народная лирика. Нальчик, 1959.

Мальсагов 1963: Мальсагов Д.Д., Ошаев Х.Д. Устное поэтическое творчество чечено-ингушского народа. Очерк истории чечено-ингушской литературы. Грозный, 1963.

Панеш 1981: Панеш С. Букет колючек. М., 1981.

Потебня 1976: Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М., 1976.

Халидова 1974: Халидова М.Р. Малые дидактические жанры аварского фольклора. Махачкала, 1974.

Услар 1888: Услар. П.К. Этнография Кавказа. Языкоznание. Т.2; Чеченский язык. Тифлис, 1888.

Шубин 1974: Шубин Э.А. Современный русский рассказ. Л., 1974.

В. А. КӘАГӘАНИА

АСАЗҚӘА ИРЫЗКУ АТӨУРЫХТӘ ЖӘАБЖЬ

(Алагалажәеи анцамтәеи)

50 шықәса инеиханы иңоз Кавказтәи аибашьра 1864 шықәсазы уағеимшхарала ианхыркәшаха ашхарыуа жәларқәа рзы, нағыннатә аахыс изқәынхоз рыдгыыл гәакъа ааныжыны, аубыхқәа реиңш, мшыннырцәка (Уасмантәылақа) ишхәйіпкыз ахцәара зқәашьхаз иреиуахеит асазқәагы.

Изустцәадаз асазқәа? Иабанхоз дара ұызтүпла? Етникатә хылтц-штыралагъ изеиуадаз?

Ажәйтә хылтхыртақәа рәғы санығаа ҳәа зызбахә ҳәоу асазқәа¹ нхон инықәырпшәа азиасқәа Бзыпи Хәастеи ирыбжъанакыз атқырадгыыл ақны – Амшын Еиқәа агаға инаркны Кавказтәи ашхарпқәа рәғынза.

Асазқәа ртәыла Сазны – Апсын хәычы ҳәа иашьтан.

Хәара атакны иқам, асазқәа шыала-дала, хылтштырала иаңсыуаан, аңсуаан дареи бызшәала сса-мыссаатә еиғарақәак рыман умхәозар. Уи азцаара далацәажәауа, иналукааша кавказтцаа Ш. Д. Инал-иңа гәйәфбарак имамкәа ифуеит: «Они (садзы. – В.К.ә.) представляли собой значительную часть в составе абхазской этнической общности со своими существенными языковыми и этнокультурными особенностями, вытекавшими из их промежуточного положения между остальными абхазоязычными группами, с одной стороны, убыхами и адигами, с другой» [Инал-иңа 1995: 9].

Асазшәа аңсуа бызшәа адиалектқәа иреиуан ҳәа азипхъазоит Ҭыркәтәила ицаны амхаңыраа рхылтштыртақәа ирыеңәажәан аматериал шыхә еидызкылахьоу абызшәаңцааң нага В. А. Чирикба [Чирикба 1995: 262].

Асазқәа абшыртала, биңара-биңаралагъреениөршон. Сазштыртақәоуп ҳәа ипхъазатәуп: чыуаа, тәңиңаа, ахчыңсаа, аибгаа, самаххәа уб. егъ. Асазқәа рыбжъара реалтыркаауан ашықастауаан (амшын агаға инаркны ағағанзаиқәынхоз) ашхаруаан (ашхаранағанхоз). Хылтцысаа

¹ Ақыртуда хылтхыртақәа рәғы – Җыықъаа // Җыгъатәа.

// хлыцсаа ҳәа ирышытән ақьақьарағ инхоз асазқәа,¹ Мөйдаа,² ҳәа – ашъхарпқәа ирәнхоз (ахчыцсаа, аибгаа). «По всей видимости, – изагәеит онт В. А. Чирекба, – название ахалтыс топонимического происхождения и, согласно описаниям (турецких. – В. К.). садзов, относилось к узкой теснине, расширяющейся к морю на прежнем местожительстве садзов, где-то в районе Хоста-Гагра» [Иарауа: 271–272].

Асазқәа ртып иахыцаанза хыпхъазарала 12-16 нызқьфык иреицамызт [Анчабадзе 1984: 146]. Маатера, ма аибашьра ҳәа рәапхъа азцаара анықәгыла, аубыхқәагь даргыы иалырхит афбатәи: бүларла рееибытән аурыс хәцәнамырха иәагылт, ашъа ғәгәагь картәеит, аха еиәагылаз амчқәа еиқарагәышьамызт... Шәшызынтықу нхара ҳәа Қебина апшашәахы шәылбаароуп, мап анакәха, шәыхцәаны Ҧырқәтәылака шәықәтцроуп ҳәа адца анықәиргыла рымч змырхаз аға, амәгәшхәа италар ааста мшыннырцә алырхит асаз жәлар, мышкызыны ҳқаптақәа ҳашпарызхымлари ҳәа агәыгра рыманы. Кавказтәи аибашьра иааирала ахыркәшара иазкыз аурыс ир рпарад ахымоапгаз асазқәа рыдгыл ағы ауп – Гәыбаадәи (Хышәх) ҳәа апсуаа зыштыу (иахъа Краснаиа полиана ахъзуп). Уи иағьеилкаауп: Кавказтәи аибашьрағ атыхәтәанынза ағагылара қаззаз аубыхқәеи асазқәеи роуп.

Иахъа асазқәа ңсақъаны апсылман ҳәынтқаррақәа, еиҳарал Ҧырқәтәыла [Дзидзария 1955], ирылапсоуп, егърыгым егъырт амилатқәа ирылаззарц. Баша имхәеит Б. Шынқәба ироман «Ацынцәарах» ала «Зыпсадгыл зцәзызыз, зегъы ицәзызуеит» ҳәа...

Асазқәа ртоурых, ретнокультуратә дунеи атцаара рәазыршәахъеит, уимоу инеимцарк-ааимтцаркхъеит азәирө – аруаа, атоурыхтцаафцәа, аетнографцәа, афилологцәа (С. Җ. Ажәанба, Л. И. Лиуле, А. В. Фадеев, Л. И. Лавров, Н. Г. Волкова, Гь. А. Зизария, З. В. Анчабазе, Хә. С. Бәжәба ухъаа уб. азә.).

Ш. Д. Инал-ипа 1995 шықәсазы итыңыз «Асазқәа. Атоурых-етнографиятә очерккәә» захъзу иусумтала акыр ишъақәициалеит зызбахә ҳамоу атема. Аха, иага ус акәзаргыы, асазқәа ирыдхәалоу атцаара гәыюбарак ацымкәа ган рацәала избоуп ҳәа өығәгәала ахәара уадауп. Хара ицо алкаақәа рықацаразы, атцаарақәа инарымаданы, апшараракәа ирыццатәуп абызшәатә, афольклортә

¹ Машәиршәа иқалеит узхәом ашәкәыссы Д. Зантария асазқәа иреиуаз атауад лаша Гъечба Рашиыт (иахъынра ықан Ҧсоу нырцә, иахъа Веселое ҳәа изыштыу Урыстәыла атакырадгыл ағы) изку ажәабжы «Хылтысаа раҳ» ҳәа ахъахъизит.

² Аурыс хытхыртакәа рәғы – медовеевцы.

материалқәа реизгара аганахъала, еиҳарак – Җырқәтәылан, асазқәа үгембизиам-бзиам иахъа ртып ылхны иахъынхо-иахъынцуа.

Асазқәа ртоурых азы иҳамоу адыррақәа мачк иадамзаргыы иханартәаая үйисшыоит абрақа архыаф идызгало афольклортә хырхарта змоу аматериал. Уи анысцеит 1997 шыққасы Ақеа, занатла ирцау Евдакына Мурағ-иңх Җарба (дииит 1934 ш.) илхәамтаны. Излеилкаахаз ала, аинформант ланду хылтшытрана сатыпхан, ақера дугъ нылтцит – 120 шыққаса дырттысъан лыпстазаара даналтуауз.

Кавказтәи аибашъра ахырқәшамтаз Ағсни Сазни ишъақәгылаз ауаажәлларра-политикатә ҭагылазаашьеи уи ахъя-пәкъақәеи ҳарғыланарпшыеит ажәабжъ. Арақа асазқәа «рхәынтқарра хәыч» аиәкаашъа аганқәак ирылацәажәоуп, ирзаатғылоуп асазжәлақәа. Ағсуааи асазқәеи реижърацәара, бызшәалеи күлтүралеи ракзаара ҳайлнаркауаны избоит ахәамта. Хәтакахъала уи артцабыргуеит «Радеда» ашәа зхылтцыз ҳәа ажәабжъхәаф иаалго асазқәа рлегенда. Уи алегенда үгельдә ирыққөнатуеит «Радеда» ахылтшытрана изку ағсуаа рфольклортә материалқәагы.

Азбахә үәиргоуп ҳантамтағы ағсуаа рзы ибғаптәаган иқалаз Лыхынтыәи (1866 шыққасытәи) бүйаршытыхлатәи ақәгылара дугъы. Иазгәататәны избо – еиңаҳәоу ахтысқәеи уи азы иаадыруа атоурыхтә документқәеи еиғағыло иқам, уимоу еиқәеыртүеит, үйара-үйара ихеибартәаауеит [Чачхалиа 2002: 158]. Архыаф дазәлымхамхарц залшом амҳаңырцәа атәым жәбанағтәи рыпстазаара атәы зныпшуа ақәаҳәақәагы.

Ажәабжъ ағы зызбахә үәиргоу атоурыхтә хәесахъақәа (Ағсны ах Махмұтбеи Чачба, уи ипа Гъаргъ Чачба, аамстаңа Кац Маан, Җада Лакрба) ракәзаргыы, атоурыхтә ҭабырг иадыруа роуп, ирыххәаау ажәагыы аиаша иатәыштруоп ҳәа агәыгра ҳамоуп.

Алитетатура

Анчабадзе 1984: Анчабадзе Ю. Д. Абаза (К этнокультурной истории народов Северо-Западного Кавказа) // Кавказский этнографический сборник. Вып. VIII. М., 1984.

Дзидзария 1955: Дзидзария Г. А. Восстание 1866 года в Абхазии. Сухуми, 1955.

Инал-ипа 1995: Инал-ипа Ш. Д. Садзы. Историко-этнографические очерки. М., 1995.

Чачхалиа 2002: Чачхалиа Д. Джигетия на политической и этнографической карте Абхазии // Боденштедт. По Большой и Малой Абхазии. О Черкесии. М., 2002.

Чирикба 1995: Чирикба В. А. Расселение абхазов в Турции // Инал-ипа Ш. Д. Садзы. Историко-этнографические очерки. М., 1995.

***

Санду сазтыпхан. Уи излалхөөз ала, асазқәа уаацәгъяқәан, ауаюра рылазымзт. Асазуажә ҳәа акөын ишрышьтаз арахь иқаз апсуаа. Ҳара, асазқәа, ахғыры джамамызт, ахәынтқаргыры джамамызт, азәгъы иматцура ҳтамызт, апзыза далхөн акөымзар, лхәит. Ус ишнеиуаз, убырт апзызацәа иааины иааххагыллеит, лхәит. Икәша-мыкәша иқаз ахы ритон апзыза – инапатцаға иқалит. Асажәлақәа ҳа илхөөз: Чыргаа, Ацанаа, Гъечаа, Амаршъянқәа, Арандраа (апзызацәа иреиуан, лхәит), Ахаяа, Цәымцаа, Бағаа, Хышаа, Еңәккыысаа (рыбжафык Нхытқа икоуп, рыбжафык Отраа роуп, рыбжафык Еныкъаа роуп).

... Ҳамыттаа – убыхқәан. Санду аубла лхәазомзт, аупых лхәон. Аубла – жәлан, лхәит. «Аубла ҭыпхадааугазшәа узырччои?» – ҳа лхәалон. Аублаа ртыпхәцаа аөнүхәса бзиақәа рылтцуан, лхәит.

Маан Кац апзызацәа дреиуан. Уи арахь, Бзып аарцә, дынхон, лхәит.

Санду лаб Къагәса ихъзын, уи иаб Лыбад ихъзын. Саб дара амал иман, лхәит – зқыры аазаны, шәкү абна илайцон. Кац Маан даниы, лхәит, ауаа агәаран иқәгылан аазара игаразы. Аха зегъ антырцаа, – ахәчү диаанза аазара иаҳәозаарын ҭауади-аамстөи рөи, – зегъ анеиликаа иаб, сабду далихит. Дааргейт, драазеит Кац. Ахысшыа, ашәарацашыа, аеыбгәкәзара – зегъы идырцеит.

Аамстөи-ҭауади газазымзт, лхәит, рыңкәын дыркыынцыңы драазар, апстазаарағы лазара имамкәа, акы дапсамкәа дқалон. Уи азоуп рыхшара анхацәа изрыртоз. Саб, Кац ишъапгыры хитуан, ақәылдгы иеенцон... – дүйабаңыафыны драазаразакәын анхағы дызиртоз.

Кац апацәа хөйк иман: Маан Қамлат, Маан Титу, егъи ихъз схаштит, – убырт өышкылкыюцәас сашьцәа рыман, лхәит. Ианөыжәлоз ирыңеүжәлозар акәхарын.

Асазқәа зегъ рапхья мхаңырра ацара ҳақәшәеит, лхәит. Кац иңкәынцәа андәйкәла мхаңырра (Кац Маан хылтшытрана дсазын, амала, ашътахь дхытын, абрахь, Ҳәәпқа, даанагит), сара Атар шәүюны саанагит, лхәит, абра сшықаз амхаңырра қалит. Сани саби ңсхъан, сашьцәа өңүца – Басиати Қди – Маанаа ирыңы иңеит мхаңырра.

Сара сцәыуон, саб итып қынтаҗәтүпхома ҳа, лхәит. Лашьцәа уа иаанхит, лаб иаша ипацәа хынхәнәи иааит, уа алғацә ғарыштыуан.

Абасоуп санду илхәуа асазқәа рзы.

...Усқан са стыпхан, лхәит. Гагра амба үшәа ықан, убра икны ҳылан...

Лара излалхәоз ала, лашьцәагь аурис иәагылан еибашьуан.

«Нану, шәхала ишәтәхны мхаңырра шәцама?» ҳа санлазцаалак, «Мамо, нан, ҳара аурис ҳиабашьуан», лхәит.

Уи ахчыпсаагы лдыруан, мөйдаагы лдыруан. (Дара асазқәагы бипарала-бипарала иқан.)

Аурисқәа Аңсны алалаша рыздыромзт, лхәит. Асазқәа ртәылахь анеира даара ицәгъын, амба ықазымзт. Мшынла рәаархар, егырт қылатәан иршыуан, лхәит. Ашьтахъ, асазқәа րгәыреанзымкәа атшәарала рәаархт агацәа. Уигъ қазца асазқәа роуп – иртүит иқалоз рзымдырзыкәа. Рытәқәа рылоума, абазинқәа рылоума – чархәарыла иқалит, амба ддырбит. Ашыа убриақара катәит, лхәит, уарзысон. Асаз ишәаңыхәа ықамкәа, икъоу зәһө ықамкәа амшын инхылан ицеит. Уаха псыхәа рымамзт, иахынзахәоз еибашьит, аха Аңсын ду рыйымгылт. Аңснытәи ах, инапацақа иқазымзт асазқәа. Аңснытә ах, аурис ир аниаҳәтахая дгәаран, лхәит. Асазқәеи аупыхцәеи еидгылан аурис иабашьуан, лхәит.

Мхаңырра ҳанцоз, лхәит, ахәхәацәа ҳалан (лашьцәа Маан Кац иңкәйнцәа ирыццахъан) аурисқәа ааут, шәыршыот ҳа. Са стацаны саарган – хымзә тцуан. Ҳая-ҳшәацъ зегъы ҳақәцны ҳцеит, лхәит. Агаәахъ ҳқылсит...

Ҳа ҳаннанагаз [Тыркәтәыла] цәхәырран, азқәа ҭабаан, адағықәа ҭан. Азыша ҳанакы, иқаҳдози – иахжәит, лхәит.

Санду цәгъала ашәыр бзия илбон. Атырқәа пхәыис лымжәа хыхәан икоуп, амни сеилаҳаит. Сбызхахот, сбызсот, напык амжәа сыбтозар ҳа схәит, лхәит. Махәык акәын сызқәйтүлтәыз, – санду цәгъала деибаган, – афырхә егыи амакәгъы ласыршәшәеит. Дыңәхан-егъин, аха ағылымхәит, санхәагын напык азна лзаазгит, лхәит.

...Агәәкра цәгъа ҳақәшәан ҳақан санхәеи сареи. Саннеи Тыркәтәыла, сцәастәымкәа сқалит. Бабду драпын, ҭарак иман, дыркүйнцыңы даазан. Акрура закәыз издүрзомзт. Сабхәа иаша архәыис диман, ахшара дрымазымзт. Сабду иакәын хшарас изықәгәыгүаз. Сабхәа иаша ипхәыис лпапса дықан. Сабхәа иаша дцон иахъа апсызкәа дрыцхраон. Уаха данаауаз чабаба хык, чабаба хык иман дааон.

Казарма дук ҳаңан, лхәит. Ашъаршыафқәа рыла еиқаа-еиқааны иқаҳдит. Дәрыпшынтә инеиз Атари Лакаан ҳайланхон...

Уахык, сыйшын, сабхәа иаша чабаба дук ааигит, аха ҳара егъхәимтазит. Бабдугын уа диоуп, шәкәык дағхъот, лхәит. Ҳауеишъара

иреиуаз азәдааит. «Крышәымфазои?» – ҳа лхан, «Иахфагәышьои – ача ҳамазым?!» – сәйт. «Аат, анышә быжны бастаат Гәүин-пәх (үи санду ланхәа лакәын), Бырмышаа рыңкәын ҳара дхазараны ҳзыркен, бнеини бабхәа иашьа иабымхәо ача шшәрымтаз!» – ҳа лхәйт, лхәйт.

Санду ланхәа, дыңхашаңхатцо, ипхәыс ләы днеин:

– Уаха ак ҳашәымтө, – лхәйт.

– Схата псызкра дзымцар, ача изаамгар, сыйкәын иәасцои? – ҳа лхәйт.

Лара уатәтәи ахәы лтәахот, ҳара крымфазакәа ҳтәоуп. Нас ани апхәыс инеиз иалхәйт. Ача рымхны иҳаитит. Уинахыс ача афны иманы данааниуаз, иахарак ҳара иаахайтон, лхәйт, егъи – анахъ игон.

Амала сабду гәнахарак қаңцит. (Үи саргыы сахаануп.) Ҳабиپара Атар, атәцәа рымазаарын, (ишрыднагала сыйздыром). Уахык, лхәйт, ифагылан, руезаны аамстак итааит. Нас, лабхәа иашьа иоума -егъиума, – үи ла дахаанзым, аха илхәөт, – дрыштылан дцеит. Дахнеиз, [аамста] рыхә ишәеит, өадак аидараңа әмал ииңет хыхъ ҹәыннак дақәыртәаны. Ачкәын джыңзәа дыңан, диманы дааит. Егъырт, атәцәа, сасра иахнеиз уа иаанхит, анкъа ус иңан. Абри ачкәын, лхәйт, атә, 30 шыкәса анихыңлакы апхәыс дизааугар акәын. Ажәхъак лыхтынцаны апхәыс дизаалгит. (Үи санхәа илхәон ҳауп илхәо.) Данизаалга, дтацоуп, дрыңхауп, лхан (ашыржы, лхәы уны иқәырғыланы иаалгалар акәзаарын), – дрыңынхон дара ахынхоз, – ғымшәа-хымшәа саалпенпшп ҳа сән, лхәйт анхәа – санду ланхәа, саб ианду; хымшәа аатцуаны, ахратәра еиқәыргеит, лхәйт. Аригыы доуҳаштыр акәхеит, лхәйт. Ушытә ҳамаң лымуа далагт. Сыжәгы лалаз иңеит ҳа лхәйт, лхәйт. Нас, адгыыл иаҳтан, дынхархит. (Рааигәара дынхон.)

Ари, ҳөйнәхан Җыркәтәыла ҳанца, лхәйт (бабду есымша ацәымт өиңш игәы ишалаз дыңсит), уа ахратәра еиқәыгамзт – ауаа үтиир қалон. Санду ланхәа атәцәа лыман, Ғәатаса ҳа ирыжәлан, Қәацаа ҳаңг илыман. Сабду рыңха аус изымуа-егъиуа даныкәх (излархәоз ала, мариикк иакәын), дмаризар акәхарын апстазаараөы.

Амни, жәхъак зыхтынцаны иааргаз, аңеи апхәи лхылтцит. Сабду убри илхылтызыз азғаб хәчы дитиизаап убра Җыркәтәылан, ихы изныкәымго даналага. Лашьа дыхәчны дыңан, арахъ, Аңсныңа, дааит. Уажә ихоуцо – убри ҳафны дааион.

Абас бабду иңаңцит, игәы иалан, лхәйт.

Өнак афны дааит Гыңы – убри ииңиз лашьа. Иааңыриган саҳәшьа Җыркәтәыла дшысцәызыз ҳа... Убыс саргыы сгәы иалсит...

* * *

Апсуаа анықәгыла 1866 шықәсазы, саргыы Лыхнашта сыйкан, хатса смаазыцызт, лхәйт санду. (Лара излалхәо ала, Маан Каңғызы дықан. Уи аурысқәа дышрыдғылаз, агенералра ширтәз, даахәнны нас дырөыгыло далагт, лхәйт.) Саргыы саб дызхаазалаз азғабцәа сырхыпшны снейт, лхәйт. Апсны ахы атыхә зегъ еизет, лхәйт. Уа асазқәа алазымзт, лара излалхәо ала, мхаңырра ицахъан, шықәсый ақра тцуан.

Ани Маан Каң ичкәынцәа цеит Җырқәтәылақа, аха иара даанханы дықан, ипхәцәа ақан. Ипхә Лакыр Мырзақан диман. Уи нанду дылхаазалан, аибабара рыбжъан.

Хаха-хымш апсуаа еизаны итәан, лхәйт, икәгылан ицәажәон, ицәажәон. Нас, ани аурысдаақәгылан, ацәажәарадалагт, лхәйт. Аиңагағ дықан, еитеиго далагт. Аиңагағ провокациан ихәоу-егыну сыйздыром, — аиңагағ Җырғыман-ипа иакөйн, уи ах иганағ дынхон, — абас ихәйт ҳа еитеигот: «Апсуа ҳәсақәа аиқәа рыштарымцароуп» ҳа. (Атырқәцәа ашараварқәа рыштарымцози, убри азы ихәазар қалап.) Абри анихәа, Какәчал ипак дықан: «Аа, зыңсгызы-зыбзагы еиңазгаз аурыс ҳәынтқар, сапынкыраказ ихәынтқархаз!.. Апхәыс илыкшаз үқазар, ухыс!..» — ҳа ихәан, апхъа ахысра аахиртит. Нас ақәкәаҳа илеилартт.

Гъарғы Чачба 18 шықәса ихыпцуан, убасқан ахас дықәдышылт. Иаб дыңсхъан — Ахмытбеи. Ахра идиқылоу-идимкылоу — уи [атәй] акымзарак лыздырзом. Гъарғы дықәгылент ажәлар рәапхъа. Ихәон, аха ииҳәоз захаяудаз! «Икашәымцан, ҳдаракәаң шәырзот!..» — ҳа ахәхәара дағын.

«Уаргы аурысқәа урыдгылott!» — ҳа рхәан, ижәлпейт, лхәйт. Арахь — аурысқәа иара дыршыуа иалагт. Лакыр Җада ҳа Дәырпш дықан (санду мхаңыррантә ҳаазгаз иара иоуп ҳа лхәон), апқаға ашытхъала Гъарғы диманы мөахәастамацарапала Дәырпш диган, хаха-хымш уа дңәахны дрыман. Аурысқәа ишьтан.

Абри зегъ зхароу атырғыман иоуп, лхәйт.

Мхаңырра ҳаннеи, өеи шықамыз ҳбит, лхәйт. Аказарма ҳаткатәан. Ҳара азыхъқәа ҳрыштылан, афатә бзия анхмоу, амгәахъ қалит, ауаа анцәара иалагт. Саргыы апхә хәчы дсоут, лхәйт. Санду ланхәа лытәцәагы хәчык дроун, сара стәгъы дааштұхны драазит.

Нас Лакыр Җада апсызкәа драцәажәан, лхәйт, аусурта рыртет. Ицан аус руа, апарақәа еизырго, — иахъа ҭаацәек ааиштыон, уатәи — ҭаацәек. Ара, Апсны, ианызхыргалагы (өынла ҳаарыштызомзт, уахынла мацара ҳазхыцт) рыңынжәқәа ирыңоналон. Абас Дәырпш зхы лахаз, зтыхә лахаз азәызатәык амхәңырра днымхазықәа ианааишт, иаргыы дааит.

Абриақара абзия қазцаз иңыхтәе пшзамхт: иңа иңа 37 шықәсазы ддүрзит, еғи, арра дырган, уа дтәхеит.

* * *

Ақъақъарахъ иңаз асазқәа ҳреиуан, лхәйт санду. Са санлыхъза санду, 120 шықәса лхығуан. «Ақәеи» лхәон «ақәа» азы, «лабы» лхәон «алаба» азы, «слыб ду аашъұхны» лхәон, «Ашхәтә» ҳамхәои ҳарт, лара – «аңшхәтә» ҳа акәын ишылхәоз.

«Нанду, бқәаша анкъа шәшыкәашоз», – анаххәалак, акәашара далағон. Абыржә Ҧырқәтәыла икоу аңсуаа шықәашо умбахъеи – лыштыңахъ лнапқәа қалтқон, «са сыхшыуп, сыхшыуп», – лхәон.

Асазқәа анцәажәоз, изуеилымкаарц ак бжъадыргылон «кака-фака» ҳа акәу, «нака-фака» ҳа акәу. Абааңсра анықартцо, «дына» бжъадыргылон: «Бдынеи сдынеи дынарала иахцаз, иааргаз излардыно...» ҳа абас акы лхәақәон.

Санду «Радеда» ашәа лхәон. Уи зыхкъазгы салхәт, асазқәа рәоуп иахықала, лхәйт...

«Уаа хәрензе-е фе-ензероу,
Уа, ари атаца – ҭаца мшы,
Дыззаргуда дизымшны...» –

ари акәын иаххәоз, лхәйт. Са схааноп «Радеда» анықала, лхәйт. Радеи Дедеи, аңқәыни азғаби, бзия еибабон. Аңқәын аибашъра дахцаз, дтәхит. Азғаб дизхәаны дықан, ачарагъ ағхәара пцәаны иқан, ианлархәа – лхатца дрыманы ишааоз, дырпылпейт лара, Рада. Днеини даагәалтан, данынихәапш, иапхъала ахы иқәшәан дықан. Ларгъы, ахәшә лымазаарын, убраңәка лөүлшыит. Нас, Бзып аарцәка акәын дахеибашъоз, Бзып хыъеаны ицион, ирзыргомзт. Ари лан ианлаха, – «Диида, Рада диида!...» – ҳа дыхәхәо дцон. Изахаз зегъы «Рада – диида» ҳа иштырхт.

«Радеда» ашәа зны мыткәмандоуп изцәырц, Рада лоуп изыхъя, лхәйт.

«Кац дызмыхәаз Уазбақъ ахатца» ҳа лхәон. Уазбақъ асазуаа дреиуан, лхәйт. Кацубриақра илеишшәа цәгын – зегъ ҳицәшәон. Сансицәлпиршәон «Кац даауеит» ҳа. Исарақъ рқъақъа ду ихатданы днықәон Кац Маан. Рапхъа аурысқәа роуп аинралра изтаз, аха нас атырқәцәа дрыдгылт. Уазбақъ анхаңа ахатца дреиуан, Кац ғырззегъ имагәшшәа итарғылан иман. Аха Уазбақъ дихатғыломзт, иихәо қаитцомзт. Уазбақъ иңсы штаз ашәа изапырцент.

Ашъхауаа ракәын зегъ реихә икәашоз, лхәит санду. Ахчыңсаа цәгъала ибзиан икәашон. Ҳара, ақъақъарахъ иқаз, адгыыл ҳаққаарыхуан, ахәңцахъ иқаз арың ахаадрыхоз ырмазамзт, рахәын-шәахәын рнапы злакыз; иахъахәлаанза ргәы өытъуан ацъмақәа иахърыңыз, арепетициа днарқатцон – акәашара иналагон. Ҳара акәашаха ҳамамызт, абамба лаҳцон, ҳсон, лхәит. Псхәаа зегъ реихә икәашон, лхәит.

Д. В. СОКАЕВА
(г. Владикавказ)

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ОБРЯДА И ФОЛЬКЛОРНОГО ТЕКСТА (МОТИВ «СТРЕЛЬБЫ В ЦЕЛЬ»)

Вопрос соотношения обряда и фольклора остро обозначен и в наше время. Но четкого ответа на вопрос нет, причем некоторые ученые считают его вопросом наподобие вопроса о том, что же раньше появилось, яйцо или курица.

Мы в своем небольшом исследовании идем от материала, а именно, от русской волшебной сказки на сюжет 545B* и устного рассказа об уходе холеры/чумы осетинского фольклора.

Несмотря на то, что возникает искушение объяснить сходство структур в осетинском и русском фольклоре общей индоевропейской основой, мы, не исключая и этот генетический фактор, полагаем, что рассматриваемая структура встречается и в фольклоре народов других мифологических концепций. «Фольклорную сюжетику отличает ...закономерная повторяемость в мировых масштабах...» [Путилов 1984: 5]¹. Подробнее о том, о какой структуре идет речь. Как известно, индоевропеец членил мир на три части по вертикали: верхнюю, среднюю, нижнюю. Маркером центра сакрального пространства являлось мировое древо, башня и т.д. Классический индоевропейский облик дерева— дуб или другое большое дерево. Крона в небесах, корни – глубоко в земле [Фрозер 1980]². В кроне – орлица и ее гнездо с птенцами, в корнях- змей, который съедает птенцов орла. Герой волшебной сказки, наследник культурного героя мифа, нарушает эту трагическую инерцию и убивая змея, спасает птенцов. Все это говорится к тому, что в отмеченных нами фольклорных текстах осетинского и русского народов встречается мотив стрельбы в цель, а именно, стрельбы в цель на дереве и, как нам кажется, его функционирование в них (текстах) обусловлено одной и той же, описанной выше структурой центра основного индоевропейского мифа, т.е. основного мифа о Громовержце и Змее. Несмотря на то, что не все исследователи разделяют точку зрения В. Н.Топорова и В. В.Иванова на универсальность существования этого мифа и возможность широкого оперирования им [Берн-

штам 1996]³, мы все-таки пока отталкиваемся от него в своих исследованиях, а по ходу исследования вносим корректизы в его существование в разных индоевропейских традициях.

Итак, в обоих текстах фиксируется эпизод-мотив стрельбы в цель—стрельбы в дерево. В случае с русской волшебной сказкой на сюжет 545В* – это стрельба в дерево: «Приезжают к царскому дворцу, где Лисичка встречала их, вводит в белокаменные палаты, царь дивился таковому великолепному убранству тех палат, сколь они были хорошо убраны... В том саду стоит старой дуб пустой...»; «Лисичка отозвала Кузиньку в другую комнату, говорит ему: «Ну, Кузинька, перестань гулять, а надобно дело исправлять, возьмите вы с тестем по ружью и ступайте прогуливаться в зеленый сад. В том саду стоит старой дуб пустой, а в том дубу сидит царь Змиулан, спрятался от вашего приезду и ты соглашай тестя своего пострелять в тот дуб, с тем, чтобы убить царя Змиулана. Тогда же Кузинька как по сказанному и как по писанному взяви с своим тестем по ружью, пошли в сад и стали в тот дуб стрелять, в котором сидел спрятавшись царь Змиулан, они же простреливши дуб насеквоздь и царя Змиулана убили до смерти. После этого Кузьма Скоробогатый воцарился в государстве, а тестя проводивши в свое царство, и стали жить да быть, и теперь еще живут, Лисичку же всякой день угождал оставшимися курицами от царя Змиулана, и она у него до тех пор гостила, докуда всех кур не испакостила»¹. Эпизод-мотив стрельбы в цель-дерево в сюжете 545В* находится в самом конце сказочного повествования, т.е. посредством этого действия происходит окончательная гармонизация сказочного пространства, полное перераспределение благ: от Змея они переходят к герою, зятю Громовержца. И до Змея, возможно, этими благами владел Громовержец.

Схемы сюжета русской волшебной сказки на сюжет 545В* таковы:

Схема №1.

1. Живет одинокий герой, как правило, бедный.
2. К нему приходит лиса и предлагает ему жениться на дочери царя.
3. Лиса договаривается с царем. По дороге к нему она бросает героя в реку.
4. Состоится свадьба.
5. На обратном пути лиса пугает змея, ворона – кокота родителями невесты и отбирает их дом для героя.
6. Счастливо доживает свой век .

¹ Кузьма Скоробогатой. Народные русские сказки А.Н.Афанасьева. ACADEMIA. 1936. С.632-634, Архив Русского географического общества (XXX, №7), переделанный А.Н.Афанасьевым текст представлен на С.439-444. Вариант. Там же. С.441-443.

Схема №2.

- 1.Бедный герой живет в чистом поле с матерью.
- 2.В городе зарабатывает деньги.
- 3.Герой с матерью обманывают богатого мужика, прикидываются богатыми.
- 4.Герой с матерью сватают его дочь.
- 5.Счастливый конец.

Варианты сюжета, которые мы рассматриваем, являются сочетанием 1-ой и 2-ой схем. В случае с осетинским устным рассказом об изгнании холеры/чумы из Дигории (ущелье в Северной Осетии) при столкновении со страшной опасностью, холерой/чумой в облике мужчины, жители села Стур Дигора решают на сельском сходе произвести и производят определенные действия обрядового, ритуального характера. Нами рассмотрено два варианта¹ текста устного рассказа. В первом варианте («Сказании о холере/чуме»), появившийся из Моздока Кургосов Битемир, сначала посыпает жителей села к святилищу Уаскерги² молиться, затем, уже находясь там, он просит принести ему жертвенные деньги, чтобы он кинул их в сторону святилища Идауг. Он прицеливается к дереву и бросает в него жертвенные деньги, мол, если попаду, нужно молиться. Затем посыпает всадника узнать, попала ли его стрела именно в это дерево? Люди поверили ему, стали молиться и когда холера/чума снова появилась, то пошел сильный дождь, Ираф (река в Дигории) разлилась и унесла горящую болванку, в которую превратилась холера/чума. С тех пор в Дигории устраивают праздник ангела, спасающего жизнь. Мужчины во время праздника находятся в том месте, куда стреляли женщины – на солнечной стороне, откуда стреляли. Во втором варианте («Ангел») на сельском сходе решили стрелять в дерево, но из старинного лука. Попали в дерево, стали молиться в роще, в которой находилось это дерево. Холера/чума превращалась в разные предметы, вода ее унесла, затем она вылезла из воды и отправилась в Асси (Балкарию). Праздник в честь произошедшего события называют Молением в честь Ангела и с тех пор отмечают в Дигории.

Попав в цель, в дерево, в случае с волшебной сказкой Зло добивается в виде Змея, в случае с устным рассказом, попав в выбранную цель-дерево и обнаружив, что в нем нет зла, жители села молятся, и в

¹ Отдел рукописных фондов СОИГСИ, о.1, д.643, инв. №1.922, Л.30-32, исп. Кодзасов А., 24.07.1993 г. в с.Кобан зап. Хамицаева Т.А., Сокаева Д.В., Хамицаева А.А. «Сказание о холере»(1); Отдел рукописных фондов СОИГСИ, о.1, д.652, инв.№2315, исп. Хортиев Лазарь (1930 а.р.), с. Стур Дигора, 04.07.1999, зап. Таказов Ф., Сокаева Д., Кудзоева А., «Ангел»(2).

² Покровитель мужчин у осетин.

первом варианте идет дождь и уносит холеру/чуму, а во втором варианте она сама покидает территорию Дигории.

Налицо соответствие от противного: в волшебной сказке дерево– зло, в устном рассказе дерево – добро. Стрельба – проверка дерева, центра сакрального мифологического пространства. И после полученного результата следуют те или иные ритуальные действия.

В осетинской волшебной сказке на другой сюжет есть эпизод, где посредством стрельбы в мишень на дереве семь ангелов принимают решение. «Стрела справедливости» также часто фигурирует в осетинской волшебной сказке для выяснения истины. Она посыпается в небо и возвращается с «ответом»: вонзается в головы виновных. «Стрела справедливости» действует в сказочном тексте как клятва.

Общий для индоевропейских заговоров мотив – мотив отсутствия места для враждебных субъекту заговора сил (болезней, демона и др.) и их отсылки на гору [Топорова 1996: 111]. В осетинском устном рассказе холера/чума в конечном итоге уходит на гору/за гору, в Балкарию, со-предельную с Дигорией. Таким образом проясняется еще больше связь мотивов «стрельба в дерево» – «молитва дереву/около дерева». Если в дереве нет места злому духу болезни, то оно священно, ему нужно молиться. А болезнь уходит все дальше от места молитвы дереву– Громовержцу (каждое святое дерево – прототип Мирового дерева), претерпевая превращения, тем самым демонстрируя свою демонологическую природу, пока не уходит на гору/за гору/за хребет. Как видим, выяснился, в том числе, и заговорный характер нашего мотива. Заговоры, как известно, благодаря своим жанровым особенностям, долго сохраняют свою словесную форму во времени.

Литература

Бренштам 1984: Бернштам Т.А. «Слово» об оппозиции Перун–Велес/ Волос // Канун. Полярность в культуре. Альманах. Вып.2, СПб., 1996. С.93–120.

Путилов 1984: Путилов Б.Н. От редактора//Фольклор и этнография. У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Л., 1984.

Топорова 1996: Топорова Т.В. Язык и стиль древнегерманских заговоров. М., 1996.

Фрезер 1980: Фрезер Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М., 1980.

Н. С. БАРЦЫЦ-ПХА

АПХӘЫЗБА ЛХӘАРЕИ УИ ДЫМЦАЗЫРСЫЗ Р҃КЫНТӘ ЛЫРХЫНХӘРЕИ ИРЫЗКУ АПСУА ФОЛЬКЛОРТӘ СИУЖЕТ АИЛЫРКААРАЗЫ

Апсуа фырхаттаратә-тоурыхтә епос аөы, иаайдкыланы афольклор зегы ағеиңш, иҳамоуп зсиужетқәа цқға еилкаам, зжанртә ҳәақәа «еилагоу» ахәамтақәа. Ари апроблема иазкны Ш. Х. Салақаина ифуеит: «В нашем фольклоре значительно труднее провести четкое разграничение между собственно-героической и эпической поэзией и историческими песнями» [Салақаина 1966: 35]. Абас жанрс изщаукша узымдыруа икоу ахәамтақәа иреиуоуп хусумтәғи ҳаззаатгыларц ҳтаху асиужеттгы. Ҳара уи ахәамта афырхаттаратә-тоурыхтә епос иацанакуеит ҳәа иҳапхъазоит. Уи ағааанагара шықәырғәхап ҳәа ҳәйкәлеит ари аусумтәғи.

Афырхаттаратә-тоурыхтә епос иазкны еиуеиңшым атцаамтақәа аптырцахъеит Ш. Х. Салақаина, А. А. Аншба, С. Л. Зыхәба, В. А. Коғониа ухәа апсуа тарауаа. Урт русумтақәа рөы иалкааны иазгәартахъеит атекстқәа ридеатә тақы, рпоетикатә еилазааша ухәа ирыткаркуа азтарақәа. Аха, иазгәататәу, зызбахә ҳамоу асиужет арт ацарауаа русумтақәа рөы азбахә рымхәазаң, итырымцаазаң. Амала ркынпхымтақәа рөы ари атекст афырхаттаратә-тоурыхтә епос ажанр иацаркит.

Ахәамта асиужеттә цәаҳәа шықәылоуп абарт амотивқәа рыла: Аперсонаж фырхаттарыла апхәыс дшихәаз (А), апхәызба нхыңдаа дшынцадырсыз (Б), афырхатца уи дыширхынхәзыз (В), афырхатца дыштахаз (Г), апхәызба лышылшызыз (Гь): А. Өыңға аишьцәа ргәыла ах, ипхазатқә илыштылалаз арқарцәа анырацәаха, амаңәаз кнеиҳант. Убри еихсны, икашәаанза иацаххны икны, ах ипхә лкалт ианзыршәло пхәысса дигарц. Ари заҳаз азәырөы рынпиршәеит, аха амаңәаз азәгъы изкамыршәеит. Аиашьеиңбы апхәызба лхәаразы Нхыңынтә иааз шыуулы дрыңны ах, иөы дахьнеиз, имфагиғоз акғыры рымшәеит, иара амаңәаз кынғааны, апхәызба диҳәеит. Б. Нхыңдаа, ари хымзгашыаны, ах иқелан ипхә дицәыргеит. В. Афырхатца, ииңәаз апхәызба дшыргаз аниаҳа, ақәылаңцәа дрыхъзаны, иныртәаны (мамзаргы азәгъы дымшыкәа),

апхәзыба дрымихуеит. Г. Аңыхетәаны шәаңъхәаңыс иаанижызы (ма ақәылаңәа реиҳабы) афырхата дызгарыз ахы иқәиршәеит. Дышхәыз апхәзыба илмүрдүрзакәа, лара лаб иәы дааныжыны, иара иөнүәа дхынхәит. Иашьеихаб ныңәарантә даанза иңсы ҭан, уи даныхынхә, иаргыы иңсы ааиҳыңит. Г. Аңхәзыба, дзызшаз арпыс дызгаша ахы шиқәшәаз анлаха, лөүлшүеит \ илызхымгакәа дыпсует. Аиашьеихаб иашьеи итацеи еицижит. (Вариантк аәы аиашьеихаб Нхыңқа дцаны, иашьеиңбы эхымта дагаз дишыит: иаға амхы ахъихычоз ақфалаәы днеини, ашәақ харшалан иғәи иқәңаны, дыңәазшәа дышиаз, дзыштаз да-нааи дишыит. Ағынәаа данығъежъ, итахаз иашья изхәаз апхәзыба аоны дааганы, ачара лзиует).

Ари ахәамта рапхъаза акәны ианцан 1961 шықәсазы, Ешыра ақыт-ан, ианиңеит Ш. Х. Салақаиа. Ҳара ҳусумтаәы ахархәара роут 12-вариант¹. Урт рахьтә авариантқәа 10 зәйнәтә ианцоу ажәабжъхәаңцәа Аңсны бзыптәи ахәта иатөуп, бзыптәи адиалект иахаңарнакцәоуп, ә-текстк абжыуаа рәыи ианцоуп. Ишаабо еиңш, итахңаауа асиужет авариантқәа мачымкәа иамоуп, аха аверсиақәа арәиом, настыы ианцан икоу авариантқәа зегъы апразатә форма рыман иңәиршүеит.

Анцамтақәа ртекстологиатә өазара атәи ҳәөзар, 12-текст рұқынты 6 аредакциатә «рееирақәа» рылагалоуп. Иубартоуп ажәабжъхәаңцәа рапхәахәа, рцәажәашь, рстиль акыр ишыңсау. Ари еиҳарак изыхъяз анцаңцәа напыла иахъаныртоз, настыы дара еиуеиңшым азанаңтқәа ахърымаз акәзаргы қалоит. Икоуп еиҳа ихатәау, настыы иңсыи, аконспект қашшы змоу анцамтақәагы. Егырт аф-текстк аредакция руззам, ма зынза имаңзан ирызууп үхәар қалоит.

Ари асиужет аәы итышәынтылан иаабом афырхата хада ихъзи ижәлеи, иара убас ахәамта иалоу егырт аперсонажцәа рыхъызқәагы. Ахәамта аитахәараан ажәабжъхәаңцәа еиуеиңшым ахъзқәеи ажәлақ-әеи рхы иадырхәеит. Иаххәап: Синаң, Сасрықәа, Ардашыл, Еснаң, Алықьса, Мофа, иара убас ажәлақәагы: Габниа, Мқанба, Җаңәба, Ешба, Бганба, Гочуа. Икоуп афырхатаңа рыхъзқәа анеибапсахуа, зны-зынла Синаң Еснаң ихъзны, мамзаргы Еснаң Синаң ихъзны. Аха, шама-хамзар, афырхата дахъатәиу, дахъынхо ажәабжъхәаңцәа ирпсахуам,

¹ Иккыпху атексткәа аагоуп еиуеиңшым аизгақәа рапхәтә: Зыхәба 1978: 77 – 81, 81 – 85, 86 – 92; Җылапа 1995б: 128 – 129; Салақаиа 2003: 236 – 239. Иккыпхы атексткәа 7 анцоуп ажәабжъхәаңцәа Ажыба Кәаста (Мгәйизырхәа ақыта), Саманъиа Шықәыт (Лыхны ақыта), Агрба Кәатат (Кәланырхәа ақыта), Ҳагба Иа-сон (Ачандара ақыта), Ағзба Шырыф (Аацы ақыта), Аршба Мышья (Бедиа ақыта), Ағзба Ардашы (Ешыра ақыта). Ианыңеит: И. М. Ҳаш-пұха (04. 07. 1961), Ш. Х. Салақаиа (17. 07. 1968), В. Б. Агрба (07. 1969; 07. 1969), С. Л. Зыхәба (06. 06. 1972; 11. 06. 1989), В. А. Қогониа (07. 08. 1994).

уи бжеихан ақыта Ешыра ауп. Еиқәаҳапхъазаз ахъзқәа рахътә афырхатса хада ироль ағы ласы-лассы иуپылоит ахъз Синат.

Синат изку ахъамта злалаго апхъатәи ахъетағы (фырхатыра апхәысқәара) ахархәара амоуп алкәтә мотив. Иағхарпшып ари амотив алакә ағы ишыкоу: «Аҳак дықан, пұа бзиак диман. Аҳ ипҳа ауаа раңааны илыштынагалан, дреимакыртажеит. Данреимакыртажа, апхәызба лаб ипҳа лмацәаз қыдицейт, абни амацәаз еихсны, икыдыршәаны, икашәаанза инацаххны изку динитаразы» [Шыақрыл 1989: 123 –124]¹.

В. И. Пропп иғәаанагарала, алакәи аепоси реиннырра ижәйтәзатәиу ахътхырта амоуп, ас еиңш алакә азааигәахара аепос асиужеттә еила-заара арбеноит, иханартәаауеит [Пропп 1955: 249]. Ҳара излаабо ала, Синат изку асиужет ағы алакәтә мотив ахархәара аиуит ахъыс ацәыргаразы, аепикатә сиужет хаты ахаңыркразы. Иазгәататәуп, алакә афабула афырхатса хада изы ианакәызаалак лыпхала ишенилго, уи аиаира шиго, иаға дыштажо. Зызбахә ҳамоу ахъамта ацыхәтәа трагедиала инцәоит, афырхатса дтажоит. Уи афырхатаратә-тоурыхтә епос иақазшъарбагоуп.

Синат изшаз апхәызба лхәара иара ида азәгы илымшеит. Дымцарсыны даныргагы лырхынхәра иара иоуп изыбзоуруу. Архаикатә епоси афырхатаратә лакәи рәғи афырхатса ихәан изтәоу, ма имцарсыны иааиго апхәызба адауы дицәигоит. Афырхатса уи дышыны ипхәыс дирхынхәуеит. Нартая репос ағы ари амотив, еиҳарак, Нарт Сиң-ипа Уахсит ипхәысаагара изку ахъамтағы иаабоит. Уи асиужет иаазыркъағыны абас икоуп: Афырхатса пхәысаагара дцоит, апхәызба дылиааини пхәыисс дигоит. Амбаан дшаауа ипхәыс адауы дицәигоит. Афырхатса маанала адауы ипсырта пшааны, дышыны, ипхәыс дирхынхәуеит [Цыапуа 1995а: 102]. Архаикатә епос ағеиңш, арақагы афырхатса ихәан изтәоу апхәызба ақәылағыцәа дымцадырсуюеит, афырхатса урт дыриааини апхәызба дирхынхәуеит. Архаикатә епос ашытакәа нымхар ауам афырхатаратә-тоурыхтә епос ағғы. Уи иақнны Б. Н. Путилов ифуеит: «Если в классическом эпосе мы обнаруживаем архаические элементы разного уровня, они не что иное, как следы, остатки архаического типа» [Путилов 1999: 15].

Синат изхәаз апхәызба дымцазырсуга иара имбағигоз нхыңынтаи иааз ауаа ахъракеу атекст асиужет атоурыхтә хтыс иазааигәанатәуеит. Апхәысқәара амотив анашанатә лакә угәланаршәозар, нхыңынтаи иааз апхәызба дахымцадырсуга апсуга фырхатаратә-тоурыхтә епос иақазшъарбагоуп. Синат Нхыңынтаи иааны апхәызба дымцазырсуз ақәылағыцәа дырәагылоит. Афырхатса ақәылағыцәа нирцәоит, аха

¹ Ари ағырпштәи иашшашәалоуп: Зыхаба 2005: 349.

ламысдарыла дрызның оңай, ииштыз ртынхаңда раҳы адырра қазцаша ашәаңызда даанижүеит. Аха апхәйизба илцәйнхаз лкасы дашыталаңы даныгъель, шәаңыздағыс инижтыз иаатиркәз ахы афырхатса дзаңынхартә ипсиртә иақәшөйт (атекстқә реихарлак излархәо ала, ичапан ахы иташәеит). Аха афырхатса ичхара ғәгәоуп, иқәшәз ахы ие-амтакәа, ихтарпала иөаңыздағыс диманы дхынхәеит. Ари амотив иугәланаршәеит апсуюа рфыхаттаратә-тоурыхтә епсө аперсонаж хадаңа ируазекү Напқа Кыагәа итахашыа. Уигызы, Синат еипш, ақылаңызда иирцәеит, шәаңыздағыс инижтыз ихымта дагоит [Цыапуа 1995б: 135 – 136].

Апхәйизба илцәйнхаз лкасы дашыталаң дхынхәеит афырхатса. Атекстқәа излархәо ала, «лкасы нхагыы ларгыы дынхагыы акоуп. Ақәйханхара қалом ҳәа ирыпхъязон ажәйтәан» [Зыхеба:1978: 77 – 81]. Ишаабо еипш, апхәйизба ләкәйханхана инижтыз, уи деңқәирхеит, дирхынхәеит ҳәа ипхъазахом.

Акасы асимвол ичыдоу атакы амоуп апсуюа рдунеихәапшышыаша. Иаххәап, атрадициатә дипломатиағы аиғара зыбжыоу ауаа апхәйис лкасыры бжызарыра ибжыларшәеир еинаалон, убасқак амч аман. Аимак зыбжыоу реинирнааларазы апхәйис иналыгзоз ароль дазааттыланы, М. М. Барцың-пхан изгәлтәеит: «Женщина могла остановить любую схватку своим появлением (согласно общекавказской культуре, любой бой прекращался, если женщина снимала косынку с головы)» [Барцың-пхан 1999: 34].

Ишаабо еипш, Синат ари раңхъатәи ифырхатароуп: уи 14 шықәса роуп ихыңца, дқәыпшуп; иара деңқбуп, итааңа лымкаала ихзызауеит; иан ишылтакымыз дырпхашыаны, апхәйизба лхәара (амаңаңа ақыдхра) иахъцо лыңқынын нхыңца мөаңғарц дақәдыша шаҳатеит; дызгарыз ахы шиқәшәз имырзейт ирхынхәеиз апхәйизбен иани рәғи; иашьеихаб даанза ипсү ҭан. Абар уи атекстқәа рәғи ишыңкоу: «Еснат данаауда дахыншаша абартағы сыйшытатса» ихәеит¹. «“Дааит уашы” анырхәа, иарзанак ани ачкәын (Синат. – Н. Б.) дыңсит»².

Ари иашыашәалоу амотив ҳұлыпойт Абатаа Беслан изку афырхаттаратә ҳәамтәғы: Ақылаңызда Беслан ғәгәала дыхнені, итааңа ҳәынчаны иңеит. Дызгарыз ахы шилазгыны, иашыа Баҭақәа ашынхантә иаара да-зыпшын, даанза ипсү ҭан [Салақана 1975: 283 – 287; 2003: 215 – 226].

Синат дыштакаланда ахы, уи изхәан итәаз апхәйизба лгәрыра лызхымгакәа лөүлшүеит. Ари амотив иаххәаланаршәеит Шарытхәа-ипа Мсоуст изку афырхаттаратә ҳәамтә анцәашыа. Мсоуст дызгашаз ахы

¹ Еитеихәеит Агрба Кәатат, ианиңеит В. Б. Агрба.

² Еитеихәеит Ажыба Кәаста, ианылтәеит И. М. Ҳаш-пхан.

иқәшәаны иөызңәа ағны данаарға, хаха-хымш рыштәхь идунеи иңса-хуеит. Иңәыс уи ишиқәнагаз ала дымоғылгоит, аха аңыхтәән, иара ида лыңтазаара ҭакыдоуп ҳәа иңхазаны, иқамала лөүлшүеит, уа-сиат ажәангыы иңлүжүеит лхатса диваңаны дыржырц [Салақаиа 2003: 205 – 209].

Синаң изку ахәамтәәы аиашьеиңаб Еснаң иашьеи итацеи еицижу-ит. В. И. Пропп ағырхатса итахара аштәхь, иңәыс лыешъра амотив иазкны ифуеит: «Мотив этот несомненно чрезвычайно древен и восходил к доисторической бытовой действительности – к погребению обоих супругов в случае смерти одного из них» [Пропп 1955: 109]. Ари амотив еғыырт ажәларқәа рфольклор ағы аңыртшыа ҭаауа, Р. С. Липец из-гәеитоит: «Мотив двойной смерти влюбленных в трагической концовке этого произведения (казахский эпос «Козы-Корпеш и Боян Суну». – Н. С.) – новое осмысление древнего обряда совместного погребения с мужчиной-воином его жены, сопровождающей его в загробный мир. В эпосе такое ритуальное убийство или самоубийство женщина выполняет добровольно» [Липец 1983: 69].

Синаң изку асиужет ағы ахархәара роуит, иара убас аңсхәра зыхъяз уеилзыркаауа аетеологиятә, адінхаттаратә ҳәамтә (религиозное предание) амотивқәа. Еиха ииашан иаххәозар, ағырхаттаратә ҳәамтә анцәахаттаратә ҳәамтә аформа аиуеит: Еснаң иашьеи итацеи «ачара» рзуны, анышә еиңеит. Убри инаркны ауп аңсрағы акрыфара қарцо, аңсхәра руа ианалага. Ахәамтә авариантқәак рәғы убри «ачарағы» ирхәаз ашәоуп изыхъяз атаңаагарашәа «Радеда».

Иазгәататәу, ахәамтә злалаго архыатәи ахәта (фырхатарыла архәысқәара) иҳамоу авариантқәа 12 рәғы иаххәлозар, атекст анцәамтәә иңәыртца амотив (аңсхәра зыхъяз) аєыңсахрақәа ахтысуюит, зынза иаххәлымло атекстқәәгы ықоуп. Ҳзыхцәажәо асиужет аңсхәра зыхъяз зныпшша ҳәамтак ахасабала аңыртца ихъшәоу аамтақәа ишрыңаркуа уаңыымғашшо иқоуп.

Хынх иқаңдаз анализ иахнатеит абарт алкаақәа:

1. Архәызба лхәареи уи дымцазырсыз рқынтә лырхынхәреи ирыз-ку аңсуа фольклортә сиужет шықәгыллоит ажанрқәа әба – анашанатә лакәи аепоси – рмотивқәа реилаларала, реиниррала. Арақа анашанатә лакә ҳұлоит сахьаркыратә хархәәгак ахасабала, атекст асиужет иалоу аепикатә хтысқәа рңәыргаразы. Үрт роуп ахәамтәәы аңыжәара змоугъы.

2. Асиужет иалоу ахағесахъакәа злеиәартәу амотивқәа, аепизодқәа иахдирбоит ари ахәамтә ағырхаттаратә-тоурыхтә епос ишениуоу. Иаххәап, ахәамтә ағырхатса хада итахашъа иугәланаршәоит Напхә

Къагәа итахара амотив; аишьцәа Синати Еснати реизықазаашьа ақәшәоит Абаңаа Беслани Баҭақәеи реизықазаашьа; асиужет анцәашьа, афинал Шарыҭхәа-иңа Mcouст изку асиужет иашьашәалоуп. Ахәамҭа ианыңшүеит (еихаркгыи анцәамҭаөи) аетеологиатә, ма адинхатцаратә ҳәамҭа аформа: ажәабжъхәаօцәа аңсхәра ахыҭхырҭа ари ахәамҭа аперсонажцәа (азғаб лзы итахаз ачкәыни уи изы зөйизшыз азғаби) «рчара» (рыңсхәра) иадырхәалоит. Аҭцаамҭаөи, ишаабаз еиңш, анализ ззаауз асиужет аперсонаж хада (уи ихъз еиңеиңшым авариантқәа аман ишцәырҹуагы) аңсуга фырхатцаратә-тоурыхтә епос аперсонажцәа даара дырзааигәоуп.

3. Ахәамҭаөи ажәабжъхәаօцәа афырхатца хада ихаесахъа ҭырхуеит аепикатә фырхатца ишиқазшыуо еиңш: Есқынагыы афырхатца ахъзи ажәлеи имоуп (урт руешырыңсахуагы); дахъынхо иалкаау ҭыпк, қытак (уи аеаңсахзом) иадхәалоуп; афырхатцара анықаңдо дқәыиңшуп; гәымшәарыла ақәылаօцәа дырғағылоит, урт имаңара дыриааниеит ухәа уб. егъ.

Абас ала, ҳатцаамҭа ҳазлаңәажәаз асиужет афырхатцаратә-тоурыхтә епос ажанр ишаңсанакуа агәра ҳнаргеит.

Алитетатура

Барцыц-пхә 1999: Барцыц М. М. Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе // Материалы грузино-абхазской конференции. Сочи, 1999. Ад. 28 – 40.

Зыхәба 1978: Аңсуга жәлар ртоурыхтә-фырхатцаратә ҳәамҭақәа / Еиқәиршәеит, апхъажәеи азгәаҭақәеи иօит С. Л. Зыхәба. Ақәа, 1978.

Зыхәба 2005: Аңсуга жәлар рәәптыңтә рәиамҭа 12 томкны. Аңсуга лакәқәа. IV атом, ағбатәи ашәкәы / Еиқәиршәеит, акыңпхъ изирхиеит, азгәаҭақәа иօит С. Л. Зыхәба. Ақәа, 2005.

Липец 1983: Липец Р. С. «Завоеванная женщина» в тюрко-монгольском эпосе // Фольклор и историческая этнография. М., 1983. Ад. 42 – 74.

Пропп 1955: Пропп В. Я. Русский героический эпос. Л., 1955.

Путилов 1999: Путилов Б. Н. Экскурсы в теорию и историю славянского эпоса. Санкт-Петербург, 1999.

Салакаина 1966: Салакая Ш. Х. Абхазский народный героический эпос. Тбилиси, 1966.

Салакаина 1975: Аңсуга жәлар рәәптыңтә рәиамҭа (Ахрестоматия)/ Еиқәиршәеит, апхъажәеи акомментариақәеи иօит Ш. Х. Салакаина. Ақәа, 1975.

Салақаиа 2003: Аңсаа фольклор / Еиқәиршәеит, апхъажәеи азгәатәкәеи ифит Ш. Хь. Салақаиа. Акәа, 2003.

Шъақрыл 1989: Итамбазо жәлар рзыхъ: Жәлар рәапыцтә ҳәамтәкәа / Ианицеит, аус адиулепит, еиқәиршәеит К. С. Шъақрыл. Акәа, 1989.

Цъапуа 1995а: Джапуа З. Д. Нартский эпос абхазов: Сюжетно-тематическая и поэтика-стилевая система. Сухум, 1995.

Цъапуа 1995б: Аңсаа рфольклор: Артур Аншба иантамтәкәа/ Еиқәиршәеит, апхъажәеи, акомментариақәеи, арбагақәеи ифит З. Ц. Цъапуа. Акәа, 1995.

А. Э. КУПРАВА

ВЛИЯНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА НА АНТРОПОНИМИЮ АБХАЗОВ (XIX–XX ВВ.)

Вхождение Абхазии в состав Российской империи (1810) в корне изменило положение и дальнейшее развитие абхазского народа. С утверждением колониального режима царизма были связаны тяжкие трагические события (упразднение собственной государственности, махаджирство, колонизация и пр.). В то же время всеобъемлющее влияние мощной империи вызвало к жизни множество прогрессивных явлений. В частности, создание абхазской письменности, абхазских учебных пособий, открытие школ, появление национальной интеллигенции, создание культурно-просветительских обществ и т. д. стали важными факторами культурной жизни. Одновременно растёт интерес передовых представителей русской культуры к истории, культуре, жизни абхазского народа.

В условиях российской советской империи в Абхазской республике получило широкое развитие народное образование, формируется национальная интеллигенция, зарождаются и достигли значительных успехов абхазская литература, наука, в частности абхазоведение, различные виды профессионального и народного искусства. Во всех сферах жизни народа – экономической, социальной, общественной, культурной и других росло влияние ценностей русской культуры.

В своём кратком сообщении, я в порядке рабочей постановки, коснувшись одного вопроса – влияния русского языка на написание и произношение абхазских фамильных имён. Опускаю другие вопросы этого влияния на антропонимию абхазов (написание личных имён, проникновение русских фамилий [Ермолов и т.д.] и личных имён [Золотинск и т.д.] и т.д.).

Сведения о номенклатуре абхазских имён мною взяты в основном из книги Ш. Д. Инал-ипа по антропонимии абхазов [Инал-ипа 2002], которая содержит богатейшую информацию о подлинно абхазских антропонимах – личных и фамильных именах. К данной работе также прилагается список современных живых абхазских фамилий, которые в русском письме и иноязычной среде потеряли абхазское звучание.

Многие звуки абхазского языка отсутствуют в современных языках, считающихся международными. Специфические звуки абхазской речи трудно произносимы для представителей других народов. Навряд ли кто-либо из них, даже полиглот, произнесёт без предварительного стартального изучения, например, абхазскую скороговорку: «Сшәақь апынца азы сыцәтәацәеит» (*В нос своего ружья я непроизвольно набрал слишком много воды*). На сложность абхазской фонетики обращали внимание многие иностранцы, бывавшие в Абхазии. Например, немецкий путешественник Ф. Боденштедт в 1845 г., описывая свою беседу с абхазским князем Леваном, заметил: «...Невозможно записать нашими буквами, как вообще невозможно правильно изобразить нашими письменными знаками слова горских языков, богатых шипящими и гортанными звуками» [Боденштедт 2002: 118]. Абхазская фонетика создавала большие трудности составителям абхазского алфавита, менявшегося неоднократно.

Русский язык влиял и продолжает оказывать многостороннее воздействие на абхазский язык. Ещё по первой Конституции ССР Абхазии (1925) русский язык становится одним из государственных языков. В настоящее время он, наряду с родным языком, является языком обучения в школах и вузах республики, фактически служит языком делопроизводства и межнационального общения в многонациональной Республике Абхазия. Совместное функционирование абхазского и русского языков в городской среде, а в некоторых сферах даже преимущественное использование русского языка – реальный факт нашей действительности. Об этом абхазский языковед, доктор Лейденского университета, эксперт по кавказским языкам В. Чирикба сказал: «Русский язык доминирует на улицах и рынках; это язык бюрократии, правительства, Парламента, школы, бизнеса, а во многих случаях и абхазской городской семьи» [Чирикба 2006].

Современный абхазский алфавит, основанный на русской графике, состоит из 64 знаков. Несмотря на определённые недостатки [Бгажба 1987: 29], эти буквенные знаки позволяют более или менее точно воспроизводить специфические для абхазского языка звуки.

В русском языке отсутствуют такие звуки и буквы абхазского языка, как, например, согласные **к**, **т**, **п**, **х**, лабиализованные согласные, как **тә**, **тә**, **дә**, **цә**, **зә**, **тә жә**, **шә**, фарингальный глухой **կ**, аффрикаты **ц**, заднеязычные **гә**, **гә**, **кә**, **қә**, **хә**, **хә**, а также **з**, **ч**, **е**, **ө**, **օ**. Поэтому русская письменность не располагает возможностью адекватно воспроизводить слова, в которых имеются эти специфические абхазские буквенные знаки.

В связи с этим абхазские антропонимы, топонимы, этнонимы и другие собственные имена, содержащие в себе эти звуки, по-русски пишутся и произносятся изменённо, переиначенно. В результате у многих русскоязычных читателей нет даже приближённого понятия об абхазском звучании большинства подобных имён.

Рассмотрим это на примерах абхазских фамилий. На основе русской буквы **г** образованы шесть абхазских буквенных знаков – **г, гь, гә, ҭ, ҭь, ҭэ**. В русском письме **г** заменяет все эти буквенные знаки абхазского алфавита. Проиллюстрируем это наглядными примерами абхазских фамильных имён.

Абхазские фамилии, содержащие букву **гь** (с знаком палатализации согласных посредством мягкого знака **ь**), пишутся:

по-абхазски	по-русски
Гъанаба	Гянаба (Генаба)
Гъачба	Гиачба (Гечба)
Гъеч	Геч

Фамилии с согласной буквой **гә** (с знаком лабиализации (огубление)

ә) пишутся:

по-абхазски	по-русски
Гәбаз	Губаз
Гәымба (Гәынба)	Гумба (Гунба)
Гәышба	Гушба

Фамилии с буквой **ҭ** (с диакритическим (отличительный) подстрочным знаком) пишутся:

по-абхазски	по-русски
Абгаа	Абгаа
Баҭыр-ипа	Багир-ипа
Гар҃цқыяа	Гар҃ция
Саҭария	Сагария и т.д.

Фамилии с буквенным знаком **ҭь** пишутся:

по-абхазски	по-русски
Абаҭьба	Абагба (Багбая)
Абҭымаа	Абгимаа (Абгумаа)
Даҭьза	Дагдза и т.д.

Фамилии с буквой ғә пишутся:

по-абхазски	по-русски
Гәаҭасаа	Гуатасаа
Гәыблиа	Гублиа
Гәырзалиа	Гурзалия и т.д.

В абхазской антропонимии фамильных имён с такими фонемами десятки. В русской письменности и устной речи они теряют абхазское природное звучание, следовательно, исчезает исходное слово (этимон), от которого произошло то или иное фамильное имя.

Абхазская буква дә, образованная на основе русской **д**, например, абхазскую фамилию «Адәымба» фиксирует в русском письме как **«Адимба»**. Таким образом, абхазское слово «адәы» (поле), от которого может быть произошло данное имя, совершенно теряет своё смысловое значение.

В абхазском алфавите производными русской букве **ж** являются три абхазские буквы: собственно **ж** и **жь** и **жә**. Последние две воспроизводят звуки абхазской речи, отсутствующие в русском языке. Обе они присутствуют во многих абхазских антропонимах. Все фамильные и личные имена, содержащие эти буквы, в русском письме озвучиваются буквой **ж**. К примеру, фамилии Жъанба – Жанба, Жъания – Жания, Жъиба – Жиба; Ажәеипшъаа – Ажвейпшаа, Агәажәба – Агуажба, Жәанба – Жванба (Званбая) и т.д.

Русская буква **з** лежит в основе абхазской буквы **з**, которую в русском письме заменяет буквосочетание **дз**, но последнее абсолютно не воспроизводит звучание соответствующей абхазской фонемы. В таком положении оказались десятки абхазских фамильных имён: Азба (Адзба), Азиашба (Адзиашба), Азынба (Адзинба), Арзынба (Ардинба), Асазба (Асадзба), Гәызба (Гудзба), Запшь-ипа (Дзиапш-ипа), Кәазба (Куадзба), Цәызба (Твидзба) и др.

На основе русской буквы **к** образовано восемь абхазских письменных знаков: **къ**, **кә**, **к**, **къ**, **кә**, **ќ**, **ќъ**, **ќә**. Все они часто присутствуют в абхазских фамильных именах и в каждом случае в русском письме их заменяет одна и та же буква **к**. Приведём некоторые примеры:

Абхазская форма	Русская форма
I. Къахъба	Кяхба
Къахъыр-ипа	Кяхир-ипа
Кылба	Килба
II. Кәакәаба	Какоба

Кәарчелиа	Кварчелия
Кәацба	Квацба
Кәыкәба	Кукба
III. Ақааба	Кове (пишутся так)
Қалбад	Халбад (пишутся так)
Қапба	Капба
Қычба	Кичба
Мқанба	Миканба (пишутся так)
IV. Қьеңба	Кеңба
Қыыртба	Киртбая
Мқъалба	Микелба
V. Аңқәаб	Анкваб
Қәтарба	Кутарба
Ақәызба	Акудзба
Мықәба	Мукба
Шыынқәба	Шинкуба
VI. Қалғыы	Колбая (пишутся так)
Қайтанба	Кайтанба
Салақаиа	Салакаиа
Шъақрыл	Шақрыл
VII. Қъантаба	Киантаба
VIII. Ақәысба	Акусба
Арқәыцъ	Аркудж
Қәланба	Куланба
Шъханықәа	Шханықва

Звук современной речи абхазского языка, обозначенный письменным знаком ꙗ, широко представлен в абхазской лексике. Утвердительно можно сказать, что нашим далёким предкам данная фонема слышалась ясно в окружающем их мире и воспринималась многозначительно. Этим, очевидно, можно объяснить столь активное использование этого звука в процессе словообразования¹.

¹ Звук ꙗ лежит в основе священных для абхазцев слов: «Апсны», «апсуара», «апсадгыл», «апсабара» и др. Звук ꙗ иногда в отдельных словах звучит дважды: «пала-пала» (хлопьями), «а-папсаахь» (пасынок), «апатпатра» (трепыхаться, барахтаться – о птице), «апеиңа» (внук) и т. д. Слово «ашәапыцъап» (растительность) в устах абхаза – мелодично-протяжённый, похожий на пение, как бы воспевает богатейший растительный мир Кавказа. А слово «апарпальыкъ» (бабочка) и выражение «апарпальыкъ ипыр-пыруа ипыруеит» передают своеобразные свойства и действия бабочки именно с помощью специфического звука.

В абхазской антропонимии, и в личных, и в фамильных именах, буква **п** встречается часто, присутствует в разных частях слова (корень, суффикс, приставка) и придаёт именам вполне определённое смысловое значение. В приложении данного сообщения названы некоторые фамильные имена, содержащие эту букву. Большинство из них легко поддаётся расшифровке с помощью народной этимологии (Агыруацшь, Ампар, Апсаа, Багапшь, Жәеңшь-иңа, Инаңча, Қапшь, Патеиңа, Ҧыңын, Ҧыңцәба, Ҧышкъяң, Ҧыңцаа и др.).

Русская буква **т** лежит в основе четырёх абхазских буквенных звуков: **т**, **тә**, **т̄**, **т̄ә**. Из них последние три используются для воспроизведения специфических абхазских звуков. В русском письме их заменяет буква **т**. В абхазских фамильных именах редко звучит **тә** (Тәанба) и **т̄ә** (Арытәба, Хынтәба и др.), а буква **т̄** присутствует в десятках фамилий (Абааты, Алтәиба, Атәмаа, Аихат, Ахаты, Далтыкәа, Отырба, Тарба, Таркыыл, Трапшь, Тхайтцыкә, Ҧыжәба, Шармат, Шарытхәа, Шат-иңа и т.д.).

На базе русской буквы **х** образованы пять абхазских буквенных знаков: **х**, **хъ**, **хә**, **х̄**, **х̄ә**. Все они звучат в абхазских личных и фамильных именах. Например **хъ** – в фамилиях Хъапшь, Хъиба (Хыыба), Хайкәба (Хыыкәба) и т.д.: **хә** – Хәарцкъяна, Хәахәаа, Хәырхәмал, Хәытаба и др.; **х̄** – Лымхаш, Хагба, Хагәышь, Халуашь, Хашба и др.; **х̄ә** – Ахахәба, Ахәба, Хәатышь и др. Русская буква **х** заменяет все эти письменные знаки.

Русская буква **ц** в абхазской письменности представлена четырьмя буквенными знаками: **ц**, **цә**, **ц̄**, **ц̄ә**. Все абхазские имена, в которых имеются эти знаки, по-русски пишутся и озвучиваются буквой **ц**. Например, фамилии: Къацәба – Кацба, Цәеиба – Цейба, Цәышба – Цушба, Чацәба – **Чацба**; Ацанба – Ацанба, Кәытцниа – Квициния, Цышәба – Цишба; Латәышба – Латцузба (Лацузбая), Цәыцьба – Цвижба и т.д. В абхазской антропонимии фамильных имён с такими звуками десятки.

Четыре абхазские буквы **ч**, **ч**, **е**, **ә** в русской письменной речи выражены буквой **ч**. Как это обстоятельство влияет на написание и произношение абхазских фамильных имён можно проиллюстрировать примерами: Амчба – Амичба, Кәарчиа – Кварчия, Чалакәуа – Чолокуа, Чанба – Чанба; Бәеаа – Бачаа, Ҧыбзыкәа – Чибзикваа; Акәыәба – Акучба; Ҧышкъяң – Пшкяч и т.д. Перечень фамилий прилагается.

В русском письме буква **ш** заменяет три абхазские буквы: **ш**, **шъ**, **шә**. Система русского письма не располагает возможностью точно передать абхазские звуки **шъ** и **шә**, поэтому антропонимы, которые содержат эти знаки, в русском языке теряют абхазскую фонетическую транскрипцию. Например, фамилии: Алшәында – Алшунба, Ашәуа – Ашуа, Ашәба –

Ашуба, Ашəхəатцаа – Ашхацава, Лашəриа – Ласурия, Мышəба – Мушба, Шəлымба – Шулумба; Шъакаиа – Шакая, Шьюуу – Шоуа и т.д.

Последние три буквы абхазского алфавита – **ფ, ც, წ** – обозначают звуки абхазской речи, особенные для данного языка, не имеющие аналога (соответствия, сходства) в русской азбуке и речи. Эти звуки содержатся обильно в абхазских личных и фамильных именах. Букву **ფ** в русской письменности заменяет буква **в**, совершенно не созвучная с ней, что в корне меняет звучание слов. Так произошло с фамильными именами: Арыօտաа – Арвитаа (Арютаа), Аօхաа – Авхая, Аօզба – Авидзба, Аկօба – пишут Кове, Мдаօеи – Мдавей, Наօеи – Навей, Օардан – Вардания и др.

Буквы **ც** и **წ** в русском письме и речи озвучиваются путём соединения двух русских букв **д** и **ж** в **дж**. Например, фамилии, которые содержат в себе букву **ც** пишутся так: Абცарба – Абджарба, Абыცба – Абиджба, Кəыცба – Куджба, Ҧыրaa – Джираа и т.д.; фамилии с **წ** – Абწարба – Абджарба, Абыწba – Абиджба, Арწyenia – Арджения, Ավանწալ – Аджинджал, Саманწyia – Саманджия и др.

В приведённых примерах встречаются отдельные имена, содержащие по две и даже три буквы, отсутствующие в русской письменности. Например, в фамилии Бағыр-ипа (ғ и п), Бəажəба (ғ и жə), Бағ-ипа (ғ и п), Запшь-ипа (з и п), Ақаօба (қ и ფ), Акəазба (кə и з), Қəтарба (қə и т), Қалғыы (қ и ғь), Аңсазба (ң и з), Պшыңցəба (ң и ңə), Далҭықəа (ҭ и қə), Ҭрапшь (ҭ, ң и шь), Ҭыжəба (ҭ и жə), Ҳаңымба (ҳ и წ), Ҧышəба (ҹ и шə), Ҧəыңწyia (ҹə и წ), Аրыօտаа (օ и ҭ), Аօзба (օ и з) Ақаօба (қ и ფ), Ҧыңწyia (წь дважды) и т.д.

Трижды, а иногда и четырежды звучат специфические абхазские звуки в некоторых фамилиях, например: Қaқəыңшь (абаз.) (қ, қə, ң, шь), Պшькъаө (ң, шь, қь, Փ), Պыңцача (ң, ҭ, չ), Ҳaтхəа (ҳ, ҭ, хə), Ашəхəатцаа (шə, ҳə, ҭ), Таңшьба (ҭ, ң, шь) и т.д. Это характерно и для многих абхазских личных имён, например, таких, как, Мықътəт, Қыжə, Ҳанашə, Ҭлаңс и т.д.

Теперь иноязычные читатели воспринимают эти имена так, как они пишутся и произносятся по-русски. В последнее время это наблюдается даже среди абхазов молодого поколения. Во время разговора молодые люди скажут скорее всего Ласурия, а не Лашəриа, Гарцкия, а не Ғарцкъиа, Мушба, а не Мышəба, Званба, а не Жəанба и т.д. Разумеется, всё это связано с развитием и утверждением русско-абхазского билингвизма. Так в речевой практике постепенно меняется природное звучание исконно абхазских имён.

Большинство абхазских фамильных имён произошло от родоначальников, прозвищ, занятий (профессий), названий местности, растений

и животных, от этнонимов и т.д. Во многих случаях потомки получали фамилию от обиходного, чисто абхазского имени¹.

В основе абхазских языческих имён лежат слова родного языка. А когда фамильное имя теряет своё природное звучание, оно порывает связь со словом, от которого оно произошло, следовательно, теряет своё первоначальное смысловое значение. Получив иноязычный облик, имя уже и не поддаётся этимологической расшифровке. И как бы ни было больно это сознавать, постепенно и почти незаметно беднеет словарный фонд родного языка.

На мой взгляд, следует отметить ещё одно существенное обстоятельство. Языковые процессы, протекающие в абхазской антропонимии под влиянием русского языка, касаются не только проблем лингвистики. В данном случае мы имеем дело не просто с фонетической транскрипцией отдельных слов, но и с голосом природы. Наши древнейшие предки создавали слова, общаясь с превосходной красотой окружающего мира, очевидно, жизнью природы дышали: разумели лепетание ручьёв, понимали шелест древесных листьев, шёпот лесных птиц, шуршание морских волн, чувствовали аромат благоухающих цветов горных и низменных, читали звёздное небо то с вершины горы, то с берега моря, то, стоя у родника облюбованного пейзажа родной стихии. Голос природы слышался непрерывно: во время многосторонней борьбы по жизнеобеспечению и при покорении горных вершин во время охоты, и при виртуозном разбеге на облюбованном коне, в процессе всей жизнедеятельности. Именно при таком непосредственном взаимодействии человека и природы мог удивительный прибор, человеческий орган слуха, воспринять множество самых различных, в том числе очень красивых звуков, которыми наполнен окружающий мир. Только этим путём человеческий мозг мог зафиксировать и выразить в словах такое разнообразие уникальных и чудесных звуков языка. В этих звуках звучит речь самой кавказской природы, отражается слышание языка живой природы теми людьми, которые улавливали и переносили эти звуки в человеческую речь. Несомненно, звуковая гармония самобытного языка заслуживает самого бережного обращения.

Язык хранит «тайны природы» не только своим звуковым составом. В языке много ценных знаний о природе. У абхазов, как и у других народов мира, есть передаваемые из поколения в поколение традиции,

---

¹ В современной антропонимии абхазов немало и заимствованных фамилий. Значительная часть этих фамилий приняла народную этимологию в соответствии с морфологическими нормами абхазского языка, вошла в антропонимический фонд абхазов.

песни, сказания, которые часто являются сокровищницей ценных сведений о местных природных условиях и о жизни животных. Тайны природы отражены и в народном искусстве, ремёслах и прочих ценностях, созданных народом. Всё это бесценное творение народной культуры – уникальное достояние общечеловеческой цивилизации.

С этих позиций урон в языке даже одного звука – это чувствительный удар по данному языку, ущерб в целом для всей мировой языковой культуры. С этим трудно не согласиться.

В настоящее время мы являемся свидетелями того, как среди русскоязычного населения изменилось написание, устное произношение и природное абхазское звучание множества абхазских имён. Подобное происходит и с именами родственных нам горских народов Кавказа.

Возникает вопрос: не являются ли эти процессы вызовом глобализации? Да, теперь все признают, что глобализация – это величайшее и всеобщее явление современности. Оно охватило все сферы жизни нашей планеты. Жизнь людей и стран во всём мире становится всё более тесно, глубоко и непосредственно взаимосвязанной, чем когда-либо ранее. К сожалению, подобно многим другим начинаниям людей, глобализация имеет как хорошие, так и негативные стороны, приносит пользу и вред.

В частности, изменение природного звучания абхазских имён – это не безобидное упрощение звукового состава этих имён. Фонемы, которые звучат в языческих (мирских) абхазских именах, уводят в этнические корни, напоминают нам в какой географической среде формировались звуки речи, яснее ясного говорят об автохтонности населения страны. Имена – это бесценное достояние народа.

В этой связи следует особо подчеркнуть одно важное обстоятельство. Огромное прогрессивное влияние русского языка, русской науки и культуры в целом сделали имена многих абхазских деятелей достоянием российской и мировой истории и культуры. Прочно вошли в российское кавказоведение, например, имена абхазских учёных Г. Дзидзария (Зизария), Х. Бгажба (Бгажәба), Ш. Инал-ипа (Инал-ипа), К. Шакрыл (Шъақрыл), М. Трапш (Трапшь) и др.; широкую известность получили писатели С. Чанба (Чанба), Б. Шинкуба (Шыынқәба), И. Когония (Кәаг-әания, Коғониа), И. Папаскири (Папасқыр) и др.; деятели искусства Ш. Пачалия (Шә. Пачалиа), Л. Касландзия (Л. Касланзия) и др.

Имена известных абхазских государственных и общественных деятелей, просветителей, учёных, писателей, героев труда и войны, генералов и других, которые приобрели в русском письме и речи русское звучание, естественно и в русской и в любой иноязычной среде, вос-

принимаются как собственно абхазские. Эти имена вошли в словарный фонд русской речи как абхазские антропонимы. Здесь возникает вопрос о взаимовлиянии культур. Но это особый, самостоятельный и большой вопрос.

Какие практические рекомендации вытекают из вышесказанного? Памятуя необратимый характер происходящих ныне языковых процессов, на мой взгляд, в ближайшее время необходимо: а) провести точную параллельную запись абхазских личных и фамильных имён на родном и русском языках; б) ускорить исследование этимологии абхазских фамильных имён; на первых порах составить популярный этимологический словарь абхазских фамилий. Очевидно то же самое следует проделать и по другим этническим собственным именам.

Литература

- Бгажба 1987:** Бгажба Х. С. Труды. Книга первая. Сухуми. 1987.
- Боденштедт 2002:** Боденштедт Фридрих. По большой и малой Абхазии. М. 2002.
- Инал-ипа 2002:** Инал-ипа Ш. Д. Антропонимия абхазов. Майкоп. 2002.
- Чирикба 2006:** Чирикба В. Вопросы сохранения и развития абхазского языка и проблемы демографии // «Республика Абхазия». 16 сентября 2006.

3. В. КАНУКОВА
(г.Владикавказ)

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА

Концептуальное рассмотрение понятия «глобализация» характеризует современное общество как целостный и взаимосвязанный мир. Тезис о глобальной культуре, о единой планетарной цивилизации находит все больше сторонников и противников.

Глобализация – объективная реальность, с очевидными позитивными и негативными проявлениями. Современный дискурс основан на определении перспектив этого процесса в различных сферах жизнедеятельности общества.

Острой проблемой является состояние традиционной культуры в условиях глобализации. Активное межэтническое взаимодействие не оставляет иллюзий о сохранении «чистых», традиционных культур. Их противостояние с инновационной культурой имеет давнюю историю, которая убеждает в тесной взаимосвязи модернизации и глобализации.

Традиционная культура народов Северного Кавказа пережила трансформационные процессы, связанные с пореформенной (2 пол. XIX века), советской и постсоветской модернизационными эпохами. Основным содержанием модернизационного процесса на Северном Кавказе, как и в других национальных регионах, всегда была и остается проблема сохранения самобытных культурных традиций. Отличительными чертами трансформационных эпох были сложный полилог этнотрадиционных культур с европейской (российской) цивилизацией, выработка способов и методов адаптации. Присоединение к России – крупное политическое событие в новой истории народов Северного Кавказа – привело их к интеграции в российское экономическое и социокультурное пространство.

Проведение реформ, освобождение зависимых сословий, развитие буржуазных экономических отношений, вовлечение в систему всероссийского рынка, появление городов – фактора форсированных преобразований, городского населения, его адаптация к неизвестным ранее возможностям развития экономики, социальной и культурной жизни привели к трансформации традиционных культур.

Российское чиновничество, уверенное в благотворности и полезности своей деятельности для «туземцев», старалось искоренить их традиции и верования. Однако традиционные культуры народов Северного Кавказа продемонстрировали и защитные механизмы, основанные на этнических функциях. Важнейшими из них являются созданные системы организации коллективной жизни, обеспечение передачи этнокультурной информации между поколениями, культурной интегрированности, формирование картины мира. Адаптационные и защитные функции этнической культуры обусловили ее сохранность.

Результатом межцивилизационного диалога европейской (российской) и местных культур стал сложнейший синтез традиций и инноваций, соотношение которых определяло реальное состояние традиционной культуры.

Советская модернизация как комплекс экономических, социальных, политических и культурных трансформаций, сопровождающихся индустриализацией, урбанизацией и другими процессами, также не справилась с задачей создания единой общности «советский народ», с интернационализацией культуры. Проявив адаптационные механизмы, национальные культуры народов Северного Кавказа вобрали в себя инновационные элементы, подверглись значительной трансформации, но избежали общего «плавильного котла» и сохранили этнокультурную самобытность.

Таким образом, модернизационные процессы стали предтечей глобализации, которая предполагает единение, унификацию культур и образа жизни разных народов. В мире создаются транснациональные системы в сфере экономики, финансов, политики, культуры, образования, формируются полигэтнические общества.

Ответом на эти процессы стал «взрыв этничности», чрезвычайно актуализировались проблемы культурной, этнической, языковой, религиозной, ментальной и других идентичностей. Несмотря на глобалистские тенденции, охватившие все человечество, этнические и религиозные сообщества, вопреки прогнозам глобалистов о рассасывании и слиянии в единую общность, активно манифестируют стремление к сохранению и возрождению своей этничности. Это явление интерпретируется как своеобразный вызов глобализации.

Обозначенные процессы глобализации и этнизации тесно взаимосвязаны: по мере унификации и превращения во «всемирную деревню» нарастает проблема сохранения этнической идентичности. Это очевидно не только у коренных народов региона, но и у этнических меньшинств, не имеющих своей государственности.

На Северном Кавказе этот процесс отчетливо прослеживается в диаспорных группах. Осетия сохраняет свою полигэтничность, в ее этнической структуре насчитывается свыше 100 различных национальностей. Среди них – классические крупные диаспоры армян и евреев, менее многочисленные немецкие, греческие, азербайджанские, польские, корейские и другие диаспорные группы. Степень сохранности этнокультурной идентичности у них разная: есть общины, всегда сохранявшие этническую консолидацию и самобытность (армяне, грузины), есть и диаспоры, пережившие мощные ассимиляционные процессы.

Но сегодня все они мобилизованы и нацелены на сохранение и возрождение своего языка и культуры. 15 лет назад они стали создавать свои национально-культурные общества, объединенные в рамках общественного движения «Наша Осетия». В структуре Министерства по делам национальностей РСО-Алания функционирует «Дом Дружбы», координирующий деятельность национальных обществ – армянского «Эребуни», азербайджанского «Азери», ассирийского «Ниневия», греческого «Прометей», грузинского «Эртоба», еврейского «Шолом», ингушского «Даймохк», кабардинского «Намыс», славянского «Русь», татарского общества имени Г. Тукая, корейского «Самченри», немецкого «Лорелея» и др.

Все, без исключения, диаспоры создали целый комплекс, включающий религиозный храм, национальную школу, благотворительное и национально-культурное общество. Они ставят и решают проблемы изучения родного языка, создают ансамбли национального танца и песни, проводят совместные фестивали, конференции, возрождают национальную праздничную культуру, изучают свою историю. Никто не желает терять национальную самобытность и уникальность.

Традиционная культура диаспор демонстрирует свои защитные свойства, свою «живучесть», в немалой степени обусловленную коммуникативной функцией.

Важно отметить, что «титульный» этнос – осетины, также охваченные процессами этнизации и сохранения этнокультурной идентичности, проявляют высокую степень толерантности в отношениях с диаспорными группами.

Таким образом, современная глобализация сталкивается с традиционными культурами, многократно подвергнутыми модернизационным процессам, но сохранившими свои защитные и адаптационные механизмы.

Имеют ли антиглобалистские панические настроения серьезные основания? Стоит ли «сражаться» с такими «разрушителями» традиционной культуры как «Макдоналды», английский язык и другими?

Возможно, для французской национальной кухни «Макдоналдс», действительно, представляет угрозу. В Осетии с ним никто не сражается. Осетинская национальная кухня в основном сохраняется в ритуально-обрядовой сфере, закрытой для «Макдоналдса». В повседневной жизни система «бистро» не представляет угрозы для традиционной культуры. Тем более, что наряду с ней распространяется множество точек национальной кухни, особенно восточной.

Перевод нартских сказаний на английский язык, их экранизация в Голливуде, возможно, способствовали бы глобализации мировой культуры. Но это не разрушает, а укрепляет традиционную культуру.

Тенденция культурной глобализации обостряет интерес к культурной самобытности. Культурное многообразие современных народов усиливается, они сохраняют и развиваются свои традиции.

Осознание и защита этнокультурной самобытности подтверждает, что человечество, становясь все более взаимосвязанным и единым, не утрачивает своего этнического многообразия.

Ю. М. БОТЯКОВ
(г. Санкт-Петербург)

ПЕРСОНАЖИ ТРАДИЦИОННОГО СЕЛЬСКОГО СООБЩЕСТВА: ПАСТУХ, ОХОТНИК

В статье речь идет, главным образом, о сельском сообществе адыго-абхазского мира. При этом основной интерес представляет система взаимодействия, сложившаяся между ядром общины и представителями ее топографической периферии. В данном случае в этой роли выступают чабан и охотник.

Чабан.

Специфика скотоводства как вида хозяйственной деятельности и, что особо следует подчеркнуть, образа жизни, неизбежно должна была создать почву для возникновения комплекса специфических черт, отличающих корпоративное сообщество пастухов. Безусловно, главной и очевидной особенностью их работы было длительное нахождение в труднодоступных горных районах.

Нхождение на краю обжитого человеком пространства в отрыве от общины формировало у чабанов специфический, отличный от остального населения психический склад личности и особую систему ментальности.

Уход в горы, где пастух проводит большую часть своей жизни, в фольклоре рассматривается как один из способов преодоления житейских неурядиц путем аскетического затворничества. «Семнадцать братьев взяли в жены семнадцать сестер; самый старший, восемнадцатый, остался без жены. Удрученный тем, что у него нет жены, ушел он в горы: братья живут припеваючи, а Куаго не возвращается, одиноко живет в горах» [Алиева, Гадагатль, Кардангушев 1974: 308].

В ряду особых признаков, характеризующих пастушеское сообщество, следует отметить выраженное чувство артельной сплоченности. Объединения пастухов имели четкую организационную структуру, систему соподчиненности и распределения обязанностей внутри группы.

Характеризуя сообщество пастухов как субкультурную группу, следует подчеркнуть сопричастность лиц, входивших в это сообщество, к особой

обрядовой практике поклонения одному из божеств многочисленного языческого пантеона – патрону скотоводства.

Пастушество, как род деятельности, было связано также с проблемой охраны скота от хищников и скотокрадов. Тяготы, которые должны были преодолевать в своей работе чабаны, подразумевали совершенно определенный тип личности, с присущим ему комплексом волевых черт характера, что не могло не сказаться в формировании позитивного отношения к ним со стороны общинников.

Статус пастуха – «человек границы», поэтому он был в равной степени обращен и к общине, и к тем, кто к ней приближается. При знакомстве с фольклором весьма отчетливо проступает та социальная роль, которая, с точки зрения создателей эпических текстов, возлагалась на пастуха. Функции пастуха – быть хранителем информации и служить «привратником», стоящим перед входом в мир общины. Пастух – первый человек, которого встречает на подступах к обжитой людьми территории вернувшийся из дальних странствий эпический герой.

«Мчится муж из мужей,
Кружит по вражьим тропам.
На перекрестке семи дорог
Нартский пастух навстречу...
Расскажи про Нартов, пастух!
Да отколь мне про Нартов знать?
Коль про Нартов не знаешь,
Что ж пасешь у семи дорог? –
Распалился Бадыноко...».

[Талла 1936: 34]

Удивление и возмущение нарта можно понять – незнание пастухом новостей противоречит сложившемуся устойчивому представлению о том, что чабан практически «всевидящ».

Пастух – не только «глаза и уши» общины, его социальная функция гораздо шире и сложнее – он посредник в самом широком смысле этого слова. Здесь можно вспомнить предание, которое услышал видный кавказовед Л.И.Лавров в ауле Лакшукай. Предание повествует о двух юношах, которые отправились на поиски приключений и подвигов. Возвращаясь на родину, один из друзей гибнет в бою. Уничтожив врагов, его товарищ с телом друга и своей невестой отправился в родные края. При этом «не доезжая до родного аула, он остановился и попросил пастуха сообщить матери погибшего, чтобы вышла принять своего сына, а потом пойти к его матери и сказать, что бы встречала сына и невестку. Пастух так и сделал» [Лавров 1982: 16].

Задача пастуха не сводится лишь к банальной передаче вести, практически он должен выполнить сложную дипломатическую миссию: сообщить двум матерям из одного аула два прямо противоположных по сути известия – радостного и трагического. Контраст очевиден. Сам юноша, как это и отмечается в предании, понимает сложность своего положения.

При рассмотрении вопроса о позиции чабана в общине весьма примечательным, на наш взгляд, является предание, также записанное Л.И Лавровым в адыгейском ауле Адэмый. В этом предании речь идет о нарте Шибатенуке, который в поисках Саусрука переправляется через р. Кубань. «На левом берегу Кубани нарт повстречал чабана и спросил его о дороге к Саусруку... Чабан догадался, что перед ним прославленный Шибатенук: «Нарт, не откажись перед дорогой подкрепиться пищей, которую я сейчас приготовлю из бычка и барана». Но Шибатенук в сердцах ответил: «Как ты посмел сказать мне такое? Не угощений ищу я, а достойного противника! Не имей я бога в душе, прибил бы тебя, как собаку!». Затем он поехал указанной ему дорогой» [Там же: 33].

Надо сказать, что герои эпоса мало «церемонятся» с пастухами. В приведенном выше тексте, повествующем о встрече Бадыноко с пастухом, нарт «трижды плетью его ударяет» за незнание хабаров о Нартах [Талла 1936: 34], причем ударяет не просто пастуха, а старого человека.

Возвращаясь к преданию о нарте Шибатенуке, следует сказать, что данный фольклорный текст примечателен фиксацией факта столкновения двух стратегий поведения. Во-первых, обращает на себя внимание, казалось бы ничем не аргументированная реакция нарта, поскольку с точки зрения традиционного этикета поведение пастуха безупречно. Пастух оказывается первый, кого встречает нарт, перейдя границу (реку Кубань), и, будучи в положении хозяина, он собирается угостить гостя. (Отметим, что поведение пастуха в целом отличает следование этикетным нормам). В этой связи ответ Нарта пастуху с точки зрения обычного сознания, напротив, есть образец грубого нарушения этикета. Неадекватным поведением героя в данном случае подчеркивается степень важности стоящей перед нартом задачи, ради осуществления которой возможен выход за рамки условностей.

Позиция нарта, персонифицирующего героику эпоса, далека от обычной идеологии «здравого смысла», представителем которой является пастух. Пастух не является носителем высоко престижной в местной среде идеологии наездничества, он воплощает в себе иные ценности, он мудрый советник главного героя, носитель звезденного подхода к жизненной ситуации, и, как следствие, его удел в повседневности.

При этом действия пастуха порой отличает известная доля житейской хитрости, являющейся зачастую тем единственным оружием, которое может использовать простой человек в противостоянии незаурядной личности «героя» или «разбойника». Отсюда и проистекает характеристика пастуха, как человека «себе на уме».

Аналогично ведет себя и чабан, разозливший Бадыноко незнанием хабаров, который вначале отговаривается неведением, ссылаясь на свою замкнутую жизнь:

«Да отколь мне про Нартов знать?
День-деньской пасу я стадо,
Настанет ночь – мертвецки сплю».

[Там же]

но потом, тем не менее, вспоминает все, что требуется.

Итак, мы можем говорить о том, что положение чабана в общине отличалось определенной самобытностью и обособленностью.

В кавказском фольклоре мы также встречаем сюжеты, в которых со всей очевидностью проступает и откровенно негативное отношение к пастуху со стороны общества. Практически общим местом в эпосе «Нарты» является обвинение главного героя в его происхождении от пастуха. «Сосруко выиграл твою дочь! – Уж лучше моя дочь без мужа останется, чем отдать ее за сына пастуха коров, – сказал Тлепш и вышел» [Алиева, Гадагатль, Кардангушев 1974: 220]. Показательно, что даже конь богатыря в кабардинском тексте в гневе обращается к своему хозяину: «Сосруко, носок чувяка, отродье пастуха!» [Талпа 1936: 25].

И в абхазской версии «Нартов» также встречается подобная мысль: «братья не любили его за то, что он был сыном пастуха Зартыжа. И поэтому не считали его за брата». В одном из абхазских преданий речь идет о двух братьях, младший из которых, забравшись на высокую скалу, не смог слезь вниз. Тогда старший брат, боясь, что он может ночью заснуть и разбиться, прибегает к хитрости. Старший брат начинает петь песню оскорбительного содержания, чтобы ярость, вызванная его словами, не позволила брату заснуть. «Даст бог, ты сорвешься со скалы и погибнешь, а я возьму твою жену, – говорит, – твоего единственного сына сделаю козлопасом и овчаром, – говорит, – твою дочь водоноской сделаю, говорит» [Хварцкия 1994: 42]. Не вызывает сомнения, что в тексте, составленном с конкретной целью разозлить человека, возможная перспектива сделать его сына пастухом предстает как крайне незавидная участь. На чем основывалось подобное отношение к пастушеству?

Во многих семьях это традиционное для населения занятие органично сочеталось с земледелием, в этих условиях все члены коллектива родственников были в равной степени пастухами и земледельцами. Тем не менее, и в рамках одной семьи уже могла существовать различная хозяйственная ориентация. При этом существовали пастухи, для которых скотоводство становилось основной сферой их жизнедеятельности. Ситуацию, когда в пастухи шли молодые парни, наши информаторы отмечали как типичную. Из местной среды в чабаны шли, в основном, люди из наиболее бедных слоев общества.

Наряду с ситуацией, когда пастухами становились наиболее бедные представители общины, в традиционной кавказской среде существовала достаточно многочисленная категория лиц, из числа которых пополнялись кадры пастухов. Речь идет о лицах, вынужденных, как правило, по причине кровной вражды, оставлять свое родное селение и искать покровительство в дальних обществах.

Отсутствие у беглецов земельной собственности в новой общине естественным образом обуславливало ту специфическую хозяйственную сферу, где отныне находили они применение своим силам. Вне всякого сомнения, вышеотмеченная ситуация, когда пастухами становились пришлые, а, следовательно, и социально менее защищенные люди, в целом отражалась на статусе пастуха в общине. Ситуация, когда пастухами становились представители наиболее сильно зависимых слоев общества, имеет на Кавказе глубокие корни. Так, Л.И. Лавров, говоря о периоде античности в этом регионе, в частности отметил: «если земледельческое хозяйство местной знати могло держаться на поочередной трудовой повинности формально свободных крестьян, то для обслуживания их стад требовался постоянный штат чабанов и табунщиков, которыми очевидно и являлись рабы» [Лавров 1978: 19].

С точки зрения одного из наших информаторов, у основной части населения, занимавшейся земледелием, отношение к пастуху двойственное. Несмотря на то, что занятие пастушеством давало человеку некое материальное благополучие (пастух – достаточно обеспеченный, «сытый» человек), отношение к нему было если не пренебрежительное, то, во всяком случае, настороженное, отстраненное. Обратим внимание на следующую деталь: пастух в общественном представлении человек, не нуждающийся, но именно «сытый», а не богатый, его благосостояние далеко не для всех является притягательным.

Возникает некий стереотип восприятия профессии чабана как удела людей необразованных, не способных ни на что большее, а в ряде случаев и умственно неполноценных.

Существовало одно очень важное обстоятельство, отмеченное нами ранее, оказывавшее свое негативное воздействие на представление местного населения о статусе пастуха. Речь идет о нахождении чабана, в силу специфики занятия, на периферии общины, обуславливающим его оторванность от общественной жизни, обрядов и праздников. «Жил сытно, но на отшибе». Чабан не может сделать «общественную карьеру», т.к. находится «не на виду». Его занятие слишком обыдено, чтобы могло помочь ему стать заметным общественным деятелем. «Занятие обычное, серое. Авторитета не завоюешь».

В качестве примера выше рассмотренной ситуации, когда уклад жизни скотовода приводит человека к отрыву от общественных интересов селения, можно привести историю взаимоотношений одного из жителей абхазского с. Члоу с остальным сельским сообществом. Человек, о котором идет речь, содержит 300 голов скота, на обслуживание которого у него уходит практически все его время. Живет он одиноко, не имея ни жены, ни детей. Этот человек не смотря на то, что все дни проводит в труде, не пользуется в селении абсолютно никаким авторитетом. Его образ жизни привел к тому, что он игнорирует важнейшие для общины события – не посещает похороны, свадьбы. Короткие, обычно по ночам, выражения сочувствия близким покойного или поздравления по случаю свадьбы формальны и не могут влиять на ситуацию. Он, что особо отмечалось нашими информаторами, не может даже найти время и разделить трапезу с родственником или соседом, даже когда сам приглашает человека к столу.

С разрушением обособленности кавказской общины и переориентацией ее на открытость внешнему миру роль пастуха, как связующего звена между отдельными сельскими сообществами, резко снизилась. Отныне традиционно сохранявшийся баланс позитивного и негативного отношений к этому роду занятий был нарушен. Чабан оказывается на самой дальней периферии общественной жизни. «Жил сытно, но на отшибе». Чабан не может сделать общественную карьеру», т.к. он не на виду. Реальный, в силу специфики занятия, отрыв чабана от общины усугубляет его положение социального аутсайдера, препятствуя участию во многих общинах делах и праздниках.

Охотник.

Охотник – один из наиболее значимых персонажей традиционного сельского сообщества. Именно с фигурой охотника связана в фольклоре сфера деятельности человека, которую можно рассматривать в качестве отголоска деяний культурного героя. Так, например, благодаря усилиям абхазского охотника Хавя Амаршана, сумевшего победить лихорадку, был положен конец ее губительным возможностям.

Принадлежность к охотничьему сообществу подразумевала причастность к особой ритуальной практике, включавшей в себя в качестве доминанты развитый культ Ажвепшхаа Абна-Инчваху – бога лесов, лесных зверей и охоты. Важным атрибутом охотничьего сообщества, как особой корпоративной группы было употребление особого «лесного» языка, который возник на почве представления о том, что животные понимают речь людей.

Занятие охотой естественным образом определяло преимущественное положение охотника вне пределов селения.

Нахождение длительное время на необжитой территории создавало условия, при которых охотник оказывался в той же роли, что и пастух, т.е. выступал в качестве стражи границы и следопыта, прекрасно ориентировавшегося в ближайших и отдаленных окрестностях селения, первым узнававшего о приближении опасности. Однако, если пастух был привязан к определенному маршруту кочевки, что существенным образом ограничивало направление его передвижения, то положение охотника, отличавшееся большей автономностью, позволяло ему не быть столь скованным с выбором направления и протяженности пути. Это состояние мобильности охотника в своем максимальном проявлении выступает в сказании о знаменитом абхазском охотнике Кудри-Али, который «кочуя из страны в другую ... сам не зная как, однажды забрел в Аварию...» [Хварцкий 1994: 235].

Роль охотника, как первопроходца, неразрывно связана с еще одним очень важным обстоятельством, а именно: охотник согласно преданиям часто является основателем селения.

Высокогорные пастбища – территория выпаса скота – находились в непосредственной близости от охотничих угодий, что естественным образом определяло тесное взаимодействие людей, вовлеченных в эти сферы деятельности. Пастушеский стан являлся необходимой базой для охотника, его надежным тылом. При этом союз охотника и пастуха базировался на представлении о высокогорье – территории, где протекала их профессиональная деятельность, как территории священной, что в значительной степени определяло их общую стратегию поведения. Более того, на практике нередко один и тот же человек в равной степени имел отношение к этим сферам деятельности. Поэтому образ охотника в фольклоре зачастую неотделим от образа пастуха. Так, если в связи с изобретением песни нарт Кятаван предстает как охотник, то в эпизоде с изобретением им флейты – уже как пастух. Ш. Инал-ипа в своей работе отмечал, что «пастухи на горных летних пастбищах выделяли из своей среды лучших охотников, которые на целые

сутки систематически уходили на охоту в труднодоступные горные места (аб ацамкыра)» [Инал-ипа 1960: 111]. Поэтому неслучайно, что и терминология, принятая для обозначения социальных дефиниций, в пастушеской и охотничьей артелях была идентичной. Тем не менее, эти виды деятельности, имевшие очевидное поле соприкосновения, представляли собой две самостоятельные отрасли хозяйства, хотя и связанные между собой «союзническими» отношениями. Даже в выше-приведенном описании Инал-ипы, когда он говорит об охотниках, картина предстает весьма прозрачная: из среды пастухов избирался охотник, который *систематически* отправлялся на промысел. Практически это уже не пастух, так как занятие охотой подразумевало длительный отрыв от человеческого жилья и соответственно выход из повседневного трудового цикла. В ряде случаев, когда речь идет, казалось бы, об опытном охотнике – чабане, на самом деле речь идет о хозяине скота, находящегося вместе со стадом.

На практике подобное размежевание между охотниками и чабанами, конечно, не носило тотальный характер, но для нас оно имеет значение в силу того, что некоторые информаторы в своих высказываниях подчеркнуто отделяли мир охотника от мира пастуха. «Охотники чабанами не были» [Архив, л.6]. «Охотник – это смелый и выносливый, порядочный и честный человек» [Там же, л.22]. «Самая уважаемая профессия» [Там же, л. 26]. «Настоящие охотники считали, что разыгрывать в горах нельзя – святое место. А чабаны другое дело» [Там же, л.24].

Подобные высказывания в адрес охотника можно было бы продолжить. Как нам представляется, с течением времени сложившийся комплекс социокультурных представлений, традиционно соотносившийся с сообществом охотников и пастухов, в народном сознании уже не мог по-прежнему этому союзу адресоваться. Подобная дифференциация в отношении охотников и пастухов была связана со значительной утратой престижности позиции пастушества как рода деятельности.

Статус высокопрестижного занятия, который закрепился за охотой, в немалой степени объясняется тем обстоятельством, что в условиях высокогорья это занятие было сопряжено с огромным риском, и рассматривалось в местной среде как сопоставимое с воинским делом. Охота является одним из любимых занятий героев-нартов.

Не менее важным обстоятельством, обусловившим заметную роль охотника в общине, является конечный результат его деятельности – распределение добычи. Приведем также короткое замечание Ш.Инал-ипа по поводу употребления мяса диких коз среди местного населения. «Мясо диких коз было любимой и почетной пищей абхазов, и добывая-

нию этой дичи придавалось важное значение» [Инал-ипа 1960: 111]. К сожалению, автор не выходит за рамки констатации этого факта, и мы не знаем тот круг представлений, в который он был вписан, точно также мы не можем сказать, существовало ли ранее особое отношение к мясу других добываемых на охоте животных и с чем конкретно оно было связано. Мы можем лишь предположить, что такое отношение существовало.

В целом же, как нам представляется, можно без большой натяжки предположить, что, возвращаясь с добычей, охотник «вносил» в мир людей из мира природы некий дар, который в силу своей особой ценности считался всеобщим достоянием, о чем говорит сложившаяся система распределения добычи.

«Охотники проводят на охоте месяца два-три, - пишет Д.Гулиа, - главным образом зимою, подвергая себя неописуемым опасностям, без всякой выгоды для себя, т.к. вся убитая дичь делится между сбравшимися на выстрел лицами и соседями, а шкуры убитых лесных животных охотники дарят дворянам, князьям и административным лицам для украшения домов. Все это не могло стимулировать развитие охоты, которая некогда здесь процветала, но к началу XX в. сделалась мало прибыльной» [Там же: 116].

Традиция распределения добычи, отодвигающая материальную сторону вопроса на задний план, дожила практически до нашей современности. Правда, в высказываниях современников речь уже не идет о том, что при разделе добычи охотник оставался практически ни с чем. Но, тем не менее, сама идея – необходимость распределения добычи между окружающими, продолжает оставаться актуальной. Точно также продолжает сохраняться позитивная точка зрения относительно фигуры самого охотника. Отметим, что в адрес охотника не было произнесено ни одного критического замечания.

Охотник предстает как человек, который продолжает придерживаться традиционного взгляда на раздел добычи, пусть уже и в несколько рудиментарном варианте. В этом отношении хотелось бы обратить внимание на интересное, с нашей точки зрения, объяснение полезности роли охотника в обществе, якобы связанное с его ролью как истребителя волков и шакалов. Как нам представляется, здесь имеет место определенная подмена. В современных условиях охотник перестал осуществлять полномасштабную функцию распределения добычи (в наши дни охотники могут при желании поделиться мясом, хотя при этом не все знают, какую часть туловища следует давать), но само представление о его значимости, как человеке, приносящем общественную пользу, про-

должает сохраняться. Этим, на наш взгляд, мотивируется современное объяснение общественной значимости деятельности охотника, соответствующее духу времени – он уничтожает хищников.

Литература

Алиева, Гадагатль, Кардангушев 1974: Нарты. Адыгский героический эпос / Составители А.И. Алиева, А.М. Гадагатль, З.П. Кардангушев. М., 1974.

Архив: Архив МАЭ РАН. К.1, Оп.2. № 1755. Л.6., 22, 24, 26 .

Инал-ипа 1960: Инал-ипа Ш. Абхазы. Историко-этнографические очерки. Сухуми,1960.

Лавров, 1978: Лавров Л.И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л.1978.

Лавров 1982: Лавров Л.И. Этнография Кавказа. Л., 1982. С.16.

Талпа 1933: Кабардинский фольклор / Вступит.статья, коммент.и словарь М.Я. Талпы. М.-Л., 1936.

Хварцкия 1994: Абхазские сказки и легенды / Составитель И. Хварцкия. М., 1994.

3. Ц. ЦАПУА

А. А. АНШБА 70 ШЫҚЕСА ИХҮҮЦРА ИАЗКНЫ (Аиубилеитө конференциаөө ақөгылара)

Хатыр зөөү Аңсны Ахәйынтқарра Ахада, Апыза-Министр, ҳасассөа, ҳколлегацәа!

Аңсса гуманитартә үцаарадыррақәа ахыынзааихъоу агөаңтара-зы, ылтцшәақәа реихшъаларазы, насгы – зөгөн реиха ихадароу – ыррәиаразы, аитбыра абидаракәа реилыркааразы ичыдоу атакы амоуп ҳңаруаа нагақәа ыпстазаареи ыррәиамтәкәеи ылацәажәара, лассыласс ырзхъапшра. Ари аус еиҳагы атакы шыттыңеит Артур Артиом-ипа Аңшба еиңш абаөхатәра злаз, зықәра иахымзаз, аха пісра-зра зөым атынха аанзыжкыз атарауаф ианизку.

А.А. Аңшба – XX ашәышықәа 60-тәи ашықәсқәа рзы иааицагылаз апхъатәи аңсса профессионалтә фольклористцәа дреиуоуп. Үсқан аңссаатцаара ахатагы хырхартақ ахасабала инагзаны ишъақәгылангыы иѣкамызт, мыөхакы ҭбаала иәниаратә м҃әйіжәәқәа еиңнамхыңызт. А.А. Аңшба аңссаатцаара иалеигалеит, ирәиенит аклассикатә филология атрадициақәа, иусумтәкәа ыртцаарадырратә өзазара даара иҳаракуп. Атарауаф итеориятә ңшаарақәа рөөн рхарта-сыртә умбо еилышууп, еиңцааиуеит атрадициатә үцаашья формақәеи аметодологиятә хырхарта өңілкәеи. Үи ирәиаратә ңстазаара аңсса филология атышәйнтәлар, ағиара аамта иасимволхеит үхәар ауеит. Үи иѣказшын атцаарадыррағ – атцаулара, апринципра, аитстазаарағ – ахзырымгара, аиаша адғылара, ахеичамхара. Иара ианакәзаалак акониунктура иеенімтөйт, иғәи ихшыңын ракөын дымбақәөзіңдоз иразкы изаанагоз ипстазааратә ышәаракәа зөгөн рөөн.

А. А. Аңшба динит 1936 шықәса, ажырынхәамза 2 рзы. Иани иаби шұтрана Лыхнытәкәан, аха үсқан Тәарчал инхон... Иаб – Артиом Еслам-ипа – зананаатла дынсын-електрикын, Москватәи аенергетикатә институт далғахъан, иан – Татиана Иасыф-ипхә Җөргөненіа-пхә – де-кономистын, атара лтцент Москва, үсқантәи Амрагыларатәи аңылажәлар руниверситет ағы. Артур дышыпшқаз (аа-мзәа шихыңуаз), 1936 шықәсазы иаб – үсқан изанаатала Тәарчалргыларағ аус зуаз – Сталини Бериес рполитика амбаңгаңәа дәркит. Х-шықәса Воркута ихганы, 1939 шықәсазы дыхынхәйт, аха Аңсны анхара азин имхын. Уиазы шықә-

сык ақара Қырттәыла (Сенакы ҳәа иахъашытоу) изанаат ала аус иуан. Ашътахъ, ипшәмапқәйс данычмазаюха, ииулак Аңсның дааит. Гәдоута араион, Хәаң ақытән аматематика артсаюыс аусура далағеит. Аха дук хара имгакәа, 1942 шықәсазы (Артур ф-шықәса дшыртагылаң) ицры-мцуа иштәз дейтадырбаандыаит.

Усқан итаркыз иахәшъапаңаңа ғыңға (урт ағәырцәйл бзия змаз арпартәан) асовет аамта иақәымшәөз агәаанагарақәа шрымаз, иара иишидыруазғы, иахъәатәйз имхәазаап! Уи акхеит, иус збаны, аашықәса иқәтән Қырттәылаң дахыргеит. Изыпцәаз аамта нцәарц х-мәкә шагыз, 1950 шықәсазы, асқатәи аазаб изымычқақәа, абаҳтағы ипсәта-заара далтцит. (Шықәсык ашътахъ иашьеиҳаб ииулак мазала ипсыбао ааганы, Лыхны иан лыварағ анышә иамеидеит.) Артур иахәшъеи иареи шыхәычзакәаз зымала изанахаз иан арт ашықәс хъантакәа иаалылым-шо ддүркәреит. Лыпсәзазаарғы далтцит 1960 шықәсазы.

Абас ала, Артур даныпшқаз инаркны иаб илакта атаңшыха имазе-ит. Акызатәык иғәағ инхаз: Хәаң ианыңыз 5–6 шықәса рыда зхымцуауз ахәызы иаб аеы дақәыртәаны, ағера иркны дауиштлозаарын. «Дка-хәуеит, иқауцозеи!» анылхәалак ан, «уашьта дхаңоуп, дашьцылааит!» ихәалозаарын аб. (Иқалап, дшыхәычзаз дөйжәззаз иаб иғәхъаагара иахылтцар А. А. Аншба иқәра дахыымгзакәа дхәыззәаз ачымазаарғы. Машәырны акәхарымызт данмаңыз инаркны лассы-ласс дцәирханы дзаапшлоз...)

Бжъ-шықәса анихытцуауз Лыхнытәи ашкол ахь дцоит Артур. Аха х-класск рәғы дыштәаз, 1945 шықәсазы, аңсуга школқәа зегъ реиңш, Лыхнытәи ашколгыы ақыртшәах ианиарга, иан ииулак Ақәаң даага-ны, Ағбатәи аурыс школ дтаптоит. Ашкол ашътахъ, 1955 шықәсазы дтаптоит Ақәатәи ахәынтқарратә артсағратә институт (афилологиатә факультет). Аинститут анхиркәша, 1960 шықәса инаркны 1962 шықә-санза иара уа – аңсуга бызшәеи алитеттуреи ркафедрағ – аңсуга ли-тература дапхъон. Анаос А. А. Аншба Москваң Адунейтә литература аинститут даспирантхоит. Аспирантура ашықәсқәа (1962 – 1965) раан, Москватәи ацарапаа рығоныңқа, А. А. Аншба итеориатә дыррақәа иаҳа-иаҳа ихаиртәаауан, мач-мач анаукатә пәтәзаара иеагәылаихалон. Җаарадырратә напхгағысгы диман аепостңаа Арфо Аветис-иңхә Петросиан (лара нартаа репос иазкыз еиңдердүруа Ақәатәи аконфе-ренция аиқеааңа дыруазәкын).

1966 шықәсазы иара уа – Адунейтә литература аинститутағ – ихъчеит акандидаттә диссертация, аңсугаа рнарттә епсө апоетика аззааракәа ирызкны. (Иаппонентәи ируазәкыз, усқан афольклор ақәшағы аус зуаз, уажәы – ақәша аиҳабы, адуней зыхъз адыруа афольклорист В. М. Гацак иахъгы А. А. Аншба иқазшьеи инаукатә баюхатәреи лассы-ласс

игәалаиршәалоит). Аңарауаң Аңсның данаа, иара аусура ахытахыз Аңсуа институтағ атып ахыықамыз азы, 1967 шыққасы агазет «Аңсны қапшы» аредакциағы ақәша аиҳабыс аусура далагоит. Иара убри ашыққасан ғұрынчқөын мза 28 рзы диасуеит Аңсуа институт ашқа. Абра аус шиуң иуан қаралында – ғұрынчқөынмза 19, 1985 шыққасанза.

А. А. Аншба аңсыуақ, интеллигентк иаҳасабала, иғазара акыр иҳара-кын. Ұиазоуп аңарауаң иғстазаара лаша ҳдоуҳатә дунеи изузагәйлым-хуагы. Афилософ О. Н. Дамения ишәкө «Аңсуа күлтүра аочеркқәа» (Ақөа, 1990) иагәлоуп А. А. Аншба идунеихәапшыша иазқыу астата. Үақа ҳаңхьюит: «Артур ихатара, уи ирәниаратә ұынха – ари хұты-суп, қәыртруоп аңсуадыррағ маңара акәымкәа, иара аңсуа милаттә күлтүрағы. Аңарауаң ғәғала иныңшуан аңсуа милаттә күлтүра ачыдарапқәа, уи ҳаамтазтәи атагылаашь. Иара иғстазаара – аңсуа-ра азыргареи, уи аикәзырхареи, аңеипш азыңшаареи ирызқын. Аңсуареи иареи азә ракөын, аңсуара акөын доуҳатә субстанциас имаз, уағытәйлесатә қысыс ихаз; аңсуара амчра – иара имчран, аңсыюра – иғсыю-ран. Аңсуаразыққа уи дыхъчағын, дыққетағын, дырәниағын! Аңсуареи аңарауаңи хеибартәауан, еизыразын, урт реизықазаашь доуҳала иразан, иңқын» (ад. 66–67).

Акыр еитқыхуп А. А. Аншба ирәниара ахәаққа. Уи дрылахәуп артца-гатә программаққа реиқәыршәареи артцага шәкәкәа рығореи, итица-ауеит аңсуа сахъаркыратә литература... Илитеатратә-критикатә ұзаамтакқа ртематика иаңанакуеит: еиуеипшым апоетцәеи ашәкәы-шоғырлареи (Д. Гулиа, С. Җанба, М. Лакрба, З. Дарсалиа, Б. Шыныңқәба, И. Җарба, Ш. Ақесба, А. Җөнниа, Т. Аңьба, С. Җаркыл үхәа) рығстаз-заареи ғылыми, аңсуа текстология, аңсуа лирикеи аңсуа жәабжъи, асахъаркыратә еиңгілік, ажурнал «Алашара» ианылоз арғиамтакқа, иара аңсуа литератураға ахат атоурых... А. А. Аншба икритикатә статиаққа рқазшың хада – ртеориятә, рсистематә хатқааара акәзар қалап, актөи аңаңқа иааркны атқылтәантәи аңаңқаақында рсахъаркы-ратә наза-аазара, ғәйілтәаара. Убриазы урт, дәеакы иаламшашь, азыхъеипш иңқында, ишәңиң икоуп иаҳындары.

Аха усгы А. А. Аншба иғстазаарағ зегь ирыңку ус хаданы иқалаз аңсуаа рәапыцтә традиция антареи атцаареи роуп. Иүхәар қалоит, адоуҳатә традиция атцааралы уи ициит ҳәа абағатәра қыда. (Ихат-агы ажәлар ғашаққа қазарыла ихәон). Абри аус еиңа ихатәааны ианыңшит аңарауаң ихшыюи ибағатәреи ғылымчара. Аңсуа фольклор-тцаара (иара аңсуа афилология ахатагы) инағзан ҳәағы иаҳзаагом А. А. Аншба итцаамтакқа ағны.

1968 шыққасы итыңыз аңарауаң ишәкө («Аңсуа нартасы рхәамтакқа рсахъаркыратә қыдараққа») злағыңыз ақазшыңқа аруакуп

излағу абызшәагы. Избан акәзар уанза аңсұа фольклортцаарағы аңсышшәала иғу инеңцыху аусумта ықамызт. Абри атқаамта иштәнхуа азцаарақәа еиҳа ихартәауп 1970 шыққасы аурысшәала иттыңыз А. А. Аншба имонография «Аңсұа нарттә епос апоетика азцаарақәа» ағы. Атқаафқа аепос ахылтцштреи ажыттәзатәи ашытаеи ыңғашаара азцаара иалахалазан ианамаз аамтазы, ари амонография атыңца иғыңыз үәйрәтракеит Кавказ жөлар рнарттә епос атқаарамоғағы. «Это – серьезный и ценный научный вклад в изучении нашего эпоса в его наименее освещенном аспекте поэтики» ҳәа аниңеит аханатә аепос ахылтцштара ауапсса ртоурых иадызхәалоз апрофессор В. И. Абаев иднүхәаларатә шәкәағы, иззиғуаз атқаамта иара иғәаанагарақәа ақырғыра ишәпнәеуазгы. Ашәкәы атыңца ыңғажы ақәдүргеит (афольклорист изырығуаз ыңғасалам шәкәкәа рөғы), иара убас – К. В. Чистов, Б. Н. Путилов ухәа – еиңырдыруа ацарапаа-афольклористтә.

Аусумта архылжәағы, нарттаа репос азы ианңоу атектікәеи иқаңоу атқаамтақәеи ыңғашшыара анағос, автор иеанишшәоит афырхатаратә-архайкатә епос ағиара здаххәалар қало аамта ағеатара. Дагъаз-кылсуеит нарттаа репос атқаағы Ш. Х. Салақана уаанза дыззаанихаз арыцхә – ҳера қалаанзатәи ахтатәи азқышықәса анцәамта. Ашәкәы иштәнхуеит нарттаа рхәамтақәа рпоетикағы хра злоу азцаарақәа ғба: аепос асиужетиғарттышьеи апоетика-стильтә еилазаашьеи. Асиужетиғарттышья азцаарағы ацарапаа иаликаауеит: аепос ажанр ахатареи (аепоси амиғи, аепоси алакәи, аепоси афырхатаратә-тоурыхтә ҳәамтеи реизықазаашьақәа ухәа), ажәабжынтаххәара аформақәеи, аепика-аамтатә өыңсахрақәеи. Атқаағы иғәаанагарала, аепикатә ҳәамта асахъаркыратә акзаара шъатас иамоуп асиужет ахтыстә үәаҳәа. Зхала иқоу амотив ауп раңхыа ағиара иалагаз, насоуп амотивқәеи аепизодқәеи неиңдö, инеңцыху, еилуу ахәамтақәа анықала. Арақа атқаағы еиҳаразак хыққыс имоу аепос асиужеттә үәаҳәа хадақәа ртоурыхтә семантика аарпшроуп. Үиазы иаликаауеит аепос ағиара аетап хадақәа ғба: заазатәии еиҳа ихьшәоуи. Заазатәи аетап ағы Сағанеи-Гәашьеи Сасрықәеи рхаесахъақәа ҭбаатыңқәуп, ңкра ыңмазам, аидиализация ыңзууп, еиҳа ихьшәоу аетап ағы урт ираптызго даға хәесахъақәак үәйрәткеит ажәлар репикатә репертуар ағы. Нарттаа репос апоетика-стильтә еилазаара иазку ахәтағы иалкаан ирзаатылоуп аепос асахъаркыратә бызшәеи, аепос ағы ажәенираалеи апрозеи реизықазаашьеи, аепикатә жәабжынтаххәареи ыңғаарақәа. Атқаамта зегъы үәаҳәа хадан иагәылгоуп – аепикатә традиция атоурыхтә знеишшәа. Апоетика-тиңгылтракея ыңғиареи ртоурыхтә өыңсахрақәеи роуп ацарапаа лымкаала дзыңклапшуа.

А. А. Аншба итцаарадырратә рәниарағы атоурыхтә-типологиатә мәтод ахархәара еиҳағы әеарцаулепт 1982 шыққасызы иттыңыз атыхәтәнәи имонография «Аңсау фольклори аңабырыгы» ағы. Аңхъатәи иусумтаққа нартаа репос атцаағы дшыққәдьыргылозар, арақа аңарауағ афольклор егъырт ажанрқәағы дрыттааюхеит, ифилологиатә дырраққа рхәаакқа иңегъ рееиңырхит, руедырцаулепт. Ашәкәи – аңарауағ шыққасыраңаалатәи итцааратә усурға иахылтыз идоктортә диссертация ауп. (Цоуп, аңарауағ официалла уи ахъчара иеазимкит, ирәниаратәаамта къағ ақәама-цама раңа зызы ари аус еиңарц итахымхазар акәхап.) Аңснытәи аңарауаа рнағсанғы, ари ашәкәи ақәөңтәра аиуит Москвантә, Санкт-Петербургынты, Кавказ-нхыңынты... Убас, В. Е. Гусев исалам шәкәағ ҳапхъоит: «Я имею возможность поздравить Вас с очень хорошим, глубоким, по-настоящему академическим исследованием. С интересом и пользой для себя, с удовольствием ее читаю».

Афольклор аңстазаара шаныңшыа агәатара атцаарадыррағы иуадағозоу, иактуалтәу азцааракқа ируакуп. Ари а проблема афольклори аетнографиеси рхәаағ икоуп, еиңиртәуп. Уиазы атцаағы арт аматәарққа руобагы еицидырыр ақөын. Уиус шакөү бзиазан ирныңшит атцаамта атқаки астили. Аңарауағ иштәхыз ажанрққа (амифологиатә-қъабзтә поезия, афырхатаратә епс, алакә, афырхатаратә-тоурыхтә рәниамтаққа, абзазаратә поезия) иртәу афольклортәи аетнографиатәи материалкөеи атеориатә литературиеи нарцаулан итицаауеит. Убри иабзоураны еилкаахоит аңсау фольклор ишаныңшыа, иахъагы ишениңәнархо ижөйтәзатәиу адунеихәәпшышыңаққеи асоциалтә-бзазаратә институткөеи. Автор конкретла дрызнеиуеит ани аума, ари аума афольклортә цөйрцра зхыләниаая аамтатә-пстазааратә ҭагылазаашьаққа. Атцаамта алкааққа ырцабыргуп еиуеипшым ажәларққа ртрадициатә культураққа пымкрада рхархәаралагы.

Аусумта дәеакы еиңшымкөа ианыңшит А. А. Аншба итеориатә дырра ҭаулеи итцааратә баюхатәреи. Атцаамта антыңыз ашыңқасан ахәынтықарратә премиазы ақәырғыларагы машәырны икамлеит. Амала, сгәанала, иоригиналтәу ари аңамта атцаарадырратә ғазара иахъанзагы иахъынзахәтоу хшығозыштыра азүүм ҳара ҳдоухатә пстазаарағы... Аха аус злоу – аңарауағ идүрра ҭаулаққа ирхылтыз ашәкәи абиғараққа наунагза ирзаанхоит.

А. А. Аншба абарт имонографиатә ҭаамтаққа аус рыдулараан дрыхъ-зон аңсау фольклор еиуеипшым егъырт азцааракқәағы. Ираңоуп ишәкә-ққа иргәйламлаз астатаққа, нағсы еиқәиршәаз, аңхъажәа зыңданы итижүйз афольклортә еизгаққа. Иара убас макъана итыхъжам А. А. Аншба аңсшәаҳь еиңеигаз ажәйтә бирзенцәа рмифқәеи рлегендакқеи.

Ақарауағифольклортқааратәусүмтәқә шығасироуз, изхылғиаауа, зегь рапхъаза иргыланы, қыдала злакта дтапшыз, зыңсабара хатынырыз хатала иара ианицаз атекстқәа роуп. Ианцамтәқәа ирыңцағу арыцхәқәа излархәо ала, А. А. Аншба ифольклореизгаратә усуга хатырхеит 1962 шыққаса иаркны. 1980 шыққасанза дрығцәажеит шәғық инареиҳаны ажәабжыхәағүәа, урт ғөынтә иагъаницеит зықъ-текст инархыхәхәо. Афольклорист иматериалқәа рғыырак зегьы бжынцамтәқәоуп. Ари атқаарадырразы хра злоу қыдароуп, избан акәзар, ишдүру еиңш, ғралатөи антқараан инеитүх ажәабжьеитахәаратә текст апсабара хатынағзаны иузеиқәырхом. Ақарауағ ианцамтәқәа ртематикатә еилазаарағ икоуп хадаратәла апсуга фольклор ағы иаадыруа ажанр хкәа зегьы ирыңаркуа атекстқәа, настыры хыпхъазара раңаала аетнографиатәи атопонимикатәи материалқәа.

Ақарауағ иғәтакқәа иреиуан абарт ианцамтәқәа хазшәкәны ртүжъра, аха уи иара дахымзагәышеит. 1989 шыққаса иааркны, Апсуга тааратә институт усқантәи адиректор В. Г. Арзынба исеиқәа ала, Артур Аншба ифольклортә материалқәа атыйжыра разырхиара салагеит. 1991 шыққасы ирхианы атыйжыртағ иштәтасқаз анапылағыра аибашъраан иблит. Аибашъра ашытх, ақарауағ ионы инхаз антқамтәқәа рыла, 90% рұғынза еиташықәссырғылает анапылағыра, еғұтығит 1995 шыққасы, «Апсугаға фольклор (Артур Аншба ианцамтәқәа)» ҳәа хызыс иаманы.

Артур Артиом-ипа Аншба Анцәа изоуижкызы аамта көағеит, ипсәта-заара ғыңқәаит 50 шыққаса дшыртагылаз, иреиаратә аамта 20 шыққаса иреиҳамхеит. Ҳара иаҳзаанхеит дзыхъаззғы дызхъымзазғы.

Ҳара иаҳуалуп (абри ажәалагала цқъа шәазхәызыр сұхуп) иреиғыз-акәоу апсуга филологцәа нағақәа – Артур Аншба, Владимир Дарсалиа, уажәааигәа иҳагхаз Владимир Аңнариа үхәа – русумтәқәа еидкыланы, текстологияла ииашаны ртүжъра. Уи қакыс иамоу дара ақарауаға ртүнх амырзра, рыхъз акамыршәра маңара акәзам, апхаззагыы иргыланы, уи иштәнахуеит, еитнахуеит, иарцаулоит ҳапсуга филология, ҳумани-тартаға тааратадырра зегьы.

А. А. АНШБА ИХАДАРОУ ИУСУМТАҚӘА РСИА

Ашөөкәә:

1. Аңса нартас әхәмтәқәа рсахъаркыратә ҹыдарақәак. Ақәа: Алашара, 1968. 63 дақьа.
2. Вопросы поэтики абхазского нартского эпоса. Тбилиси: Мецниереба, 1970. 113 с.
3. Михаил Лакербай: Творческий портрет. Сухум: Алашара, 1979. 53 с. (Совместно с В.В. Дарсалия).
4. Аамтакәа реимадара: Алитературатә-критикатә статиақәа. Ақәа: Алашара, 1980. 115 дақьа.
5. Абхазский фольклор и действительность. Тбилиси: Мецниереба, 1982. 281 с.
6. Аңса литература: Арцага шәкәы абжъаратәи ашкол ажәбатәи акласс азы. Ақәа: Алашара, 1983 (С.Л. Зыхәбен иарен еилахәны).
7. Самсон Чанба: Актикатә-биографиатә очерк. Ақәа: Алашара, 1985. 117 дақьа (В.З. Дарсалиа далахәны).
8. Аамтакәа реиқәөтира: Астатақәа. Ақәа: Алашара, 1986. 175 дақьа.
9. Аңсаа рфольклор (Артур Аншба ианцамтакәа) / Еиқәиршәеит, апхъажәеи, атекстқәа разгөаҭакәеи рарбагақәеи иөйт З.Ц. Цыапуа. Ақәа: Алашара, 1995.

Аизгакәа:

1. [Аиқәиршәара] // Аңса фольклор апограмма (Аиҳабыра ҭаратә усхәартақәа рзы) (А.Ш. Зыхәбен, С.Л. Зыхәбен, Ш.Х. Салақаиен алахәны) Ақәа: Алашара, 1968.
2. [Аиқәиршәара] // Аңса жәлар раЖәабжықәа, рашәақәа (С.Л. Зыхәбен, Ш.Х. Салақаиен алахәны). Ақәа: Алашара, 1970.
3. [Аиқәиршәара] // Аңса литература апограмма (Аиҳабыратә ҭараиуртақәа рзы) (В.П. Аиқәаби, Г.К. Гәыблииен, А.Ш. Зыхәбен, Ш.Х. Салақаиен алахәны). Ақәа: Алашара, 1971.
4. [Аиқәиршәара, апхъажәа] // Қыыча Лакрба. Итамбазо азыхъ: Жәлар рырениамтә. Ажәаңқақәа. Аетнографиатә нцамтакәа. Ақәа: Алашара, 1979.
5. [Аиқәиршәара, азгөаҭакәа] // Дырмит Гәлиа. Ифымтакәа реизга. II атом. Ақәа: Алашара, 1982.

6. [Составление, комментарии, предисловие] // Абхазская народная поэзия / Перевел Наум Гребнев. (Совместно С.Л. Зухба).
7. [Аус адулара] // Амхәыр шана: Апсуа лакәкәа. Астатақәа. Ақәа: Алашара, 1985.

Астатақәа

1. Еитагак ахатабзиара иазкны // «Алашара». 1960. №4. Ад. 85–86 (Т.М. Чания далахәны).
2. Апсуа нартса ражәабжықәа рмифологиатә шьатә // «Алашара». 1964. №3. Ад. 98–100.
3. Исследование абхазского фолькора // «Вопросы литературы». 1966. №10. С. 224–226.
4. Нартса ирыххәаау апсуа жәлар репос асиужетиәкаашъа апринципкәа // «Алашара». 1966. №1. Ад. 83–85.
5. Об именах Сосруко и Сослан // Сборник научных работ аспирантов. Сухум: Алашара. 1967. С. 111–118.
6. То же // «Алашара». 1967. №8. Ад. 82–87.
7. Сказители абхазского нартского эпоса // Научная сессия посвященная 10-летию кафедры абхазского языка и литературы. Тезисы докладов. Сухуми, 1967. С. 29–30.
8. Амифологиес асахъаркыратә табырги // «Алашара». 1967. №12. Ад. 77–81.
9. Материалы абхазского фольклора // «Вопросы литературы». 1968. №8. С. 223–224.
10. Анаука апқарақәа ирықәыршәаны итыжъу аусумта // «Алашара». 1968. №3. Ад. 93–94.
11. Стих и проза в абхазском нартском эпосе // Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. М.: Наука, 1969. С. 409–425.
12. Академик И.М. Соколови апсуа фольклори // «Алашара». 1969. №12. Ад. 73–75.
13. Иара ахата // Известия АБИЯЛИ. 1977. Вып. 2. С. 145–155.
14. Аепос ажанр аилкаараәы акрызцазкуа // «Алашара». 1969. №4. Ад. 81–87.
15. Иахъатәи апсуа жәабжъ аәниараәы икоу хырхартәкәак // «Алашара». 1970. №7. Ад. 84–92.
16. Апсуа лакә иазку амонография // «Алашара». 1970. №10. Ад. 93–95.
17. Ашътажъажәа // Ажәа хыршәыгәкәа / Еизигеит, аус рыдиулепит Ш. Камкыиа. Ақәа: Алашара, 1970. Ад.

18. К спорам о происхождении первоначального ядра нартского эпоса // «Мацне». 1971. №4. С. 85–92.
19. Современное абхазское село по прозе И. Тарба и Б. Шинкуба // Известия АБИЯЛИ. 1972. Вып.1. С. 31–42.
20. Этнографические и фольклористические исследования в Абхазии за годы советской власти // «Советская этнография». 1974. №1. С. 84–92 (Совместно с С.Л. Зухба).
21. Проза // Очерки истории абхазской литературы. Под редакцией Х.С. Бгажба и Ш.Х. Салакая. Сухуми: Алашара, 1974. С. 213–256.
22. Отголоски близничного мифа в абхазском фольклоре // Известия АБИЯЛИ. 1975. Вып. 4. С. 72–80.
23. Хаштра зқәым аамта // «Алашара». 1975. №5. Ад. 94–95.
24. Абхазские культовые песни // Известия АБИЯЛИ. 1976. Вып.5. С. 92–108.
25. Первая хрестоматия по абхазскому фольклору // Альманах «Критика». 1976. №1. С. 27–34.
26. Ареиара аprobлемақәа ирызку аусумта // «Алашара». 1976. №6. Ад. 79–85.
27. Аңсуа текстология азцаара иазкны // «Алашара». – 1977. №1. Ад. 80–83.
28. Аңсуа текстология азцаара иазкны // Ажәеи аамтеи: Алитературатә-критикатә статиақәа реизга. Ақәа: Алашара, 1978. Ад. 22–29.
29. Ахәатәи ахәашьеи // Ажәеи аамтеи: Алитературатә-критикатә статиақәа реизга. Ақәа: Алашара, 1978. Ад. 29–38.
30. Апхъажәа // Кәыча Лакрба. Итамбазо азыхъ: Жәлар рырәиамта. Ажәаңқақәа. Аетнографиатә нцамтақәа / Еиқөиршөеит, апхъажәа иօит А.А. Аншба. Ақәа: Алашара, 1979. Ад. 3–4.
31. Асахъаркыратә проза алшарақәа // «Алашара». 1979. №12. Ад.
32. Аңсуа жәлар рыбзазаратә поэзия // Аңсуа институт Адыррақәа. 1980. Ат. 9. Ад. 84–97.
33. Таиф Аңьба ипоезиатә дунеи // Ажәеи аамтеи: Алитературатә-критикатә статиақәа реизга. Ақәа: Алашара, 1980. Ад. 3–19.
34. Никәала Кәытңиа ипоезии ипрозеи // «Алашара». 1980. №8. Ад. 83–90.
35. Атоурыхи иахъатәи аамтеи // «Алашара». 1981. №10. Ад. 99–104.
36. Сарион Җаркыыл ипоэзия // Ажәеи аамтеи: Алитературатә-критикатә статиақәа реизга. Ақәа: Алашара, 1981. Ад. 3–11.
37. Предисловие // Абхазская народная поэзия. Перевел Наум Гребнев / Составление и комментарии А.А. Аншба и С.Л. Зухба; Предисловие А.А. Аншба. Сухуми: Алашара, 1983. С. 3–10.

38. Иахъатәи аңсұа лирика атагылазаашъазы ажәақәак // «Алашара». 1984. №9. Ад. 77–83.
39. [1920-тәи ашықәсқәа раантәи апроза (хәтакала – В. В. Дарсалиа); Б. Шыынқәба ипоезия] // Аңсұа литература атоурых. Актәи ашәкәы. Ақәа: Алашара, 1986. Ад. 87–96, 253–260.
40. Агулшап. Аджныш. Аерг. Афы. Ацаны // Мифы народов мира: Энциклопедия в двух томах. 2-е издание. М.: Советская энциклопедия, 1987. Т.1. С.36, 44, 49, 136, 142.
41. Саунау // Мифы народов мира: Энциклопедия в двух томах. 2-е издание. М.: Советская энциклопедия, 1988. Т.2. С. 418.
42. Жәабжықәафык ирепертуар / З.Цъ. Цъапуа иккыпхымтаны // «Алашара». 2005. №2. Ад. 142–145.

Еңқәиршәеит З.Цъ. Цъапуа

А. А. АНШБА

АЕПОС АЖАНР АИЛКААРАӘЫ АКЫРЗДАЗКУА¹

Аңсны иқам кәакък, нартаа рхәамтақәа ахырызымдыруа. Адунеи ахыынзаназаазо апшаара уадафуп аңсуаа рөи еипш ажәйтәзатәи афырхаттаратә епос иахъагы ауаа ирылатәаны, ирдыруа иахъыкоу. Нартаа репос ҳапхъақа итызцаараны икоу рзы аинтерес атоуп ҳәа сгәи иаанагоит, аепос ажәабжъхәафәеи, ашәаҳәафәеи, иара базашьас иамоуи рзы алада иаахъо аматериалқәа.

Ишдыруеиңш, нартаархәамтақәа, рхәашъааформала, ажәабжъқәоуп, ма ашәақәоуп. Ҳара ҳхата иагъхмаҳаң, иагъанаҳамцаң, аха ианызцахъоу ишырыюа ала, иупылоит ҳәамтак ағы ажәабжыи ашәеи еилатсаны изхәо ажәабжъхәафәа. Иахъатәи аепос атагылазаашьала уахәаңшны, ажәйтәангыи ас иқазу иқамзу аилкаара уадафуп. Нартаа рхәамтақәа рзы ацарапаа иреиуоу үюнкү ажәйтәан урт ашәақәан рхәоит, даеа үюнкүлүк – урт ашәаңгыи ажәабжыынгыи ирхәон ҳәа азгәартоит. Ҳара ҳгәанала, нартаа рхәамтақәа рхы аныңырхуаз ҳәашьа формала изеиңшрақәаз аилкаара цәгъоуп. Иара убас икоу анцамтақәа рыла иуадафуп ажәабжъхәафәеи ашәаҳәафәеи рқазара атцаара, убри ақнытә ирацәоуп имәнгатәу ауснагзатәкәа.

Акы, нартаа рхәамтақәеи егъырт ажәйтәзатәи афольклори реизгара аус ырцых-цыхтәуп. Иашоуп, Д.И. Гәлия ихъз зху Аңснытәи абызшәеи, алитетаруреи, атоурыхи риннститут есышықәса имәнгатагоит аекспедициақәа. Аха урт аекспедициақәа зегъ рыла еиқәшәам, ирымам амагни-тафонқәа, афотоаппаратқәа, атранспорт. Аха зегъ рыла ҳәиқәшәахаанза ҳәа унапқәа еиқәңсаны узтәом, избанзар, ажәйтәзатәи афольклор здыруа зықәрахъ инеихъоу роуп. Урт, ңсабарала ишапу еипш, рхып-хәзара есааира имаңхоит. Арахъ нартаа рхәамтақәагыи зегъ анцоуп ҳәа макъана иузхәом. Сара сыйхәтаахъ абри агәра снаргеит абас еипш иқаз факткүгү: 1963 шықәсазы Гәдоута араион, Хәаң ақыттан 38 шықәса иртагылаз Аңқәаб Симон Пағ-иңа иқнытә ианысцейт Нарта Сасрыкәа изкыз сиужетк, уажәраанза шәкәыл ианымлац. Сара иахъынзаздыруа,

¹ Асттия аагоуп ажурнал «Алашара» (1969, №4, ад. 81–87) ақынта. Акының иазирхиенит 3.Ц. Җапуа.

ари еиңш асиужет упылазом нартас рхәамтақәа змоу егырт Кавказ иқәйнх ажәларқәа рәғғы. С.П. Аңқәаб излеиҳәо ала, иабду нартас рхәамтақәа раңаазаны идыруан, ахәыңқәа (иарғы убарт днарылаца-ны) уи изызырғора бзия ирбон. «Саныхәыңыз издыркәоз раңаан, аха уажәы исхаштит, ацарапаа уи шыртакхоз здыруазар исхасыршту-мыйт» ихәеит С.П. Аңқәаб.

Еиңдүрүра аурыс былинқәа реизгағы А.Ф. Гильфердинг аурыс бы-линқәа Абадатәи Урыстәыла рышыңқәырхара ө-мзык роуп иамоу ҳәа ипхъязон: уақа ахратәра уиақара иахығәәмзи ацара змаз ауааа зы-нза иахъмачзи.

Хәарас иатахузей, ауағы итагылазаашья зеиңшроу еиңш ауп ихә-ыцшыагы шықоу. Даҳьиашоу раңауп Гильфердинг. Аңсны, Уры-стәылан еиңш, ахратәра ғәғәамызт. Иқалап, жәйтәнатә аахыс аңсуюа ирымаз афырхатаратә традиция ганкахъалаты афеодалцәа раҳ-ратәра иағағылозар? Уи азы акәхап ахратәра Аңсны зыңзак аәаар-тыңқыаны акәымкәа, аөырғашынан ахы зңәирнаго анхаңәеи афео-далцәеи реизықазаашьяғы (ахәпхара, ауааҳәра, аазара). Иара убас Аңсны зтагылаз ацарадарагы (баша ирымхәазаап, «абзиеи аңғәгьеи рышхәа еивткоуп» ҳәа) ажәйтә ажәабжықәа раанхара иазеиғхеит. Иахъа күлтүрала акыр тұхъақа ҳцеит. Уажәы, зехъынцъара икоуп арадио, ателевизор, ашъха аназарағы икоу ақытакәа рәғғы ирбонит акино, қытаңыпхъза абиблиотекақәеи, аклубқәеи, ашколқәеи ахығам ықазам. Изазарызеи, ари еиңш атагылазаашья иахъатәи ағар ажә-ытә ажәабжықәа разызырғора иацәхнақьоит. Аха ицарада, ышәрак ззымдүрүаз абыргңәа иахъанза иааргейт ҳкултүрағы хәы змазам на-ртас рхәамтақәа.

Атагылазаашьяқәа злақоу ала, аңсуюа ржәйтә епикатә ҳәамтақәа реизгара еиңа аңакы амоуп, еиңа иахырпратәым усуп, урт рытцаара аа-ста. Ари аус иахъа ацарапаа рымасыра рзы акәымкәа, хәыңык ағышы, апхъашыа здыруа рзғы иуалпшыа дуны икоуп.

Хәарас иатахузей, ажәйтә ажәабжықәа инарыварғыланы ианцалатә-уп афольклор инеиңынкыланы ажанрқәа зегъы. Арақа аңхыраара ду қарцар рылшоит ақытәетәи артсаңаңаи астудентцәеи. Сгәы излаанаго ала, афольклор аизгараан урт иртакхоит амса иқәызтцаша аметодикатә ңұрыаагза. Астудентцәа, анауқағы рхала аусура иадыршыларц азы акурстә усумтақәа ддирғоуеит. Уақа астудентцәа еизырғо афольклортә материал рхы иадырхәар қалоит. Иаххәап, абас еиңш икоу адцақәа рырттар: аңсуюа фольклор еиңшым ажанрқәа рсиақәа рықатцара (ка-талогизация), ахсаалағы афольклортә нцамтақәа рарбара (картогра-фия), ажәлар рхатас афольклор ишазненеуа (ихартцо, ихарымцо) ухәа убас итегъғы.

Афольклор аизгара рацәак зазымкуа усуп ҳәа изыпхъазо ықазар, иргәларшәтәуп аурыс револиуциатә демократ Н.Г. Чернышевски иажәақәа: «... посвящать свою жизнь собиранию народных песен – прекрасный подвиг».

Оба, иахъауажәраанза еизгоу аматериал азхом иреиғъзоу ашәаҗәа-оцәеи ажәабжъхәаоцәеи ирызкны афольклористикатә очерккәа рыйфаралы, урт рәказара аарпшразы.

Хәргызы, дахтакуп иахъа амузыка здыруа афольклорист. Иашоуп, ҳара иҳамоуп апсуа музыка иазку аусумтакәа (К. Ковач, И. Кортуа, И. Аҳашба убас егъиртгъы), аха урт рәкны ҳара иаабо ажәа иадхәалазамкәа апсуа ашәақәа рмелодикатә еиғартәыша мацара аилыргароуп. Иара убас апсуа ашәақәа ртексткәа афилологиатә анализ рыйзуп (Ш.Д. Инал-ипа, Б.У. Шыынқәба, Ш.Хь. Салақана ухәа убас егъиртгъы), аха урт рәкны хыро рытам амузыка аганахъала. Макъаназы ҳара иҳамам усумтак, апсуа ашәақәа ражәақәеи рмелодиатә еиғартәышьеи еидкыланы итызцаауа, иаххәап, Қ. Цхурбаева ауаңсаа рфырхатаратә ашәақәа рзы илюз атцаамта еипшү. Ари аус, хымпәда, ирластәуп ажәйтә ашәақәа (еихарак, нартаа рашәақәа) здыруа, урт апхъарца ианцаны изхәо абыргцәа рыйхыраара ду ала. Ҳәарас иаҭахузеи, ари астатағы апсуаа рашәақәа ражәақәеи рмелодиақәеи неидкыланы анализ рзура оеазыскып ҳәа сгәы итазам.

Сара арақа хықәкыс исымоу нартаа ражәабжъқәеи рашәақәеи зхәо абыргцәа ррепертуар ишазнеуиа азаатғылароуп.

Рапхъа иргыланы иазгөататәуп, Аңсны апасагы ишықамыз, уажәгъы ишықам ажәабжъи ашәеи рхәара занатс измаз ауаа. Уи схәеит ҳәа, Кавказ ахынзаназаа зо иахъакәзаалакъ атарауаа үзара иазгәарымтаңт лымкаала ажәабжъи ашәеи ахыиддырцоз «школк», иаххәап, ажәйтәан Бырзентәыла, абжъаратәи ашәышықәсақәа рзы Амраҭашәаратәи Европеи, Монголиеи, Абжъаратәи Азииеи рәкны ишықаз еипш.

Апсынтыла ажәабжъи ашәеи рхәара занатс ирымкыр ада ңысхәа рыммамкәәнгъы иқамызт, избанзар апсуаа ирыммамызт, иаххәап, уажәгъы акиргизцәа ирхәо рпоемадузза «Манас» ҳәа изыштыу еипш, ахәамтә (уи «Илиадеи», «Одиссеии» рааста акырынтә еихауп – иааипмұрқызакәа шықәсыла ианыртсон). «Манас» еипш идүззоу апоемақәа, хымпәда, лымкаала атара ртажын. Урт ауағы иғеникыларц азы иаҭахын аамтә, азықатца, қыдалатәи ашкол. Ҳара ҳәнни акәзар, реихарағык рзы иажәабжъхәаоцәоуп ҳәа ухәар улшоит. Дықам апсыуак (еигъу-еицәоу ҳәа ҳалампшузаз), ҳәамтак аиҭахәара злымшо. Уимоу, ажәабжъхәафи ашәаҳәафи рәказара, рбағхатәра аилкаарагы мариазам. Уи еихарак излеилукаауа, ажәлар рәкны ихъз шырхәо ала ауп. Аха зны-зынла, абри еипш ажәйтә ажәабжъқәа, ажәйтәтәи «аҭоурых» (Нартаа репосгы

налацаны) здыруа дықазам ҳәа ззырхәо, «исгәалашәом, ма исахаҳыан, аха исхаштит» ҳәа уеиҳәоит. Егни, ажәлар рәғи үиақара ирзыымдыруа (избанзар ихзыргара үиақара даштым, ма даңғылхашъоит, ма хыро азиуеит, раңақ зңазымкуа акеиңш дахәапшуюеит), иаацъоушыаша ажәабжы бзиақәа уеиҳәоит.

Иқалап, Ағсны ажәабжы қәаңәа ыраңа ышкы ағсуа жәйтәнатә аахыс ңсабарала иримоу ажәабжы қәаңәа азқазара акәзар. Ағсуа ырбазаша бзианы издыруа, ағсуа нбан шәкәи авторцәа ируазәкыз К. Д. Мачавариани иоуан: «Иаабахъо аоратор, ма ицарадоу апоет уанызырыфуа, ыруа иңоушыаша уздырзом – ажәақәеи ахәоуқәеи насыпла реиғартыыша акөу, логикала еиштарғыланы рәашьыша акөу. Зны-зынла ағсуа бызшәағы икоу ажәак, ма бжык атәым бызшәағы 5-6 ажәа анаңсаҳуа қалалоит. Аныхәарақәеи агәиртъаратә еизарақәеи раан ағсуа жәлар рпөетцәа мышкы хәлаанза рифмала еиқәрышәаны ашәа рхырхәауеит еиуенпшым афырхатцәа рфырхатарақәа, ма икыл-каау сатирала ихыыздырттуюеит ағъанғышра мөапызгаяу ауа, ма уажәлларатә гәыңк. Урт реиҳарағык иоригиналу амузыкатә инструмен-тқәа адырхәоит» [Мачавариани 1910: 8].

Ағсуа жәлар рашәаҳәа ызәә ызәә рапхъазатәи адырра ҳалтоит археолог аграфиниа Уварова XIX ашәышықәса антәамтазы: «Адәи агәтаны амца еиқәрыцент, иаакәрышаны итәеит атауад иғы еизаз иқытауаа. Урт ырбжъара икан ҭауди-аамстен иреиуаз азәык-ғыңызак. Алашә атауад иаша, атыпантәи х-рахәыцк змаз инструмент иантаны фырхатаратә поемақәак аирхәон, уи иңдирғызуан итәақәаз. Аарлахәа инаңқыарақәа ырхышыуа, ашышықәа, иғәирпшагаха ашәа ихәон ашәаҳәа ырцха. Нас ибжы еиҳа-еиҳа иштыңца иалагеит, зегы өүхеит, зегы өеибаргылент – ағацахәа игеит ашәа ажәйтәтәи аибашырақәеи, ииасхьюа ақәыларақәеи, апсатәи ахъз-апшеи ирызкны. Анапеинкабжы геит, ғыңыз ахъирпшарцәа аақәлан икәашеит. Урт рәғырпштәи егыртгы аланагалт, икәашон зегы – иҳаңыз аеыуааи, асасцәеи, ағари, абыргцәеи» [Уварова 1891].

Арақа Уварова зызбахә лымоу ашәаҳәа ыиңдирдыруа ағсуа ңхарцархәағы, ашәаҳәа-асатирик Жана Ачбайоупхәа угәниаанагартә икоуп. Уварова зызбахә лхәо ашәаҳәа ыи М. Лакрба збиография еиқәиршәаз асатирик Жана Ачбей ыиңзееңшү даара ираңоуп. Акы, рөңғылагы Җандаралатәкәоуп; ғоба, рөңғылагы лашәңәоуп; хпа, рөңғылагы хылтшытрана ҭаудцәоуп; ңшыба, аамтала рыңғазаарақәа еиқәшәоит; хәбагы, рөңғылагы ңхарцархәа ыоуп.

Ажәлар рашәақәа ыртцаарағы акыр ырткаркуеит Б.У. Шыынқәба иажәақәа: «Даара иуадағоуп, аиашазы, абри аизга («Ағсуа жәлар рпое-зия» – А.А.) иану мацарада ағсуа жәлар рпоезия ахә ашьара. Ашәкәы

ианымтакәа иаанхаз, ма иаҳзыымдырзо ибжъазыз ахәамтакәа рымаса-ра ракәым ари ахәшьара зыруадафуа.

Лымкаала иазгәахтароуп, араға ҳара иҳамоу ажәа (атекст) мацара шакәу, ара ишықам ашәа (амелодия), амузыка (апхъарца, ма ачамгәйр). Иахъа уажәраанзагы ҳара ҳәаптың поезия абарәт ақазара ахәтакәа ирықәгамкәа ауп ишаабо, уимоу, ұьара-ұьарағы арт ахәтакәа акәашарақәагы ахърыңло ықоуп.

Иаагап Сасрықәа итахара иаххәаау ашәа. Ажәакәа ҳанрыпхъалак ҳәры иахәоит, аха убри апхъарца ианцаны, ашәа ақәхәо ианырхәо уа-хар – зынза әеакзоуп, усқан еиҳа амч амоуп, еиҳа иғәйтшыаагахоит; еиғурпшыр алшоит: аопера алибретто уапхъари, иара ахатә атеатр ағы үтәаны иуахари еиғшхома?!» [Шыынқәба 1959: 4].

‘Әирпштәө ҳасабла автор иааигоит дхәычы аахыс ихамштыз иғәыла Басиат ҳәа Ҷыапуак итхъарцархәашьа. Арт ажәакәа еиҳа иаҳдырбоит ашәақәа риестетикатә мчы анааңшуа ианырхәо аамтазы шакәу. Аха, рыңхарас иқалаз, ашәаҳәаօцәа рәказара атцаара зыруадафуа, хыхъ ишаҳдәахъоу еиғш, даара ираңзоуп. Акы, зынза имачуп фонетикала ииашаны иану ашәақәа ртекстқәа, әба, иҳамазам нартәа рашәақәа рмузыкатә анализ, хпа, иҳамам ҳашәаҳәаօцәа ирызку афольклористи-катә очеркқәа.

Нартәа рхәамтакәа зәәо ажәабжъхәаօцәа рәказара азцаара далацә-ажәоит апрофессор Ш.Д. Инал-ипа 1963 шыққасызы Ақәа иқаз нартәа репос адрырыօцәа рконференциәө. Уи иҳәон: «Жәабжъхәаօцәақәақ ахәамтакәа рәказы еиңархәоит, дәеа үюукых, үаға иаанымгылакәа, анс акәу, арс акәу, Алексика инаркны акомпозициатә еиғартәышъанза, ахә-амтакәа ирымоу асахъаркыратә қыдарақәа аадырпшүеит» [Инал-ипа 1963: 90]. Ари азгәатә даара интерес атоуп, аха рыңхарас иқалаз, из-еиғшцәоуп, конкреттә материалла ихартәаам, артабыргра ацәмачуп. Иқоуп ажәабжъхәара иазқазоу ауаа, иазқазамгы, аха ари алкаа ма-цара акгы ҳнағазом: иаҳтахуп урт ррепертуар детальла, хәың-хәыңла аилыргара.

Иҳәатәуп афольклор ажанрқәа руак лымкаала иазқазоу аңсуюа рәкны ишықам, аха лакәк ззыымдыруа, шамахамзар, дұптылом, нартәа рхәамтакәа ракәзар, урт заҳахъоу раңғағазазаргы, ахы инаркны еиңкаа-уа ахәара зылшауа мачоуп. Нартәа рхәамтакәа здыруа рахыннтәгы апхъарца ианцаны, урт ашәаны изхәо рхыпхъазара еиҳагы еиңдоуп.

Нартәа рашәақәеи ражәабжъқәеи аурыс быйшәахъ еиңазгоз рәап-хъагы иғылоит ажәабжъхәара иаңоу ақазара атцаара. Убри аганахъала даара интерес атоуп нартәа рашәақәа аурысшәахъ еиңазгаз С.И. Липкин хыхъ иаҳарбаз аконференциәөи иқаицаз ажәахә. Нартәа рашәақәа ирыңдоу «амазақәа» рыңхразы уи дңоит аңсую қытакәа

рахъ, дрыңцәажәоит атахмадацәа, дырзызыроуеит урт рашәақәа, еиликаауеит урт рмузыкатәи рритмикатәи еиғартәышъя. Иқәғылараан уи ихәеит: «Схәғы даанхеит ашәаҳәаф Арстаа Қастеи – макъаназы зықәра зымфацыз, ахылпарч лақә зхаз, аҳазыртра шкәакәақәа згәы икыдыз, акәымжәы иатәа зшәыз. Уи амузыка иантаны ихәон нартаа рхәамтақәа. Рағхатәи астопа уи еиҳарл ө-цырак аман, даараза еицихуан, нас еиҳа-еиҳа иритм, итемп ирласуан. Алагамта иара иәы даара акратанакуан, аха Сасрықәа иашәаөы, сара излазгәастаз ала, атемп ирццакуан. Ашәаҳәара уи далағон ҭынч, ибжы шытымхәекәа. Сара абри сгәалашәоит – ибжы даара иаартуп – абри «уаанан» аниҳәо. Усқан сара схазы игәастеит: угәы иаанагарын уи нартаа репос ашъхақәа ирхырууааны адунеи зегъы иидирхар итахуп ҳәа, убас ибжы аартын. Нас иаразнак ибжы, ихәашъя ирццакуан.

Етъи ашәаҳәаф – Сақания Маадан – ибжы даара идуун, иәацаза иәкан, ииҳәо зегъы цөнаны иуахауан. Сара арақагыбы схазы ианысцеит инапқәа уиақара ицирхыраауам ҳәа. Аха зегъакоуп Маадан – есымша дартиступ, театрк дағсуеит» [Архив АБНИИ, аф.2, №148, ад. 9-10]. Алада, уи излеиҳәо ала, ажәабжъхәаөцәа ччазом, аччара ахъатахугъы ирындырпшзом ирхәо ишазыкоу. Диашоуп, иара убас уи нартаа репос ағы апоезиағы ақәым, апразағыы имачуп «асахъаркыратәматәахәекәа» ҳәа ииҳәо азы [Иара уа].

Иқалап диашазаргъы, иара убас (крызцазкуа акы ақәымзаргъы) ажәабжъхәаөцәа рхәашъя аманера ҳәа иазгәеито: «Даара аинтерес атоуп уи (ашәаҳәаф – А.А.) ажәенираалахь дшиасуа. Уи асқам амаахъ иөхъиршәтны, минутк ақара ҭынч дтөоуп, тәк дүззак змоу акы шықалауа итөо азықаңтарц итахушәа, нас ашәаҳәара далағоит. Угәы иаанагоит: ииҳәо иахъя иқалазшәа, ажәйтәра иатәымызшәа» [Иара уа: ад. 10].

Зынзаскгъы ииашазам ҳәа сгәы иаанагоит, нартаа репос ҹыда қазшъас еиқарам астопақәа амоуп ҳәа С.И. Липкин ииҳәо. Ахъзыртәрақәа ҳамгозар (урт зегъ реиҳагыбы ажәенираалатә қазшъа рымоуп), апсуа жәлар егъырт рашәақәа рәи абжықәытәра змам ацырақәа рхыпхъазара ҭакы рымазам дара ашәақәа ршәагеи рритмикеи реилкаарағы. Ашәақәа рәкны аус злуу ақәытәра змоу ацырақәа роуп. Урт үәаҳәек ақны иахъыло рхыпхъазаралоуп излеилахқаауа ашәақәа ршәагеи рритмикатә-интонациатә еиғартәышъеи. Ақәытәра змам ацырақәа үәаҳәек ағы ираңаахар рылшоит, дәеа үәаҳәек ағы – еиңаахар. Убри ақнытә апсуаа рашәақәа ашәаны иумхәозар, ишану урыпхъар прозоуп ухәап. Убри азоуп изырхәо – апсуа жәлар рашәақәа рритмикеи ршәагеи рцаразы атексти амелодиеси еидкыланы итцаатәуп ҳәа.

Ишдыру еиңш, нартаа ражәабжъқәа зхәо ирызкны очеркк иадамхаргъы ихамазам. Убри аганахъала аинтерес ду атоуп Г.Д. Гәлия истатия

«Аңса Мафусаилцәә» [Гулиа 1966]. Ҳәарада, ари фольклористикатә статиам. Арақа ҳара иаабом ажәабжықәә иидыруа афольклортә материал (ирепертуар), уи анихәо изеиҳәо иара ишизықоу, иара ихата иихәауа дшахәапшуа (ихаицо, ихаимцо), атара имоу, имаму, абызшәақәә иидыруа, дахънеихъоу-дахъваахъоу (Аңсны антың дахъцахъоу) ухәа убас итегъгы. Аха иагъа ус акәзаргъы, ашәкәйиօы ихәитоит ажәабжы-хәаօцәә рыңғазаара ақнитә биографиатә дырратарақәак.

Гъ.Д. Гәлиа даатғыланы дахцәажәоит нартәа ражәабжықәә ибзиазаны издыруа рахъынтың азәы ҳәа иупхъазаша Сеилаҳ Бытәба ипстазаара. Уи дынхоит Очамчыра араион, Атара ақытән. Гъ.Д. Гәлиа излеиҳәо ала, уи, шәы-шықәса дышреихаугъы, бзия ибаны ашәа ихәоит, дкәашоит, абыргүзәа рансамбль далоуп. Гыларыла днырхарам, аха ауафы қағ-қағ замана, ашъеи ахши еилатәо дықоуп. Абар уи игәамч азы ашәкәйиօы иихәо: «Сеилаҳ ласы-ласс итаалоит аетнографцәа, ажәйтә ашәақәеи ахәамтәқәеи шәқаимхәари ҳәа агәыгра рыманы. Амузыка-дрыыю И. Кортуа исеиҳәон зны Сеилаҳи иареи икъақъаза иаашаанза, ахәыштаара иадтәаллан еицәажәо ишенихалаз. Урт афы ржәуан, абырг нартәа рашәақәә ихәон – уахъзаны иузандозар.

– Сара сшыапы сзықәымгылауа скарахеит, – ихәеит И. Кортуа, – Сеилаҳ иакәзар, уи абыржәы иөы ааизәзәазшәа дықан: длахөыхза, дпышә-ирччауа [Гулиа 1966: 179].

Ҳәарада, Сеилаҳ Бытәба иреиғъзоу ажәабжықәаօцәа дреиуоуп, аха, Гъ.Д. Гәлиа ишазгәеит еипш, ахәамтәқәа зегъы еидызкылауа, еизаку атекст (свод) иидыруеит ҳәа ахәара иара изгъы, Аңсны иқәынхо ажәабжықәаօцәа рахътә даәазә изгъы ииашам.

Нартәа рхәамтәқәа рыңғазааօцәа рзы аус злуу ажәабжықәаօцәа хып-хъазарала шақа ҳәамтә идьруа акәзам, урт дышрызнеиуа ауп. Уи нартәа ражәабжықәа иқалахъоу акеиғш дрызнеиуеит, иихәо агәра игоит. Абри абас шакөу иара Сеилаҳ иажәақәа иаҳдырбоит (ианицеит Ш.Х. Салақаина): «Нарт Сасрықәа иашыцәа датәарбомызт. Дзатәарымбоз уиакәын – нартәа рыхәхъча Нарцъхъоу дихылтцит. Дылгәапхан даалп-хъеит. (Алакә алан истахым сара ахәара. Уи шәөык иашыцәа ықан, иара дшәиазәын. Ҳабацәа ишырхәаз ус ауп. Нартәа егъырт аб дрыман зхәақәо ықоуп, аха уи ииашам. Үсқан хатара ықамызт. Апхәыс илгәапхо даалпхъон, убри апхәыс илыкхшоз ракәын аишыцәагъы аиҳәашыцәагъы). Иаагап даәа өүрпштәык: «Нас дара (нартәа – А.А.) рхала еибашыын, иаақәибахит. Нартәа рнышәынтрақәа збахъоу, издыруа ауафы исеиҳә-ахъеит – Нхың Қәбина ауп дара ахъықоу».

Бытәба Сеилаҳ Шъааб-ипа дииит, дагынхоит Атара. Атара имазам, иара ихәашьала, атыркәшәеи агыршәеи хәыч-мыыцқәак иидыруеит. «Атыркәшәа садхалар саламфасуеит» ихәалоит иара. Нартәа ражә-

абжықәа иаб иәицааит. Сеилах, ирепертуар еиднакылауа нартaa ре-пос афырхацәа хадақәа – Сасрыкәа, Саңанеи-Гәашьа, Гәында-пшза – ирызку ахәамтақәа роуп. Сара иахыынзаздыруа ала, уи иқынтә иа-нцазам егъырт нартaa дуқәа (Цәыцә, Нарцыхъоу, Хәажәарпыс ухәа) ирызку ахәамтақәа. Насгыы еилкаам нартaa рхәамтақәа рыда егъырт афольклортә жанркәа иидыруа.

Ажәабжыхәафцәа зегъы нартaa рхәамтақәа еиңшы ирыхәаңшу-ам. Урт ҳазымцо, лакәс изыпхъазо ыкоуп. Дара ихазымцо рахъгыы акы ацымтакәа рабацәа ркынитә ишраҳаз изхәақоугыы упьлоит. Урт рахъ дупхъазар алшоит Очамчыра араион, Кәтол ақытән инхо Л. Цна-риа. Уи ақытән еиңирдьыруа ажәабжыхәафы дрыпхъазазом. Нартaa ракәабжықәа цқя ахәара итахынгы дыкам, баша усс ипхъазоит. Ажә-абжыхәара даланагаларц азы, ичкәын дизапхъеит Ақәа 1962 шықәса-зы итыңыз «Нарт Сасрыкәеи ңшынфажәи зеижәоык иара иашыцәеи» ҳәа хыс измоу ашәкәы. «Урт узыпхъяз цқя исгәапхом, сара исахахъоу, издыруа уасхәап», ихәан, Л. Цнариа ичкәын ө-сиужетк изеитеиҳәеит. Сара излаздыруала, арт асиужеткәа апсуаа рәы ианырымтацизыт¹, аха анаука аусзәңәа ирдьыруа иреиуоуп, адигаа рәы ианыртцахъеит. Урт ҳаз-ну ашәышықәа 20-тәи ашықәескәа рзы ианицахъан апрофессор Н.Ф. Иаковлев. Актәи асиужет Сасрыкәа итахара аамта шааигәахаз атәи уазхәо ауп. Аобатәи асиужет ағы ө-мотивк еилоуп: ашьоуреи абаа ага-реи. Аха асиужеткәа ракәым ара зтаарас иаҳзықәгылоу, ажәабжыхәао урт дышрызнеиуа ауп. Л. Цнариа аобатәи асиужет аниҳәоз, Сит-ипа Уахсит абзарбзан дтатаны Қадла-шәадла абаа дагәыдьырцеит аниҳәа, ачкәын иаб ус диазцааит иабыкәу абри абаа ахыыкоу ҳәа. Аб атак абас иқаңдоит: «Аллах идырп, лакәуп ари». Л. Цнариа арт ахәамтақәа лакәс ишишьогыы, атрадициатә сиужеттә схема иетагзаны ихәоит, адептал-ықәа рәы еиқәымшәөзаргыы. Ишдыру еиңш, алакә ағы иатахзам ахтыс ахыымғапысуа атып арбара, абаа ахъз ахәара, ажәабжыхәао традици-ак инархәоит акәымзар. Иқалап уи изырхәо атрадициа шакәугыы, ихата еилкааны имамзаргы.

Ачкәын иаб диазцааует Саңанеи-Гәашьа ахатца длымазма ҳәа. Атакс аб «уи лхатца Уж ихъзын» ихәоит. Уамашәа иубаша, ари ахъзгыы ажәабжыхәао ихы итихәааз акоуп ҳәа узхәом. Уи упьлоит Азербайцъян XIX ашәышықәа антәамтазы ианыртца хәамтак ағы. Азербайцъянааи апсуааи еиңирзеиңшу анарт дахъаанагаз аилкаара мариам. Ари ахъз Азербайцъянынтә иааз акоуп ҳәа ахәарагыы уадафуп. Л. Цнариа, Аңсны антың инахараны дымныкәацызыт, апсшәа ада бызшәак издыруам,

¹ Ари агәаанагара зынза ииашоуп узхәом, избан акәзар арт асиужеткәа змоу ахәамтақәа апсуа фольклор ағы имачымкәа икоуп (З.Ц. Җапуа).

ацара имам. Дахьныңөз имаҳазар, ашәкәы ианимхзар, ари ахъз иғәалазыршәаз традициақ ыңазар акәхап. Ажәабжъхәаф илакәнишьяуаз ахәамтақәа традициатә рамкақәак дәғзаны дрымоуп. Ари адеталь иаҳнарбоит ажәлар ирхәо ахәшьара иазыруа алагызы зны-зынла аепикатә ҳәамтәи алакәи шузеиымдыраауа.

Абри еиңш атагылазаашьа азгәеитоит апрофессор В.И. Пропп, аурыс былинқәа антицаауа: «Уара иүхәо ашәақәа ығәрәа угома ҳәа азца-ара зуто ашәаҳәаф иңкытә иуаҳауеит еиуеиңшым, еиғагылауа атакқәа [Пропп 1965: 269]. В.И. Пропп иара уақа алкаа қаитцоит: «Ашәаҳәаф үәала-жыла идыруеит иихәо апцамтақәа ирыңоу, ицаулоу асахъаркы-ратә иаша, аха ахәашьа дақәшәом. Арахъ иара ибоит ашәағы иихәо ахтысқәа иаҳьатәи апсәзазаарағы қалашьа шрымам. Убри азын абы-линқәа рыхтыс уи ажәйтәра иадиҳәалауеит» [Иара уа].

Нарттаа ражәабжъхәафы ирхәо шцабыргым рзеилтымкаауа иқам. Убри ауп изыхъко ажәабжъхәафы нарттаа рхәамтақәа рыннеишьағы реиқәымшәара. Иаҳхәап, иаҳьатәи ажәабжъхәафы ирдыруеит апхә-ыс шәғык ахшара шылмоуа, аха зегыы ирхәоит Сағанеи-Гәашьа шәғык апаңа үлмани ҳәа. Ус алшарызма ҳәа уразцаар, «кәжәйтәан иңамлоз убахъоу» рхәоит, ма «хабаңа үс рхәөн» ҳәа атак уртойт.

Ажәлар ажәабжъхәафы ирымоу атрадициа иаҳнарбоит алакәи на-рттаа ражәабжъқәеи еиңшны ишырзымнеиуа. Аха алакәи аепоси реи-лыхразы макъана даара интырхәцааны, иагәылаланы атцаара ртахуп ажәлар рәғапыцтә ҳәамтақәа. Урт, ҳәаа дүкәак рыбжъамзаргы, ихадоу рхатә ҹыдарақәа рымоуп.

Алитетурата

- Гулиа 1966:** Гулиа Г.Д. Абхазские Мафусаилы // «Дружба народов». 1966. №2. С. 170–189.
- Инал-ипа 1963:** Инал-ипа Ш.Д. О принципах составления и издания абхазского нартского эпоса // Архив АБНИИ, ф.2, 147.
- Мачавариани 1910:** Мачавариани К.Д. Миссионер-двоеженец (из жизни абхазов). Тифлис, 1910.
- Пропп 1965:** Пропп В.Я. Фольклор и действительность // Русская фольклористика (хрестоматия для вузов) / Составили С.И. Минц, Э.В. Померанцева. М., 1965.
- Уварова 1891:** «Кавказ (Абхазия, Аджария, Шавшетия). Путевые заметки графини Уваровой». Ч. II. 1891.
- Шыынқәба 1959:** Шыынқәба Б.У. Апхъажәа // Аңсуа жәлар рпоезия / Еңқәиршәеит Б.У. Шыынқәба. Ақәа, 1959. Ад. 3–21.

Р. К. ЧАНБА

В.3. ДАРСАЛИА 70 ШЫҚҚАСА ИХҮЦРА ИАЗКНЫ (Аиубилеитә конференциаөн ақөгүлары)

Владимир Заз-иңа Дарсалиа иғәалашәара иазку иахъа ҳәиқәшәара хұтыс дууп. Апсуаттаара институт азы маңара акәым, апсуа интеллигенция зегъы азы. Ари ауағ санисхәйциа Артур Аңшба даас-гәалашәоит – рөыңғыагы рлахъынтақәа еиңшын: Артур 78-тәи ахтысқәа иөхәара аркъағит, атакпхықәра идыз. Артур иахъатәи ҳәицәажәара далахәушәа, зөгъ иахауашәа сгәи иабоит: В. Дарсалиеи иареи еизааигәан, еснагы еиңын, уртрыңсы антаз инибажыны ұбаргыы иңазомызт. Харакрыбжымскәа дәеа дунеик ашқагыы еиңцеит: Артур 50 шыққа ихүццаанза, Владимир – апсуа итәымта дыштагылаз.

В. Дарсалиеи сареи рапхъаза ҳанеибадыр Ақәатәи Артағратә институт ҳантала ауп. Ари ауағы лаҳәйх, ауағы пшза, деилыхха иаразнак астуденттә дрылукаауан. Жәабақа шыққа срыштыхъ Апсуаттааратә институт ақны аусеиңура дырғегыхъ ҳәиқәннаршәеит. Владимир пыхъатәи ақкөйн дабақаз. Уажәы уи итышәынтаалаз, апышәа змаз, заа анаука иалагаз, ақәниарақәагыы аазырпшхъаз, Аинститут ағы азәи ҳәа иқаз иакөйн. Ауа реидкылара, рхылаңшра ахъатаху инапы ианырцон. Аус ыргәагәо, исычхар үза икылсып, саргыы үзара сқылнагап ҳәа ахаанғыы қашшас имамызт. Игәаанагара мәдәкәа азәргы дивсзомызт дышиашоу анидыр изеиҳәо иғәампхозаргыы, уи дзақаразаалакгыы. Имөиңны ақәымкәа ахәашьагыы дақәшәон. Иуеиҳәаз үгәампхаргы ишпасыхъи, ишпәкалеи ҳәа агәтхәыцира унағон. Ус схата сақәшәахъан. Аиғызара, аицнықәарағы В. Дарсалиа дманшәалан, үгәи ұынчын. Үгәалақара еиңшымшәа ибар, ус иумырдырзакәа, ани ари далацәажәо үгәи шытихуан. Лассы-лассы ҳәицнықөон Артур, иара Владимир Агрба, Владимир Аңнариа, ҳаззегыы қыраамта «Араион ғың» ақны хыбрак ҳәицүонан. Исләалашәоит, ҳазынтық ҳәицны ҳалашығыны акы ҳалацәажәо ҳашнеиуа, Артур инықәашәа ааипсахуан, Вова ажәжәаҳәа иңыбыа дәталон ихазы имаз игәи иацхраауа хәшәык сыңшаауеит ҳәа, саргыы иакөйм ак шықалаз банды санаахъаҳәлак Владимир: «Артур, ари ухәоума?» ҳәа ахәшә ұығаны иирбон. Анаңылбейт, сцәа зынза ижәпахазаап, абри сара ишпасызгәамтәи ҳәа схы сазгәауан. Владимир акғызы зұымсуаз, згәи ңағаз, зцәанырра қәымшәышәыз уағын.

Аиашамра иахъяз арыцхара ибар, ма иара иатәамкәа, ихарамкәа уизныңәар, иаарту анерв унакысыр еипш, иаразнак иныруан, игәы ахәра мариан.

Анцәа иөынтә иман иара аәапыц бзия. Аинститут аәы аума, ақалақ аума, хра злоу акы ианалацәажәо ихы алаирхөуан. Угәы иқәғиңәзомызт, избанзар зны иихәахъоу, мамзаргы ауаа «ирқақахъоу» ак үәйрғаны еиңеиҳәомызт. Владимир еснагъ дәңицин. Иара ус уидтәланы иацәажәарағы гәғиңъра уоузомызт, иара итәы дамыхакәа уара дүзүзүрфуан. Кыр шықәса шыңхъоуғы урт аиңәажәарақәа исзынхаз раңауп, урт зегъы ара изласхәари?

Владимир схеиха игәра згон, иаргыы игәы аартны исеиҳәоз раңаан. Зегъ реиңа злаңәажәара иңәымғыз аибашъраан Ақәа даналаха ихтысиз акәын. Уеизгыы уи иазкынгыы исеиҳәаз маңзам. Акық-обак урт ара ишәасхәоит.

Владимир иман ихатә хәыңшыа, ихатә гәаанагара даеазәы дүзидымкыло. Аңсуа литература анаос инарцауланы идыруан аурыси ахәанырцәтәи аклассикеи рсахъаркыратә литература, иерудициа ҭбаан, ңсабарала дәңишиң. Владимир дарестократын, даамысташәан, дхатәран. Даныңкөйназ, данстуденттыз инаркны ихпша бзиан. Аңсуа литература атцаарағы уи иңәирцра, илшара феноменк иағызуоп. Иара аурыс школ далгейт, аңсуа бызшәеи алитетуреи ахъиддымырцоз атоурыхтә-филологиатә факультет аәы атара ицион, даанижүтәи Ақәа даланахон, уа изҳант, аха аңсуа литература ачыдаракәа убыс инткааны итцеит, аңсуа ңсазаара убысқак идыруан, аңсуа литературатцаарағ ипрофессионалтә дырра ҳаракхартә, аңсуа литература иацхраауа ағымтакәа апицартә. Ҳәарада, уи шыңас иамаз – ажәытәра иагази, аңсуаа еиқәйрханы ирымаз ақашшықәеи ибзиазаны издыруаз ашәкәыю. Заз Дарсалиа иңацәарағы иахыизхаз ауп.

Аибашъра ақалара шықәсқәак шагыз Владислав Григори-ипа Арзынбей Владимир Заз-ипа Дарсалиеи аколлектив иргәапханы Аңсуатцааратә институт иаҳадыргылт. Рөйиңағыры рхы иамеңгзакәа еидгыланы аусура иалагеит. Иаарласынгыы аитакрақәа қалеит, аәар раңаахеит, аprobлема ғыңқәа үәйрцит. Хара имгакәа Владислав ажәлар иргәапханы аиҳабырахъ диаргейт. Аха иара игәы ззыбылуаз Аинститут изкажууамызт. Арахъ аамта үәгъяхеит – 70 шықәса ахәынтыккыра идыргылоз ахыбра ду аәғеа ахго аилахара иалагеит. Ари шәартан аңсуаа ҳазгыы. Владислав Дарсалиа дааипхъан Аинститут ахылапшра инапы ианицеит, ишилшо агәра ганы, диқәгәйиңи. В. Г. Арзынба иполитикатә еидара хантахеит. Нас В. Г. Арзынба уеизгы Аинститут зынза иаанимыйжъзейт – аамта иоуцыпхъаза ишәигүи – ишәйбзоуи ҳәа дааилон, аха уи ласы-лассы акәмыйт. В. Дарсалиа

Аинститут аусура иагмырхакәа аның өгәра дағын, аколлектив игәра рғон, иихәо иадғылон, ицхраауан.

Иаалырқынаны иааит аңсаа ҳаззыпшзамыз ҳлахыынца иадхәалаз ахтыс баапс – аибашъра. Шевардназе Ақәа дңәыцатәаны аңсааа ргәры сыйштып ҳәа ажәабжықәа гәареитон, арт ағымш-хымшк Аңсны зегъы аагоит, нанхәа 18 рзы аңсааа еизганы Лыхнашта сраңажәарц сгәры итоуп ҳәа. Иазар Берия 37 шықәсазы аңсааа иреиңәаз расхәап ҳәа дгәрыгүан. Лыхнаштеи Аңсаа институти рзы ихатә гәәтгы пеи-пениуа иман: Лыхнашта дзымтцақақъоз москватәи иеиҳабыра ишырбоп-ишраҳауа аңсаа жәлар изныкымкәа ақамчы ихырқыахъан ғажәак атак ахәара имоуа. Ақәагъы аибашъра қалаанза иахъаиңаххалак днеини иааиңаххалак реиңәон, аха Аңсаа институт ахъ анеира изыгәағуамызт, уи қалашъа амамызт.

Уажәы... Ақәа игахъан, Аңсаа институтты, уи иахагылаз Владимир Дарсалиагъы, згәаң кны дагоз еғырт налатаны – хәғыл-фыл Аңсаа институт ағы аус зуаз, Ақәа иалахаз инапағы иқан. Урт зегъы ихаштны дыңазамызт – ихаштзар Аинститут ибылуазу? Ақәа дыңкан иара убас Аинститут ажымдыр, ағыгшәыгцәа зхаз шықәсирәцәала Берия иКГБ иаазахъаз Григори Лежава. Ас еиңш иқаз ауағы, Ақәа иалахаз аңсааа рааигәара дахылқаз, алақәа қыруа ианхалалак бзиара аанагозар иағызан. Иаарласны ус иагыықалеит. Өнак, В. Дарсалиа иөы даакылсит. Ус далагеит: – Икоу умбои Владимир Владимир-иңа, аңсааи ақырт-цәеи реинраалара ҳәеуп, Аңсаа милат реиқәрхара («комитет национального спасения» ҳәа изыштыаз) акомитет замана аус ауеит, ҳаң-храароуп, Аңсаа институт аусура иалаҳаргароуп. Григори Платон-иңа, иүхәо бзиоуп, иашоуп, аха ауаа ыңам, хөйк-пшыңыкрыла аинститут қалома? – иаңеикит Вова. – Нас, ус акәзар шақағ ықаңәқью еилкааны саауеит, – ҳәаны дцеит. Мышқәакрыштыахъ зегъы дрылсны хәғыл-фыл радресқәагъы ртелефон аномерқәагъы иманы дааит. – Угәы иаанагои? – ихәаҳт. – Ахырхъазара мачуп иахъугалак, артрыла аинститут аиңқаара ауаны избом, амала қәшак иатөу 4-5 ыңазтгы, Аинститут қәшак еиңаққаит ҳәеон, арахъ урт зегъы хаз-хазы ақәшакәа иртәуп – наиаңеикит Вова. Г. Лежава иехыршәаа иғәы шынамзаз иныңшуа дцеит. Мышқәак анцы атәл абжы геит. – Са соуп изхәо, угәы ишпаанаго Владимир Владимир-иңа, аусура ҳалагар аңсааа уамак иахұрхагахару? – ихәеит уи. – Ауаа мачқәоуп, ишпәқаңдари ҳәа иаңеикит Вова. – Ҳалагар, азә даңлап, өазә даңлап – нацицеит уи. – Шыуқ аңлозар мачқ ҳааңшып, нас ҳалагап, – ихәеит Вова.

Лежава атәл иасуаз дидтәаламзаргы, уеизгы уи иғәананагара идүруан. В. Дарсалиа итәгылазаашъа баапсы еиңагъы иаруадафуан. Уи иаахтны иахәон: Аинститут аусура иалагар ауазаап, аха паса

иахагылаз, уажә еиөзыкаарц зыхәтоу дмарахәеит акәымзар ҳәа. Икоу ауаа рыла Аинститут аусура шалымшоз дара ақыртқәагызы ирзымдыруа иауқахыз, аха урт иртахыз – зынк ғыңға-хөөи неир, аполитика алхны иаақәымтзакәа рдаул гәафә асра ақөын.

Мышқәак анца атәл даәазә дасит. Уи ус ихәеит: Аңсуа институт аусура иалахаргоит ҳәа шыуук дәвықәуп, абри аеаңғатәуп, ача анааухәо ада ағоны удәылымцын.

Аңсуаа ианакәызаалак пату иқәырцон абжыагаф, уи дызмам илабашыа дазцауан рхәоит. Уи ус шакәугызы ара атакпхықәра ду змаз Владимир ихаңа иакәын. Иапхыа ишьтән аңсреи абзареи зныпшуаз ғы-мәакы, урт руак алихыр ақөын, ихы даинааини иагъалихит аңсрахыы ихаз амба. Ҳазхәыцып егыи апозициа. – Шәаан аусурах ҳнеип ҳәа Владимир Дарсалия рапхыа дгыланы иөйненіхар – Җамара Платон-ипхә дақәшашатхозу аңсуаа ашыаартқәыра ианылтагылаз аамтазы?! Усқан, хымпәда, атрагедия қамлар алшомызт.

Лежава идыз аус имарианы дақәытцуазма – қырынтә дааит, дцеит. Дцаңыпхъаза уажәы уашьтән иаауеит, ашә иасуеит ҳәа ҳапшын, – ихәеит В. Дарсалия.

Владимир Заз-ипа Дарсалия атакпхықәра ду имаз хымзыда да-лтцит. Дырмит Гәлия инаиркны бипарала өимдо Аңсуа институт ағы иааргоз ахақәиттәтә бирақ шыңқыаз аибашьра хлымзаах иалигейт, уи иаңыз ахъантара Владимир иөхәарагыы аркәеит.

Аибашьра еилгейт, Аңсуа институт ағы еитах ҳайқәшәеит. Владимир дшықаң дыкоуп – шәара зқәым, акғыы иннамкыло илахөйхү, игөйкү уағоны. Аңсуа хәштәарамца акакала афархь сса еидкыло ианеиқәртцо еипш, Владимир далагейт Аңсуа институт ғың ашыақәырғылара. Аибашьра иаруашәшәыраз, иарчмазғыз азәгъы илапш дыңшәомызт – зегъы дрыңхраауан, ихы дашьтамызт. Арахь аибашьра ихигаз атәи қанатцон – итшәаара иағын. Уа ихигаз зегъы иламыси, игәымшәареи иаңсуареи ирылазеит, аха ицәеижы иазымчакәа дыхәнажәеит. Шықәскәак роуп аибашьра ашьтакх ииницзы. Ҳара иаҳуалын Владимир Дарсалия дзакәу абиңара өа лассы-лассы раҳәара. Уи аазагоуп, иөырпшыгоуп. Уи ҳагхеит. Аха сара ағера згоит Аңсны ҳайхабыра ҳаг-ха дыриашап ҳәа. Уа, Владимир Заз-ипа Дарсалия дарбан ҳәа итсауа азәгъы дықазам.

Сәры иаанагоит, ҳайхабыра уи аңсуа культура ашытыхрағы идуу иааңсареи, аңсуара ахъчаразы ихамеигзареи ҳатырла иазнықәаны, ишихәтоу ала ауаа ирбартә-ираҳартә пату иқәырцап ҳәа.

В. 3. ДАРСАЛИА ИХАДАРОУ ИУСУМТАҚӘА РСИА

Ашөкәкәа:

1. Абхазская советская драматургия (Историко-литературный и критический очерк). Тбилиси: Мецниереба, 1968. 192 с.
2. Владимир Агрба. Творческий портрет. Сухуми: Алашара, 1974. 90 с.
3. Михаил Лакербай. Творческий портрет. Сухуми: Алашара, 1979. 54 с. (А.А. Аншба далахәны).
4. Абхазская проза 20-х-60-х годов. Тбилиси: Мецниереба, 1980. 174 с.
5. Быть человеком: Литературно-критические статьи. Сухуми: Алашара, 1982. 134 с.
6. Самсон Чанба: Акритика-биографиатә очерк. Ақәа: Алашара, 1985. 120 д. (А. А. Аншба далахәны).
7. В ответе у времени: Литературно-критические статьи и очерк. – Сухуми: Алашара, 1986. 154 с.
8. Дзадз Дарсалиа. Критико-биографический очерк. Сухуми: Алашара, 1988. 88 с.

Астатақәа

1. Аиааира [Аңсуа советтә драматургия аәиара ақытәи зңаарақәақ] // «Алашара». 1966. №9. Ад. 96–98.
2. Зарождение комендийного жанра в абхазской драматургии // Научная сессия Сухгоспединститута им. А.М. Горького. Сухуми, 1967. С. 31–32.
3. Историко-революционная тематика в абхазской драматургии 20-х годов // Сборник научных работ аспирантов. Сухуми: Алашара, 1967. С. 23–40.
4. Историко-революционная тематика в драматургии С.Я. Чанба // Научная сессия Абхазского института, посвященная 80-летию С.Я. Чанба. Сухуми, 1967. С. 11–12.
5. Мечем и лирой // Абхазская литература. Краткий очерк. Сухуми: Алашара, 1968. С. 62–78. (Совместно с Л.Д. Чацба).
6. Ипсхью амш // «Алашара». 1969. №7. Ад. 83–89.
7. Д.И.Гәлия иажәабжь «Атәым жәған атқа» // «Алашара». 1973. №5. Ад. 88–91.
8. Драматургия. Рассказ Д.Гулиа «Под чужим небом». З повести В. Агрба «Рождение колхоза «Вперед» и С. Чанба «Сейдык». Литература военного периода (Совместно с Л.Д. Чацба) // Очерки

- истории абхазской литературы. Сухуми: Алашара, 1974. С. 55–71, 111–121, 180–187, 296–274, 22–24, 87–99, 122–133.
9. Иалукааша апсуа шәкәышы // С.И. Чанба. Иалкаау. – Ақәа: Алашара, 1976. Ад. 3–9.
  10. Иқъачақъцәкъоума абарт мшәагәраа? // Ажәеи аамтәи. Ақәа: Алашара, 1979. С. 38–55.
  11. Иара уи: «Алашара» 1979. №9. С. 79–104.
  12. Дзыргәаазеи Алоу? [Ш. Җқадуа ипиесаки пшь-повестки ирызкны] // «Алашара». 1980. №12. Ад. 97–103.
  13. Иара уи: Ажәеи аамтәи: Алитературатә-критикатә статиақәа рензга. Ақәа: Алашара, 1981. Ад. 40–51.
  14. Ажанр уадафқәа: [Р. Җъопуа идраматургиатә ғылмтақәа рызхәыцра] // «Алашара». 1981. №1. Ад. 78–87.
  15. Дызустада ашъацхәа иағашәаз // «Алашара». 1982. №4. Ад. 95–98.
  16. Апсуа драматургия ашъатаркы // «Алашара». 1986. №9. Ад. 98–107.
  17. [Адраматургия. Аибашъраантәи апоэзия. 1920-тәи ашықәескәа раантәи апроза (А.А. Аншба далахәны)] // Апсуа литература атойрых. Актәи ашәкәы. Ақәа: Алашара, 1986. Ад. 96–124, 179–203, 215–218, 285–291, 204–209, 87–95.

Еиқәиршәеит А.Е. Ашәба

В. В. ДАРСАЛИЯ

НЕ ТОЛЬКО О ЛЮБВИ¹

В произведениях молодых абхазских писателей о современниках повышенный интерес проявляется к проблемам любви, долга, семьи. Особенно показательно, что прозаики увязывают их с проблемой формирования молодого человека как личности, стремятся рассмотрение любви в узкоэтическом аспекте перевести в широкий социальный план.

Здесь мы остановимся только на некоторых произведениях, написанных в основном в первой половине 60-х гг.

С конца 50-х гг. в абхазской литературе в полный голос заявил о себе Шота Чкадуа (1932), комедия которого «Жуля и Мажуля» (1958) неоднократно передавалась по Центральному телевидению в 1965–1966 гг.

Однако Ш. Чкадуа широко известен и как прозаик. В 1960 году им написана повесть «Женщина легкого поведения».

На перепутье жизненных дорог встретились двое – Мзия и Шамиль – и полюбили друг друга. Как представлялось по первым страницам повести, полюбили одинаково сильно и самозабвенно. И вот, когда казалось, что до полного счастья оставалось сделать всего лишь один шаг, неумолимые противоречия жизни предъявляют молодым людям свои счеты, проверяют силу их чувства и вообще степень их жизнестойкости.

Дело в том, что судьба Мзии до встречи с Шамилем складывалась весьма драматически: она дважды выходила замуж и оба раза жизнь жестоко обходилась с ней – первый муж не вернулся с войны, а второго – она сама вычеркнула из памяти как человека недостойного.

Истосковавшееся по человеческой доброте сердце женщины, как к свету, тянеться к своей большой и, возможно, последней любви – к Шамилю. Отвергая ползучие мещанские предрассудки и не предчувствуя печального финала, она гордо идет навстречу счастью. Но оно и на этот раз отвернулось от нее.

Стоило родителям Шамиля прослыshать, на ком собирается жениться их сын, как тут же бросились «спасать» его от непоправимой беды,

¹ Публикуется с книги: Дарсалия В.В. Абхазская проза 20-х–60-х годов. Тбилиси, 1980. Подготовил к печати А.Е. Ашуба.

— ведь не могли же они допустить, чтобы в их дом вошла женщина с сомнительной репутацией.

Таким образом, юноша оказался перед дилеммой: либо твердо стать на защиту своей любви, но рассориться с родителями, либо склониться перед порядочно уже обветшалой, но еще цепкой традицией, согласно которой женщина, бывшая замужем, считается чуть ли не гулящей. В этот первый, по-настоящему затруднительный и, пожалуй, решающий момент своей жизни юноша не устоял, дрогнул, смалодушничал и, предав свою любимую, по существу нанес себе невосполнимый нравственный урон.

Критик Ш. Салакая склонен всю ответственность за разрыв между героями переложить на невежество родителей Шамиля. Он пишет: «Однако они (Мзия и Шамиль. – Д. В.) не свободны самостоятельно решать свою судьбу. Здесь свою неблаговидную роль сыграли пережитки древней традиции, взгляд на вдову или разведенную женщину, как на особу сомнительного поведения. Вследствие грубого, бес tactного вторжения родни Шамиля в его отношения с Мзией, пути молодых разошлись» [Салакая 1968: 131].

В справедливости его точки зрения сомневаться вроде бы и не приходится – можно даже предположить, что субъективные намерения автора не выходили за рамки осуждения косных традиций. Но тогда повесть «Женщина легкого поведения» – это как раз тот, нередко встречающийся в литературной практике случай, когда объективное содержание произведения – шире субъективного замысла автора.

Актуальность и ценность данной повести в том и заключается, что в ней не только осуждаются дурные традиции, но поднимается и другой важный вопрос – только ли пережитки древней традиции могли оказаться непреодолимой преградой на пути к счастью для вполне современного, образованного парня-горожанина или он вообще спасовал бы перед любым иным жизненным испытанием.

Из повести ясно видно, что в трагическом финале истории двух влюбленных повинна не только та «не свобода», о которой пишет Ш. Салакая, т. е. сила затхлой традиции, но и «не свобода» самого Шамиля, которую герой почувствовал сразу же после того, как увидел, что «жизнь прожить – не поле перейти». Шамиль не свободен оттого, что ему никогда не приходилось отвечать за свои слова и поступки. Ш. Чкадуа выявляет ту грань свободы, которая связана с мерой ответственности и активности личности, а ведь именно их и не хватало нашему герою. Поэтому он и не может принять на себя ответственность перед родителями за Мзию, несмотря на то, что любит ее, да и она в свою очередь готова до конца бороться за их счастье.

Ш. Чкадуа бескомпромиссно судит Шамиля, да и можно ли было поступить иначе с человеком, который ради соблюдения мещанской благопристойности по существу предает любимую женщину, требуя от нее, именно требуя, – освободиться от ребенка – плода их любви. И это после того, как он искренне уверял Мзию в совершеннейшей своей независимости, в непреклонной решимости игнорировать всякие предрассудки, включая предполагаемое недовольство своих родителей.

Писатель заставляет героя посмотреть правде в глаза, чтобы тот увидел, как неприглядно сложился его духовный мир. Отвергнутый Мзией и оказавшийся в одиночестве, Шамиль как будто начинает сознавать меру своего падения, но и сейчас он еще старается найти лазейку, чтобы переложить основную вину за свое малодушие на других, в частности, на родителей. Вот его слова из внутреннего монолога: «Отец! Мать! Вот, кто дал мне жизнь. Отец! Мать! Вот, кто отнял ее у меня». Это признание красноречиво и симптоматично, так как ясно показывает, что парню, вовремя не приученному к самостоятельности, не так-то легко дается наука взросления, возмужания, т. е. такое состояние человека, при котором он становится способным бороться с жесткими обстоятельствами, а не ограничиваться лишь указанием и жалобой на них.

Как видно, Ш. Чкадуа удалось подметить одну из характерных отрицательных черт определенного круга нашей молодежи 50-х гг. – ее инфантилизм, который доставлял ей много неприятностей.

К сожалению, не все в повести равно удачно. Нетрудно заметить, что если в первой части ее (до падения Шамиля) писатель больше тяготеет к сдержанному реалистическому рисунку, то во второй – он как бы теряет доверие к его эмоциональным возможностям и стремится воздействовать на чувство читателя дополнительными, «специальными» эпизодами (например, ложный выкидыш Мзией ребенка, эпизод неузнавания Мзией матери Шамиля в городском парке), а иногда срывается даже на явную сентиментальность, если не сказать слашавость (например, сцена посещения Мзией с сыном родителей Шамиля, взаимоотношение стариков-супругов). Все это приводит к тому, что повести (особенно во второй части) не хватает строгости, простоты. Объяснение этому нужно искать в том, что уже в первой части повести писатель с достаточной полнотой и определенностью поставил интересовавшие его проблемы, отчетливо выразил свое отношение к главным героям, а во второй части принялся в основном за разжевывание уже сказанного, для чего и потребовалась ненужная «выразительность» чисто литературного происхождения.

Кстати, этой, второй части повесть вообще не имела в журнальном варианте (она так и называлась – «Маленькая повесть»), а вот в книге

«Белое и черное» она обросла совершенно не обязательными эпизодами и потеряла композиционную стройность, что уже отмечалось критиком М. Ласуриа [Ласуриа 1973: 155].

В журнальном варианте повести Ш. Чкадуа в основном правдиво изображает психологическое состояние своих героев в тех или иных обстоятельствах. Причем, выявляется оно не только с помощью диалогов (хотя преимущественно через них), внутренней речи, но иногда и посредством фотографически точного описания простейших действий героя.

Возьмем, например, такой эпизод из повести. Как-то под вечер Шамиль пришел в дом любимой с подарками. Он весел и нежен, но и непомерно шумлив – выпил с друзьями. Обрадованная Мзия, заботливо укладывает его отдохнуть, а сама принимается за домашние дела.

Наступила ночь, Мзия покончила с делами и вошла в дом.

«Что же мне делать? Разбудить или не разбудить? Конечно, надо разбудить, но подожду часов до одиннадцати: к этому времени он отрезвеет...», – раздумывает она над спящим Шамилем.

И вот здесь автор начинает скрупулезно фиксировать все подробности ее действий. Но почему автор все же настаивает на их дотошном перечислении: накрыла стол, взяла мыло и полотенце, вышла во двор, стала умываться, вернулась, стала причесываться и т. д.? Как будто Мзия старается, чтобы в цепи ее последовательных действий не оставалось ни одной щелки, в которую могли бы проскользнуть какие-то мысли.

И это действительно так. Дело в том, что Мзия в замешательстве: уже глубокая ночь, а их отношения с Шамилем не настолько определены, чтобы она, одинокая женщина, могла позволить себе оставить на ночь в своем доме мужчину, не рискуя быть осужденной соседями. В то же время чувства ее к Шамилю уже настолько сильны, что ей не хочется расставаться с ним. Вот почему Мзия, хоть и на некоторое время, но откладывает принятие какого-либо решения. Она заставляет себя думать только о том, что делает в данную минуту. Это как бы акт ее самоохранения. Этот эпизод в сочетании с следующим за ним раздумьем героини о любимом очень точно и правдиво передает ее психологическое состояние в данных конкретных обстоятельствах.

Но случается, что Ш. Чкадуа поступается психологической достоверностью действий героев. Так, например, в момент наивысшего всплеска чувств у Мзии и Шамиля писатель вдруг «отсыпает» последнего отдохнуть в Кисловодск... на целых два месяца.

Не очень эффективно используются в повести пейзажные штрихи и зарисовки, которые являются как бы назойливым аккомпанементом настроения героев.

Однако, отмеченные недостатки не могут перекрыть тот полезный потенциал, что заложен в произведении Ш. Чкадуа. Его повесть еще раз заставит читателя поразмыслить над своей жизнью, над ответственностью перед ней и перед близкими, а это уже удача писателя.

В 1961 году написана повесть Ш. Чкадуа «Ну, что ей стоит улыбнуться?!», в которой он выступает против мещанской морали и ее тлетворного влияния на все истинно человеческое, истинно прекрасное.

Жила-была на свете шустрая, смазливая девчушка по имени Нана. Жила беспечно и беззаботно, пока не пришла к ней первая тревожная любовь. Приезжий ленинградский студент Володя – вот кто оказался «принцем», всколыхнувшим душевное спокойствие девушки, да и она в свою очередь приглянулась парню. Прошел год, и вот уже Нана и Володя не представляют жизни друг без друга. Однажды Нана прямо заявила матери, что собирается выйти замуж. Вполне понятно, что такого рода заявления почти всегда приводят родителей в замешательство. В данном случае положение осложнялось еще и возрастом героини – ей пошел всего лишь шестнадцатый год, поэтому решение Наны, конечно же, не представлялось таким уже бесспорным.

Как видно, ситуация действительно требовала родительского участия, но участия тактичного, доброжелательного, а кому, как не матери, нужно было проявить максимум чуткости к своей дочери. Оказалось же, что мать Наны абсолютно не волнует возраст дочери, ей безразличны душевные метания своего ребенка, она обеспокоена и взбешена лишь неразборчивостью девушки: Володя, по ее понятиям, слишком захудалый жених.

Не брезгая никакими средствами, она втаптывает в грязь светлые чувства двух юных сердец, надолго травмирует душу своей дочери.

И, видно, когда Нана находилась в состоянии глубокой депрессии, когда ею овладела полнейшая апатия к жизни, родители решительно организуют «счастье» своей дочери выдают ее замуж за преуспевающего колхозного кассира Мфилды.

Разумеется, такая перемена мест не могла принести Нане облегчения и радости, вывести ее из оцепенения.

Разбирая повесть «Ну, что ей стоит улыбнуться?!», критик Ш. Салакая, в частности, пишет: «Естественно, возникает вопрос: почему Нана не уходит из дома нелюбимого человека? Что ее удерживает в этом «холодильнике» [Салакая 1968: 132].

Откровенно говоря, нам не совсем ясно, почему у критика возникли такие вопросы, – ведь в повести мы встречаемся с Наной как раз в тот момент ее жизни, когда у нее созрело твердое решение покинуть опостылевший дом мужа. Об этом прямо сказано в дневнике героини: «Я

хочу дождаться улыбки на лице несчастной женщины (свекрови. – Д. В.), а потом спокойно пойду своей дорогой. Надоело обманывать так называемого мужа, подысканного для меня матерью, отцом и братом. Надоело лгать окружающим! Да, я пойду учиться. Поднакоплю знаний и обязательно стану учительницей. Мое счастье теперь в этом, только в этом... И пускай я буду одна» [Чкадуа 1961: 119].

В связи с этим более правомерными представляются нам вопросы, обращенные не к героине, а к самому писателю, которому следовало бы не только сказать о принципиальном решении Наны, но, главное, более определенно показано, как она пришла к нему.

Правда, в повести весьма красочно обрисована обстановка мещанской разнузданности и самодовольства, царившая в доме Мфилды, и она не могла, конечно, не вызвать у романтической Наны отрицательной реакции. Но нам думается все же, что решающее воздействие оказал на героя даже малозаметный, на первый взгляд, персонаж – ее свекровь, причем, воздействие не прямое, а косвенное. Эта больная, вконец измотанная жизнью женщина отнюдь не помышляла призывать невестку к непослушанию или протесту, а просто-напросто являла собой живой и нагляднейший пример того, в каком положении может оказаться человек, безропотно отдавшийся во власть мещанской стихии. В судьбе свекрови Нана видимо, и разглядела ожидавшее ее беспрозветное будущее. Именно поэтому очень жаль, что Ш. Чкадуа дает лишь силуэт этой женщины, не раскрывая ее характера.

Как видно из дневника Наны, она, может быть, не сразу, но нашла в себе душевые силы, чтобы воспротивиться невежеству и уже готова взять ответственность за свою судьбу, в собственные руки. Писатель не показывает нам взрыва долготерпения Наны, не говорит о ее дальнейшей жизни, но оставляет читателя с твердой надеждой, что герояня его повести не только станет полезным обществу человеком, но и, преодолев свой временный скепсис, обязательно обретет личное счастье.

В повести «Ну, что ей стоит улыбнуться?!» повествование ведется от первого лица, и повествователь является одним из полноправных ее героев.

Именно он выражает авторскую позицию по отношению к другим персонажам. Позиция эта вполне определена – осуждение затхлого мирка таких людей, как родители Наны, как ее брат Партен, как Мфилды и его отец Мыдга, и сочувствие участи Наны.

Естественно, героя-рассказчика нельзя отождествлять с автором, он (рассказчик) – самостоятельный характер в повести. И ему, при всей его проницательности, порядочности, недостает тех же качеств, что и герою-рассказчику из рассказа А. Гогу «Отчего растет трава», – он ро-

бок, нерешителен, он стушевывается под напором нахала Партена и его дружка и родственника Мфилды.

Данное произведение Ш. Чкадуа строится таким образом, что в повествование от первого лица вводится дневник Наны, из которого читатель, да и сам герой-рассказчик, узнают предысторию ее замужества.

Писатель конечно, волен использовать любой прием – лишь бы он способствовал лучшему выражению его замысла, но речь сейчас не об этом. Смущает другое – способ ввода в повествование дневника Наны.

В одном из своих рассказов – «Незатерянное письмо» – Ш. Чкадуа устами героя вроде бы солидаризируется с элементарной нормой этики – чужие письма вскрывать и читать, мягко говоря, нехорошо, и вместе с тем другому своему герою – из рассматриваемой повести «Ну, что ей стоит улыбнуться?» – он позволяет беспрardonно перелистывать дневник малознакомой женщины, в то время как она занята гостями в соседней комнате (кстати, сама ситуация тоже явно надуманная).

В заключение позволим себе маленькое замечание в адрес критика М. Ласуриа. В его умной, обстоятельной статье о повестях Ш. Чкадуа много интересных наблюдений. Вместе с тем одно из них – попытка трактовать образ Мфилды в сопоставлении с гончаровским Обломовым — не может не вызвать возражения.

Конечно, подобную натяжку можно было оставить и без внимания, просто отнеся ее к разряду досадных недоразумений, если б критик не сделал банального вывода, что, мол, Мфилды всегда сопутствовали жизни абхазов, как Обломов русской жизни.

Спрашивается – а разве жизнь других народов была застрахована от засорения своими Мфилды – казнокрадами и невеждами? И при чем здесь Обломов? Приведя известные слова В. И. Ленина, – «Был такой тип русской жизни – Обломов. Он все лежал на кровати и составлял планы. С тех пор прошло много времени. Россия проделала три революции, а те же Обломовы остались, так как Обломов был не только помещик, а и крестьянин, и не только крестьянин, а и интеллигент, и не только интеллигент, а рабочий и коммунист. Достаточно посмотреть на нас, как мы заседаем, как мы работаем в комиссиях, чтобы сказать, что старый Обломов остался и надо его долго мыть, чистить, трепать и драть, чтобы какой-нибудь толк вышел» [Ленин т.45: 13]. М. Ласуриа заявляет, что в этих словах говорится и об абхазском Мфилды, что Мфилды и Обломова, при всем различии этих типов, роднит неспособность освободиться от своих дурных привычек.

Разумеется, следуя такой логике, можно сопоставлять и сравнивать кого угодно и с кем угодно.

Вся эта путаница с образом Мфилды произошла у М. Ласуриа, видимо, потому, что он слишком увлекся рассуждениями о беспардонности и бесцеремонности данного персонажа, позабыв при этом, что в повести Ш. Чкадуа мы имеем дело не просто с человеком, обремененным дурными привычками, как Обломов, но с дельцом и казнокрадом, которому в отличие от Обломова уже не сможет помочь никакая, даже самая жестокая «обработка».

На последних страницах повести Джумы Ахуба (родился в 1937 г.) «Пролетающая птица» (1961–1962) происходит следующий диалог между Лагустаном – довольно высоким должностным лицом областного масштаба и его шофером:

« – Ну как, закончили читать письмо, что захватили с собой на дорогу?

– Его разве закончить так быстро, – не видишь какое оно?!

– А кто же это столько понаписал?

– Кому больше нечего делать. Кто написал? Женщина, конечно! Вместе учились...

А-а, понятно, понятно. Закончили учебу, жизнь развела в разные стороны, а теперь она вдруг почувствовала, что не может жить без Вас. Знакомая история¹«.

К счастью для читателя, запоздалые догадки шофера не выражают сути данной повести, хотя ее содержание действительно заключено в нескольких письмах молодой женщины, адресованных давнему приятелю–однокурснику по кульпросветчилищу.

Оставив на время самого адресата, посмотрим вначале, какие события в жизни Ларисы (так зовут героиню повести) обусловили потребность обратиться с исповедью к близкому другу.

Лариса – горожанка. Детство и юность достались ей трудными. Отца она фактически не помнит: его арестовали, когда она была еще малюткой, а мать, устав от долгого и беспросветного ожидания, вышла замуж за другого. Девочка отказывается войти в новую семью и остается жить в квартире отца. Днем работает, вечером учится.

Встретившись с сельским парнем Даутом, она выходит за него замуж и после окончания училища едет к нему в деревню. Естественно, Ларисе нелегко дается вживление в новую среду. Но она не ропщет, а проявляет максимум терпения и старания, чтобы постигнуть все тонкости сельского быта. Она покладиста и доброжелательна со стариками – родителями Даута, хотя они, в особенности свекровь, истово следят за соблюдением стародавнего этикета.

¹ Здесь и далее цит.кн.: Д. Ахуба. Ливень. Сухуми, 1964 (на абх.яз.).

Но жизнь деревни, как и города, сложна, здесь есть свои неписанные установления и правила, по которым что-то принято, а что-то непринято; здесь больше дают о себе знать разные предрассудки. Сторонний наблюдатель может, конечно, относиться к ним снисходительно, не придавать им никакого значения, но тот, кто сталкивается с ними повседневно не может не ощущать на себе порождаемых ими последствий.

Правда, многие, считая эти установления привычными и даже безсловными, притерлись к ним, приспособились, да и Лариса долгое время искренне старается, ради любви к Дауту и сохранения спокойствия в семье, обходить острые углы. Но все дело в том только, что приспособливаться она органически по натуре не способна.

Все, что Лариса делает, делает по совести, согласно с утвердившимися в ней моральными принципами. Но Ларису очень волнует, что многие ее дела и поступки, казалось бы, такие естественные с точки зрения здравого смысла подпадают вдруг под понятие «непринято».

Пошла работать заведующим клуба – родные мужа обиделись: мол, и года не прошло со дня замужества, люди скажут не смогли прокормить невестку; по-настоящему занялась культурно-просветительской деятельностью, пробудила у деревенской молодежи интерес к музыке, чтению, коллективному отдыху, наладила художественную самодеятельность – опять нашлись недовольные в лице председателя колхоза («Работать надо, а не песни распевать»), тех же родителей мужа и прочих досужих сплетников; золовка вышла замуж по любви, но вопреки воле родителей (зять из плохой семьи) – приписали дурному влиянию Ларисы; тяжело заболел ребенок, отвезла в районную больницу – совершила великий грех: нужно было, оказывается, дождаться знахарки; поддержала сельского парня в его занятиях живописью – и по селу пошли пересуды, что «городская жена» Даута чуть ли не женщина легкого поведения.

Одним словом, постепенно жизнь Ларисы становится все невыносимее, но она не сдается и продолжает работать с сельской молодежью.

Делая доброе другим людям, утверждая себя в их глазах, Лариса утверждается и в глазах мужа, который чуть было не изменил своего отношения к ней под давлением родителей и влиянием местных сплетников.

Не в пример слонтяю Шамилю из повести Ш. Чкадуа «Женщина легкого поведения», Даут находит в себе мужество, чтобы ради настоящей любви и справедливости порвать со своими родителями, всерьез вознамерившимися разлучить его с женой. Согласитесь, решиться на подобный шаг в наших абхазских условиях мог только духовно зрелый человек.

К большому и искреннему сожалению молодых людей, они только такой ценой смогли сохранить свою семью. И можно не сомневаться, что она, эта семья, стала уже по-настоящему крепкой и надежной составной частью всего большого здания нашего общества.

Таким образом, как в повести Ш. Чкадуа «Женщина легкого поведения», так и в повести Д. Ахуба «Пролетающая птица», авторы твердо настаивают на своем убеждении, что интимная сфера жизни неразрывно связана со всем целостным миром личности и что решение интимных проблем зависит прежде всего от социально-духовной зрелости героев.

Но нам необходимо еще рассмотреть вопрос – «а судьи кто?» – в повести Д. Ахуба, т. е. что же это за человек, которого Лариса так доверительно и откровенно посвящает во все свои сокровенные думы и переживания. Весь «фокус» писателя заключается в том, что в памяти героини Лагустан остался таким, каким он был в студенческие годы – способным, быть может, даже талантливым, а главное добрым, заботливым и преданным другом, но вот читатель на первых же страницах повести знакомится с совершенно иным человеком – типичным чинушей, ради карьеры предавшим все свои таланты. И в начальных и в финальных сценах произведения автор публицистически заостряет и укрупняет приметы цинизма, позерства, откровенного бездушия у этого персонажа. Приходится лишь сожалеть, что, так мастерски изобразив конечный результат – перерождение Лагустана, вырождение в нем человека, писатель оставил за пределами повести сам процесс этого перерождения.

Есть в повести еще один персонаж, так сказать, со специальными сюжетообразующими функциями – сельский парень, а ныне студент Леонтий, которого Лариса дружески опекает. Это он в течение долгого времени поддерживает иллюзии героини о добропорядочности ее старого друга, и с этой целью однажды даже прислал Ларисе поздравительную телеграмму якобы от имени Лагустана. А ведь Леонтий, вращаясь в городской среде, хорошо знал, что Лагустан давно уже не «тот». Можно, конечно, понять и объяснить благие побуждения юноши, но все равно они не делают ему чести, так как линия его поведения в данных конкретных обстоятельствах выглядит весьма сомнительной с точки зрения морали. Пожалуй, и самому писателю следовало бы найти способ, чтобы выразить свою позицию в отношение Леонтия, – иначе ведь создается впечатление, будто он солидарен с его поступками.

В 1963 году была напечатана повесть Алексея Джениа «Цветы топтать нельзя». Что же это за цветы и кто собирался их топтать? «Цветы» в повести А. Джениа – это трепетные чувства любви двух молодых людей – Адгура и Хиблы, а растоптать их вознамерился родной брат

девушки Саайд. Причина: Адгур, по меркам Сааида, не соответствовал «стандартам» стоящего жениха, т. е. происходил из бедной семьи. А для Сааида деньги, богатство – это цель и основа жизни.

Как видим, ситуация и конфликт в повести А. Джениа – не новые для абхазской прозы тех лет. Несколько ранее такой конфликт уже встречался, например, в повести Ш. Чкадуа «Ну, что ей стоит улыбнуться?!», и это еще раз доказывает его существование в жизни.

Итак, в основу обеих повестей положен одинаковый жизненный конфликт, более того, Саайд – это прямой «родственник» Партина – старшего брата главной героини повести Ш. Чкадуа Наны, но вот что озадачивает: душевную драму Наны принимаешь близко к сердцу, искренне сопереживаешь с ней, а страдания Хиблы, как, впрочем, и Адгура не столько печалят, сколько раздражают, хотя в повести Джениа предоставлено «трогательных» сцен.

Объясняется все это довольно-таки просто: у Ш. Чкадуа персонажи действуют согласно логике своего характера, обусловленной их социальной и национальной принадлежностью, тогда как в повести Джениа они в основном заняли уготованные им автором места и выполняли заранее предусмотренную нагрузку и сюжетную функцию. В результате повесть Джениа лишилась главного – правды человеческих отношений, или, как правильно заметил А. Аншба, в ней почти вовсе отсутствует мотивировка поведения действующих лиц [Аншба 1974: 236].

Обратимся, например, к ключевому эпизоду повести, в котором показан самый «злодейский» поступок Сааида. Он неожиданно узнает, что, несмотря на его категорический запрет, сестра твердо решила выйти замуж за Адгура и что его родственники уже подготовились и назначили день свадьбы. Саайд в ярости. Он обманывает Хиблу и увозит ее в дом Капитона – своего друга и сообщника по торговым махинациям.

Оценивая этот поступок Сааида, А. Аншба пишет: «Во-первых, трудно поверить, чтобы брат мог оставить родную сестру в гостях у совершенно чужих людей, не состоящих с ним ни в каком кровном родстве. Во-вторых, как могла Хибла так легко согласиться с решением брата и даже спокойно спать в чужом доме» [Там же: 237].

И, действительно, трудно поверить во все это, так как Саайд прекрасно знал, что оставить сестру у чужих людей – значит бросить тень на ее честь, дать повод для кривотолков. Не могла не знать этого и сама Хибла, да и отвез ее брат не куда-нибудь на край света, а всего-навсего в село Абжакву, фактически пригород Сухуми. Прямо скажем, не очень далеко для девушки, которая уже год учится в Ростове-на-Дону.

При всем том возможность поступка Сааида хоть как-то обосновывается в повести: во-первых, он давно знаком с Капитоном и тот даже

гостил однажды у его родных, во-вторых, Саайд находился в состоянии крайнего раздражения и, предпринимая свою авантюру, не способен был задуматься о ее последствиях.

Но чему совершенно не веришь в повести и что совершенно в ней не мотивировано, так это предпринятая Капитоном попытка овладеть Хиблой, причем, в своем доме, в котором в то время находились его родители и сестра. Всякому ясно, что пойти на такое мог только законченный дегенерат, но ведь Капитон изображен в повести всего лишь как элементарный спекулянт – и не более.

Неудивительно поэтому, что последовавшие вслед за этой искусственно созданной в повести критической ситуацией «ужасные» картины – попытка Хиблы покончить с собой, ее мучения в больнице и дома, а также метания Адгура – теряют всякую силу эмоционального воздействия на читателя.

Если к этому добавить, что Адгур – этот здоровый, красивый трудоспособный и трудолюбивый, пользующийся уважением среди жителей родного села юноша, опять-таки искусственно наделен писателем комплексом неполноценности, то станет еще более очевидным, что А. Джения, генный конфликт к сожалению во многом «облегчил» его.

Литература

Аншба 1974: Аншба А.А. Проза // Очерки истории абхазской литературы, Сухуми, 1974, с. 236.

Ласуриа 1973: Ласуриа М.Т. Границы слова. Литературно-критические статьи. Сухуми, 1973 (на абх. яз.).

Ленин: Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 45.

Салакая 1968: Салакая Ш.Х. В ногу с жизнью // «Абхазская литература» (краткий очерк). Сухуми, 1968.

Чкадуа 1961: Чкадуа Ш. «Белое и черное», Сухуми, 1961 (на абх. яз.).

Утверждено к печати Абхазским институтом гуманитарных
исследований им. Д.И. Гулиа АН Абхазии

Научное издание

АБХАЗОВЕДЕНИЕ
Язык. Фольклор. Литература

Выпуск 3

Редактор: **Пачулия Л.С.**
Корректоры: **Клычева Л.З.,**
Аристава Р.К., Барцыц Н.С.
Компьютерный набор **Чамагуа Л.Р.**

Формат 70x100 1/16. Тираж 500. Физ. печ. лист 16,25.
Усл. печ. лист 21,125. Заказ № 271.

ГПП «Дом печати», г. Сухум, ул. Эшба, 168.

